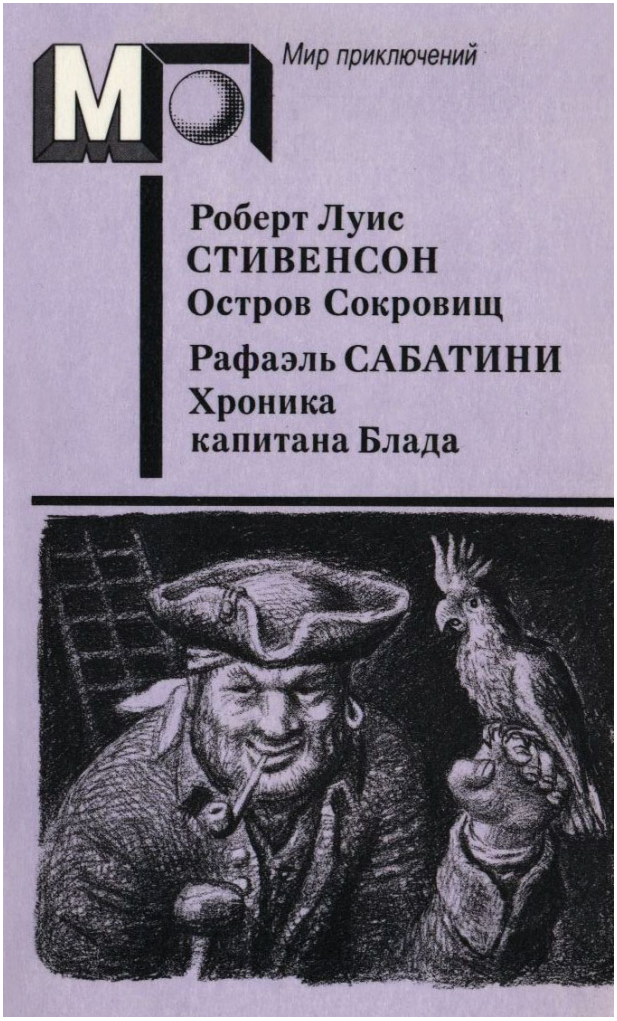
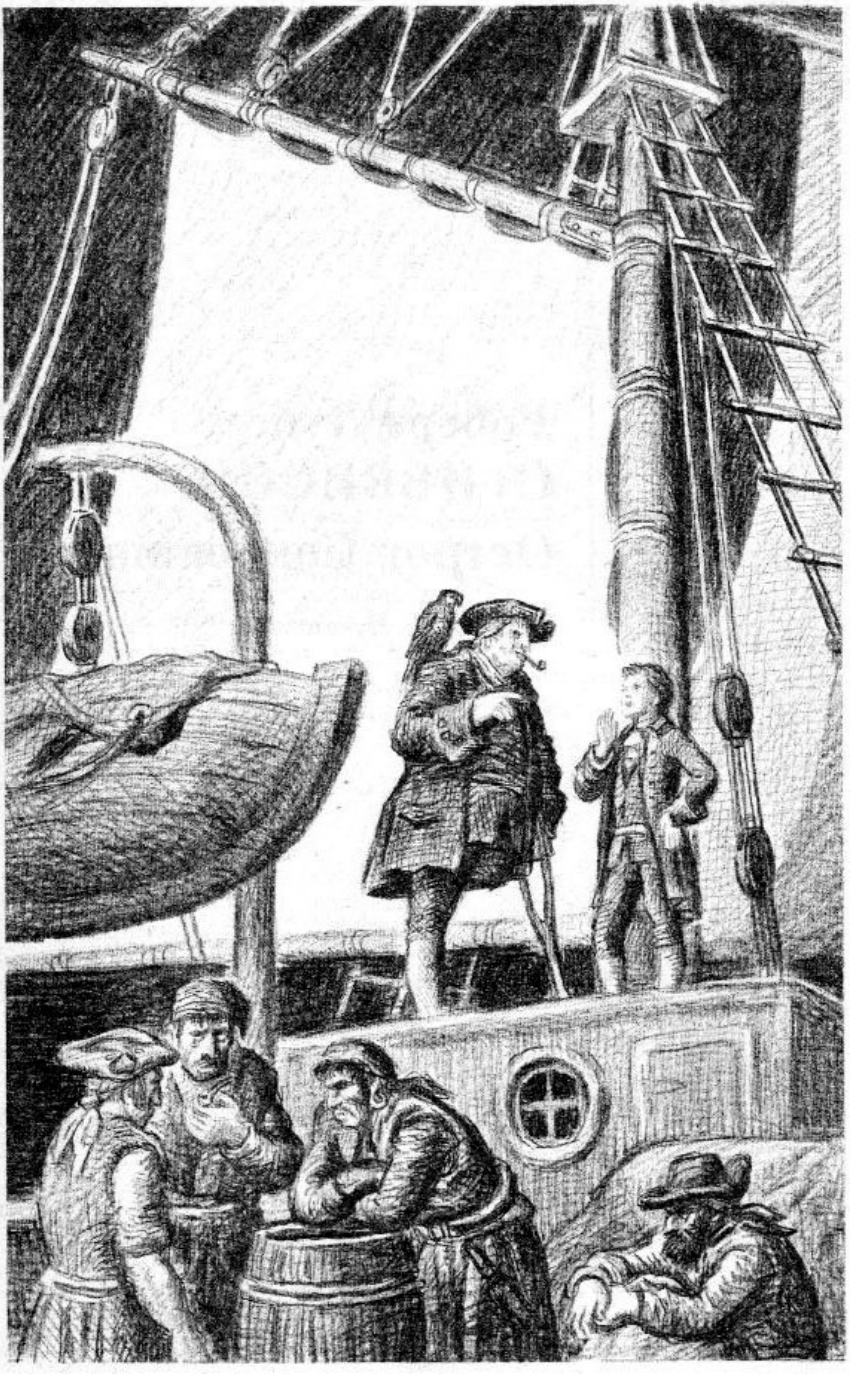


Аннотация

Настоящий сборник представляет наиболее популярных английских мастеров приключенческого романа – Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894) и Рафаэля Сабатини (1875 – 1950).

«Остров Сокровищ» (1883) – приключенческий роман, принесший Р. Стивенсону мировую славу, признанный классическим образцом приключенческой литературы.

«Хроника капитана Блада» (1932) – один из лучших приключенческих исторических романов о капитане Бладе, любимом герое Р. Сабатини.



Роберт Льюис Стивенсон

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

В сущности, это была вовсе не первая моя книга; ведь я пишу не только романы. Однако я прекрасно понимаю, что мой казначей, его величество читатель, на все прочее, написанное мною, взирает равнодушно, чтоб не сказать неприязненно. Он признает меня не иначе, как в моем единственно привычном и незыблемом качестве; и когда меня просят рассказать о первой моей книге, совершенно очевидно, что подразумевается мой первый роман.

Рано или поздно мне суждено было написать роман. Почему? Праздный вопрос. Люди появляются на свет с различными странностями, – с юных лет моей страстью было придумывать и связывать воедино несуществующие события; едва я обучился писать, как стал верным другом тех, кто делает бумагу. Бессчетные кипы ушли, должно быть, на «Ратиллета», «Пентландское восстание»[1], «Королевскую амнистию» (иначе: «Парк Уайтхед»), «Эварда Даррена», «Контрданс» и «Западную вендетту»; утешительно вспоминать, что все они ныне обратились в пепел и преданы матери-земле.

Я назвал только немногие из бессчетных своих опытов,

---

[1] Ne pas confondre. Не ту тоненькую брошюрку с именем Эндрю Элиота на титульном листе, которую (как я с изумлением вижу по книжным реестрам) английские господа согласны покупать по баснословной цене, – но предшественника ее, объемистый исторический роман без тени каких-либо достоинств, ныне ввергнутый в небытие. *(Примеч. автора.)*

а именно те, которые достигли солидного объема, прежде чем были отринуты; но даже и они заняли долгие годы. «Ратиллет» был начат, когда мне было пятнадцать. «Вендетта» – в двадцать девять, и неудачи тянулись непрерывной чередою, пока мне не исполнилось тридцать один год. К этому времени я успел стать автором небольших книжечек, коротеньких эссе, рассказов; меня похлопывали по плечу и платили, но слишком мало, чтоб на то прожить. Я составил себе имя. Я попал в разряд преуспевающих. Я проводил дни свои в трудах, тщетность которых порою заставляла меня краснеть, ибо я, взрослый мужчина, отдавал этому делу все силы и все-таки не мог заработать на жизнь; и по-прежнему сияла предо мною неосуществленная мечта. Раз десять, а то и больше принимался я за дело, притом весьма горячо, и все-таки еще не написал романа. Все – все они, мои красавчики, какое-то время подвигались вперед, а потом вдруг останавливались, неминуемо, как часы у школьника. Я походил на многоопытного игрока в крикет, который, однако же, ни разу не выиграл ни одной партии. Рассказ – я хочу сказать, плохой рассказ – может написать всякий, у кого есть усердие, бумага и досуг, но далеко не всякому дано написать роман, хотя бы и плохой. Размеры – вот что убивает. Признанный романист может позволить себе начать книгу, затем отложить ее, потратить не один день впустую, написать и тотчас с легкой душой вымарать написанное. Иное дело новичок. У человеческой природы есть свои законы, чувство самосохранения не позволит человеку (если только его не обнадеживает, не воодушевляет ранее одержанная победа) терпеть муки бесплодных писательских усилий дольше

двух-трех недель. Что-то должно питать его надежду. Даже чтоб взяться за перо, нужно счастливое наитие, удачная полоса, одна из тех минут, когда слова сами собой идут на ум и складываются в предложение. А раз начав, с таким душевным трепетом глядишь вперед, пока не кончена книга! Удержится ли счастливое наитие, удачная полоса; сумеешь ли сохранить единый стиль, останутся ли твои куклы живыми, естественными, выразительными? Помнится, я в те дни смотрел на всякий роман в трех томах с неким благоговением, как на подвиг, пусть даже не литературный, но, во всяком случае, подвиг физической и нравственной выносливости и отваги, достойной Аякса.

В тот знаменательный год я приехал погостить к своим родителям в Киннерд, над Питлохри. Я бродил по рыжим торфяникам, по берегам золотистого ручья. Первозданный, чистый воздух родимых гор вселял в нас если не вдохновение, то воодушевление, и мы с женой задумали написать вдвоем книгу рассказов о домовых и леших, для которой ею написана была «Тень на постели», а мною – «Окаянная Дженет» и первоначальный вариант «Веселых Молодцов». Я люблю воздух родины, но без взаимности: и завершилось это блаженное время простудой, шпанскою мушкой и переселением в бремерский Каслтон через Стрэтэрди и Гленши. Там дули ветры и соответственно лили дожди. Воздух на моей родине злее неблагодарности людской, и я был принужден значительную часть времени проводить в четырех стенах «дома покойной мисс Макгрегор» – так зловеще именовалось мое жилище. А теперь полюбуйтесь, что вытворяет провидение! **В** дом покойной мисс Макгрегор приехал на каникулы школьник, который

жаждал найти себе какое-нибудь занятие, чтоб было над чем поломать голову. О сочинительстве он не помышлял; он отдал мимолетное свое предпочтение искусству Рафаэля и с помощью пера, чернил и коробки акварельных красок, купленной за один шиллинг, он живо обратил одну из комнат в картинную галерею. Моею непосредственной обязанностью было принимать в галерее посетителей; порою, однако, я позволял себе снизойти с моих высот, встать (образно говоря) рядом с художником у мольберта и провести полдня в благородном соперничестве с ним, малюя картинки. Так однажды я начертил карту острова; она была старательно и (на мой взгляд) красиво раскрашена; изгибы ее необычайно увлекли мое воображение; здесь были бухточки, которые меня пленяли, как сонеты. И с бездумностью обреченного я нарек свое творение «Островом Сокровищ». Я слышал, бывают люди, для которых карты ничего не значат, но не могу себе этого представить! Имена, очертания лесов, направление дорог и рек, доисторические следы человека, и ныне четко различимые в горах и долах, мельницы и развалины, водоемы и переправы, какой-нибудь «Стоячий валун» или «Кольцо друид» посреди вересковой пустоши – вот неисчерпаемый кладезь для всякого, у кого есть глаза и хоть на грош воображения. Кто не помнит, как ребенком зарывался лицом в траву, вглядывался в дебри этого крохотного леса и видел, как они наполняются волшебными полчищами!

То же примерно произошло со мной, когда я уронил задумчивый взгляд на карту своего «Острова Сокровищ» и средь придуманных лесов зашевелились герои моей будущей книги. Загорелые лица их и сверкающее оружие

высовывались из самых неожиданных мест; они сновали туда и сюда, сражались и искали сокровища на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Я не успел опомниться, как передо мною очутился чистый лист, и я составлял перечень глав. Сколько раз уже было так, и на том дело кончалось! Правда, здесь кое-что сулило удачу. Это будет книга для мальчишек: стало быть, не потребуется ни психологии, ни изощрений в стиле; а тут и мальчик был под боком, чтоб послужить мне пробным камнем. Женщин не будет. С бригом (а «Испаньоле» по-настоящему полагалось быть бригом) мне было не управиться, но я полагал, что сумею избежать публичного позора, если пущусь в плавание на шхуне. К тому же мне пришла в голову одна мысль насчет Джона Сильвера, которая обещала доставить немало забавных минут: взять одного своего приятеля, которого я очень любил и уважал (читатель, очень может статься, знает и любит его не меньше моего), откинуть его утонченность и все достоинства высшего порядка, ничего ему не оставить, кроме его силы, храбрости, сметливости и неистребимой общительности, и попытаться найти им воплощение где-то на уровне, доступном неотесанному мореходу. Подобного рода психологическая хирургия, я думаю,– достаточно распространенный способ «созидания образа»; пожалуй, даже и единственный. Можно вставить в книгу занятного прохожего, с которым перекинулся накануне десятком фраз на улице, но что мы о нем знаем? Друга во всем бескрайнем многообразии и переменчивости его натуры мы знаем, но можем ли мы вставить его в книгу? Первого должно наделить побочными, надуманными качествами, возможно, вовсе ему не

свойственными; от второго надо отсечь и отбросить ненужные нам ответвления его личности; зато по крайней мере мы можем быть уверены, что ствол и немногие оставшиеся ветви нас не подведут.

Промозглым сентябрьским утром – веселый огонек горел в камине, дождь барабанил в оконное стекло – я начал «Судового повара» – так сперва назывался роман. Я начинал (и кончил) много книг на своем веку, но не припомню, чтобы хоть за одну из них садился в столь безмятежном расположении духа. Оно и неудивительно: недаром говорится, что краденое яблочко всегда слаще. Я вынужден коснуться сейчас щекотливого предмета. Да, несомненно, попугай принадлежал когда-то Робинзону Крузо. Да, скелет, несомненно, заимствован у По. Но не они меня тревожат: это все мелочи, ничтожные пустяки; никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. Частокол, как утверждают, взят из «Мичмана Риди». Пусть так, мне совершенно все равно. Достойные писатели эти лишь оправдали слова поэта: удалясь, они оставили после себя

Следы на вечности песках,
Следы, по коим, может быть, другой...–

вот я и оказался тем другим! Нет, мою совесть мучит лишь долг перед Вашингтоном Ирвингом, и не напрасно, ибо, по-моему, не часто встретишь столь очевидный плагиат. Несколько лет назад в поисках чего-нибудь подходящего для антологии прозы случилось мне открыть «Рас-

сказы путешественника», и вдруг строчки заплясали у меня перед глазами. Билли Боне, его сундук, общество, собравшееся в трактире, весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых моих глав – все было тут, и все было собственностью Вашингтона Ирвинга. Но в те часы, когда в приливе вдохновения, несколько заземленного, пожалуй, я сидел у камелька и писал, я не догадывался об этом; не догадывался и потом, когда день за днем после второго завтрака читал в кругу семьи то, что написал за утро. Все это мне казалось первородным, как грех; все принадлежало мне столь же неоспоримо, как мой правый глаз. Я рассчитывал, что слушать будет один школьник; я обнаружил, что их два. Отец мой загорелся тотчас всею силой своей романтической, ребячливой и самобытной души. Ведь и его собственные истории, которые он каждый вечер рассказывал себе на сон грядущий, все неизменно были о парусниках, придорожных кабачках, разбойниках, старых матросах и бродячих торговцах тех времен, когда на свете не было еще паровой машины. Он ни одной из них не досказал до конца – счастливец, ему в том не было нужды! Но в «Острове Сокровищ» он учуял нечто родственное ему по духу; это была его стихия, мало того, что он каждый день выслушивал с восторгом новую главу, он стал моим рьяным сотрудником. Когда настало время перерыть сундук Билли Бонса, он чуть не целый день просидел, составляя на конверте делового письма опись его содержимого, которой я неукоснительно придерживался, и это по его настоятельной просьбе «старый корабль Флинта» был окрещен «Моржом». А тут словно Deus ex machina, к нам нагрянул – кто бы вы думали? Сам

доктор Джэпп – нежданно-негаданно, подобно переодетому принцу, которому назначено под занавес, в последнем действии принести мир и благоденствие, он приехал и привез в кармане – не рог изобилия, не талисман, а издателя: старинный друг мой мистер Гендерсон, оказывается, поручил подыскать новых авторов для юношеского журнала «Янг Фолкс». Навязать нашему гостю жалкие огрызки «Судового повара» было бы столь крайней мерой, что на нее не отважилось даже беспощадное в своей сплоченности семейство, а между тем мы и мысли не допускали о том, чтоб приостановить наши чтения, и потому ради доктора Джэппа повесть была вновь торжественно перечитана сначала. С того самого мгновения и по сей день я высоко ценю его критический дар, ибо, покидая нас, он увозил рукопись в чемодане.

Итак, у меня было все, что нужно, чтоб поддержать во мне бодрость духа: сочувствие, помощь, а теперь еще и твердая договоренность с издателем. Мною был избран к тому же очень легкий стиль. Сопоставьте его с «Веселыми Молодцами», написанными почти одновременно; кто-то отдаст предпочтение одному стилю, кто-то другому – это дело вкуса, настроения, пожалуй, но никакой ценитель не может не заметить, что один соблюдать труднее, другой – гораздо легче. Казалось бы, ты зрелый, опытный литератор, пиши себе свой «Остров Сокровищ» по столько-то страниц в день и живи припеваючи! Но увы! Мне суждено было иное. Пятнадцать дней я держался и сделал пятнадцать глав; но потом, на первых же абзацах шестнадцатой, позорно споткнулся. Уста мои были немы; в груди – ни слова более для «Острова Сокровищ», а в гостинице «Рука

и копье» меня уже дожидались гранки первых глав! Там я и правил их, живя большею частью один, разгуливая росными осенними утрами по вересковой пустоши за Вейбриджем, изрядно довольный тем, что мною сделано, и невыразимо подавленный тем, что еще сделать предстоит. Мне минул тридцать один год, я был глава семейства; я успел лишиться здоровья; я еще никогда не жил без долгов, ни разу не доводилось мне заработать двести фунтов в год; совсем недавно отец мой выкупил у издателя мою книгу и погасил неустойку; неужто и этой суждено стать еще одной, последней неудачей? По правде сказать, я был близок к отчаянию; однако стиснул зубы и нашел в себе достаточно решимости, чтобы по пути в Давос, где мне предстояло провести зиму, думать о другом и с головою погрузиться в романы мсье дю Буагобэ. Прибыв на место, сел я как-то утром за неоконченную книгу, и – о диво! – слова так и полились, точно в пустой, незначащей беседе; и на второй волне счастливого вдохновения, вновь подвигаясь с каждым днем на целую главу, я закончил «Остров Сокровищ». Силою обстоятельств совершалось это едва ли не тайком. Жена моя была больна, в рядах приспешников остался только школьник, а Джон Аддиштон Саймондс (которому я робко заикнулся о том, чем занимаюсь) косился на меня с неодобрением. Ему в ту пору очень хотелось, чтобы я писал о «Характерах» Теофраста – столь ошибочны бывают порой суждения разумнейших из людей. Впрочем, Саймондс, правду сказать, едва ли подходил для роли наперсника, способного сочувственно отнестись к книге для мальчишек. Это был человек широких взглядов, большой книгочей, однако уже сама затея моя

должна была навести его на мысль о сделках с искренностью и погрешностях в стиле. Что ж, он был недалек от истины.

«Остров Сокровищ» – первоначальное заглавие «Судовой повар» было отвергнуто мистером Гендерсоном – надлежащим образом вышел в журнале, затерялся на его малопочтенных полосах без всяких иллюстраций и не привлек ни малейшего внимания. Мне было все равно. Самому мне эта вещь нравилась и в основном по той же причине, по какой моему отцу понравилось начало, это была моя стихия. К тому же я немало гордился Джоном Сильвером, мне и поныне внушает своеобразное восхищение этот велеречивый и опасный авантюрист. И, что тысячу раз замечательней, я перешел Рубикон: я завершил повествование и написал на своей рукописи слово «Конец», чего со мной не случалось со времени «Пентландского восстания», когда я был шестнадцатилетним юнцом, еще не поступившим в колледж. Правду сказать, все объяснялось счастливым стечением обстоятельств: если бы не приехал доктор Джэпп и если бы сама повесть не шла с такой небывалой легкостью, она, как и ее предшественники, была бы отложена и, никем не оплаканная, угодила бы в огонь. Пуристы могут возразить, что это было бы только к лучшему. Я с ними не соглашусь. Книга как будто доставила людям много удовольствия и добыла (или послужила средством добыть) тепло, еду, вино одному достойному семейству, в котором я принимал живое участие. Надо ли говорить, что я имею в виду свое собственное семейство.

Однако перипетии с «Островом Сокровищ» тем не ис-

черпались. Я его написал по карте. Собственно говоря, карта отчасти породила фабулу. Так, например, я дал одному островку имя Остров Скелета, не зная хорошенько, для чего, попросту ради колорита, а уже чтобы оправдать это название, я вломился в сокровищницу мистера По и украл указательную стрелу Флинта. Подобным же образом «Испаньола» отправилась в свои скитания с Израэлем Хендсом лишь потому, что я нанес на карту две бухточки. Со временем решено было переиздать роман, и я отослал рукопись, а вместе с ней и карту издательской фирме «Кесселл». Пришли гранки, я держал корректуру, но о карте не было ни слуху ни духу. Я написал, спрашивая, что случилось; мне сообщили, что карты никакой не получали. У меня просто ноги подкосились. Одно дело – нарисовать карту как придется, поставить в уголке масштаб наудачу и применительно к этому сочинить историю. Совсем другое дело – досконально обследовать всю книгу, составить перечень всех имеющихся в ней ссылок на те или иные места и, вооружившись циркулем, старательно подогнать под них карту. Я все это проделал, и карта была нарисована заново в рабочей комнате моего отца, украшена китами, пускающими фонтанчики, и корабликами с раздутыми парусами; а тут еще отец использовал свое умение писать разными почерками и мастерски «подделал» подпись капитана Флинта и путевые указания Билли Бонса. И все же для меня новая карта так и не стала почему-то «Островом Сокровищ».

Я сказал, что карта отчасти породила фабулу. Я мог бы сказать, пожалуй, что она и была фабулой. Какие-то застрявшие в памяти места из книг Эдгара По, Дефо и Ва-

шингтона Ирвинга, экземпляр джонсоновских «Пиратов», название «Сундук мертвеца» из книги Кингсли «Наконец», обрывки воспоминаний о лодочных прогулках в открытом море, о плавании на яхте водоизмещением в пятнадцать тонн и, наконец, сама карта с ее бессчетными красноречивыми подсказками воображению – вот и все мои источники. Не часто, может быть, карте отводится такое знаменательное место в книге: и все-таки она всегда важна. Писатель должен знать свою округу – будь она настоящей или вымышленной – как свои пять пальцев; расстояния, деления компаса, сторону, где восходит солнце, поведение луны – все должно быть безупречно. А сколько хлопот с одной луной! Я уж раз сел в лужу из-за луны в «Принце Отто» и, после того как мне указали мою оплошность, в виде предосторожности взял себе за правило никогда не писать без лунного календаря, что и другим советую. Имея календарь, карту местности и план каждого дома – на бумаге ли или четко и подробно удержанный в уме, – можно надеяться, что избежишь хотя бы самых грубых ошибок. С раскрытой картой перед глазами едва ли разрешишь солнцу сесть на востоке, как это происходит в «Антикварии». Имея под рукой календарь, не позволишь двум всадникам, которые скачут с важным поручением, потратить шесть суток (с трех часов ночи в понедельник до поздней ночи в субботу) на путь длиною, скажем, в девяносто или сто миль, а потом еще до истечения недели и все на тех же скакунах проделать пятьдесят миль за день, как о том пространно повествуется в неподражаемом романе «Роб Рой». Да, таких ляпсусов лучше, конечно, хоть и вовсе не обязательно, избегать. Впрочем, мое

убеждение – суеверное, если угодно,– что всякий, кто неукоснительно повинуется своей карте, сверяется с нею, черпает в ней вдохновение ежедневно, ежечасно, получит надежную поддержку и, стало быть, не только оградит себя от досадных случайностей, а еще и останется в выигрыше. Повесть уходит в карту корнями, растет на ее почве, у нее есть где-то, помимо слов, свой собственный костяк. Лучше, чтобы все происходило в настоящей стране и вы ее прошли из края в край и знаете в ней каждый камешек. Но даже когда речь идет о вымышленных местах, тоже не мешает сначала запастись картой. Вы вглядываетесь в нее, и возникают какие-то новые связи, о которых вы прежде и не подозревали. Вы обнаружите очевидные, хотя и непредвиденные тропинки для ваших гонцов, и даже когда карта не составляет всей фабулы, как в «Острове Сокровищ», она всегда сумеет дать богатую пищу уму.

Роберт Луис
СТИВЕНСОН

ЧАСТЬ I

СТАРЫЙ ПИРАТ

ГЛАВА I

Старый морской волк в трактире «Адмирал Бенбоу»

Сквайр[2] Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу[3]» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ноги черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке – грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец,

---

[2] Сквайр – дворянский титул в Англии.

[3] Бенбоу – английский адмирал, живший в конце XVII века.

ADMIRAL
BENBOW

посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка[4].

И палка у него была, как ганшпуг[5]. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

– Бухта удобная, – сказал он наконец. – Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

– Ну что же! – сказал моряк. – Этот... как раз для меня... Эй, приятель! – крикнул он человеку, который катил за ним тачку. – Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного, – продолжал он. – Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница – вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

---

[4] Вымбовка – рычаг шпиля (ворота, служащего для подъема якоря).
[5] Ганшпуг – рычаг для подъема тяжестей.

– Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, – проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоялых дворах, расположенных поблизости от моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне.

Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашенные дрожали

от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему не обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира – компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске[6], о штормах и о Драй Тортугас[7], о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах в Испанском море[8].

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей.

---

[6] Хождение по доске – вид казни. Осужденного заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

[7] Драй Тортугас – острова около Флориды.

[8] Испанское море – старое название юго-восточной части Карибского моря.

Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внес какую-то приятную тревогу. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» – восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопенье, а рычанье; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянии ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время своего пребывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал, разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввел его я и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» – это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

– Эй, там, на палубе, молчать!

– Вы ко мне обращаетесь, сэр? – спросил доктор. Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

– В таком случае, сэр, я скажу вам одно, – ответил доктор, – если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом – может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать.

Спокойно и твердо он произнес:

– Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пес.

– А теперь, сэр, – продолжал доктор, – так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днем и ночью. Я не только доктор, я и судья. И если до меня дойдет хоть одна самая малейшая жалоба – хотя бы только на то, что вы нагрубили кому-нибудь... вот как сейчас, – я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким еще много вечеров подряд.

ГЛАВА II

Черный Пес приходит и уходит

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от его хлопотных дел.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днем ему

становилось хуже. Хозяйничать в трактире пришлось мне и моей матери. У нас было дел по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрепанного синего кафтана колыхался кортик. Под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утесом, – вероятно, все еще не мог позабыть о своем столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел человек, которого прежде я никогда не видел.

Он был бледен, с землистым лицом. На левой руке у него не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нем, хотя у него на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и все же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. И кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и снова подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

– Пойди-ка сюда, сынок, – сказал он. – Подойди поближе.

Я подошел.

– Этот стол накрыт для моего товарища, штурмана Билли[9]? – спросил он ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

– Ну что ж, – сказал он, – моего товарища, штурмана Билли, тоже можно называть капитаном. Это дела не меняет. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особливо когда он напьется. Вот он каков, мой штурман Билли! У вашего капитана тоже шрам на щеке. И как раз на правой. Значит, все в порядке, не правда ли? Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошел погулять.

– А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему скалу, на которой ежедневно бывал капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернется.

– А когда?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

– Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было мрачное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять

---

[9] Билли – уменьшительное от Уильям.

что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышь. Я хотел было выйти во двор, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом и он разразился такими ругательствами, что я в страхе отскочил назад. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мною по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

– У меня есть сынок, – сказал он, – и ты похож на него, как две капли воды. Он – гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное – послушание. Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали... А вот и он, мой штурман Билли, с подзорной трубой под мышкой, благослови его бог! Давай-ка пойдем опять в зал, спрячемся за дверью, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно, и чуть-чуть страшновато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и все время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

– Билли! – проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твердость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и оказался прямо перед нами. Загар как бы сошел с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением, или с дьяволом, или с чем-нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его – таким он сразу сделался старым и дряблым.

– Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? – сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

– Черный Пес! – проговорил он наконец.

– Он самый, – ответил незнакомец, несколько приободрившись. – Черный Пес пришел проведать своего старого корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! – воскликнул он, подняв искалеченную руку.

– Ладно, – сказал капитан. – Ты выследил меня, и я перед тобою. Говори же, зачем пришел?

– Узнаю тебя, Билли, – ответил Черный Пес. – Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так полюбил, принесет мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи. Не правда ли?

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Черный Пес сидел боком, поближе к двери, и одним

глазом смотрел на своего старого друга, а другим – на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

– Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, – пояснил он.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Раз капитан закричал:

– Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И потом снова:

– Если дело дойдет до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему еще один, самый страшный, удар и несомненно разрубил бы ему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на свою рану, помчался с такой удивительной скоростью, что через

полминуты исчез за холмом. Капитан стоял и смотрел на вывеску как помешанный. Затем несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

– Джим, – приказал он, – рому! – Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся рукой о стену.

– Вы ранены? – воскликнул я.

– Рому! – повторил он. – Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и запачкал грязью кран бочки. И пока я приводил все в порядок и наливал другой стакан, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжко. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

– Боже мой, – воскликнула мать. – Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он ранен насмерть во время поединка с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошел доктор Ливси, приехавший навестить моего больного отца.

– Доктор, помогите! – воскликнули мы. – Что нам делать? Куда он ранен?

– Ранен? – сказал доктор. – Чепуха! Он так же ранен, как – ты или я. У него просто удар. Что делать! Я преду-

преждал его... Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь... Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. На предплечье синели четкие надписи: *«На счастье», «Попутного ветра»* и *«Да сбудутся мечты Билли Бонса».*

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

– Пророческая картинка, – заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. – А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь... Джим, – обратился он ко мне, – ты не боишься крови?

– Нет, сэр, – сказал я.

– Отлично, – проговорил доктор. – Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвел нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

– Где Черный Пес?

– Здесь нет никакого пса, кроме того, что сидит у вас за спиной, – сказал доктор. – Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказывал. И я, против желания, вытащил вас из могилы. Ну, мистер Бонс...

– Я не Бонс, – перебил капитан.

– Не важно, – сказал доктор. – У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьет, но если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить еще и еще. И клянусь вам моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрете. Понятно? Пойдете туда, куда подобает, как сказано в Библии... Ну, попытайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении упал на подушку. Он был почти без чувств.

– Так помните, – сказал доктор, – я говорю вам по чистой совести: слово «ром» и слово «смерть» для вас означают одно и то же.

Взяв меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

– Пустяки, – сказал он, едва мы закрыли за собой дверь. – Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю проваляется в постели, а это полезно и для него, и для вас. Но второго удара ему не пережить.

ГЛАВА III

Черная метка

Около полудня я вошел к капитану с прохладительным питьем и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбужденным.

– Джим, – сказал он, – ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Каждый месяц я давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я болен и всеми покинут! И, Джим, ты принесешь мне кружечку рома, не правда ли?

– Доктор... – начал я.

Но он принялся ругать доктора – слабым голосом, но очень сердито.

– Все доктора – сухопутные крысы, – сказал он. – А этот ваш здешний доктор – ну что он понимает в моряках? Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека[10], а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь будет на тебе, Джим, и на этой крысе, на докторе...

И он снова разразился ругательствами.

– Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы, – продолжал он жалобным голосом. – Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор – дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, вон там, в углу, у себя за спиной. Видел его ясно, как живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь – я ведь привык к грубой жизни. Ваш доктор сам сказал, что один стакан-

---

[10] Желтый Джек – лихорадка.

чик меня не убьет. Я дам тебе золотую гинею[11] за одну кружечку, Джим!

Он клянчил все настойчивее и был так взбудоражен, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня поддерживали слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

– Не нужно мне ваших денег, – ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня. – Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но это будет последний.

Я принес стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

– Вот и хорошо! – сказал он. – Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

– По крайней мере неделю, – сказал я. – Не меньше!

– Гром и молния! – вскричал капитан. – Неделю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне черную метку. Эти люди уже пронюхали, где я, – моты и лодыри, которые не могли сберечь свое и зарятся теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на

---

[11] Гинея – английская монета (около десяти рублей золотом).

пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнес:

– Доконал меня этот доктор... В ушах у меня так и поет. Помоги мне лечь...

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

– Джим, – сказал он наконец, – ты видел сегодня того моряка?

– Черного Пса? – спросил я.

– Да, Черного Пса, – сказал он. – Он очень нехороший человек, но те, которые послали его, еще хуже, чем он. Слушай: если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне черную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком. Тогда садись на коня... – ведь ты ездишь верхом, не правда ли? – тогда садись на коня и скачи во весь дух... Теперь уж мне все равно... Скачи хоть к этому проклятому доктору, к крысе, и скажи ему, чтобы он свистнул всех матросов на палубу – всяких там присяжных и судей – и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного, сколько их еще осталось в живых. Я был первым штурманом... да, первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам все мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне черную метку или пока ты снова не увидишь Черного Пса или моряка на одной ноге. Этого одноногого, Джим, остерегайся больше всего.

– А что это за черная метка, капитан? – спросил я.

– Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделю с тобой все пополам, даю тебе честное слово...

Он начал заговариваться, и голос его становился все слабее. Я дал ему лекарства, и он принял его, как ребенок.

– Еще ни один моряк не нуждался в лекарстве так, как я.

Вскоре он впал в тяжелое забытье, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы все шло благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всем доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всем остальном. Я был так поглощен нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошел вниз как ни в чем не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита и, боюсь, выпил больше, чем обыкновенно, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул запретить ему выпить лишнее. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнузданную, дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его. Единственный человек, который мог бы заткнуть ему глотку – доктор, – был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и по-

сле смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И действительно, он не только не поправлялся, но как будто становился все слабее. Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь – подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и быстро, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности, но стал еще вспыльчивее, еще раздражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь, он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погруженный в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон – день был пасмурный, туманный и морозный, – часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце...

Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного

человека. Он остановился невдалеке от трактира и громко произнес нараспев странным гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

– Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому человеку, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

– Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Черного Холма, добрый человек, – сказал я.

– Я слышу голос, – прогнусавил старик, – и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило ее, точно клещами.

Я так испугался, что хотел убежать. Но слепой притянул меня к себе.

– А теперь, мальчик, – сказал он, – веди меня к капитану.

– Сэр, – проговорил я, – я, честное слово, не смею...

– Не смеешь? – усмехнулся он. – Ах, вот как! Не смеешь! Веди меня сейчас же, или я сломаю тебе руку! – И он так повернул мою руку, что я вскрикнул.

– Сэр, – сказал я, – я боялся не за себя, а за вас. Капитан теперь не такой, как всегда. Он сидит с обнаженным кортиком. Один джентльмен уже приходил к нему и...

– Живо, марш! – перебил он меня.

Никогда я еще не слыхал такого свирепого, холодного и мерзкого голоса. Этот голос напугал меня сильнее, чем боль. Я понял, что должен подчиниться, и провел его в

зал, где сидел наш больной пират, одурманенный ромом.

Слепой вцепился в меня железными пальцами. Он давил меня всей своей тяжестью, и я едва держался на ногах.

– Веди меня прямо к нему и, когда он меня увидит, крикни: «Вот ваш друг, Билли». Если ты не крикнешь, я вот что сделаю!

И он так вывернул мою руку, что я едва не потерял сознание. Я так боялся слепого нищего, что забыл мой ужас перед капитаном и, открыв дверь зала, дрожащим голосом прокричал те слова, которые слепой велел мне прокричать.

Бедный капитан вскинул глаза вверх и разом протрезвился. Лицо его выражало не испуг, а скорее смертельную муку. Он попытался было встать, но у него, видимо, не хватило сил.

– Ничего, Билли, сиди, где сидишь, – сказал нищий. – Я не могу тебя видеть, но я слышу, как дрожат твои пальцы. Дело есть дело. Протяни свою правую руку... Мальчик, возьми его руки и поднеси к моей правой руке.

Мы оба повиновались ему. И я видел, как он переложил что-то из своей руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, сразу же сжавшуюся в кулак.

– Дело сделано, – сказал слепой.

При этих словах он отпустил меня и с проворством, неожиданным в калеке, выскочил из общей комнаты на дорогу. Я все еще стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся стуку его палки.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы с капитаном пришли в себя. Я выпустил его запястье, а он потянул к себе руку и взглянул на ладонь.

– В десять часов! – воскликнул он. – Осталось шесть часов. Мы еще им покажем!

И вскочил на ноги, но сейчас же покачнулся и схватился за горло. Так стоял он, пошатываясь, несколько мгновений, потом с каким-то странным звуком всей тяжестью грохнулся на пол.

Я сразу кинулся к нему и позвал мать. Но было поздно. Капитан скоропостижно скончался от апоплексического удара. И странно: мне, право, никогда не нравился этот человек, хотя в последнее время я начал жалеть его, но, увидев его мертвым, я заплакал. Я плакал долго, я истекал слезами. Это была вторая смерть, которая произошла у меня на глазах, и горе, нанесенное мне первой, было еще слишком свежо в моем сердце.

ГЛАВА IV

Матросский сундук

Я, конечно, сразу же рассказал матери все, что знал. Может быть, мне следовало рассказать ей об этом раньше. Мы очутились в трудном, опасном положении.

Часть денег, оставшихся после капитана, – если только у него были деньги, – безусловно должна была принадлежать нам. Но вряд ли его товарищи, вроде Черного Пса и слепого нищего, согласились бы отказаться от своей добычи для уплаты долгов покойного. Приказ капитана сесть верхом на коня и скакать за доктором Ливси я выполнить не мог: нельзя было оставить мать одну, без всякой защиты. Об этом нечего было и думать. Но мы не сме-

ли долее и оставаться дома: мы вздрагивали даже тогда, когда уголья у нас в очаге падали на железную решетку; мы боялись даже тиканья часов. Всюду нам слышались чьи-то шаги, будто кто-то приближается к нам.

При мысли о том, что на полу лежит мертвое тело и что где-то поблизости бродит омерзительный слепой нищий, который может вот-вот вернуться, волосы мои вставали дыбом. Медлить было нельзя ни минуты. Надо было что-то предпринять. И мы решили отправиться вместе в ближнюю деревушку за помощью. Сказано – сделано. С непокрытыми головами бросились мы бежать сквозь морозный туман.

Уже начинало темнеть.

Деревушка от нас не была видна, но находилась она недалеко, в нескольких сотнях ярдов от нас, на противоположном берегу соседней бухты. Меня очень ободряло сознание, что слепой нищий появился с другой стороны и ушел, надо полагать, туда же. Шли мы недолго, хотя иногда останавливались, прислушиваясь. Но кругом слышались привычные звуки: гудел прибой и каркали в лесу вороны.

В деревушке уже зажгли свечи, и я никогда не забуду, как их желтоватое сияние в дверях и окнах успокоило нас. Но в этом и заключалась вся помощь, которую мы получили. Ни один из жителей деревни, к их стыду, не согласился пойти с нами в «Адмирал Бенбоу».

Чем больше говорили мы о наших тревогах, тем сильнее все льнули к своим углам. Имя капитана Флинта, мне до той поры незнакомое, было хорошо известно многим из них и приводило их в ужас. Некоторые вспомнили, что

однажды, работая в поле неподалеку от «Адмирала Бенбоу», видели на дороге каких-то подозрительных людей. Незнакомцы показались им контрабандистами, и они поспешили домой, чтобы покрепче закрыть свои двери. Кто-то даже видел небольшой люггер[12] в бухте, называемой Логовом Китта. Поэтому одно упоминание о приятелях капитана приводило их в трепет. Находились смельчаки, которые соглашались съездить за доктором Ливси, жившим в другой стороне, но никто не хотел принять участие в охране трактира.

Говорят, что трусость заразительна. Но разумные доводы, напротив, способны внушить человеку храбрость. Когда все отказались идти вместе с нами, мать заявила, что отнюдь не собирается терять деньги, которые принадлежат ее осиротевшему сыну.

– Вы можете робеть сколько угодно, – сказала она, – мы с Джимом не трусливого десятка. Мы вернемся той же дорогой, какой пришли. Мало чести вам, дюжим и широкоплечим мужчинам с такими цыплячьими душами! Мы откроем сундук, хотя бы пришлось из-за него умереть... Я буду очень благодарна, миссис Кроссли, если вы разрешите мне взять вашу сумку, чтобы положить в нее деньги, принадлежащие нам по закону.

Я, конечно, заявил, что пойду с матерью, и, конечно, все заорали, что это безумие. Однако никто, даже из мужчин, не вызвался нас проводить. Помощь их ограничилась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения и обещали держать наготове оседланных лоша-

[12] Люггер – небольшое парусное судно.

дей, чтобы мы могли удрать, если разбойники будут гнаться за нами. А один молодой человек поскакал к доктору за вооруженным подкреплением.

Бешено колотилось мое сердце, когда мы отправились в наш опасный путь. Вечер был холодный. Всходила полная луна. Она уже поднялась над горизонтом и краснела в тумане, с каждой минутой сияя все ярче. Мы поняли, что скоро станет светло, как днем, и нас на обратном пути нетрудно будет заметить. Поэтому мы заторопились еще больше. Мы крались вдоль заборов, бесшумно и быстро, и, не встретив на дороге ничего страшного, добрались наконец до «Адмирала Бенбоу».

Войдя в дом, я сразу же закрыл дверь на засов. Тяжело дыша, мы стояли в темноте, одни в пустом доме, где лежало мертвое тело. Затем мать принесла из бара свечу, и, держась за руки, мы вошли в общую комнату. Капитан лежал в том же положении, как мы его оставили, – на спине, с открытыми глазами, откинув одну руку.

– Опусти шторы, Джим, – прошептала мать. – Они могут следить за нами через окно... А теперь, – сказала она, когда я опустил шторы, – надо отыскать ключ от сундука... Но хотела бы я знать, кто решится дотронуться до него...

И она даже чуть-чуть всхлипнула при этих словах. Я опустился на колени. На полу возле руки капитана лежал крохотный бумажный кружок, вымазанный с одной стороны чем-то черным. Я не сомневался, что это и есть черная метка. Я схватил ее и заметил, что на другой ее стороне написано красивым, четким почерком: «Даем тебе срок до десяти вечера».

– У него был срок до десяти, мама, – сказал я. И в то же мгновение наши старые часы начали бить. Этот внезапный звук заставил нас сильно вздрогнуть. Но он и обрадовал нас, так как было только шесть часов.

– Ну, Джим, – сказала мать, – ищи ключ.

Я обшарил карманы капитана один за другим. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и толстая игла, кусок свернутого табаку, надкусанный с краю, нож с кривой ручкой, карманный компас, огниво – вот и все, что я там нашел. Я уже начал отчаиваться...

– Может быть, на шее? – сказала мать.

Преодолев отвращение, я разорвал ворот его рубашки. И действительно, на просмоленной веревке, которую я сейчас же перерезал собственным ножом капитана, висел ключ.

Эта удача наполнила наши сердца надеждой, и мы поспешили наверх, в ту тесную комнату, где так долго жил капитан и где со дня его приезда стоял его сундук.

Снаружи это был самый обыкновенный матросский сундук. На крышке видна была буква «Б», выжженная каленым железом. Углы были потерты и сбиты, точно этот сундук отслужил долгую и трудную службу.

– Дай мне ключ, – сказала мать.

Замок поддавался туго, однако ей удалось открыть его, и она в одно мгновение откинула крышку.

На нас пахнуло крепким запахом табака и дегтя. Прежде всего мы увидели новый, старательно вычищенный и выутюженный костюм, очень хороший и, по словам мате-

ри, ни разу еще не надеванный. Подняв костюм, мы нашли кучу самых разнообразных предметов: квадрант[13], жестяную кружку, несколько кусков табаку, две пары изящных пистолетов, слиток серебра, старинные испанские часы, несколько безделушек, не слишком ценных, но преимущественно заграничного производства, два компаса в медной оправе и пять или шесть причудливых раковин из Вест-Индии. Впоследствии я часто думал, зачем капитан, живший такой непоседливой, опасной, преступной жизнью, таскал с собой эти раковины.

Но ничего ценного, кроме слитка серебра и безделушек, мы не нашли, а это нам было не нужно. На самом дне лежал старый шлюпочный плащ, побелевший от соленой воды у многих прибрежных отмелей. Мать нетерпеливо откинула его, и мы увидели последние вещи, лежавшие в сундуке: завернутый в клеенку пакет, вроде пачки бумаг, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.

– Я покажу этим разбойникам, что я честная женщина, – сказала мать – Я возьму только то, что он мне был должен, и ни фартинга[14] больше. Держи сумку миссис Кроссли!

И она начала отсчитывать деньги, перекладывая их из мешка в сумку, которую я держал. Это было трудное дело, отнявшее много времени. Тут были собраны и перемешаны монеты самых разнообразных чеканок и стран: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры[15], и еще какие-то не-

---

[13] Квадрант – прибор для измерения высоты небесных тел.

[14] Фартинг – мелкая английская монета.

[15] Пиастр и дублон – старинные испанские монеты. Луидор – французская монета.

известные мне. Гиней было меньше всего, а мать моя умела считать только гинеи.

Когда она отсчитала уже половину того, что был должен нам капитан, я вдруг схватил ее за руку. В тихом морозном воздухе пронесся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукиванье палки слепого по мерзлой дороге. Стук приближался, и мы прислушивались к нему, затаив дыхание. Затем раздался громкий удар в дверь трактира, после этого ручка двери задвигалась и лязгнул засов – нищий пытался войти. Наступила тишина внутри и снаружи. И наконец опять послышалось постукиванье палки. К нашей неописуемой радости, оно теперь удалялось и скоро замерло.

– Мама, – сказал я, – бери все, и бежим скорей.

Я был убежден, что запертая на засов дверь показалась слепому подозрительной, и побоялся, что он приведет сюда весь свой осиный рой.

И все же как хорошо, что я догадался запереть дверь на засов! Это мог бы понять только тот, кто знал этого страшного слепого.

Но мать, несмотря на весь свой страх, не соглашалась взять ни одной монетой больше того, что ей следовало, и в то же время упрямо не желала взять меньше. Она говорила, что еще нет семи часов, что у нас уйма времени. Она знает свои права и никому не уступит их. Упорно спорила она со мной до тех пор, пока мы вдруг не услыхали протяжный тихий свист, раздавшийся где-то вдалеке, на холме.

Мы сразу перестали препираться.

– Я возьму то, что успела отсчитать, – сказала она, вскакивая на ноги.

– А я прихвачу и это для ровного счета, – сказал я, беря пачку завернутых в клеенку бумаг.

Через минуту мы уже ощупью спускались вниз. Свеча осталась у пустого сундука. Я отворил дверь, и мы вышли на дорогу. Нельзя было терять ни минуты. Туман быстро рассеивался. Луна ослепительно озаряла холмы. Только в глубине лощины и у дверей трактира клубилась зыбкая завеса туманной мглы, как бы для того, чтобы скрыть наши первые шаги. Но уже на половине дороги, чуть повыше, у подножия холма, мы должны были неизбежно попасть в полосу лунного света.

И это было не все – вдалеке мы услышали чьи-то быстрые шаги.

Мы обернулись и увидели прыгающий и приближающийся огонек: кто-то нес фонарь.

– Милый, – вдруг сказала мать, – бери деньги и беги. Я чувствую, что сейчас упаду в обморок...

«Мы погибли оба», – решил я. Как проклинал я трусость наших соседей! Как сердился я на свою бедную мать и за ее честность, и за ее жадность, за ее прошлую смелость и за ее теперешнюю слабость!

К счастью, мы проходили возле какого-то мостика. Я помог ей – она шаталась – сойти вниз, к берегу. Она вздохнула и склонилась ко мне на плечо. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я потащил ее вдоль берега и втащил под мост. Боюсь только, что это было сделано довольно грубо. Мостик был низенький, и двигаться под ним можно было только на четвереньках. Я пополз дальше, под арку, а мать осталась почти вся на виду. Это было в нескольких шагах от трактира.

ГЛАВА V

Конец слепого

Оказалось, что любопытство мое было сильнее страха. Я не мог усидеть на месте. Осторожно вылез я в ложбинку и спрятался за кустом ракитника. Отсюда я отчетливо видел дорогу перед дверью трактира.

Едва я занял свой наблюдательный пост, как появились враги. Их было человек семь или восемь. Они быстро приближались, громко и беспорядочно стуча башмаками. Человек с фонарем бежал впереди всех. За ним следовали трое, держась за руки. Несмотря на туман, я разглядел, что средний в этом «трио» – слепой нищий. Затем я услышал его голос и убедился, что был прав.

– К черту дверь! – крикнул он.

– Есть, сэр! – отозвались двое или трое.

И они кинулись в атаку на дверь «Адмирала Бенбоу»; человек с фонарем шел сзади. У самой двери они остановились и принялись совещаться шепотом. Очевидно, их поразило, что дверь не заперта. Затем опять раздались приказания слепого. Нетерпеливый, свирепый голос его становился все громче и визгливее.

– В дом! В дом! – кричал он, проклиная товарищей за медлительность.

Четверо или пятеро вошли в дом, двое остались на дороге вместе с ужасным нищим. Потом после нескольких минут тишины раздался крик удивления и чей-то голос завопил изнутри:

– Билли мертвый!

Но слепой снова выругал их за то, что они так копаются.

– Обыщите его, подлые лодыри! Остальные наверх, за сундуком! – приказал он.

Они застучали башмаками по ветхим ступеням, и весь дом задрожал от их топота. Затем снова раздались удивленные голоса. Окошко в комнате капитана распахнулось настежь, и вниз со звоном посыпались осколки разбитого стекла. Из окна высунулся человек. Голова его и плечи были хорошо видны при свете месяца. Он крикнул слепому нищему, стоящему внизу на дороге:

– Эй, Пью, здесь уже успели побывать раньше нас!.. Кто-то перерыл весь сундук снизу доверху!

– А то на месте? – проревел Пью.

– Деньги тут.

– К черту деньги! – закричал слепой. – Я говорю о бумагах Флинта.

– Бумаг не видать, – отозвался человек.

– Эй вы, там, внизу, посмотрите, нет ли их на теле! – снова крикнул слепой.

Другой разбойник – вероятно, один из тех, кто остался внизу обыскивать труп капитана, – появился в дверях трактира.

– Его успели обшарить до нас, – сказал он, – нам ничего не оставили.

– Нас ограбили здешние люди. Это тот щенок! – крикнул Пью. – Жаль, что я не выколол ему глаза... Эти люди были здесь совсем недавно. Когда я хотел войти, дверь была заперта на засов. Ищите же их, ребята! Ищите во всех углах...

– Да, они были здесь. Они оставили горящую свечу, – сказал человек в окне.

– Ищите! Ищите! Переройте весь дом! – повторил Пью, стуча палкой.

И вот в нашем старом трактире начался ужасный кавардак. Тяжелые шаги загремели повсюду. Посыпались обломки разбиваемой мебели, захлопали двери вверху и внизу, так что даже окрестные скалы подхватили этот бешеный грохот. Но все напрасно: люди один за другим выходили на дорогу и докладывали, что не нашли нас нигде.

В это мгновение вдали снова раздался тот самый свист, который так напугал мою мать и меня, когда мы считали монеты покойного. На этот раз он прозвучал дважды. Прежде я думал, что этим свистом слепой сзывает своих товарищей на штурм. Но теперь я заметил, что свист раздается со склона холма, обращенного к деревушке, и догадался, что это сигнал, предупреждающий бандитов об опасности.

– Это Дэрк, – сказал один. – Слышите: он свистит два раза. Надо бежать, ребята.

– Бежать?! – крикнул Пью. – Ах вы, олухи! Дэрк всегда был дурак и трус. Нечего слушать Дэрка. Они где-то здесь, поблизости. Они не могли убежать далеко. Вы должны их найти. Ищите же, псы! Ищите! Ищите во всех закоулках! О, дьявол! – воскликнул он. – Будь у меня глаза!

Этот крик несколько приободрил разбойников. Двое из них принялись рыскать между деревьями в роще, но нехотя, еле двигаясь. Они, как мне показалось, больше думали о бегстве, чем о поисках. Остальные растерянно стояли посреди дороги.

– У нас в руках тысячи, а вы мямлите, как идиоты! Если вы найдете эту бумагу, вы станете богаче короля! Бумага эта здесь, в двух шагах, а вы отлыниваете и норовите удрать! Среди вас не нашлось ни одного смельчака, который рискнул бы отправиться к Билли и дать ему черную метку. Это сделал я, слепой! И из-за вас я теряю теперь свое счастье! Я должен пресмыкаться в нищете и выпрашивать гроши на стаканчик, когда я мог бы разъезжать в каретах!

– Но ведь дублоны у нас, – проворчал один.

– А бумагу они, должно быть, припрятали, – добавил другой. – Бери деньги, Пью, и перестань бесноваться.

Пью и правда был вроде бешеного. Последние возражения разбойников окончательно разъярили его. В припадке неистовой злобы он поднял свою клюку и, бросившись вслепую на товарищей, принялся награждать их ударами.

Те, в свою очередь, отвечали злодею ругательствами, сопровождая их ужасными угрозами. Они пытались схватить клюку и вырвать ее у него из рук. Эта ссора была спасением для нас. Пока они дрались и переругивались, с холмов, со стороны деревушки, донесся топот скачущих лошадей. Почти в то же мгновение где-то за изгородью блеснул огонек и грянул пистолетный выстрел. Это был последний сигнал. Он означал, что опасность близка. Разбойники кинулись в разные стороны – одни к морю, по берегу бухты, другие вверх, по откосу холма. Через полминуты на дороге остался один Пью. Они бросили его одного – может быть, забыли о нем в паническом страхе, а может быть, нарочно в отместку за брань и побои. Остав-

шись один, он в бешенстве стучал палкой по дороге и, протягивая руки, звал товарищей, но окончательно сбился с пути и, вместо того чтобы кинуться к морю, побежал по направлению к деревне.

Он промчался в нескольких шагах от меня, приговаривая плачущим голосом:

– Джонни, Черный Пес, Дэрк... – Он называл и другие имена. – Ведь вы не кинете старого Пью, дорогие товарищи, ведь вы не оставите старого Пью!

Топот коней между тем приближался. Уже можно было различить пять или шесть всадников, озаренных луной. Они неслись во весь опор вниз по склону холма.

Тут слепой сообразил, что идет не туда, куда надо. Вскрикнув, он повернулся и побежал прямо к придорожной канаве, в которую не замедлил скатиться. Но сейчас же поднялся и, обезумев, выкарабкался опять на дорогу, как раз под ноги коню, скакавшему впереди всех.

Верховой хотел спасти его, но было поздно. Отчаянный крик слепого, казалось, разорвал ночную тьму. Четыре копыта лошади смяли и раздавили его. Он упал на бок, медленно перевернулся навзничь и больше не двигался.

Я вскочил на ноги и окликнул верховых. Они остановились, перепуганные происшедшим несчастьем. Я сейчас же узнал их. Скакавший сзади всех был тот самый подросток, который вызвался съездить из деревушки за доктором Ливси. Остальные оказались таможенными стражниками, которых он встретил на пути. У него хватило ума позвать их на помощь. Слухи о каком-то люггере в Логове Китта и прежде доходили до таможенного надзирателя мистера Данса. Дорога к Логову Китта шла мимо нашего трактира,

Данс тотчас же поскакал туда в сопровождении своего отряда. Благодаря этой счастливой случайности мы с матерью спаслись от неминуемой смерти.

Пью был убит наповал. Мать мою мы отнесли в деревню. Там дали ей понюхать ароматической соли, обрызгали ее холодной водой, и она очнулась. Несмотря на все перенесенные страхи, она не переставала жаловаться, что не успела взять из капитановых денег всю сумму, которая ей причиталась по праву.

Тем временем таможенный надзиратель Данс поскакал со своим отрядом в Логово Китта. Но стражники спешились и осторожно спускались по склону, ведя лошадей под уздцы, а то и поддерживая их, и постоянно опасаясь засады. И, естественно, к тому времени, когда они добрались наконец до бухты, судно уже успело поднять якорь, хотя и находилось еще неподалеку от берега. Данс окликнул его. В ответ раздался голос, советовавший ему избегать освещенных луной мест, если он не хочет получить хорошую порцию свинца. И тотчас же возле его плеча просвистела пуля.

Вскоре судно обогнуло мыс и скрылось. Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно «рыба, выброшенная из воды». Он сразу послал человека в Б... чтобы выслали в море куттер[16].

– Но все это зря, – сказал он. – Они удрали, и их не догонишь. Я рад и тому, – добавил он, – что наступил господину Пью на мозоль.

Я ему уже успел рассказать о слепом.

---

[16] Куттер – одномачтовое судно.

Вместе с ним я вернулся в «Адмирал Бенбоу». Трудно передать, какой там был разгром. Бандиты, ища меня и мать, сорвали со стены даже часы. И хотя они ничего не унесли с собой, кроме денежного мешка, принадлежавшего капитану, и нескольких серебряных монет из нашей кассы, мне сразу стало ясно, что мы разорены.

Мистер Данс долго ничего не мог понять.

– Ты говоришь, они взяли деньги? Объясни мне, Хокинс, чего же им еще было нужно? Они еще каких-нибудь денег искали?

– Нет, сэр, не денег, – ответил я. – То, что они искали, лежит у меня здесь, в боковом кармане. Говоря по правде, я хотел бы положить эту вещь в более безопасное место.

– Верно, мальчик, верно, – сказал он. – Дай ее мне, если хочешь.

– Я думал дать ее доктору Ливси... – начал я.

– Правильно! – с жаром перебил он меня. – Правильно. Доктор Ливси – джентльмен и судья. Пожалуй, и мне самому следовало бы съездить к нему или к сквайру и доложить о происшедшем. Ведь как-никак, а Пью умер. Я нисколько не жалею об этом, но могут найтись люди, которые взвалят вину на меня, королевского таможенного надзирателя. Знаешь что, Хокинс? Поедем со мной. Я возьму тебя с собой, если хочешь.

Я поблагодарил его, и мы пошли в деревушку, где стояли лошади. Пока я прощался с матерью, все уже сели в седла.

– Доггер, – сказал мистер Данс, – у тебя хорошая лошадь. Посади этого молодца к себе за спину.

Как только я уселся позади Доггера и взялся за его по-

яс, надзиратель приказал трогаться в путь, и отряд крупной рысью поскакал по дороге к дому доктора Ливси.

ГЛАВА VI

Бумаги капитана

Мы неслись во весь опор и наконец остановились у дома доктора Ливси. Весь фасад был погружен во мрак.

Мистер Данс велел мне спрыгнуть с лошади и постучаться. Доггер подставил стремя, чтобы мне было удобнее сойти. На стук вышла служанка.

– Доктор Ливси дома? – спросил я.

– Нет, – отвечала она. – Он вернулся после полудня домой, а теперь ушел в усадьбу пообедать и провести вечер со сквайром.

– В таком случае, мы едем туда, – сказал мистер Данс.

До усадьбы было недалеко. Я даже не сел в седло, я побежал рядом с лошадью, держась за стремя Доггера.

Мелькнули ворота парка. Длинная безлиственная, озаренная луной аллея вела к белевшему вдали помещичьему дому, окруженному просторным старым садом. Мистер Данс соскочил с лошади и повел меня в дом. Нас тотчас же впустили туда.

Слуга провел нас по длинному коридору, пол которого был застлан ковром, в кабинет хозяина. Стены кабинета были уставлены книжными шкафами. На каждом шкафу стоял бюст. Сквайр и доктор Ливси сидели возле яркого огня и курили.

Я никогда не видел сквайра так близко. Это был высо-

кий мужчина, более шести футов ростом, дородный, с толстым суровым лицом, огрубевшим и обветренным во время долгих странствий. У него были черные подвижные брови, выдававшие не злой, но надменный и вспыльчивый нрав.

– Войдите, мистер Данс, – сказал он высокомерно и снисходительно. – Добрый вечер!

– Добрый вечер, Данс, – сказал доктор и кивнул головой. – Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда?

Таможенный надзиратель выпрямился, руки по швам, и рассказал все наши приключения, как заученный урок. Посмотрели бы вы, как многозначительно переглядывались эти два джентльмена во время его рассказа! Они слушали с таким любопытством, что даже перестали курить. А когда они услыхали, как мать моя отправилась ночью обратно в наш дом, доктор Ливси хлопнул себя по бедру, а сквайр крикнул «браво» и разбил свою длинную трубку о решетку камина. Мистер Трелони (так, если вы помните, звали сквайра) давно уже оставил свое кресло и расхаживал по комнате, а доктор, словно для того, чтобы лучше слышать, стащил с головы свой напудренный парик. Странно было видеть его без парика, с коротко остриженными черными волосами.

Наконец мистер Данс окончил свой рассказ.

– Мистер Данс, – сказал сквайр, – вы благородный человек! А прикончив одного из самых кровожадных злодеев, вы совершили доблестный поступок. Таких надо давить, как тараканов!.. Хокинс, я вижу, тоже малый не промах. Позвони в тот колокольчик, Хокинс. Мистер Данс должен выпить пива.

– Значит, Джим, – сказал доктор, – то, что они искали, находится здесь, у тебя?

– Вот оно, – сказал я и протянул ему завернутый в клеенку пакет.

Доктор осмотрел пакет со всех сторон. По-видимому, ему не терпелось вскрыть его. Но он пересилил себя и спокойно положил пакет в карман.

– Сквайр, – сказал он. – Когда Данс выпьет пива, ему придется вернуться к своим служебным обязанностям. А Джим Хокинс будет ночевать у меня. Если позволите, я попрошу сейчас подать ему холодного паштета на ужин.

– Еще бы, сделайте милость, Ливси! – отозвался сквайр. – Хокинс сегодня заслужил кое-что и побольше.

Передо мной на одном из маленьких столиков поставили большую порцию голубиного паштета. Я был голоден, как волк, и поужинал с большим удовольствием. А тем временем Данс, выслушав немало новых похвал, удалился.

– Ну, сквайр, – сказал доктор.

– Ну, доктор, – сказал сквайр.

– В одно слово! – засмеялся доктор Ливси. – Надеюсь, вы слышали об этом Флинте.

– Слыхал ли я о Флинте?! – воскликнул сквайр. – Вы спрашиваете, слыхал ли я о Флинте? Это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю. Черная Борода перед Флинтом младенец. Испанцы[17] так боялись его, что, признаюсь вам, сэр, я порой гордил-

---

[17] В XVIII веке Англия воевала с Испанией и Францией, а в XVII веке – также и с Голландией. Отсюда вражда некоторых персонажей романа к испанцам, французам и голландцам.

ся, что он англичанин. Однажды возле Тринидада я видел вдали верхушки его парусов, но наш капитан струсил и тотчас же повернул обратно, сэр, в Порт-оф-Спейн[18].

– Я слышал о нем здесь, в Англии, – сказал доктор. – Но вот вопрос: были ли у него деньги?

– Деньги! – вскричал сквайр. – Разве вы не слыхали, что рассказывал Данс? Чего могли искать эти злодеи, если не денег? Что им нужно, кроме денег? Ради чего, кроме денег, они стали бы рисковать своей шкурой?

– Мы скоро узнаем, ради чего они рисковали шкурой, – ответил доктор. – Вы так горячитесь, что не даете мне слова сказать. Вот что я хотел бы выяснить: предположим, здесь, у меня в кармане, находится ключ, с помощью которого можно узнать, где Флинт спрятал свои сокровища. Велики ли эти сокровища?

– Велики ли, сэр! – закричал сквайр. – Так слушайте! Если только действительно в наших руках находится ключ, о котором вы говорите, я немедленно в бристольских доках снаряжаю подходящее судно, беру с собой вас и Хокинса и еду добывать это сокровище, хотя бы нам пришлось искать его целый год!

– Отлично, – сказал доктор. – В таком случае, если Джим согласен, давайте вскроем пакет.

И он положил пакет перед собой на стол. Пакет был крепко зашит нитками. Доктор достал свой ящик с инструментами и разрезал нитки хирургическими ножницами. В пакете оказались две вещи: тетрадь и запечатанный конверт.

---

[18] Порт-оф-Спейн – столица острова Тринидад в Карибском море.

– Прежде всего посмотрим тетрадь, – предложил доктор.

Он ласково подозвал меня к себе, и я встал из-за стола, за которым ужинал, чтобы принять участие в раскрытии тайны. Доктор начал перелистывать тетрадь. Сквайр и я с любопытством смотрели через его плечо.

На первой странице тетради были нацарапаны всевозможные каракули. Было похоже, что их выводили от нечего делать или для пробы пера. Между прочим, здесь была и та надпись, которую капитан вытатуировал у себя на руке: *«Да сбудутся мечты Билли Бонса»,* и другие в том же роде, например: *«Мистер У. Бонс, штурман», «Довольно рому», «У Палм-Ки*[19] *он получил все, что ему причиталось».*

Были и другие надписи, совсем непонятные, состоявшие большей частью из одного слова. Меня очень заинтересовало, кто был тот, который получил, «что ему причиталось», и что именно ему причиталось. Быть может, удар ножом в спину?

– Ну, из этой страницы не много выжмешь, – сказал доктор Ливси.

Десять или двенадцать следующих страниц были полны странных бухгалтерских записей. На одном конце строки стояла дата, а на другом – денежный итог, как и обычно в бухгалтерских книгах. Но вместо всяких объяснений в промежутке стояло только различное число крестиков. Двенадцатым июня 1745 года, например, была помечена сумма в семьдесят фунтов стерлингов, но все объяснения, откуда она взялась, заменяли собой шесть кре-

[19] Палм-Ки – островок у берегов Флориды.

стиков. Изредка, впрочем, добавлялось название местности, например: «Против Каракаса», или просто помечались широта и долгота, например: «62°172”, 19°240“.

Записи велись в течение почти двадцати лет. Заприходованные суммы становились все крупнее. И в самом конце, после пяти или шести ошибочных, зачеркнутых подсчетов, был подведен итог, и внизу подписано. *«Доля Бонса»*.

– Я ничего не могу понять, – сказал доктор Ливси.

– Все ясно, как день! – воскликнул сквайр. – Перед нами приходная книга этого гнусного пса. Крестиками заменяются названия потопленных кораблей и ограбленных городов. Цифры обозначают долю этого душегуба в общей добыче. Там, где он боялся неточности, он вставлял некоторые пояснения. «Против Каракаса», например. Это значит, что против Каракаса было ограблено какое-то несчастное судно. Бедные моряки, плывшие на нем, давно уже гниют среди кораллов.

– Правильно! – сказал доктор. – Вот что значит быть путешественником! Правильно! И доля его росла, по мере того как он повышался в чине.

Ничего больше в этой тетради не было, кроме названий некоторых местностей, записанных на чистых листах, и таблицы для перевода английских, испанских и французских денег в ходячую монету.

– Бережливый человек! – воскликнул доктор. – Его не обсчитаешь.

– А теперь, – сказал сквайр, – посмотрим, что здесь.

Конверт был запечатан в нескольких местах. Печатью служил наперсток – может быть, тот самый наперсток, ко-

торый я нашел у капитана в кармане. Доктор осторожно сломал печати, и на стол выпала карта какого-то острова, с широтой и долготой, с обозначением глубин моря возле берегов, с названием холмов, заливов и мысов. Вообще здесь было все, что может понадобиться, чтобы без всякого риска подойти к неведомому острову и бросить якорь.

Остров имел девять миль в длину и пять в ширину. Он напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы. Мы заметили две гавани, хорошо укрытые от бурь, и холм посередине, названный «Подзорная Труба».

На карте было много добавлений, сделанных позже. Резче всего бросались в глаза три крестика, сделанных красными чернилами, – два в северной части острова и один в юго-западной. Возле этого последнего крестика теми же красными чернилами мелким, четким почерком, совсем не похожим на каракули капитана, было написано:

«Главная часть сокровищ здесь».

На оборотной стороне карты были пояснения, написанные тем же почерком. Вот они:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов.

Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горки, в десяти саженях к югу от черной скалы, если стать к ней лицом.

Оружие найти легко в песчаном холме на С. оконечности Северного мыса, держась на В. и на четверть румба к С.

Д. Ф.»

И все. Эти записи показались мне совсем непонятными. Но, несмотря на свою краткость, они привели сквайра и доктора Ливси в восторг.

– Ливси, – сказал сквайр, – вы должны немедленно бросить вашу жалкую практику. Завтра я еду в Бристоль. Через три недели... нет, через две недели... нет через десять дней у нас будет лучшее судно, сэр, и самая отборная команда во всей Англии. Хокинс поедет юнгой... Из тебя выйдет прекрасный юнга, Хокинс... Вы, Ливси, – судовой врач. Я – адмирал. Мы возьмем с собой Редрута, Джойса и Хантера. Попутный ветер быстро домчит нас до острова. Отыскать там сокровища не составит никакого труда. У нас будет столько монет, что нам хватит на еду, мы сможем купаться в них, швырять их рикошетом в воду...

– Трелони, – сказал доктор, – я еду с вами. Ручаюсь, что мы с Джимом оправдаем ваше доверие. Но есть один человек, на которого я боюсь положиться.

– Кто он? – воскликнул сквайр. – Назовите этого пса, сэр!

– Вы, – ответил доктор, – потому что вы не умеете держать язык за зубами. Не мы одни знаем об этих бумагах. Разбойники, которые сегодня вечером разгромили трактир, – как видите, отчаянно смелый народ, а те разбойники, которые оставались на судне, – и, кроме них, смею сказать, есть и еще где-нибудь поблизости – сделают, конечно, все возможное, чтобы завладеть сокровищами. Мы нигде не должны показываться поодиночке, пока не отчалим от берега. Я останусь здесь вместе с Джимом до отъезда. Вы берите Джойса и Хантера и отправляйтесь с ними в Бристоль. И, самое главное, мы никому не долж-

ны говорить ни слова о нашей находке.

– Ливси, – ответил сквайр, – вы всегда правы. Я буду нем как могила.

ЧАСТЬ II

СУДОВОЙ ПОВАР

ГЛАВА VII

Я еду в Бристоль

На подготовку к плаванию ушло гораздо больше времени, чем воображал сквайр. Да и вообще все наши первоначальные планы пришлось изменить. Прежде всего не осуществилось желание доктора Ливси не разлучаться со мной: ему пришлось отправиться в Лондон искать врача, который заменил бы его в наших местах на время его отсутствия. У сквайра было много работы в Бристоле. А я жил в усадьбе под присмотром старого егеря[20] Редрута, почти как пленник, мечтая о неведомых островах и морских приключениях. Много часов провел я над картой и выучил ее наизусть. Сидя у огня в комнате домоправителя, я в мечтах своих подплывал к острову с различных сторон. Я исследовал каждый его вершок, тысячи раз взбирался на высокий холм, названный Подзорной Трубой, и любовался оттуда удивительным, постоянно меняющимся видом. Иногда остров кишел дикарями, и мы должны были отбиваться от них. Иногда его населяли хищные звери, и мы

[20] Егерь – главный охотник в помещичьих имениях.

должны были убегать от них. Но все эти воображаемые приключения оказались пустяками в сравнении с теми странными и трагическими приключениями, которые произошли на самом деле.

Неделя шла за неделей. Наконец в один прекрасный день мы получили письмо. Оно было адресовано доктору Ливси, но на конверте стояла приписка:

«Если доктор Ливси еще не вернулся, письмо вскрыть Тому Редруту или молодому Хокинсу».

Разорвав конверт, мы прочли – вернее, я прочел, потому что егерь разбирал только печатные буквы, – следующие важные сообщения:

«Гостиница „Старый якорь“,

Бристоль, 1 марта 17... года.

Дорогой Ливси!

Не знаю, где вы находитесь, в усадьбе или все еще в Лондоне, – пишу одновременно и туда и сюда.

Корабль куплен и снаряжен. Он стоит на якоре, готовый выйти в море. Лучше нашей шхуны и представить себе ничего невозможно. Управлять ею может младенец. Водоизмещение – двести тонн. Название – «Испаньола».

Достать ее помог мне мой старый приятель Блендли, который оказался удивительно ловким дельцом. Этот милый человек работал для меня, как чернокожий. Впрочем, и каждый в Бристоле старался помочь мне, стоило только намекнуть, что мы отправляемся за нашим сокровищем...»

– Редрут, – сказал я, прерывая чтение, – доктору Ливси это совсем не понравится. Значит, сквайр все-таки болтал...

– А кто важнее: сквайр или доктор? – проворчал егерь. – Неужели сквайр должен молчать, чтобы угодить какому-то доктору Ливси?

Я отказался от всяких пояснений и стал читать дальше.

«Блендли сам отыскал „Испаньолу“, и благодаря его ловкости она досталась нам буквально за гроши. Правда, в Бристоле есть люди, которые терпеть не могут Блендли. Они имеют наглость утверждать, будто этот честнейший человек хлопочет только ради барыша, будто „Испаньола“ принадлежит ему самому и будто он продал ее мне втридорога. Это бесспорно клевета. Никто, однако, не осмеливается отрицать, что „Испаньола“ – прекрасное судно.

Итак, корабль я достал без труда. Правда, рабочие снаряжают его очень медленно, но со временем все будет готово. Гораздо больше пришлось мне повозиться с подбором команды.

Я хотел нанять человек двадцать – на случай встречи с дикарями, пиратами или проклятым французом. Я уже из сил выбился, а нашел всего шестерых, но затем судьба смилостивилась надо мной, и я встретил человека, который сразу устроил мне все это дело.

Я случайно разговорился с ним в порту. Оказалось, что он старый моряк. Живет на суше и держит таверну. Знаком со всеми моряками в Бристоле. Жизнь на суше расстроила его здоровье, он хочет снова отправиться в море и ищет место судового повара. В то утро, по его словам, он вышел в порт только для того, чтобы подышать соленым морским воздухом.

Эта любовь к морю показалась мне трогательной, да и вас она, несомненно, растрогала бы. Мне стало жалко его, и я тут же на месте предложил ему быть поваром у нас на корабле. Его зовут Долговязый Джон Сильвер. У него нет одной ноги. Но я считаю это самой лучшей рекомендацией, так как он потерял ее, сражаясь за родину под начальством бессмертного Хока[21]*. Он не получает пенсии, Ливси. Видите, в какие ужасные времена мы живем!*

Да, сэр, я думал, что я нашел повара, а оказалось, что я нашел целую команду.

С помощью Сильвера мне в несколько дней удалось навербовать экипаж из настоящих, опытных, просоленных океаном моряков. Внешность у них не слишком привлекательная, но зато, судя по их лицам, все они – люди отчаянной храбрости. Имея такую команду, мы можем сражаться хоть с целым фрегатом.

Долговязый Джон посоветовал мне даже рассчитать кое-кого из тех шести или семи человек, которых я нанял прежде. Он в одну минуту доказал мне, что они пресноводные увальни, с которыми нельзя связываться, когда отправляешься в опасное плавание.

Я превосходно себя чувствую, ем, как бык, сплю, как бревно. И все же я не буду вполне счастлив, пока мои старые морячки не затопают вокруг шпиля[22]*. В открытое море! К черту сокровища! Море, а не сокровища, кружит мне голову. Итак, Ливси, приезжайте скорей! Не теряйте ни часа, если вы меня уважаете.*

---

[21] Эдвард Хок – английский адмирал, живший в середине XVIII века.

[22] Шпиль – ворот, на который наматывается якорный канат.

Отпустите молодого Хокинса проститься с матерью. Редрут может сопровождать его. Потом пусть оба, не теряя времени, мчатся в Бристоль.

Джон Трелони.

Post scriptum[23]*. Забыл вам сообщить, что Блендли, который, кстати сказать, обещал послать нам на помощь другой корабль, если мы не вернемся к августу, нашел для нас отличного капитана. Капитан этот прекрасный человек, но, к сожалению, упрям, как черт. Долговязый Джон Сильвер отыскал нам очень знающего штурмана, по имени Эрроу. А я, Ливси, достал боцмана, который умеет играть на дудке. Как видите, на нашей драгоценной «Испаньоле» все будет, как на заправском военном корабле.*

Забыл написать вам, что Сильвер – человек состоятельный. По моим сведениям, у него текущий счет в банке, и немаленький. Таверну свою он на время путешествия передает жене. Жена его не принадлежит к белой расе. И таким старым холостякам, как мы с вами, извинительно заподозрить, что именно жена, а не только плохое здоровье гонит его в открытое море.

Д. Т.

P. P. S. Хокинс может провести один вечер у своей матери.

Д. Т.»

---

[23] Post scriptum (букв. «после написанного») – добавление к письму после подписи. Следующая приписка называется «Post-post-scriptum».

Нетрудно представить себе, как взбудоражило меня это письмо. Я был вне себя от восторга. Всем сердцем презирал я старого Тома Редрута, который только ворчал и скулил. Любой из младших егерей с удовольствием поехал бы вместо него. Но сквайр хотел, чтобы ехал Том Редрут, а желание сквайра было для слуг законом. Никто, кроме старого Редрута, не посмел бы даже и поворчать.

На следующее утро мы оба отправились пешком в «Адмирал Бенбоу». Мать мою я застал в полном здоровье. Настроение у нее было хорошее. Со смертью капитана окончились все ее неприятности. Сквайр за свой счет отремонтировал наш дом. По его приказанию стены и вывеска были заново выкрашены. Он нам подарил кое-какую мебель, в том числе превосходное кресло, чтобы матери моей удобнее было сидеть за прилавком. На подмогу ей он нанял мальчика. Этот мальчик должен был исполнять обязанности, которые прежде исполнял я.

Только увидев чужого мальчишку в трактире, я впервые отчетливо понял, что надолго расстаюсь с родным домом. До сих пор я думал лишь о приключениях, которые ждут меня впереди, а не о доме, который я покидаю. При виде неуклюжего мальчика, занявшего мое место, я впервые залился слезами. Боюсь, что я бессовестно мучил и тиранил его. Он еще не успел привыкнуть к своему новому месту, а я не прощал ему ни единого промаха и злорадствовал, когда он ошибался.

Миновала ночь, и на следующий день после обеда мы с Редрутом вновь вышли на дорогу. Я простился с матерью, с бухтой, возле которой я жил с самого рождения, с милым старым «Адмиралом Бенбоу» – хотя, заново по-

крашенный, он стал уже не таким милым. Вспомнил я и капитана, который так часто бродил по этому берегу, его треугольную шляпу, сабельный шрам на щеке и медную подзорную трубу. Мы свернули за угол, и мой дом исчез.

Уже смеркалось, когда возле «Гостиницы короля Георга» мы сели в почтовый дилижанс. Меня втиснули между Редрутом и каким-то старым толстым джентльменом. Несмотря на быструю езду и холодную ночь, я сразу заснул. Мы мчались то вверх, то вниз, а я спал, как сурок, и проспал все станции. Меня разбудил удар в бок. Я открыл глаза. Мы стояли перед большим зданием на городской улице. Уже давно рассвело.

– Где мы? – спросил я.

– В Бристоле, – ответил Том. – Вылезай.

Мистер Трелони жил в трактире возле самых доков, чтобы наблюдать за работами на шхуне. Нам, к величайшей моей радости, пришлось идти по набережной довольно далеко, мимо множества кораблей самых различных размеров, оснасток и национальностей. На одном работали и пели. На другом матросы высоко над моей головой висели на канатах, которые снизу казались не толще паутинок. Хотя я всю жизнь прожил на берегу моря, здесь оно удивило меня так, будто я увидел его впервые. Запах дегтя и соли был нов для меня. Я разглядывал разные фигурки на носках кораблей, побывавших за океаном. Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей или архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше.

Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне, с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!

Я был погружен в эти сладостные мечты, когда мы дошли наконец до большого трактира. Нас встретил сквайр Трелони. На нем был синий мундир. Такие мундиры носят обычно морские офицеры. Он выходил из дверей, широко улыбаясь. Шел он вразвалку, старательно подражая качающейся походке моряков.

– Вот и вы! – воскликнул он. – А доктор еще вчера вечером прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе.

– О, сэр, – закричал я, – когда же мы отплываем?

– Отплываем? – переспросил он. – Завтра.

ГЛАВА VIII

Под вывеской «Подзорная труба»

Когда я позавтракал, сквайр дал мне записку к Джону Сильверу в таверну «Подзорная труба». Он объяснил мне, как искать ее: идти по набережной, пока не увидишь маленькую таверну, а над дверью большую трубу вместо вывески.

Я обрадовался возможности еще раз посмотреть корабли и матросов и тотчас же отправился в путь. С трудом пробираясь сквозь толпу народа, толкавшегося на пристани среди тюков и фургонов, я нашел наконец таверну.

Она была невелика и довольно уютна: вывеска недавно выкрашена, на окнах опрятные красные занавески, пол посыпан чистейшим песком. Таверна выходила на две улицы. Обе двери были распахнуты настежь, и в просторной низкой комнате было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма.

За столиками сидели моряки. Они так громко говорили между собой, что я остановился у двери, не решаясь войти.

Из боковой комнаты вышел человек. Я сразу понял, что это и есть Долговязый Джон. Левая нога его была отнята по самое бедро. Под левым плечом он держал костыль и необыкновенно проворно управлял им, подпрыгивая, как птица, на каждом шагу. Это был очень высокий и сильный мужчина, с широким, как окорок, плоским и бледным, но умным и веселым лицом. Ему, казалось, было очень весело. Посвистывая, шнырял он между столиками, пошучивал, похлопывая по плечу некоторых излюбленных своих посетителей.

Признаться, прочитав о Долговязом Джоне в письме сквайра, я с ужасом подумал, не тот ли это одноногий моряк, которого я так долго подстерегал в старом «Бенбоу». Но стоило мне взглянуть на этого человека, и все мои подозрения рассеялись. Я видел капитана, видел Черного Пса, видел слепого Пью и полагал, что знаю, какой вид у морских разбойников. Нет, этот опрятный и добродушный хозяин трактира нисколько не был похож на разбойника.

Я собрался с духом, перешагнул через порог и направился прямо к Сильверу, который, опершись на костыль, разговаривал с каким-то посетителем.

– Мистер Сильвер, сэр? – спросил я, протягивая ему записку.

– Да, мой мальчик, – сказал он. – Меня зовут Сильвер. А ты кто такой?

Увидев письмо сквайра, он, как мне показалось, даже вздрогнул.

– О, – воскликнул он, протягивая мне руку, – понимаю! Ты наш новый юнга. Рад тебя видеть.

И он сильно сжал мою руку в своей широкой и крепкой ладони.

В это мгновенье какой-то человек, сидевший в дальнем углу, внезапно вскочил с места и кинулся к двери. Дверь была рядом с ним, и он сразу исчез. Но торопливость его привлекла мое внимание, и я с одного взгляда узнал его. Это был трехпалый человек с одутловатым лицом, тот самый, который приходил к нам в трактир.

– Эй, – закричал я, – держите его! Это Черный Пес! Черный Пес!

– Мне наплевать, как его зовут! – вскричал Сильвер. – Но он удрал и не заплатил мне за выпивку. Гарри, беги и поймай его!

Один из сидевших возле двери вскочил и пустился вдогонку.

– Будь он хоть адмирал Хок, я и то заставил бы его заплатить! – кричал Сильвер.

Потом, внезапно отпустив мою руку, спросил:

– Как его зовут? Ты сказал – Черный... как дальше? Черный кто?

– Пес, сэр! – сказал я. – Разве мистер Трелони не рассказывал вам о наших разбойниках? Черный Пес из их шайки.

– Что? – заревел Сильвер. – В моем доме!.. Бен, беги и помоги Гарри догнать его... Так он один из этих крыс?.. Эй, Морган, ты, кажется, сидел с ним за одним столом? Поди-ка сюда.

Человек, которого он назвал Морганом, – старый, седой, загорелый моряк, – покорно подошел к нему, жуя табачную жвачку.

– Ну, Морган, – строго спросил Долговязый, – видал ли ты когда-нибудь прежде этого Черного... как его... Черного Пса?

– Никогда, сэр, – ответил Морган и поклонился.

– И даже имени его не слыхал?

– Не слыхал, сэр.

– Ну, твое счастье. Том Морган! – воскликнул кабатчик. – Если ты станешь путаться с негодяями, ноги твоей не будет в моем заведении! О чем он с тобой говорил?

– Не помню хорошенько, сэр, – ответил Морган.

– И ты можешь называть головой то, что у тебя на плечах? Или это у тебя юферс[24]? – закричал Долговязый Джон. – Он не помнит хорошенько! Может, ты и понятия не имеешь, с кем ты разговаривал? Ну, выкладывай, о чем он сейчас говорил! Вы растабарывали оба о плаваниях, кораблях, капитанах? Ну! Живо!

– Мы говорили о том, как людей под килем протягивают[25], – ответил Морган.

– Под килем! Вполне подходящий для тебя разговор. Эх, ты! Ну, садись на место, Том, дуралей...

---

[24] Юферс – блок для натягивания вант.

[25] Протягивать под килем – вид наказания в английском флоте в XVIII веке.

Когда Морган сел за свой столик, Сильвер по-приятельски наклонился к моему уху, что очень мне польстило, и прошептал:

– Честнейший малый этот Том Морган, но ужасный дурак. А теперь, – продолжал он вслух, – попробуем вспомнить. Черный Пес? Нет, никогда не слыхал о таком. Как будто я его где-то видел. Он нередко... да-да... заходил сюда с каким-то слепым нищим.

– Да-да, со слепым! – вскричал я. – Я и слепого этого знал. Его звали Пью.

– Верно! – воскликнул Сильвер, на этот раз очень взволнованный. – Пью! Именно так его и звали. С виду он был большая каналья. Если этот Черный Пес попадется нам в руки, капитан Трелони будет очень доволен. У Бена отличные ноги. Редкий моряк бегает быстрее Бена. Нет, от Бена не уйдешь. Бен кого хочешь догонит... Так он говорил о том, как протягивают моряков на канате? Ладно, ладно, уж мы протянем его самого...

Сильвер прыгал на своем костыле, стучал кулаком по столам и говорил с таким искренним возмущением, что даже судья в Олд Бейли[26] или лондонский полицейский поверили бы в полнейшую его невиновность.

Встреча с Черным Псом в «Подзорной трубе» пробудила все мои прежние подозрения, и я внимательно следил за поваром. Но он был слишком умен, находчив и ловок для меня.

Наконец вернулись те двое, которых он послал вдогонку за Черным Псом. Тяжело дыша, они объявили, что

---

[26] Олд Бейли – суд в Лондоне.

Черному Псу удалось скрыться от них в толпе. И кабатчик принялся ругать их с такой яростью, что я окончательно убедился в полной невиновности Долговязого Джона.

– Слушай, Хокинс, – сказал он, – для меня эта история может окончиться плохо. Что подумает обо мне капитан Трелони? Этот проклятый голландец сидел в моем доме и лакал мою выпивку! Потом приходишь ты и говоришь мне, что он из разбойничьей шайки. И все же я даю ему улизнуть от тебя перед самыми моими иллюминаторами[27]. Ну, Хокинс, поддержи меня перед капитаном Трелони! Ты молод, но не глуп. Тебя не проведешь. Да, да, да! Я это сразу заметил. Объясни же капитану, что я на своей деревяшке никак не мог угнаться за этим чертовым псом. Если бы я был первоклассный моряк, как в старое время, он бы от меня не ушел, я бы его насадил на вертел в две минуты, но теперь...

Он вдруг умолк и широко разинул рот, словно что-то вспомнил.

– А деньги? – крикнул он. – За три кружки! Вот дьявол, про деньги-то я и забыл!

Рухнув на скамью, он захохотал и хохотал до тех пор, пока слезы не потекли у него по щекам. Хохот его был так заразителен, что я не удержался и стал хохотать вместе с ним, пока вся таверна не задрожала от хохота.

– Я хоть и стар, а какого разыграл морского теленка! – сказал он наконец, вытирая щеки. – Я вижу, Хокинс, мы с тобой будем хорошей парой. Ведь я и сейчас оказался не лучше юнги... Однако надо идти: дело есть дело, ребята. Я

---

[27] Иллюминатор – круглое окно в борту судна.

надену свою старую треуголку и пойду вместе с тобой к капитану Трелони доложить ему обо всем, что случилось. А ведь дело-то серьезное, молодой Хокинс, и, надо сознаться, ни мне, ни тебе оно чести не приносит. Нет, нет! Ни мне, ни тебе: обоих нас околпачили здорово. Однако, черт его побери, как надул он меня с этими деньгами!

Он снова захохотал, и с таким жаром, что я, хотя не видел тут ничего смешного, опять невольно присоединился к нему.

Мы пошли по набережной. Сильвер оказался необыкновенно увлекательным собеседником. О каждом корабле, мимо которого мы проходили, он сообщал мне множество сведений: какие у него снасти, сколько он может поднять груза, из какой страны он прибыл. Он объяснял мне, что делается в порту: одно судно разгружают, другое нагружают, а вон то, третье, сейчас выходит в открытое море. Он рассказывал мне веселые истории о кораблях и моряках. То и дело употреблял он всякие морские словечки и повторял их по нескольку раз, чтобы я лучше запомнил их. Я начал понемногу понимать, что лучшего товарища, чем Сильвер, в морском путешествии не найдешь.

Наконец мы пришли в трактир. Сквайр и доктор Ливси пили пиво, закусывая поджаренными ломтиками белого хлеба.

Они собирались на шхуну – посмотреть, как ее снаряжают.

Долговязый Джон рассказал им все, что случилось в таверне, с начала и до конца, очень пылко и совершенно правдиво.

– Ведь так оно и было, не правда ли, Хокинс? – спрашивал он меня поминутно.

И я всякий раз полностью подтверждал его слова. Оба джентльмена очень жалели, что Черному Псу удалось убежать. Но что можно было сделать? Выслушав их похвалы, Долговязый Джон взял костыль и направился к выходу.

– Команде быть на корабле к четырем часам дня! – крикнул сквайр ему вдогонку.

– Есть, сэр! – ответил повар.

– Ну, сквайр, – сказал доктор Ливси, – говоря откровенно, я не вполне одобряю большинство приобретений, сделанных вами, но Джон Сильвер мне по вкусу.

– Чудесный малый, – отозвался сквайр.

– Джим пойдет сейчас с нами на шхуну, не так ли? – прибавил доктор.

– Конечно, конечно, – сказал сквайр. – Хокинс, возьми свою шляпу, сейчас мы пойдем посмотреть наш корабль.

ГЛАВА IX

Порох и оружие

«Испаньола» стояла довольно далеко от берега. Чтобы добраться до нее, нам пришлось взять лодку и лавировать среди других кораблей. Перед нами вырастали то украшенный фигурами нос, то корма. Канаты судов скрипели под нашим килем и свешивались у нас над головами. На борту нас приветствовал штурман мистер Эрроу, старый моряк, косоглазый и загорелый, с серьгами в ушах. Между ним и сквайром были, очевидно, самые близкие, приятельские отношения.

Но с капитаном сквайр явно не ладил.

Капитан был человек угрюмый. Все на корабле раздражало его. Причины своего недовольства он не замедлил изложить перед нами. Едва мы спустились в каюту, как явился матрос и сказал:

– Капитан Смоллетт, сэр, хочет с вами поговорить.

– Я всегда к услугам капитана. Попроси его пожаловать сюда, – ответил сквайр.

Капитан, оказалось, шел за своим послом. Он сразу вошел в каюту и запер за собой дверь.

– Ну, что скажете, капитан Смоллетт? Надеюсь, все в порядке? Шхуна готова к отплытию?

– Вот что, сэр, – сказал капитан, – я буду говорить откровенно, даже рискуя поссориться с вами. Мне не нравится эта экспедиция. Мне не нравятся наши матросы. Мне не нравится мой помощник. Вот и все. Коротко и ясно.

– Быть может, сэр, вам не нравится также и шхуна? – спросил сквайр, и я заметил, что он очень разгневан.

– Я ничего не могу сказать о ней, сэр, пока не увижу ее в плавании, – ответил ему капитан. – Кажется, она построена неплохо. Но судить об этом еще рано.

– Тогда, сэр, быть может, вам не нравится ваш хозяин? – спросил сквайр.

Но тут вмешался доктор Ливси.

– Погодите, – сказал он, – погодите. Этак ничего, кроме ссоры, не выйдет. Капитан сказал нам и слишком много и слишком мало, и я имею право попросить у него объяснений... Вы, кажется, сказали, капитан, что вам не нравится наша экспедиция? Почему?

– Меня пригласили, сэр, чтобы я вел судно туда, куда пожелает этот джентльмен, и не называли цели путешествия, – сказал капитан. – Отлично, я ни о чем не расспрашивал. Но вскоре я убедился, что самый последний матрос знает о цели путешествия больше, чем я. По-моему, это некрасиво. А как по-вашему?

– По-моему, тоже, – сказал доктор Ливси.

– Затем, – продолжал капитан, – я узнал, что мы едем искать сокровища. Я услыхал об этом, заметьте, от своих собственных подчиненных. А искать сокровища – дело щекотливое. Поиски сокровищ вообще не по моей части, и я не чувствую никакого влечения к подобным занятиям, особенно если эти занятия секретные, а секрет – прошу прощенья, мистер Трелони! – выболтан, так сказать, попугаю.

– Попугаю Сильвера? – спросил сквайр.

– Нет, это просто поговорка, – пояснил капитан. – Она означает, что секрет уже ни для кого не секрет. Мне кажется, вы недооцениваете трудности дела, за которое взялись, и я скажу вам, что я думаю об этом: вам предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

– Вы совершенно правы, – ответил доктор. – Мы сильно рискуем. Но вы ошибаетесь, полагая, что мы не отдаем себе отчета в опасностях, которые нам предстоят. Вы сказали, что вам не нравится наша команда. Что ж, по-вашему, мы наняли недостаточно опытных моряков?

– Не нравятся мне они, – отвечал капитан. – И, если говорить начистоту, нужно было поручить набор команды мне.

– Не спорю, – ответил доктор. – Моему другу, пожа-

луй, следовало набирать команду вместе с вами. Это промах, уверяю вас, совершенно случайный. Тут не было ничего преднамеренного. Затем, кажется, вам не нравится мистер Эрроу?

– Не нравится, сэр. Я верю, что он хороший моряк. Но он слишком распускает команду, чтобы быть хорошим помощником. Он фамильярничает со своими матросами. Штурман на корабле должен держаться в стороне от матросов. Он не может пьянствовать с ними.

– Вы хотите сказать, что он пьяница? – спросил сквайр.

– Нет, сэр, – ответил капитан. – Я только хочу сказать, что он слишком распускает команду.

– А теперь, – попросил доктор, – скажите нам напрямик, капитан, чего вам от нас нужно.

– Вы твердо решили отправиться в это плавание, джентльмены?

– Бесповоротно, – ответил сквайр.

– Отлично, – сказал капитан. – Если вы до сих пор терпеливо меня слушали, хотя я и говорил вещи, которых не мог доказать, послушайте и дальше. Порох и оружие складывают в носовой части судна[28]. А между тем есть прекрасное помещение под вашей каютой. Почему бы не сложить их туда? Это первое. Затем, вы взяли с собой четверых слуг. Кого-то из них, как мне сказали, тоже хотят поместить в носовой части. Почему не устроить им койки возле вашей каюты? Это второе.

– Есть и третье? – спросил мистер Трелони.

– Есть, – сказал капитан. – Слишком много болтают.

– Да, чересчур много болтают, – согласился доктор.

---

[28] В носовой части судна помещались матросы.

– Передам вам только то, что я слышал своими ушами, – продолжал капитан Смоллетт. – Говорят, будто у вас есть карта какого-то острова. Будто на карте крестиками обозначены места, где зарыты сокровища. Будто этот остров лежит...

И тут он с полной точностью назвал широту и долготу нашего острова.

– Я не говорил этого ни одному человеку! – воскликнул сквайр.

– Однако каждый матрос знает об этом, сэр, – возразил капитан.

– Это вы, Ливси, все разболтали! – кричал сквайр. – Или ты, Хокинс...

– Теперь уже все равно, кто разболтал, – сказал доктор.

Я заметил, что ни он, ни капитан не поверили мистеру Трелони, несмотря на все его оправдания. Я тоже тогда не поверил, потому что он действительно был великий болтун. А теперь я думаю, что тогда он говорил правду и что команде было известно и без нас, где находится остров.

– Я, джентльмены, не знаю, у кого из вас хранится эта карта, – продолжал капитан. – И я настаиваю, чтобы она хранилась в тайне и от меня, и от мистера Эрроу. В противном случае я буду просить вас уволить меня.

– Понимаю, – сказал доктор. – Во-первых, вы хотите прекратить лишние разговоры. Во-вторых, вы хотите устроить крепость в кормовой части судна, собрать в нее слуг моего друга и передать им все оружие и порох, которые имеются на борту. Другими словами, вы опасаетесь бунта.

– Сэр, – сказал капитан Смоллетт, – я не обижаюсь, но не хочу, чтобы вы приписывали мне слова, которых я не

говорил. Нельзя оправдать капитана, решившего выйти в море, если у него есть основания опасаться бунта. Я уверен, что мистер Эрроу честный человек. Многие матросы тоже честные люди. Быть может, все они честные люди. Но я отвечаю за безопасность корабля и за жизнь каждого человека на борту. Я вижу, что многое делается не так, как следует. Прошу вас принять меры предосторожности или уволить меня. Вот и все.

– Капитан Смоллетт, – начал доктор, улыбаясь, – вы слыхали басню о горе, которая родила мышь? Простите меня, но вы напомнили мне эту басню. Когда вы явились сюда, я готов был поклясться моим париком, что вы потребуете у нас много больше.

– Вы очень догадливы, доктор, – сказал капитан. – Явившись сюда, я хотел потребовать расчета, ибо у меня не было ни малейшей надежды, что мистер Трелони согласится выслушать хоть одно мое слово.

– И не стал бы слушать! – крикнул сквайр. – Если бы не Ливси, я бы сразу послал вас ко всем чертям. Но как бы то ни было, я выслушал вас и сделаю все, что вы требуете. Однако мнение мое о вас изменилось к худшему.

– Это как вам угодно, сэр, – сказал капитан. – Потом вы поймете, что я исполнил свой долг. – И он удалился.

– Трелони, – сказал доктор, – против своего ожидания, я убедился, что вы пригласили на корабль двух честных людей: капитана Смоллетта и Джона Сильвера.

– Насчет Сильвера я с вами согласен, – воскликнул сквайр, – а поведение этого несносного враля я считаю недостойным мужчины, недостойным моряка и, во всяком случае, недостойным англичанина!

– Ладно, – сказал доктор, – увидим.

Когда мы вышли на палубу, матросы уже начали перетаскивать оружие и порох. «Йо-хо-хо!» – пели они во время работы. Капитан и мистер Эрроу распоряжались.

Мне очень понравилось, как нас разместили по-новому. Всю шхуну переоборудовали. На корме из бывшей задней части среднего трюма устроили шесть кают, которые соединялись запасным проходом по левому борту с камбузом[29] и баком[30]. Сначала их предназначали для капитана, мистера Эрроу, Хантера, Джойса, доктора и сквайра. Но затем две из них отдали Редруту и мне, а мистер Эрроу и капитан устроились на палубе, в сходном тамбуре[31], который был так расширен с обеих сторон, что мог сойти за кормовую рубку[32]. Он, конечно, был тесноват, но все же в нем поместилось два гамака. Даже штурман, казалось, был доволен таким размещением. Возможно, он тоже не доверял команде. Впрочем, это только мое предположение, потому что, как вы скоро увидите, он недолго находился на шхуне.

Мы усердно работали, перетаскивая порох и устраивая наши каюты, когда наконец с берега явились в шлюпке последние матросы и вместе с ними Долговязый Джон.

Повар взобрался на судно с ловкостью обезьяны и, как только заметил, чем мы заняты, крикнул:

– Эй, приятели, что же вы делаете?

– Переносим бочки с порохом, Джон, – ответил один из матросов.

---

[29] Камбуз – корабельная кухня.
[30] Бак – возвышение в передней части корабля.
[31] Камбуз – корабельная кухня.
[32] Рубка – возвышение на палубе судна для управления.

– Зачем, черт вас побери? – закричал Долговязый. – Ведь этак мы прозеваем утренний отлив!

– Они исполняют мое приказание! – оборвал его капитан. – А вы, милейший, ступайте на кухню, чтобы матросы могли поужинать вовремя.

– Слушаю, сэр, – ответил повар.

И, прикоснувшись рукой к пряди волос на лбу, нырнул в кухонную дверь.

– Вот это славный человек, капитан, – сказал доктор.

– Весьма возможно, сэр, – ответил капитан Смоллетт. – Осторожней, осторожней, ребята!

И он побежал к матросам. Матросы волокли бочку с порохом. Вдруг он заметил, что я стою и смотрю на вертлюжную пушку[33], которая была установлена в средней части корабля, – медную девятифунтовку, и сейчас же налетел на меня.

– Эй, юнга, – крикнул он, – прочь отсюда! Ступай к повару, он даст тебе работу.

И, убегая на кухню, я слышал, как он громко сказал доктору:

– Я не потерплю, чтобы на судне у меня были любимчики!

Уверяю вас, в эту минуту я совершенно согласился со сквайром, что капитан – невыносимый человек, и возненавидел его.

---

[33] Вертлюжная пушка – пушка, поворачивающаяся на специальной вращающейся установке – вертлюге.

ГЛАВА X

Плавание

Суматоха продолжалась всю ночь. Мы перетаскивали вещи с места на место. Шлюпка то и дело привозила с берега друзей сквайра, вроде мистера Блендли, приехавших пожелать ему счастливого плавания и благополучного возвращения домой. Никогда раньше в «Адмирале Бенбоу» мне не приходилось работать так много.

Я уже устал, как собака, когда перед самым рассветом боцман заиграл на дудке и команда принялась поднимать якорь.

Впрочем, если бы даже я устал вдвое больше, я и то не ушел бы с палубы. Все было ново и увлекательно для меня – и отрывистые приказания, и резкий звук свистка, и люди, суетливо работающие при тусклом свете корабельных фонарей.

– Эй, Окорок, затяни-ка песню! – крикнул один из матросов.

– Старую! – крикнул другой.

– Ладно, ребята, – отвечал Долговязый Джон, стоявший тут же, на палубе, с костылем под мышкой.

И запел песню, которая была так хорошо мне известна:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

Вся команда подхватила хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому! –

при последнем «хо» матросы дружно нажали на вымбовки шпиля.

Мне припомнился наш старый «Адмирал Бенбоу», почудилось, будто голос покойного Бонса внезапно присоединился к матросскому хору.

Скоро якорь был поднят и укреплен на носу. С него капала вода. Ветер раздул паруса. Земля отступила. Корабли, окружавшие нас, стали удаляться. И прежде чем я лег на койку, чтобы подремать хоть часок, «Испаньола» начала свое плавание к Острову Сокровищ.

Я не стану описывать подробности нашего путешествия. Оно было очень удачно. Корабль оказался образцовым, команда состояла из опытных моряков, капитан превосходно знал свое дело. Но прежде чем мы достигли Острова Сокровищ, случилось два-три события, о которых стоит упомянуть.

Раньше всего выяснилось, что мистер Эрроу гораздо хуже, чем думал о нем капитан. Он не пользовался у матросов никаким авторитетом, и его никто не слушал. Но это еще не самое худшее. Через день-два после отплытия он стал появляться на палубе с мутными глазами и пылающими щеками. Язык его заплетался. Налицо были и другие признаки опьянения. Время от времени его приходилось с позором гнать в каюту. Он часто падал и расшибался. Случалось, пролеживал целые дни у себя на койке, не вставая. Бывало, конечно, что он дня два ходил почти трезвый и тогда кое-как справлялся со своими обязанностями.

Мы никак не могли понять, откуда он достает выпивку. Весь корабль ломал голову над этой загадкой. Мы сле-

дили за ним, но ничего не выследили. Когда мы спрашивали его напрямик, он, если был пьян, только хохотал нам в глаза, а если был трезв, торжественно клялся, что за всю жизнь ничего не пил, кроме воды.

Как штурман он никуда не годился и оказывал дурное влияние на своих подчиненных. Было ясно, что он плохо кончит. И никто не удивился и не опечалился, когда однажды темной, бурной ночью он исчез с корабля.

– Свалился за борт! – решил капитан. – Что же, джентльмены, это избавило нас от необходимости заковывать его в кандалы.

Таким образом, мы остались без штурмана. Нужно было выдвинуть на эту должность кого-нибудь из команды. Выбор пал на боцмана Джоба Эндерсона. Его по-прежнему называли боцманом, но исполнял он обязанности штурмана.

Мистер Трелони, много странствовавший и хорошо знавший море, тоже пригодился в этом деле – он стоял в хорошую погоду на вахте. Второй боцман, Израэль Хендс, был усердный старый, опытный моряк, которому можно было поручить почти любую работу.

Он, между прочим, дружил с Долговязым Джоном Сильвером, и раз уж я упомянул это имя, придется рассказать о Сильвере подробнее.

Матросы называли его Окороком. Он привязывал свой костыль веревкой к шее, чтобы руки у него были свободны. Стоило посмотреть, как он, упираясь костылем в стену, покачиваясь с каждым движением корабля, стряпал, словно находился на твердой земле! Еще любопытнее было видеть, как ловко и быстро пробегал он в бурную пого-

ду по палубе, хватаясь за канаты, протянутые для него в самых широких местах. Эти канаты назывались у матросов «сережками Долговязого Джона». И на ходу он то держался за эти «сережки», то пускал в дело костыль, то тащил его за собой на веревке.

Все же матросы, которые плавали с ним прежде, очень жалели, что он уже не тот, каким был.

– Наш Окорок не простой человек, – говорил мне второй боцман. – В молодости он был школяром и, если захочет, может разговаривать, как книга. А какой он храбрый! Лев перед ним ничто, перед нашим Долговязым Джоном. Я видел сам, как на него, безоружного, напало четверо, а он схватил их и стукнул головами вот так.

Вся команда относилась к нему с уважением и даже подчинялась его приказаниям. С каждым он умел поговорить, каждому умел угодить. Со мной он всегда был особенно ласков. Всякий раз радовался, когда я заходил к нему в камбуз, который он содержал в удивительной чистоте. Посуда у него всегда была аккуратно развешана и вычищена до блеска. В углу, в клетке, сидел попугай.

– Хокинс, – говорил мне Сильвер, – заходи, поболтай с Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот Капитан Флинт... я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата... так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей... Верно, Капитан?

И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!

И повторял до тех пор, пока не выбивался из сил или пока Джон не покрывал его клетку платком.

– Этой птице, – говорил он, – наверно, лет двести, Хокинс. Попугаи живут без конца. Разве только дьявол повидал на своем веку столько зла, сколько мой попугай. Он плавал с Инглендом, с прославленным капитаном Инглендом, пиратом. Он побывал на Мадагаскаре, на Малабаре[34], в Суринаме[35], на Провиденсе[36], в Порто-Белло[37]. Он видел, как вылавливают груз с затонувших галеонов[38]. Вот когда он научился кричать «пиастры». И нечему тут удивляться: в тот день выловили триста пятьдесят тысяч пиастров, Хокинс! Этот попугай присутствовал при нападении на вице-короля Индии невдалеке от Гоа. А с виду он кажется младенцем... Но ты понюхал пороху, не правда ли, Капитан?

– Поворачивай на другой галс[39]! – кричал попугай.

– Он у меня отличный моряк, – приговаривал повар и угощал попугая кусочками сахара, которые доставал из кармана.

Попугай долбил клювом прутья клетки и ругался скверными словами.

– Поживешь среди дегтя – поневоле запачкаешься, – объяснял мне Джон. – Эта бедная, старая невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит. Она ругалась бы и перед господом богом.

С этими словами Джон так торжественно прикоснулся к своей пряди на лбу, что я счел его благороднейшим человеком на свете.

---

[34] Малабар – область на юго-западном побережье Индии.

[35] Суринам – государство в Южной Америке.

[36] Провиденс – остров в Индийском океане.

[37] Порто-Белло – порт в Шотландии.

[38] Галеоны – испанские корабли, на которых перевозили золото из испанской Америки в Испанию.

[39] Галс – направление движения судна относительно ветра.

Отношения между сквайром и капитаном Смоллеттом были по-прежнему очень натянутые. Сквайр, не стесняясь, отзывался о капитане презрительно. Капитан никогда не заговаривал со сквайром, а когда сквайр спрашивал его о чем-нибудь, отвечал резко, кратко и сухо. Прижатый в угол, он вынужден был сознаться, что, по-видимому, ошибся, дурно отзываясь о команде. Многие матросы работали образцово, и вся команда вела себя превосходно. А в шхуну он просто влюбился.

– Она слушается руля, как хорошая жена слушается мужа, сэр. Но, – прибавлял он, – домой мы еще не вернулись, и плавание наше мне по-прежнему очень не нравится.

Сквайр при этих словах поворачивался к капитану спиной и принимался шагать по палубе, задрав подбородок кверху.

– Еще немного, – говорил он, – и этот человек окончательно выведет меня из терпения.

Нам пришлось перенести бурю, которая только подтвердила достоинства нашей «Испаньолы». Команда казалась довольной, да и неудивительно. По-моему, ни на одном судне с тех пор, как Ной впервые пустился в море, так не баловали команду. Пользовались всяким предлогом, чтобы выдать морякам двойную порцию грога. Стоило сквайру услышать о дне рождения кого-нибудь из матросов, и тотчас же всех оделяли пудингом. На палубе всегда стояла бочка с яблоками, чтобы каждый желающий мог лакомиться ими, когда ему вздумается.

– Ничего хорошего не выйдет из этого, – говорил капитан доктору Ливси. – Это их только портит. Уж вы мне поверьте.

Одна бочка с яблоками, как вы увидите, сослужила нам огромную службу. Только благодаря этой бочке мы были вовремя предупреждены об опасности и не погибли от руки предателей.

Вот как это произошло. Мы двигались сначала против пассатов, чтобы выйти на ветер к нашему острову, – яснее я сказать не могу, – а теперь шли к нему по ветру. Днем и ночью глядели мы вдаль, ожидая, что увидим его на горизонте. Согласно вычислениям, нам оставалось плыть менее суток. Либо сегодня ночью, либо самое позднее завтра перед полуднем мы увидим Остров Сокровищ. Курс держали на юго-юго-запад. Дул ровный ветер на траверсе[40]. Море было спокойно. «Испаньола» неслась вперед, иногда ее бушприт[41] обрызгивали волны. Все шло прекрасно. Все находились в отличном состоянии духа, все радовались окончанию первой половины нашего плавания.

Когда зашло солнце и работа моя была кончена, я, направляясь к своей койке, вдруг подумал, что неплохо было бы съесть яблоко. Быстро выскочил я на палубу. Вахтенные стояли на носу и глядели в море, надеясь увидеть остров. Рулевой, наблюдая за наветренным[42] углом парусов, тихонько посвистывал. Все было тихо, только вода шелестела за бортом.

Оказалось, что в бочке всего одно яблоко. Чтобы достать его, мне пришлось влезть в бочку. Сидя там в темно-

---

[40] Траверс – направление, перпендикулярное курсу судна.

[41] Бушприт – брус, выступающий перед носом корабля.

[42] Наветренная сторона – подверженная действию ветра; подветренная – противоположная той, на которую дует ветер.

те, убаюканный плеском воды и мерным покачиваньем судна, я чуть было не заснул. Вдруг кто-то грузно опустился рядом с бочкой на палубу. Бочка чуть-чуть качнулась: он оперся о нее спиной. Я уже собирался выскочить, как вдруг человек этот заговорил. Я узнал голос Сильвера, и, прежде чем он успел произнести несколько слов, я решил не вылезать из бочки ни за что на свете. Я лежал на дне, дрожа и вслушиваясь, задыхаясь от страха и любопытства. С первых же слов я понял, что жизнь всех честных людей на судне находится у меня в руках.

ГЛАВА XI

Что я услышал, сидя в бочке из-под яблок

– Нет, не я, – сказал Сильвер. – Капитаном был Флинт. А я был квартирмейстером[43], потому что у меня нога деревянная. Я потерял ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял свои иллюминаторы. Мне ампутировал ее ученый хирург – он учился в колледже и знал всю латынь наизусть. А все же не отвертелся от виселицы – его вздернули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке... рядом с другими. Да! То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему – как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия «Кассандры», и она благополучно доставила нас домой с

[43] Квартирмейстер – заведующий продовольствием.

Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и «Морж», старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну.

– Эх, – услышал я восхищенный голос самого молчаливого из наших матросов, – что за молодец этот Флинт!

– Дэвис, говорят, был не хуже, – сказал Сильвер. – Но я никогда с ним не плавал. Я плавал сначала с Инглендом, потом с Флинтом. А теперь вышел в море сам. Я заработал девятьсот фунтов стерлингов у Ингленда да тысячи две у Флинта. Для простого матроса это не так плохо. Деньги вложены в банк и дают изрядный процент. Дело не в умении заработать, а в умении сберечь... Где теперь люди Ингленда? Не знаю... Где люди Флинта? Большей частью здесь, на корабле, и рады, когда получают пудинг. Многие из них жили на берегу, как последние нищие. С голоду подыхали, ей-богу! Старый Пью, когда потерял глаза, а также и стыд, стал проживать тысячу двести фунтов в год, словно лорд из парламента. Где он теперь? Умер и гниет в земле. Но два года назад ему уже нечего было есть. Он просил милостыню, он воровал, он резал глотки и все-таки не мог прокормиться!

– Вот и будь пиратом! – сказал молодой моряк.

– Не будь только дураком! – воскликнул Сильвер. – Впрочем, не о тебе разговор: ты хоть молод, а не глуп. Тебя не надуешь! Я это сразу заметил, едва только увидел тебя, и буду разговаривать с тобой, как с мужчиной.

Можете себе представить, что я почувствовал, услышав, как этот старый мошенник говорит другому те же самые льстивые слова, которые говорил мне!

Если бы я мог, я убил бы его...

А тем временем Сильвер продолжал говорить, не подозревая, что его подслушивают:

– Так всегда с джентльменами удачи[44]. Жизнь у них тяжелая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и пьют как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропита, деньги растрачены – и снова в море в одних рубашках. Но я поступаю не так. Я вкладываю все свои деньги по частям в разные банки, но нигде не кладу слишком много, чтобы не возбудить подозрения. Мне пятьдесят лет, заметь. Вернувшись из этого плавания, я буду жить, как живут самые настоящие джентльмены... Пора уже, говоришь? Ну что ж, я и до этого пожил неплохо. Никогда ни в чем себе не отказывал. Мягко спал и вкусно ел. Только в море приходилось иногда туговато. А как я начал? Матросом, как ты.

– А ведь прежние ваши деньги теперь пропадут, – сказал молодой матрос. – Как вы покажетесь в Бристоле после этого плавания?

– А где, по-твоему, теперь мои деньги? – спросил Сильвер насмешливо.

– В Бристоле, в банках и прочих местах, – ответил матрос.

– Да, они были там, – сказал повар. – Они были там, когда мы подымали наш якорь. Но теперь моя старуха уже взяла их оттуда. «Подзорная труба» продана вместе с арендованным участком, клиентурой и оснасткой, а стару-

---

[44] Джентльмены удачи – прозвище пиратов.

ха уехала и поджидает меня в условленном месте. Я бы сказал тебе, где это место, потому что вполне доверяю тебе, да, боюсь, остальные обидятся, что я не сказал и им.

– А старухе своей вы доверяете? – спросил матрос.

– Джентльмены удачи, – ответил повар, – редко доверяют друг другу. И правильно делают. Но меня провести нелегко. Кто попробует отпустить канат, чтобы старый Джон брякнулся, недолго проживет на этом свете. Одни боялись Пью, другие – Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной... Команда у него была отчаянная. Сам дьявол и тот не решился бы пуститься с нею в открытое море. Ты меня знаешь, я хвастать не стану, я добродушный и веселый человек, но, когда я был квартирмейстером, старые пираты Флинта слушались меня, как овечки. Ого-го-го, какая дисциплина была на судне у старого Джона!

– Скажу вам по совести, – признался матрос, – до этого разговора, Джон, дело ваше было мне совсем не по вкусу. Но теперь вот моя рука, я согласен.

– Ты храбрый малый и очень неглуп, – ответил Сильвер и с таким жаром пожал протянутую руку, что бочка моя закачалась. – Из тебя получится такой отличный джентльмен удачи, какого я еще никогда не видал!

Мало-помалу я начал понимать тот язык, на котором они говорили. «Джентльменами удачи» они называли пиратов. Я был свидетелем последней главы в истории о том, как соблазняли честного матроса вступить в эту разбойничью шайку – быть может, последнего честного матроса на всем корабле. Впрочем, я тотчас же убедился, что этот матрос не единственный. Сильвер тихонько свистнул, и к бочке подсел еще кто-то.

– Дик уже наш, – сказал Сильвер.

– Я знал, что он будет нашим, – услышал я голос второго боцмана, Израэля Хендса. – Он не из дураков, этот Дик.

Некоторое время он молча жевал табак, потом сплюнул и обратился к Долговязому Джону:

– Скажи, Окорок, долго мы будем вилять, как маркитантская лодка? Клянусь громом, мне до смерти надоел капитан! Довольно ему мной командовать! Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина.

– Израэль, – сказал Сильвер, – твоя башка очень недорого стоит, потому что в ней никогда не бывало мозгов. Но слушать ты можешь, уши у тебя длинные. Так слушай: ты будешь спать по-прежнему в кубрике, ты будешь есть грубую пищу, ты будешь послушен, ты будешь учтив и ты не выпьешь ни капли вина до тех пор, покуда я не скажу тебе нужного слова. Во всем положись на меня, сынок.

– Разве я отказываюсь? – проворчал второй боцман. – Я только спрашиваю: когда?

– Когда? – закричал Сильвер. – Ладно, я скажу тебе когда. Как можно позже – вот когда! Капитан Смоллетт, первостепенный моряк, для нашей же выгоды ведет наш корабль. У сквайра и доктора имеется карта, но разве я знаю, где они прячут ее! И ты тоже не знаешь. Так вот, пускай сквайр и доктор найдут сокровища и помогут нам погрузить их на корабль. А тогда мы посмотрим. Если бы я был уверен в таком голландском отродье, как вы, я бы предоставил капитану Смоллетту довести нас назад до половины пути.

– Мы и сами неплохие моряки! – возразил Дик.

– Неплохие матросы, ты хочешь сказать, – поправил его Сильвер. – Мы умеем ворочать рулем. Но кто вычислит курс? На это никто из вас не способен, джентльмены. Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллетту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата. Тогда знал бы, по крайней мере, что плывешь правильно и что не придется выдавать пресную воду по ложечке в день. Но я знаю, что вы за народ. Придется расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровище сюда, на корабль. А очень жаль! Но вам только бы поскорее дорваться до выпивки. По правде сказать, у меня сердце болит, когда я думаю, что придется возвращаться с такими людьми, как вы.

– Полегче, Долговязый! – крикнул Израэль. – Ведь с тобой никто не спорит.

– Разве мало я видел больших кораблей, которые погибли попусту? Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? – воскликнул Сильвер. – А почему? А все потому, что спешили, спешили, спешили... Послушайте меня: я поплавал по морю и коечего повидал в своей жизни. Если бы вы умели управлять кораблем и бороться с ветрами, вы все давно катались бы в каретах. Но куда вам! Знаю я вашего брата. Налакаетесь рому – и на виселицу.

– Всем известно, Джон, что ты вроде капеллана[45], – возразил ему Израэль. – Но ведь были другие, которые не хуже тебя умели управлять кораблем. Они любили позабавиться. Но они не строили из себя командиров и сами кутили и другим не мешали.

---

[45] Капеллан – судовой священник.

– Да, – сказал Сильвер. – А где они теперь? Такой был Пью – и умер в нищете. И Флинт был такой – и умер от рома в Саванне. Да, это были приятные люди, веселые... Только где они теперь, вот вопрос!

– Что мы сделаем с ними, – спросил Дик, – когда они попадут к нам в руки?

– Вот этот человек мне по вкусу! – с восхищением воскликнул повар. – Не о пустяках говорит, а о деле. Что же, по-твоему, с ними сделать? Высадить их на какой-нибудь пустынный берег? Так поступил бы Ингленд. Или зарезать их всех, как свиней? Так поступил бы Флинт или Билли Бонс.

– Да, у Билли была такая манера, – сказала Израэль. – «Мертвые не кусаются», говаривал он. Теперь он сам мертв и может проверить свою поговорку на опыте. Да, Билли был мастер на эти дела.

– Верно, – сказал Сильвер. – Билли был в этих делах молодец. Спуску не давал никому. Но я человек добродушный, я джентльмен; однако я вижу, что дело серьезное. Долг прежде всего, ребята. И я голосую – убить. Я вовсе не желаю, чтобы ко мне, когда я стану членом парламента и буду разъезжать в золоченой карете, ввалился, как черт к монаху, один из этих тонконогих стрекулистов. Надо ждать, пока плод созреет. Но когда он созреет, его надо сорвать!

– Джон, – воскликнул боцман, – ты герой!

– В этом ты убедишься на деле, Израэль, – сказал Сильвер. – Я требую только одного: уступите мне сквайра Трелони. Я хочу собственными руками отрубить его телячью голову... Дик, – прибавил он вдруг, – будь добр,

прыгни в бочку и достань мне, пожалуйста, яблоко – у меня вроде как бы горло пересохло.

Можете себе представить мой ужас! Я бы выскочил и бросился бежать, если бы у меня хватило сил, но сердце мое и ноги и руки сразу отказались мне служить. Дик уже встал было на ноги, как вдруг его остановил голос Хендса:

– И что тебе за охота сосать эту гниль, Джон! Дай-ка нам лучше рому.

– Дик, – сказал Сильвер, – я доверяю тебе. Там у меня припрятан бочонок. Вот тебе ключ. Нацеди чашку и принеси.

Несмотря на весь мой страх, я все же в ту минуту подумал: «Так вот откуда мистер Эрроу доставал ром, погубивший его!»

Как только Дик отошел, Израэль начал шептать что-то повару на ухо. Я расслышал всего два-три слова, но и этого было достаточно.

– Никто из остальных не соглашается, – прошептал Израэль.

Значит, на корабле оставались еще верные люди! Когда Дик возвратился, все трое по очереди взяли кувшин и выпили – один «за счастье», другой «за старика Флинта», а Сильвер даже пропел:

За ветер добычи, за ветер удачи!
Чтоб зажили мы веселей и богаче!

В бочке стало светло. Взглянув вверх, я увидел, что

поднялся месяц, посеребрив крюйс-марс[46] и вздувшийся фок-зейл[47]. И в то же мгновение с вахты раздался голос:

– Земля!

ГЛАВА XII

Военный совет

Палуба загремела от топота. Я слышал, как люди выбегали из кают и кубрика. Выскочив из бочки, я проскользнул за фок-зейл, повернул к корме, вышел на открытую палубу и вместе с Хантером и доктором Ливси побежал на наветренную скулу[48].

Здесь собралась вся команда. Туман с появлением луны сразу рассеялся. Вдали на юго-западе мы увидели два низких холма на расстоянии примерно двух миль один от другого, а за ними третий, повыше, еще окутанный серым туманом. Все три были правильной конической формы.

Я смотрел на них, как сквозь сон, – я не успел еще опомниться от недавнего ужаса. Затем я услышал голос капитана Смоллетта, отдававшего приказания. «Испаньола» стала несколько круче к ветру, курс ее проходил восточнее острова.

– Ребята, – сказал капитан, когда все его приказания были выполнены, – видел ли кто-нибудь из вас эту землю раньше?

---

[46] Крюйс-марс – наблюдательная площадка на бизань-мачте (кормовой мачте корабля).

[47] Фок-зейл – нижний прямой парус фок-мачты (первой мачты корабля).

[48] Скула – место наиболее крутого изгиба борта, переходящего в носовую или бортовую часть.

– Я видел, сэр, – сказал Сильвер. – Мы брали здесь пресную воду, когда я служил поваром на торговом судне.

– Кажется, стать на якорь удобнее всего с юга, за этим маленьким островком? – спросил капитан.

– Да, сэр. Этот островок называется Остров Скелета. Раньше тут всегда останавливались пираты, и один матрос с нашего корабля знал все названия, которые даны пиратами здешним местам. Вот та гора, на севере, зовется Фок-мачтой. С севера на юг тут три горы: Фок-мачта, Грот-мачта и Бизань-мачта, сэр. Но Грот-мачту – ту высокую гору, которая покрыта туманом, – чаще называют Подзорной Трубой, потому что пираты устраивали там наблюдательный пост, когда стояли здесь на якоре и чинили свои суда. Они тут обычно чинили суда, прошу извинения сэр.

– У меня есть карта, – сказал капитан Смоллетт. – Посмотрите, тот ли это остров?

Глаза Долговязого Джона засверкали огнем, когда карта попала ему в руки. Но сразу же разочарование затуманило их. Это была не та карта, которую мы нашли в сундуке Билли Бонса, это была ее точная копия – с названиями, с обозначениями холмов и глубин, но без трех красных крестиков и рукописных заметок. Однако, несмотря на свою досаду, Сильвер сдержался и не выдал себя.

– Да, сэр, – сказал он, – этот самый. Он очень хорошо нарисован. Интересно бы узнать, кто мог нарисовать эту карту... Пираты – народ неученый... А вот и стоянка капитана Кидда – так называл ее и мой товарищ матрос. Здесь сильное течение к югу. Потом у западного берега оно заворачивает к северу. Вы правильно сделали, сэр, – про-

должал он, – что пошли в крутой бейдевинд[49]. Если вы хотите войти в бухту и кренговать корабль[50], лучшего места для стоянки вам тут не найти.

– Спасибо, – сказал капитан Смоллетт. – Когда мне нужна будет помощь, я опять обращусь к вам. Можете идти.

Я был поражен тем, как хладнокровно Джон обнаружил свое знакомство с островом. Признаться, я испугался, когда увидел, что он подходит ко мне. Конечно, он не знал, что я сидел в бочке и все слышал. И все же он внушал мне такой ужас своей жестокостью, двуличностью, своей огромной властью над корабельной командой, что я едва не вздрогнул, когда он положил руку мне на плечо.

– Недурное место этот остров, – сказал он. – Недурное место для мальчишки. Ты будешь купаться, ты будешь лазить на деревья, ты будешь охотиться за дикими козами. И сам, словно коза, будешь скакать по горам. Право, глядя на этот остров, я и сам становлюсь молодым и забываю про свою деревянную ногу. Хорошо быть мальчишкой и иметь на ногах десять пальцев! Если ты захочешь пойти и познакомиться с островом, скажи старому Джону, и он приготовит тебе закуску на дорогу.

И, хлопнув меня дружески по плечу, он заковылял прочь.

Капитан Смоллетт, сквайр и доктор Ливси разговаривали о чем-то на шканцах[51]. Я хотел как можно скорее передать им все, что мне удалось узнать. Но я боялся на виду у всех прервать их беседу. Я бродил вокруг, изобретая

---

[49] Бейдевинд – курс корабля, когда угол между носом корабля и ветром меньше 90°.
[50] Кренговать корабль – положить его на бок для починки боков и киля.
[51] Шканцы – пространство между грот-мачтой и бизань-мачтой.

способы заговорить, как вдруг доктор Ливси подозвал меня к себе. Он забыл внизу свою трубку и хотел послать меня за нею, так как долго обходиться без курения не мог. Подойдя к нему настолько близко, что никто не мог меня подслушать, я прошептал:

– Доктор, мне нужно с вами поговорить. Пусть капитан и сквайр спустятся в каюту, а потом под каким-нибудь предлогом вы позовете меня. Я сообщу вам ужасные новости.

Доктор слегка изменился в лице, но сейчас же овладел собой.

– Спасибо, Джим, это все, что я хотел узнать, – сказал он, делая вид, будто только что задавал мне какой-то вопрос.

Потом повернулся к сквайру и капитану. Они продолжали разговаривать совершенно спокойно, не повышая голоса, никто из них даже не свистнул, но я понял, что доктор Ливси передал им мою просьбу. Затем капитан приказал Джобу Эндерсону вызвать всю команду на палубу.

– Ребята, – сказал капитан Смоллетт, обращаясь к матросам, – я хочу поговорить с вами. Вы видите перед собою землю. Эта земля – тот остров, к которому мы плыли. Все мы знаем, какой щедрый человек мистер Трелони. Он спросил меня, хорошо ли работала команда во время пути. И я ответил, что каждый матрос усердно исполнял свой долг, и что мне никогда не приходилось желать, чтобы вы работали лучше. Мистер Трелони, я и доктор – мы идем в каюту выпить за ваше здоровье и за вашу удачу, а вам здесь дадут грогу, чтобы вы могли выпить за наше здоро-

вье и за нашу удачу. Если вы хотите знать мое мнение, я скажу, что сквайр, угощая нас, поступает очень любезно. Предлагаю крикнуть в его честь «ура».

Ничего не было странного в том, что все закричали «ура». Но прозвучало оно так сердечно и дружно, что, признаюсь, я едва мог в ту минуту поверить, что эти самые люди собираются всех нас убить.

– Ура капитану Смоллетту! – завопил Долговязый Джон, когда первое «ура» смолкло.

И на этот раз «ура» было дружно подхвачено всеми. Когда общее веселье было в полном разгаре, три джентльмена спустились в каюту.

Немного погодя они послали за Джимом Хокинсом. Когда я вошел, они сидели вокруг стола. Перед ними стояла бутылка испанского вина и тарелка с изюмом.

Доктор курил, держа свой парик на коленях, а это, как я знал, означало, что он очень волнуется. Кормовой иллюминатор был открыт, потому что ночь была теплая. Полоса лунного света лежала позади корабля.

– Ну, Хокинс, – сказал сквайр, – ты хотел нам что-то сообщить. Говори.

Я кратко передал им все, что слышал, сидя в бочке. Они не перебивали меня, пока я не кончил; они не двигались, они не отрывали глаз от моего лица.

– Джим, – сказал доктор Ливси, – садись. – Они усадили меня за стол, дали мне стакан вина, насыпали мне в ладонь изюму, и все трое по очереди с поклоном выпили за мое здоровье, за мое счастье и за мою храбрость.

– Да, капитан, – сказал сквайр, – вы были правы, а я был не прав. Признаю себя ослом и жду ваших распоряжений.

– Я такой же осел, сэр, – возразил капитан. – В первый раз я вижу команду, которая собирается бунтовать, а ведет себя послушно и примерно. С другой командой я давно обо всем догадался бы и принял меры предосторожности. Но эта перехитрила меня.

– Капитан, – сказал доктор, – перехитрил вас Джон Сильвер. Он замечательный человек.

– Он был бы еще замечательнее, если бы болтался на рее[52], – возразил капитан. – Но все эти разговоры теперь ни к чему. Из всего сказанного я сделал кое-какие заключения, и если мистер Трелони позволит, изложу их вам.

– Вы здесь капитан, сэр, распоряжайтесь! – величаво сказал мистер Трелони.

– Во-первых, – заявил мистер Смоллетт, – мы должны продолжать все, что начали, потому что отступление нам отрезано. Если я заикнусь о возвращении, они взбунтуются сию же минуту. Во-вторых, у нас еще есть время – по крайней мере, до тех пор, пока мы отыщем сокровища. В-третьих, среди команды остались еще верные люди. Рано или поздно, а нам придется вступить с этой шайкой в бой. Я предлагаю не подавать виду, что мы знаем об их замыслах, а напасть на них первыми, врасплох, когда они меньше всего будут этого ждать. Мне кажется, мы можем положиться на ваших слуг, мистер Трелони?

– Как на меня самого, – заявил сквайр.

– Их трое, – сказал капитан. – Да мы трое, да Хокинс – вот уже семь человек. А на кого можно рассчитывать из команды?

---

[52] Рея – поперечный брус на мачте, к которому прикрепляют паруса.

– Вероятно, на тех, кого Трелони нанял сам, без помощи Сильвера, – сказал доктор.

– Нет, – возразил Трелони. – Я и Хендса нанял сам, а между тем...

– Я тоже думал, что Хендсу можно доверять, – признался капитан.

– И только подумать, что все они англичане! – воскликнул сквайр. – Право, сэр, мне хочется взорвать весь корабль на воздух!

– Итак, джентльмены, – продолжал капитан, – вот все, что я могу предложить. Мы должны быть настороже, выжидая удобного случая. Согласен, что это не слишком легко. Приятнее было бы напасть на них тотчас же. Но мы не можем ничего предпринять, пока не узнаем, кто из команды нам верен. Соблюдать осторожность и ждать – вот все, что я могу предложить.

– Больше всего пользы в настоящее время может принести нам Джим, – сказал доктор. – Матросы его не стесняются, а Джим – наблюдательный мальчик.

– Хокинс, я вполне на тебя полагаюсь, – прибавил сквайр.

Признаться, я очень боялся, что не оправдаю их доверия. Но обстоятельства сложились так, что мне действительно пришлось спасти им жизнь.

Из двадцати шести человек мы пока могли положиться только на семерых. И один из этих семерых был я, мальчик. Если считать только взрослых, нас было шестеро против девятнадцати.

ЧАСТЬ III

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ

ГЛАВА XIII

Как начались мои приключения на суше

Когда утром я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, чем вчера. Хотя ветер утих, мы все же значительно продвинулись за ночь вперед и теперь стояли в штиле, в полумиле от низкого восточного берега. Большую часть острова покрывали темные леса. Однообразный серый цвет прерывался кое-где в ложбинах желтизной песчаного берега и зеленью каких-то высоких деревьев, похожих на сосны. Эти деревья росли то поодиночке, то купами и поднимались над уровнем леса, но общий вид острова был все же очень однообразен и мрачен. На вершине каждого холма торчали острые голые скалы. Эти холмы удивляли меня странной формой своих очертаний. Подзорная Труба была на триста или четыреста футов выше остальных и казалась самой странной: отвесные склоны и срезанная плоская вершина как пьедестал для статуи.

Океан так сильно качал «Испаньолу», что вода хлестала в шпигаты[53]. Ростры[54] бились о блоки[55]. Руль хлопался о корму то справа, то слева, и весь корабль прыгал, стонал

---

[53] Шпигаты – отверстия в борту на уровне палубы для удаления воды.
[54] Ростры – деревянный настил на палубе для шлюпок и снастей.
[55] Блоки – деревянные бревна, поддерживающие ростры.

и трещал как игрушечный. Я вцепился рукой в бакштаг[56] и почувствовал, что меня мутит. Все закружилось у меня перед глазами. Я уже успел привыкнуть к морю, когда корабль бежал по волнам, но теперь он стоял на якоре и в то же время вертелся в воде, как бутылка; от этого мне становилось дурно, особенно по утрам, на пустой желудок.

Не знаю, что на меня повлияло – качка ли или эти серые, печальные леса, эти дикие, голые камни, этот грохот прибоя, бьющего в крутые берега, – но, хотя солнце сияло горячо и ярко, хотя морские птицы кишели вокруг и с криками ловили в море рыбу, хотя всякий, естественно, был бы рад, увидев землю после такого долгого пребывания в открытом море, тоска охватила мое сердце. И с первого взгляда я возненавидел Остров Сокровищ.

В это утро нам предстояла тяжелая работа. Так как ветра не было, нам пришлось спустить шлюпки, проверповать[57] шхуну три или четыре мили, обогнуть мыс и ввести ее в узкий пролив за Островом Скелета.

Я уселся в одну из шлюпок, хотя в ней мне было нечего делать. Солнце жгло нестерпимо, и матросы все время ворчали, проклиная свою тяжкую работу. Нашей шлюпкой командовал Эндерсон. Вместо того, чтобы сдерживать остальных, он сам ворчал и ругался громче всех.

– Ну да ладно, – сказал он и выругался. – Скоро всему этому будет конец.

«Плохой признак», – решил я. До сих пор люди работали усердно и охотно. Но одного вида острова оказалось достаточно, чтобы дисциплина ослабла.

---

[56] Бакштаг – натянутый канат, поддерживающий мачту с кормовой стороны.

[57] Верповать – передвигать корабль с помощью малого якоря – верпа; его перевозят на шлюпках, а потом подтягивают к нему корабль.

Долговязый Джон стоял, не отходя, возле рулевого и помогал ему вести корабль. Он знал пролив, как свою собственную ладонь, и нисколько не смущался тем, что при промерах всюду оказывалось глубже, чем было обозначено на карте.

– Этот узкий проход прорыт океанским отливом, – сказал он. – Отлив углубляет его всякий раз, как лопата.

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и треть мили – от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц, кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

Пролив был превосходно закрыт со всех сторон. Он терялся среди густых лесов. Леса начинались у самой линии пролива. Берега были плоские. А вдали амфитеатром поднимались холмы. Две болотистые речонки впадали в пролив, казавшийся тихим прудом. Растительность возле этих речонок поражала какой-то ядовитой яркостью. С корабля не было видно ни постройки, ни частокола – деревья заслоняли их совсем, и если бы не карта, мы могли бы подумать, что мы – первые люди, посетившие этот остров, с тех пор как он поднялся из глубин океана.

Воздух был неподвижен. Лишь один звук нарушал тишину – отдаленный шум прибоя, разбивавшегося о скалы в другом конце острова. Странный, затхлый запах поднимался вокруг корабля – запах прелых листьев и гниющих стволов. Я заметил, что доктор все нюхает и морщится, словно ему попалось тухлое яйцо.

– Не знаю, есть ли здесь сокровище, – сказал он, – но клянусь своим париком, что лихорадка здесь есть.

Поведение команды, тревожившее меня на шлюпке, стало угрожающим, когда мы воротились на корабль. Матросы разгуливали по палубе и о чем-то переговаривались. Приказания, даже самые пустячные, они выслушивали угрюмо и исполняли весьма неохотно. Мирных матросов тоже охватила зараза недовольства, и некому было призвать их к порядку. Назревал бунт, и эта опасность нависла над нашими головами, как грозовая туча.

Не только мы, обитатели каюты, заметили опасность. Долговязый Джон изо всех сил старался поддержать порядок, переходя от кучки к кучке, то уговаривая, что подавая пример. Он из кожи лез, стараясь быть услужливым и любезным. Он улыбался каждому. Если отдавалось какое-нибудь приказание, Джон первый бросался на своей деревяшке исполнять его, весело крича:

– Есть, есть, сэр!

А когда нечего было делать, он пел песни, одну за другой, чтобы не так была заметна угрюмость остальных.

Из всего, что происходило в этот зловещий день, самым зловещим казалось нам поведение Долговязого Джона.

Мы собрались в каюте на совет.

– Сэр, – сказал капитан, – если я отдам хоть одно приказание, весь корабль кинется на нас. Вы видите, сэр, что творится. Мне грубят на каждом шагу. Если я отвечу на грубость, нас разорвут в клочки. Если я не отвечу на грубость, Сильвер может заметить, что тут что-то неладно, и игра будет проиграна. А ведь теперь мы можем полагаться только на одного человека.

– На кого? – спросил сквайр.

– На Сильвера, сэр, – ответил капитан. – Он не меньше

нас с вами хочет уладить дело. Это у них каприз, и, если ему дать возможность, он уговорит их не бунтовать раньше времени... Я предлагаю дать ему возможность уговорить их как следует. Отпустим матросов на берег погулять. Если они поедут все вместе, что же... мы захватим корабль. Если никто из них не поедет, мы запремся в каюте и будем защищаться. Если же поедут лишь некоторые, то, поверьте мне, Сильвер доставит их обратно на корабль послушными, как овечки.

Так и решили. Надежным людям мы роздали заряженные пистолеты. Хантера, Джойса и Редруга мы посвятили в наши планы. Узнав обо всем, они не очень удивились и отнеслись к нашему сообщению гораздо спокойнее, чем мы ожидали. Затем капитан вышел на палубу и обратился к команде.

– Ребята! – сказал он. – Сегодня здорово пришлось поработать, и все мы ужасно устали. Прогулка на берег никому не повредит. Шлюпки спущены. Кто хочет, пускай отправляется в них на берег. За полчаса до захода солнца я выстрелю из пушки.

Вероятно, эти дураки вообразили, что найдут сокровища, как только высадятся на берег. Вся их угрюмость разом исчезла. Они так громко закричали «ура», что эхо проснулось в далеких холмах и вспугнутые птицы снова закружили над стоянкой.

Капитан поступил очень разумно: он сразу ушел, предоставив Сильверу распоряжаться отъездом. Да и как же иначе было ему поступить? Ведь останься он на палубе, он не мог бы притвориться ничего не понимающим.

Все было ясно, как день. Капитаном был Сильвер, и у

него была большая команда мятежников. А мирные матросы – вскоре обнаружилось, что были на корабле и такие, – оказались сущими глупцами. Возможно, впрочем, что и они все до одного были восстановлены против нас вожаками, но слишком далеко заходить им не хотелось. Одно дело – непослушание, воркотня и лентяйничанье, а другое – захват корабля и убийство ни в чем не повинных людей. После долгих споров команда разделилась так: шестеро остались на корабле, а остальные тринадцать, в том числе и Сильвер, начали рассаживаться в шлюпках.

Вот тут-то и решился я вдруг на первый из отчаянных поступков, которые впоследствии спасли нас от смерти. Я рассуждал так: мы не можем захватить корабль, раз Сильвер оставил на борту шестерых своих разбойников. С другой стороны, раз их осталось всего шестеро, значит, на корабле я сейчас не нужен. И я решил отправиться на берег. В одно мгновение я перелез через борт и спустился в носовой люк ближайшей шлюпки, которая в ту же секунду отчалила.

Никто не обратил на меня внимания, и только передний гребец сказал:

– Это ты, Джим? Держи голову пониже.

Но Сильвер, сидевший в другой шлюпке, внимательно всмотрелся в нашу и окликнул меня, чтобы убедиться, что это действительно я. И тогда я пожалел, что поехал.

Шлюпки помчались к берегу наперегонки. Но та шлюпка, в которой сидел я, отчалила первой. Она оказалась более легкой, гребцы в ней подобрались самые лучшие, и мы сразу опередили другую шлюпку. Едва нос нашей шлюпки коснулся берега, я ухватился за ветку, вы-

скочил и кинулся в чащу. Сильвер и его товарищи остались ярдов на сто позади.

– Джим, Джим! – кричал он.

Но, понятно, я не обратил на его крик никакого внимания. Без оглядки, подпрыгивая, ломая кусты, ныряя в траве, я бежал все вперед и вперед, пока не выбился из сил.

ГЛАВА XIV

Первый удар

Довольный, что удрал от Долговязого Джона, я развеселился и стал с любопытством разглядывать незнакомую местность.

Сначала я попал в болото, заросшее ивами, тростником и какими-то деревьями неизвестной мне породы. Затем вышел на опушку открытой песчаной равнины, около мили длиной, где росли редкие сосны и какие-то скрюченные, кривые деревья, похожие на дубы, но со светлой листвой, как у ивы. Вдали была видна двуглавая гора; обе странные скалистые вершины ярко сияли на солнце.

Впервые я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем. Люди, приехавшие вместе со мной, остались далеко позади, и я никого не мог встретить, кроме диких зверей и птиц. Я осторожно пробирался среди деревьев. Повсюду мне попадались какие-то неведомые растения и цветы.

То тут то там я натыкался на змей. Одна из них сидела в расщелине камня. Она подняла голову и зашипела на меня, зашипела, как вертящаяся юла. А я и представления

не имел, что это знаменитая гремучая змея, укус которой смертелен.

Наконец я вошел в чащу деревьев, похожих на дубы.

Впоследствии я узнал, что их называют вечнозелеными дубами. Они росли на песке, очень низкие, словно кусты терновника. Узловатые ветви их были причудливо изогнуты, листва густо переплетена, как соломенная крыша. Заросли их, становясь все выше и гуще, спускались с песчаного откоса к широкому, поросшему тростником болоту, через которое протекала одна из впадающих в пролив речек. Пар поднимался над болотом, и очертания Подзорной Трубы дрожали в знойном тумане.

Вдруг зашуршал камыш. С кряканьем взлетела дикая утка, за нею другая, и скоро над болотом повисла огромная туча птиц, с криком круживших в воздухе. Я сразу догадался, что кто-нибудь из наших моряков идет по болоту, и не ошибся. Вскоре я услышал отдаленный голос, который, приближаясь, становился все громче.

Я страшно испугался, юркнул в ближайшую чащу вечнозеленых дубов и притаился, как мышь.

Другой голос ответил. Затем снова заговорил первый голос, и я узнал его – это был голос Сильвера. Он говорил о чем-то не умолкая. Его спутник отвечал ему редко. Судя по голосам, они разговаривали горячо, почти злобно, но слов разобрать я не мог.

Наконец они замолчали и, вероятно, присели, потому что птицы постепенно успокоились и опустились в болото.

И я почувствовал, что уклоняюсь от своих обязанностей. Если уж я так глуп, что поехал на берег с пиратами, я

должен, по крайней мере, подслушать, о чем они совещаются. Мой долг велит мне подкрасться к ним как можно ближе и спрятаться в густой листве кривого, узловатого кустарника.

Я мог с точностью определить то место, где сидят оба моряка, и по голосам и по волнению нескольких птиц, все еще круживших над их головами.

Медленно, но упорно полз я на четвереньках вперед. Наконец, подняв голову и глянув в просвет между листьями, я увидел на зеленой лужайке возле болота, под деревьями, Джона Сильвера и еще одного моряка. Они стояли друг против друга и разговаривали.

Их обоих жгло солнце. Сильвер швырнул свою шляпу на землю, и его большое, пухлое, белесое, покрытое блестящим потом лицо было обращено к собеседнику чуть ли не с мольбой.

– Приятель, – говорил он, – ты для меня чистое золото. Неужели ты думаешь, я стал бы хлопотать о тебе, если бы не любил тебя всем своим сердцем? Все уже сделано, ты ничего не изменишь. Я хочу спасти твою шею – вот только почему я с тобой. Если бы наши матросы узнали, о чем я с тобой говорю, Том, подумай, что бы они со мной сделали!

– Сильвер... – отвечал моряк, и я заметил, что лицо у него стало красным, а охрипший, каркающий голос дрожит, как натянутый канат, – Сильвер, ты уже не молодой человек и как будто имеешь совесть. По крайней мере, тебя никто не считает мошенником. У тебя есть деньги... много денег... больше, чем у других моряков. И к тому же ты не трус. Так объясни мне, пожалуйста, почему ты свя-

зываешься с этими гнусными крысами? Нет, ты не можешь быть с ними заодно. Я скорее дам отсечь себе руку... но долгу своему не изменю...

Внезапный шум прервал его. Наконец-то я нашел одного честного моряка! И в то же время до меня донеслась весть о другом честном моряке. Далеко за болотом раздался гневный, пронзительный крик, потом второй и затем душераздирающий вопль. Эхо в скалах Подзорной Трубы повторило его несколько раз. Вся армия болотных птиц снова взвилась в вышину и заслонила небо. Долго еще этот предсмертный вопль раздавался в моих ушах, хотя кругом опять воцарилось безмолвие, нарушаемое только хлопаньем крыльев опускающейся стаи птиц и отдаленным грохотом прибоя.

Том вздрогнул, как пришпоренная лошадь. Но Сильвер даже глазом не моргнул. Он стоял, опираясь на костыль, и глядел на своего собеседника, как змея, готовая ужалить.

– Джон! – сказал моряк, протягивая к нему руку.

– Руки прочь! – заорал Сильвер, отскочив на шаг с быстротой и ловкостью акробата.

– Хорошо, Джон Сильвер, я уберу руки прочь, – сказал моряк. – Но, право, только нечистая совесть заставляет тебя бояться меня. Умоляю тебя, объясни мне, что там случилось!

– Что случилось? – переспросил его Сильвер. Он улыбнулся, но не так широко, как всегда, и глаза его на огромном лице стали крошечными, как острия иголок, и засверкали, как стеклышки. – Что случилось? По-моему, это Алан.

Несчастный Том кинулся к нему.

– Алан! – воскликнул он. – Мир его праху! Он умер,

как настоящий моряк. А ты, Джон Сильвер... Мы долго были с тобой товарищами, но теперь уж этому не быть! Пусть я умру, как собака, но я своего долга не нарушу. Ведь это вы убили Алана, а? Так убейте и меня, если можете! Но знай, что я вас не боюсь!

С этими словами отважный моряк повернулся к повару спиной и зашагал к берегу. Но ему не удалось уйти далеко: Джон вскрикнул, схватился за ветку дерева, выхватил свой костыль из-под мышки и метнул вслед Тому, как копье. Костыль, пущенный с невероятной силой, свистя, пролетел в воздухе и ударил Тома острым наконечником в спину между лопатками. Бедняга Том взмахнул руками и упал.

Не знаю, сильно ли он был ранен... Судя по звуку, у него был разбит позвоночник. Сильвер не дал ему опомниться. Без костыля, на одной ноге, он вспрыгнул на него с ловкостью обезьяны и дважды всадил свой нож по самую рукоятку в его беззащитное тело. Сидя в кустах, я слышал, как тяжело дышал убийца, нанося удары.

Никогда прежде я не терял сознания и не знал, что это такое. Но тут весь мир поплыл вокруг меня, как в тумане. И Сильвер, и птицы, и вершина Подзорной Трубы – все вертелось, кружилось, качалось. Уши мои наполнились звоном разнообразных колоколов и какими-то дальними голосами.

Когда я пришел в себя, костыль был уже у негодяя под мышкой, а шляпа на голове. Перед ним неподвижно лежал Том. Но убийца даже не глядел на него. Он чистил свой окровавленный нож пучком травы.

Кругом все было по-прежнему. Солнце беспощадно жгло и болото, над которым клубился туман, и высокую вершину горы. И не верилось, что минуту назад у меня на глазах был убит человек.

Джон засунул руку в карман, достал свисток и несколько раз свистнул. Свист разнесся далеко в знойном воздухе. Я, конечно, не знал значения этого сигнала, но все мои страхи разом проснулись. Сюда придут люди. Меня заметят. Они уже убили двоих честных моряков, почему же после Тома и Алана не стать жертвой и мне?

Стараясь не шуметь, я вылез на четвереньках из кустарника и помчался в лес. Убегая, я слышал, как старый пират перекликался со своими товарищами. От их голосов у меня точно выросли крылья. Чаща осталась позади. Я бежал так быстро, как не бегал еще никогда. Я несся, не разбирая дороги, лишь бы подальше уйти от убийц. С каждым шагом страх мой все усиливался и превратился наконец в безумный ужас.

Положение мое было отчаянное. Разве я осмелюсь, когда выпалит пушка, сесть в шлюпку вместе с этими разбойниками, забрызганными человеческой кровью? Разве любой из них не свернет мне шею, как только увидит меня? Уже самое мое отсутствие – разве оно не доказало им, что я их боюсь и, значит, обо всем догадываюсь? «Все кончено, – думал я. – Прощай, „Испаньола“! Прощайте, сквайр, доктор, капитан! Я погибну либо от голода, либо от бандитского ножа».

Я мчался, не зная куда, и очутился у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной. В этой части острова вечнозеленые дубы росли не так густо и похожи были

своими размерами не на кусты, а на обыкновенные лесные деревья. Изредка между ними возвышались одинокие сосны высотой в пятьдесят-семьдесят футов[58]. Воздух здесь был свежий и чистый, совсем не такой, как внизу, у болота.

Но тут меня подстерегала другая опасность, и сердце мое снова замерло от ужаса.

ГЛАВА XV

Островитянин

С обрывистого каменистого склона посыпался гравий и покатился вниз, шурша и подскакивая между деревьями. Я невольно посмотрел вверх и увидел странное существо, стремительно прыгнувшее за ствол сосны. Что это? Медведь? Человек? Обезьяна? Я успел заметить только что-то темное и косматое и в ужасе остановился.

Итак, оба пути отрезаны. Сзади меня стерегут убийцы, впереди – это неведомое чудовище. И сразу же я предпочел известную опасность неизвестной. Даже Сильвер казался мне не таким страшным, как это лесное отродье. Я повернулся и, поминутно оглядываясь, побежал в сторону шлюпок.

Чудовище, сделав большой крюк, обогнало меня и оказалось впереди. Я был очень утомлен. Но даже если бы я не чувствовал усталости, я все равно не мог бы состязаться в быстроте с таким проворным врагом. Странное суще-

---

[58] Фут – мера длины, равная 30,48 см.

ство перебегало от ствола к стволу со скоростью оленя. Оно двигалось на двух ногах, по-человечески, хотя очень низко пригибалось к земле, чуть ли не складываясь вдвое. Да, то был человек, в этом я больше не мог сомневаться.

Я вспомнил все, что слыхал о людоедах, и собирался уже позвать на помощь. Однако мысль о том, что предо мною находится человек, хотя бы и дикий, несколько приободрила меня. И страх мой перед Сильвером сразу ожил. Я остановился, размышляя, как бы ускользнуть от врага. Потом вспомнил, что у меня есть пистолет. Как только я убедился, что я не беззащитен, ко мне вернулось мужество, и я решительно двинулся навстречу островитянину.

Он опять спрятался, на этот раз за деревом. Заметив, что я направляюсь к нему, он вышел из засады и сделал было шаг мне навстречу. Потом в нерешительности потоптался на месте, попятился и вдруг, к величайшему моему изумлению и смущению, упал на колени и с мольбой протянул ко мне руки.

Я снова остановился.

– Кто вы такой? – спросил я.

– Бен Ганн, – ответил он; голос у него был хриплый, как скрип заржавленного замка. – Я несчастный Бен Ганн. Три года я не разговаривал ни с одним человеком.

Это был такой же белый человек, как и я, и черты его лица были, пожалуй, приятны. Только кожа так сильно загорела на солнце, что даже губы у него были черные. Светлые глаза с поразительной резкостью выделялись на темном лице. Из всех нищих, которых я видел на своем веку, этот был самый оборванный. Одежда его состояла из лохмотьев старого паруса и матросской рубахи. Один лос-

кут скреплялся с другим либо медной пуговицей, либо прутиком, либо просмоленной паклей. Единственной неизодранной вещью из всего его костюма был кожаный пояс с медной пряжкой.

– Три года! – воскликнул я. – Вы потерпели крушение?

– Нет, приятель, – сказал он. – Меня бросили тут, на острове.

Я слышал об этом ужасном наказании пиратов: виновного высаживали на какой-нибудь отдаленный и пустынный остров и оставляли там одного, с небольшим количеством пороха и пуль.

– Брошен на этом острове три года назад, – продолжал он. – С тех пор питаюсь козлятиной, ягодами, устрицами. Человек способен жить везде, куда бы его ни закинуло. Но если бы ты знал, мой милейший, как стосковалось мое сердце по настоящей человечьей еде! Нет ли у тебя с собой кусочка сыру?.. Нет? Ну вот, а я много долгих ночей вижу во сне сыр на ломтике хлеба... Просыпаюсь, а сыра нет.

– Если мне удастся вернуться к себе на корабль, – сказал я, – вы получите вот этакую голову сыра.

Он щупал мою куртку, гладил мои руки, разглядывал мои сапоги и, замолкая, по-детски радовался, что видит перед собой человека.

Услышав мой ответ, он взглянул на меня с каким-то лукавством.

– Если тебе удастся вернуться к себе на корабль? – повторил он мои слова. – А кто же может тебе помешать?

– Уж конечно, не вы, – ответил я.

– Конечно, не я! – воскликнул он. – А как тебя зовут, приятель?

– Джим, – сказал я.

– Джим, Джим... – повторял он с наслаждением. – Да, Джим, я вел такую жизнь, что мне стыдно даже рассказывать. Поверил бы ты, глядя на меня, что моя мать была очень хорошая, благочестивая женщина?

– Поверить трудновато, – согласился я.

– Она была на редкость хорошая женщина, – сказал он. – Я рос вежливым, благовоспитанным мальчиком и умел так быстро повторять наизусть катехизис, что нельзя было отличить одно слово от другого. И вот что из меня вышло, Джим. А все оттого, что я смолоду ходил на кладбище играть в орлянку! Ей-богу, начал с орлянки и покатился. Мать говорила, что я плохо кончу, и ее предсказание сбылось. Пожалуй, вышло к лучшему, что я попал на этот остров. Я много размышлял здесь в одиночестве и раскаялся. Теперь уже не соблазнишь меня выпивкой. Конечно, от выпивки я не откажусь и сейчас, но самую малость, не больше наперстка, на счастье... Я дал себе слово исправиться и теперь уж не собьюсь, вот увидишь! А главное, Джим... – он оглянулся и понизил голос до шепота, – ведь я сделался теперь богачом.

Тут я окончательно убедился, что несчастный сошел с ума в одиночестве. Вероятно, эта мысль отразилась на моем лице, потому что он повторил с жаром:

– Богачом! Богачом! Слушай, Джим, я сделаю из тебя человека! Ах, Джим, ты будешь благословлять судьбу, что первый нашел меня!.. – Вдруг лицо его потемнело, он сжал мою руку и угрожающе поднял палец. – Скажи мне правду, Джим: не Флинта ли это корабль?

Меня осенила счастливая мысль: этот человек может

сделаться нашим союзником. И я тотчас же ответил ему:

– Нет, не Флинта. Флинт умер. Но раз вы хотите знать правду, вот вам правда: на корабле есть несколько старых товарищей Флинта, и для нас это большое несчастье.

– А нет ли у вас... одноногого? – выкрикнул он, задыхаясь.

– Сильвера? – спросил я.

– Сильвера! Сильвера! Да, его звали Сильвером.

– Он у нас повар. И верховодит всей шайкой.

Он все еще держал меня за руку и при этих словах чуть не сломал ее.

– Если ты подослан Долговязым Джоном, – сказал он, – я пропал. Но знаешь ли ты, где ты находишься?

Я сразу же решил, что мне делать, и рассказал ему все – и о нашем путешествии, и о трудном положении, в котором мы оказались. Он слушал меня с глубоким вниманием и, когда я кончил, погладил меня по голове.

– Ты славный малый, Джим, – сказал он. – Но теперь вы все завязаны мертвым узлом. Положитесь на Бена Ганна, и он выручит вас, вот увидишь. Скажи, как отнесется ваш сквайр к человеку, который выручит его из беды?

Я сказал ему, что сквайр – самый щедрый человек на всем свете.

– Ладно, ладно... Но, видишь ли, – продолжал Бен Ганн, – я не собираюсь просить у него лакейскую ливрею или место привратника. Нет, этим меня не прельстишь! Я хочу знать: согласится он дать мне хотя бы одну тысячу фунтов из тех денег, которые и без того мои?

– Уверен, что даст, – ответил я. – Все матросы должны были получить от него свою долю сокровищ.

– И свезет меня домой? – спросил он, глядя на меня испытующим взором.

– Конечно! – воскликнул я. – Сквайр – настоящий джентльмен. Кроме того, если мы избавимся от разбойников, помощь такого опытного морехода, как вы, будет очень нужна на корабле.

– Да, – сказал он, – значит, вы и вправду отвезете меня?

И он облегченно вздохнул.

– А теперь послушай, что я тебе расскажу, – продолжал он. – Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища. С ним было еще шесть моряков – здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, и голова его была повязана синим платком. Всходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам... один, а остальные шестеро были убиты... убиты и похоронены... да... Как он расправился с ними, никто из нас никогда не узнал. Была ли там драка, резня или внезапная смерть... А он был один против шестерых!.. Билли Бонс был штурманом, а Долговязый Джон – квартирмейстером. Они спросили у него, где сокровища. «Ступайте на берег и поищите, – сказал он в ответ. – Но, клянусь громом, корабль не станет вас ждать». Вот как он сказал им, Флинт. А три года назад я плыл на другом корабле, и мы увидели этот остров. «Ребята, – сказал я, – здесь Флинт зарыл сокровища. Сойдемте на берег и поищем». Капитан очень рассердился. Но все матросы были со мной заодно, и мы причалили к этому берегу. Двенадцать дней мы искали сокровища и ничего

не нашли. С каждым днем товарищи ругали меня все сильней и сильней. Наконец они собрались на корабль. «А ты, Бенджамин Ганн, оставайся! – сказали они. – Вот тебе мушкет, заступ и лом, Бенджамин Ганн... Оставайся здесь и разыскивай денежки Флинта». С тех пор, Джим, вот уже три года живу я здесь и ни разу не видел благородной человеческой пищи. Взгляни на меня: разве похож я на простого матроса?.. Нет, говоришь, не похож? Да и не был похож никогда.

Он как-то странно подмигнул мне одним глазом и сильно ущипнул меня за руку.

– Так и скажи своему сквайру, Джим: он никогда не был похож на простого матроса, – продолжал он. – Скажи ему, что Бен три года сидел тут, на острове, один-одинешенек, и днем и ночью, и в хорошую погоду, и в дождь. Иногда, может быть, думал о молитве, иногда вспоминал свою престарелую мать, хотя ее давно нет в живых – так и скажи ему. Но большую часть времени... уж это ты непременно ему скажи... большую часть времени Ганн занимался другими делами. И при этих словах ущипни его вот так.

И он снова ущипнул меня самым дружеским образом.

– Ты ему, – продолжал он, – вот еще что скажи: Ганн отличный человек – так ему и скажи, Ганн гораздо больше доверяет джентльмену прирожденному, чем джентльмену удачи, потому что он сам был когда-то джентльменом удачи.

– Из того, что вы мне тут толкуете, я не понял почти ничего, – сказал я. – Впрочем, это сейчас и не важно, потому что я все равно не знаю, как попасть на корабль.

– А, – сказал он, – плохо твое дело. Ну да ладно, у меня есть лодка, которую я смастерил себе сам, собственными руками. Она спрятана под белой скалой. В случае какой-нибудь беды мы можем поехать на ней, когда станет темнее... Но постой! – закричал он вдруг. – Что это там такое?

Как раз в эту минуту с корабля грянул пушечный выстрел. Гулкое эхо подхватило его и разнесло по всему острову. А между тем до захода солнца оставалось еще два часа.

– Там идет бой! – крикнул я. – За мною! Идите скорее!

И кинулся бежать к стоянке корабля, забыв свои недавние страхи. Рядом со мной легко и проворно бежал злополучный пленник.

– Левее, левее! – приговаривал он. – Левее, милейший Джим! Ближе к деревьям! Вот в этом месте в первый раз подстрелил я козу. Теперь козы сюда не спускаются, они бегают только там, наверху, по горам, потому что боятся Бенджамина Ганна... А! А вот кладбище. Видишь холмики? Я приходил сюда и молился изредка, когда я думал, что, может быть, сейчас воскресенье. Это не то, что часовня, но все как-то торжественней. Правда, я был один, без капеллана, без Библии...

Он болтал на бегу без умолку, не дожидаясь ответа, да я и не мог отвечать.

После пушечного выстрела долгое время была тишина, а потом раздался залп из ружей.

И опять тишина. И потом впереди над лесом, в четверти мили от нас, взвился британский флаг.

ЧАСТЬ IV

ЧАСТОКОЛ

ГЛАВА XVI

Дальнейшие события изложены доктором

Как был покинут корабль

Обе шлюпки отчалили от «Испаньолы» около половины второго, или, выражаясь по-морскому, когда пробило три склянки. Капитан, сквайр и я сидели в каюте и совещались о том, что делать. Если бы дул хоть самый легкий ветер, мы напали бы врасплох на шестерых мятежников, оставшихся на корабле, снялись бы с якоря и ушли в море. Но ветра не было. А тут еще явился Хантер и сообщил, что Джим Хокинс проскользнул в шлюпку и уехал вместе с пиратами на берег.

Мы, конечно, ни минуты не думали, что Джим Хокинс изменник, но очень за него беспокоились. Матросы, с которыми он уехал, были так раздражены, что, признаться, мы не надеялись увидеть Джима снова. Мы поспешили на палубу. Смола пузырями выступала в пазах. Кругом в воздухе стояло такое зловоние от болотных испарений, что меня чуть не стошнило. В этом отвратительном проливе пахло лихорадкой и дизентерией. Шестеро негодяев угрюмо сидели под парусом на баке. Шлюпки стояли на берегу возле устья какой-то речонки, и в каждой сидел матрос. Один из них насвистывал «Лиллибуллеро[59]».

---

[59] Английская шуточная песня.

Ждать становилось невыносимо, и мы решили, что я с Хантером поеду на разведку в ялике.

Шлюпки находились справа от корабля. А мы с Хантером направились прямо к тому месту, где на карте обозначен был частокол. Заметив нас, матросы, сторожившие шлюпки, засуетились. «Лиллибуллеро» смолкло. Мы видели, как они спорят друг с другом, очевидно решая, как поступить. Если бы они дали знать Сильверу, все, вероятно, пошло бы по-другому. Но, очевидно, им было велено не покидать шлюпок ни при каких обстоятельствах. Они спокойно уселись, и один из них снова засвистал «Лиллибуллеро».

Берег в этом месте слегка выгибался, образуя нечто вроде небольшого мыса, и я нарочно правил таким образом, чтобы мыс заслонил нас от наших врагов, прежде чем мы пристанем. Выскочив на берег, я побежал во весь дух, подложив под шляпу шелковый платок, чтобы защитить голову от палящего солнца. В каждой руке у меня было по заряженному пистолету.

Не пробежал я и ста ярдов, как наткнулся на частокол.

Прозрачный ключ бил из земли почти на самой вершине небольшого холма. Тут же, вокруг ключа, был построен высокий бревенчатый сруб. В нем могло поместиться человек сорок.

В стенах этой постройки были бойницы для ружей. Вокруг сруба находилось широкое расчищенное пространство, обнесенное частоколом в шесть футов вышины, без всякой калитки, без единого отверстия. Сломать его было нелегко, а укрыться за ним от сидящих в срубе – невозможно. Люди, засевшие в срубе, могли бы расстрели-

вать нападающих, как куропаток. Дать им хороших часовых да побольше провизии, и они выдержат нападение целого полка.

Особенно обрадовал меня ручей. Ведь в каюте «Испаньолы» тоже неплохо: много оружия, много боевых припасов, много провизии, много превосходных вин, но в ней не было воды. Я размышлял об этом, когда вдруг раздался ужасающий предсмертный вопль. Не впервые я сталкивался со смертью – я служил в войсках герцога Кемберлендского[60] и сам получил рану под Фонтенуа[61], – но от этого крика сердце мое сжалось. «Погиб Джим Хокинс», – решил я.

Много значит быть старым солдатом, но быть доктором значит больше. В нашем деле нельзя терять ни минуты. Я сразу же обдумал все, поспешно вернулся на берег и прыгнул в ялик.

К счастью, Хантер оказался превосходным гребцом. Мы стремительно понеслись по проливу. Лодка причалила к борту, и я опять взобрался на корабль. Друзья мои были потрясены. Сквайр сидел белый, как бумага, и – добрый человек! – раздумывал о том, каким опасностям мы подвергаемся из-за него. Один из матросов, сидевших на баке, был тоже бледен и расстроен.

– Этот человек, – сказал капитан Смоллетт, кивнув в его сторону, – еще не привык к разбою. Когда он услышал крик, доктор, он чуть не лишился чувств. Еще немного – и он будет наш.

---

[60] Герцог Кемберлендский – английский полководец, живший в середине XVIII века.

[61] В битве при Фонтенуа (1745), в Бельгии, английские войска потерпели поражение от французов.

Я рассказал капитану свой план, и мы вместе обсудили его.

Старого Редрута мы поставили в коридоре между каютой и баком, дав ему не то три, не то четыре заряженных мушкета и матрац для защиты. Хантер подвел шлюпку к корме, и мы с Джойсом принялись нагружать ее порохом, мушкетами, сухарями, свининой. Затем опустили в нее бочонок с коньяком и мой драгоценный ящичек с лекарствами.

Тем временем сквайр и капитан вышли на палубу. Капитан вызвал второго боцмана – начальника оставшихся на корабле матросов.

– Мистер Хендс, – сказал он, – нас здесь двое, и у каждого пара пистолетов. Тот из вас, кто подаст какой-нибудь сигнал, будет убит.

Разбойники растерялись. Затем, пошептавшись, кинулись к переднему сходному тамбуру, собираясь напасть на нас с тыла, но, наткнувшись в узком проходе на Редрута с мушкетами, сразу же бросились обратно. Чья-то голова высунулась из люка на палубу.

– Вниз, собака! – крикнул капитан.

Голова исчезла. Все шестеро, насмерть перепуганные, куда-то забились и утихли.

Мы с Джойсом нагрузили ялик доверху, бросая все как попало. Потом спустились в него сами через кормовой порт[62] и, гребя изо всех сил, понеслись к берегу.

Вторая наша поездка сильно обеспокоила обоих часовых на берегу. «Лиллибуллеро» умолкло опять. И прежде

---

[62] Порт – отверстие в борту.

чем мы перестали их видеть, обогнув мысок, один из них оставил свою шлюпку и побежал в глубь острова. Я хотел было воспользоваться этим и уничтожить их шлюпки, но побоялся, что Сильвер со всей шайкой находится неподалеку и что мы потеряем все, если захотим слишком многого.

Мы причалили к прежнему месту и начали перетаскивать груз в укрепление. Тяжело нагруженные, мы донесли наши припасы до форта и перебросили их через частокол. Охранять их поставили Джойса. Он оставался один, но зато ружей у него было не меньше полдюжины. А мы с Хантером вернулись к лодке и снова взвалили груз на спину. Таким образом, работая без передышки, мы постепенно перетащили весь груз. Джойс и Хантер остались в укреплении, а я, гребя изо всех сил, помчался назад к «Испаньоле».

Мы решили еще раз нагрузить ялик. Это было рискованно, но не так уж безрассудно, как может показаться. Их, конечно, было больше, чем нас, но зато мы были лучше вооружены. Ни у кого из уехавших на берег не было мушкета, и, прежде чем они подошли бы к нам на расстояние пистолетного выстрела, мы успели бы застрелить по крайней мере шестерых.

Сквайр поджидал меня у кормового окна. Он сильно приободрился и повеселел. Схватив брошенный мною конец, он подтянул ялик, и мы снова стали его нагружать свининой, порохом, сухарями. Потом захватили по одному мушкету и по одному кортику для меня, сквайра, Редрута и капитана. Остальное оружие и порох мы выбросили за борт. В проливе было две с половиной сажени глубины, и

мы видели, как блестит озаренная солнцем сталь на чистом песчаном дне.

Начался отлив, и шхуна повернулась вокруг якоря. Около шлюпок на берегу послышались перекликающиеся голоса. Хотя это и доказывало, что Джойс и Хантер, которые находились восточнее, еще не замечены, мы все же решили поторопиться.

Редрут покинул свой пост в коридоре и прыгнул в ялик. Мы подвели его к другому борту, чтобы взять капитана Смоллетта.

– Ребята, – громко крикнул он, – вы слышите меня?

Из бака никто не ответил.

– Я обращаюсь к тебе, Абрахам Грей.

Молчание.

– Грей, – продолжал мистер Смоллетт, повысив голос, – я покидаю корабль и приказываю тебе следовать за твоим капитаном. Я знаю, что, в сущности, ты человек хороший, да и остальные не так уж плохи, как стараются казаться. У меня в руке часы. Даю тебе тридцать секунд на то, чтобы присоединиться ко мне.

Наступило молчание.

– Иди же, мой друг, – продолжал капитан, – не заставляй нас терять время даром. Ведь каждая секунда промедления грозит смертью и мне, и этим джентльменам.

Началась глухая борьба, послышались звуки ударов, и на палубу выскочил Абрахам Грей. Щека его была порезана ножом. Он подбежал к капитану, как собака, которой свистнул хозяин.

– Я с вами, сэр, – сказал он. Они оба спрыгнули в ялик, и мы отчалили. Корабль был покинут. Но до частокола мы еще не добрались.

ГЛАВА XVII

Доктор продолжает свой рассказ

Последний переезд в челноке

Этот последний – пятый – переезд окончился не так благополучно, как прежние. Во-первых, наша скорлупка была страшно перегружена. Пятеро взрослых мужчин, да притом трое из них – Трелони, Редрут и капитан – ростом выше шести футов – это уже не так мало. Прибавьте порох, свинину, мешки с сухарями. Неудивительно, что планшир[63] на корме лизала вода. Нас то и дело слегка заливало. Не успели мы отъехать на сотню ярдов, как мои штаны и фалды камзола промокли насквозь.

Капитан заставил нас разместить груз по-другому, и ялик выпрямился.

И все же мы боялись дышать, чтобы не перевернуть его.

Во-вторых, благодаря отливу создалось сильное течение, направлявшееся к западу, а потом заворачивавшее к югу, в открытое море, через тот проход, по которому утром вошла в пролив наша шхуна. Перегруженный наш ялик могла перевернуть даже легчайшая рябь отлива. Но хуже всего было то, что течение относило нас в сторону и не давало пристать к берегу за мысом, там, где я приставал раньше. Если бы мы не справились с течением, мы достигли бы берега как раз возле двух шлюпок, где каждую минуту могли появиться пираты.

---

[63] Планшир – планка по верхнему краю борта.

– Я не в силах править на частокол, сэр, – сказал я капитану. Я сидел за рулем, а капитан и Редрут, не успевшие еще устать, гребли. – Течение относит нас. Нельзя ли приналечь на весла?

– Если мы приналяжем, нас зальет, – сказал капитан.

– Постарайтесь, пожалуйста, и держите прямо против течения. Постарайтесь, сэр, прошу вас...

Нас относило к западу до тех пор, пока я не направил нос прямо к востоку, под прямым углом к тому пути, по которому мы должны были двигаться.

– Этак мы никогда не доберемся до берега, – сказал я.

– Если при всяком другом курсе нас сносит, сэр, мы должны держаться этого курса, – ответил капитан. – Нам нужно идти вверх по течению. Если нас снесет, сэр, – продолжал он, – в подветренную сторону от частокола, неизвестно, где мы сможем высадиться, да и разбойничьи шлюпки могут напасть на нас. А если мы будем держаться этого курса, течение скоро ослабеет, и мы спокойно сможем маневрировать у берега.

– Течение уже слабее, сэр, – сказал матрос Грей, сидевший на носу. – Можно чуть-чуть повернуть к берегу.

– Спасибо, любезнейший, – поблагодарил я его, как будто между нами никогда не было никаких недоразумений.

Мы все безмолвно условились обращаться с ним так, как будто он с самого начала был заодно с нами.

И вдруг капитан произнес изменившимся голосом:

– Пушка!

– Я уже думал об этом, – сказал я, полагая, что он говорит о возможности бомбардировать наш форт из пуш-

ки. – Им никогда не удастся свезти пушки на берег. А если и свезут, она застрянет в лесу.

– Нет, вы поглядите на корму, – сказал капитан. Второпях мы совсем забыли про девятифунтовую пушку. Пятеро негодяев возились возле пушки, стаскивая с нее «куртку», как называли они просмоленный парусиновый чехол, которым она была накрыта. Я вспомнил, что мы оставили на корабле пушечный порох и ядра и что разбойникам ничего не стоит достать их из склада – нужно только разок ударить топором.

– Израэль был у Флинта канониром, – хрипло произнес Грей.

Я направил ялик прямо к берегу. Мы теперь без труда справлялись с течением, хотя шли все еще медленно. Ялик отлично повиновался рулю. Но, как назло, теперь он был повернут к «Испаньоле» бортом и представлял превосходную мишень.

Я мог не только видеть, но и слышать, как краснорожий негодяй Израэль Хендс с грохотом катил по палубе ядро.

– Кто у нас лучший стрелок? – спросил капитан.

– Мистер Трелони, без сомнения, – ответил я.

– Мистер Трелони, застрелите одного из разбойников. Если можно, Хендса, – сказал капитан.

Трелони был холоден, как сталь. Он осмотрел запал своего ружья.

– Осторожней, сэр, – крикнул капитан, – не переверните ялик! А вы все будьте наготове и во время выстрела постарайтесь сохранить равновесие.

Сквайр поднял ружье, гребцы перестали грести, мы

передвинулись к борту, чтобы удерживать равновесие, и все обошлось благополучно: ялик не зачерпнул ни капли.

Пираты тем временем повернули пушку на вертлюге, и Хендс, стоявший с прибойником[64] у жерла, был отличной целью. Однако нам не повезло. В то время как Трелони стрелял, Хендс нагнулся, и пуля, просвистев над ним, попала в одного из матросов.

Раненый закричал, и крик его подхватили не только те, кто был вместе с ними на корабле: множество голосов ответило ему с берега. Взглянув туда, я увидел пиратов, бегущих из леса к шлюпкам.

– Они сейчас отчалят, сэр, – сказал я.

– Прибавьте ходу! – закричал капитан. – Теперь уж не важно, затопим мы ялик или нет. Если нам не удастся добраться до берега, все погибло.

– Отчаливает только одна шлюпка, сэр, – заметил я. – Команда другой шлюпки, вероятно, побежала по берегу, чтобы перерезать нам дорогу.

– Им придется здорово побегать, – возразил капитан. – А моряки не отличаются проворством на суше. Не их я боюсь, а пушки. Дьяволы! Моя пушка бьет без промаха. Предупредите нас, сквайр, когда увидите зажженный фитиль, и мы дадим лодке другое направление.

Несмотря на тяжелый груз, ялик наш двигался теперь довольно быстро и почти не черпал воду. Нам оставалось каких-нибудь тридцать-сорок раз взмахнуть веслами, и мы добрались бы до песчаной отмели возле деревьев, которую обнажил отлив. Шлюпки пиратов уже не нужно было бояться: мысок скрыл ее из виду.

---

[64] Прибойник – железный прут для забивания заряда в дуло орудия.

Отлив, который недавно мешал нам плыть, теперь мешал нашим врагам догонять нас. Нам угрожала только пушка.

– Хорошо бы остановиться и подстрелить еще одного из них, – сказал капитан.

Но было ясно, что пушка выстрелит во что бы то ни стало. Разбойники даже не глядели на своего раненого товарища, хотя он был жив, и мы видели, как он пытался отползти в сторону.

– Готово! – крикнул сквайр.

– Стой! – как эхо, отозвался капитан.

Он и Редрут так сильно стали табанить[65] веслами, что корма погрузилась в воду. Грянул пушечный выстрел – тот самый, который услышал Джим: выстрел сквайра до него не донесся. Мы не заметили, куда ударило ядро. Я полагаю, что оно просвистело над нашими головами и что ветер, поднятый им, был причиной нашего несчастья.

Как бы то ни было, но тотчас же после выстрела наш ялик зачерпнул кормой воду и начал медленно погружаться. Глубина была небольшая, всего фута три. Мы с капитаном благополучно встали на дно друг против друга. Остальные трое окунулись с головой и вынырнули, фыркая и отдуваясь.

В сущности, мы отделались дешево – жизни никто не лишился и все благополучно добрались до берега. Но запасы наши остались на дне, и, что хуже всего, из пяти ружей не подмокли только два: мое ружье я, погружаясь в воду, инстинктивно поднял над головой, а ружье капитана,

---

[65] Табанить – грести назад.

человека опытного, висело у него за спиной замком кверху; оно тоже осталось сухим. Три остальных ружья нырнули вместе с яликом.

В лесу, уже совсем неподалеку, слышны были голоса. Нас могли отрезать от частокола. Кроме того, мы сомневались, удержатся ли Хантер и Джойс, если на них нападет полдюжины пиратов. Хантер – человек твердый, а за Джойса мы опасались; он услужливый и вежливый слуга, он отлично чистит щеткой платье, но для войны совершенно не пригоден.

Встревоженные, мы добрались до берега вброд, бросив на произвол судьбы наш бедный ялик, в котором находилась почти половина всего нашего пороха и всей нашей провизии.

ГЛАВА XVIII

Доктор продолжает свой рассказ

Конец первого дня сражения

Мы во весь дух бежали через лес, отделявший нас от частокола, и с каждым мгновением все ближе и ближе раздавались голоса пиратов. Скоро мы услышали топот их ног и треск сучьев. Они пробирались сквозь чащу.

Я понял, что нам предстоит нешуточная схватка, и осмотрел свое ружье.

– Капитан, – сказал я, – Трелони бьет без промаха, но ружье его хлебнуло воды. Уступите ему свое.

Они поменялись ружьями, и Трелони, по-прежнему молчаливый и хладнокровный, на мгновение остановился,

чтобы проверить заряд. Тут только я заметил, что Грей безоружен, и отдал ему свой кортик. Мы обрадовались, когда он поплевал на руки, нахмурил брови и замахал кортиком с такой силой, что лезвие со свистом рассекало воздух. И каждый взмах кортика был доказательством, что наш новый союзник будет драться до последней капли крови.

Пробежав еще шагов сорок, мы выбрались на опушку леса и оказались перед частоколом. Мы подошли как раз к середине его южной стороны. А в это самое время семеро разбойников с боцманом Джобом Эндерсоном во главе, громко крича, выскочили из лесу у юго-западного угла частокола.

Они остановились в замешательстве. Мы со сквайром выстрелили, не дав им опомниться. Хантер и Джойс, сидевшие в укреплении, выстрелили тоже. Четыре выстрела грянули разом и не пропали даром: один из врагов упал, остальные поспешно скрылись за деревьями.

Снова зарядив ружья, мы прокрались вдоль частокола посмотреть на упавшего врага.

Он был убит наповал, пуля попала прямо в сердце. Успех обрадовал нас. Но вдруг в кустах щелкнул пистолет, у меня над ухом просвистела пуля, и бедняга Том Редрут пошатнулся и во весь рост грохнулся на землю. Мы со сквайром выстрелили в кусты. Но стрелять пришлось наудачу, и, вероятно, заряды наши пропали даром. Снова зарядив ружья, мы кинулись к бедному Тому.

Капитан и Грей уже осматривали его. Я глянул только краем глаза и сразу увидел, что дело безнадежно.

Вероятно, наши выстрелы заставили пиратов отсту-

пить, так как нам удалось без всякой помехи перетащить несчастного егеря через частокол и внести под крышу блокгауза, в сруб.

Бедный старый товарищ! Он ничему не удивлялся, ни на что не жаловался, ничего не боялся и даже ни на что не ворчал с самого начала наших приключений до этого дня, когда мы положили его в сруб умирать. Он, как троянец, геройски охранял коридор на корабле. Все приказания он исполнял молчаливо, покорно и добросовестно. Он был старше нас всех лет на двадцать. И вот этот угрюмый старый, верный слуга умирал на наших глазах.

Сквайр бросился перед ним на колени, целовал ему руки и плакал, как малый ребенок.

– Я умираю, доктор? – спросил тот.

– Да, друг мой, – сказал я.

– Хотелось бы мне перед смертью послать им еще одну пулю.

– Том, – сказал сквайр, – скажи мне, что ты прощаешь меня.

– Прилично ли мне, сэр, прощать или не прощать своего господина? – спросил старый слуга. – Будь что будет. Аминь!

Он замолчал, потом попросил, чтобы кто-нибудь прочел над ним молитву.

– Таков уж обычай, сэр, – прибавил он, словно извиняясь, и вскоре после этого умер.

Тем временем капитан – я видел, что у него как-то странно вздулась грудь и карманы были оттопырены, – вытащил оттуда самые разнообразные вещи: британский флаг, Библию, клубок веревок, перо, чернила, судовой

журнал и несколько фунтов табаку. Он отыскал длинный обструганный сосновый шест и с помощью Хантера укрепил его над срубом, на углу. Затем, взобравшись на крышу, он прицепил к шесту и поднял британский флаг. Это, по-видимому, доставило ему большое удовольствие. Потом он спустился и начал перебирать и пересчитывать запасы, словно ничего другого не было на свете. Но изредка он все же поглядывал на Тома. А когда Том умер, он достал другой флаг и накрыл им покойника.

– Не огорчайтесь так сильно, сэр, – сказал капитан, пожимая руку сквайру. – Он умер, исполняя свой долг. Нечего бояться за судьбу человека, убитого при исполнении обязанностей перед капитаном и хозяином. Я не силен в богословии, но это дела не меняет.

Затем отвел меня в сторону.

– Доктор Ливси, – спросил он, – через сколько недель вы со сквайром ожидаете прибытия корабля, который пошлют нам на помощь?

Я ответил, что это дело затяжное. Потребуются не недели, а месяцы. Если мы не вернемся к концу августа, Блендли вышлет нам на помощь корабль, не позже и не раньше.

– Вот и высчитайте, когда этот корабль будет здесь, – закончил я.

– Ну, сэр, – сказал капитан, почесывая затылок, – в таком случае, нам, даже если очень повезет, придется туговато.

– Почему? – спросил я.

– Очень жаль, сэр, что весь груз, который мы везли во второй раз, погиб, вот почему, – ответил капитан. – Поро-

ха и пуль у нас достаточно, но провизии мало. Очень мало! Пожалуй, не приходится жалеть, что мы избавились от лишнего рта.

И он указал на покрытого флагом покойника. В это мгновение высоко над крышей сруба с ревом и свистом пролетело ядро. Оно упало где-то далеко за нами, в лесу.

– Ого! – сказал капитан. – Бомбардировка! А ведь пороха у них не так-то много.

Второй прицел был взят удачнее. Ядро перелетело через частокол и упало перед срубом, подняв целую тучу песка.

– Капитан, – сказал сквайр, – сруб с корабля не виден. Они, должно быть, целятся в наш флаг. Не лучше ли спустить его?

– Спустить флаг? – возмутился капитан. – Нет, сэр. Пусть его спускает кто угодно, но только не я. – И мы сразу же с ним согласились.

Гордый морской обычай не позволяет спускать флаг во время битвы. И, кроме того, это была хорошая политика – мы хотели доказать врагам, что нам вовсе не страшна их пальба.

Они обстреливали нас из пушки весь вечер. Одно ядро проносилось у нас над головами, другое падало перед частоколом, третье взрывало песок возле самого сруба. Но пиратам приходилось брать высокий прицел: ядра теряли силу и зарывались в песок. Рикошета мы не боялись. И хотя одно ядро пробило у нас крышу и пол, мы скоро привыкли к обстрелу и относились к нему равнодушно, как к трескотне сверчка.

– Есть в этом и хорошая сторона, – заметил капитан. –

В лесу поблизости от нас, должно быть, нет пиратов. Отлив усилился, и наши припасы, наверно, показались из-под воды. Эй, не найдутся ли охотники сбегать за утонувшей свининой?

Грей и Хантер вызвались прежде всех. Хорошо вооруженные, они перелезли через частокол. Но свинина досталась не им. Пираты были храбрее, чем мы ожидали. А может быть, они вполне полагались на пушку Израэля Хендса.

Пятеро разбойников усердно вылавливали припасы из нашего затонувшего ялика и перетаскивали их в стоявшую неподалеку шлюпку. Сидевшим в шлюпке приходилось все время грести, потому что течение относило их в сторону. Сильвер стоял на корме и распоряжался. Они все до одного были вооружены мушкетами, добытыми, вероятно, из какого-то их тайного склада.

Капитан сел на бревно и стал записывать в судовой журнал: «Александр Смоллетт – капитан, Дэвид Ливси – судовой врач, Абрахам Грей – помощник плотника, Джон Трелони – владелец шхуны, Джон Хантер и Ричард Джойс – слуги и земляки владельца шхуны, – вот и все, кто остался верен своему долгу. Взяв с собой припасы, которых хватит не больше чем на десять дней, они сегодня высадились на берег и подняли британский флаг над блокгаузом на Острове Сокровищ. Том Редрут, слуга и земляк владельца шхуны, убит разбойниками. Джеймс Хокинс, юнга...»

Я задумался над судьбой бедного Джима Хокинса.

И вдруг в лесу раздался чей-то крик.

– Нас кто-то окликает, – сказал Хантер, стоявший на часах.

– Доктор! Сквайр! Капитан! Эй, Хантер, это ты? – услышали мы чей-то голос.

Я бросился к дверям и увидел Джима Хокинса. Целый и невредимый, он перелезал через наш частокол.

ГЛАВА XIX

Опять говорит Джим Хокинс

Гарнизон в Блокгаузе

Как только Бен Ганн увидел британский флаг, он остановился, схватил меня за руку и сел.

– Ну, – сказал он, – там твои друзья. Несомненно.

– Вернее, что бунтовщики, – сказал я.

– Никогда! – воскликнул он. – На этом острове, в этой пустыне, где никого не бывает, кроме джентльменов удачи, Сильвер поднял бы черное, пиратское знамя. Уж положись на меня. Я эти дела понимаю. Там твои друзья, это верно. Должно быть, была стычка и они победили. И теперь они на берегу, за старым частоколом. Это Флинт поставил частокол. Много лет назад. Что за голова был этот Флинт! Только ром мог его сокрушить. Никого он не боялся, кроме Сильвера. А Сильвера он побаивался, надо правду сказать.

– Ну что ж, – сказал я, – раз за частоколом свои, надо идти туда.

– Постой, – возразил Бен. – Погоди. Ты, кажется, славный мальчишка, но все же ты только мальчишка. А Бен Ганн хитер. Бен Ганн не промах. Никакой выпивкой меня

туда не заманишь... Я должен сам увидеть твоего прирожденного джентльмена, и пускай он даст мне свое честное слово. А ты не забудь моих слов. Только – так и скажи ему, – только при личном знакомстве возможно доверие. И ущипни его за руку.

И он третий раз ущипнул меня с самым многозначительным видом.

– А когда Бен Ганн вам понадобится, ты знаешь, где найти его, Джим. Там, где ты нашел его сегодня. И тот, кто придет за ним, должен держать что-нибудь белое в руке, и пускай приходит один. Ты им так и скажи. «У Бена Ганна, – скажи, – есть на то свои причины».

– Хорошо, – сказал я. – Кажется, я вас понял. Вы хотите что-то предложить, и вам нужно повидаться со сквайром или с доктором. А увидеть вас можно там, где я вас нашел сегодня. Это все?

– А почему ты не спрашиваешь, в какие часы меня можно застать? Я принимаю с полудня до шести склянок.

– Хорошо, хорошо, – сказал я. – Теперь я могу идти?

– А ты не забудешь? – спросил он тревожно. – Скажи ему, что «только при личном знакомстве» и что «есть свои причины». Я поговорю с ним, как мужчина с мужчиной. А теперь можешь идти, Джим, – сказал он, по-прежнему крепко держа меня за руку. – Послушай, Джим, а если ты увидишь Сильвера, ты не предашь ему Бена Ганна? Даже если тебя привяжут к хвосту дикой лошади, не выдашь? А если пираты высадятся на берег, Джим, ты утром не передумаешь?..

Грохот пушечного выстрела прервал его слова. Ядро пронеслось между деревьями и упало на песок в сотне яр-

дов[66] от того места, где мы стояли и разговаривали. И мы оба бросились в разные стороны.

В течение часа остров сотрясался от пальбы, и ядра носились по лесу, сокрушая все на пути. Я прятался то тут, то там, и всюду мне казалось, что ядра летят прямо в меня. Мало-помалу ко мне вернулось утраченное мужество. Однако я все еще не решался подойти к частоколу, возле которого ядра падали чаще всего. Двигаясь в обход к востоку, я добрался наконец до деревьев, росших у самого берега.

Солнце только что село, морской бриз свистел в лесу и покрывал рябью сероватую поверхность бухты. Отлив обнажил широкую песчаную отмель. Воздух после дневного зноя стал таким холодным, что я сильно озяб в своем легком камзоле.

«Испаньола» по-прежнему стояла на якоре. Но над ней развевался «Веселый Роджер» – черный пиратский флаг с изображением черепа. На борту блеснула красная вспышка, и гулкое эхо разнесло по всему острову последний звук пушечного выстрела. Канонада окончилась.

Я лежал в кустах и наблюдал суету, которая последовала за атакой. На берегу, как раз против частокола, несколько человек рубили что-то топорами. Впоследствии я узнал, что они уничтожали несчастный наш ялик. Вдали, возле устья речки, среди деревьев пылал большой костер. Между костром и кораблем беспрерывно сновала шлюпка. Матросы, такие угрюмые утром, теперь, гребя, кричали и смеялись, как дети. По звуку голосов я догадался, что веселье вызвано ромом.

---

[66] Ярд – единица длины, равная 91,44 см.

Наконец я решился направиться к частоколу. И был довольно далеко от него, на низкой песчаной косе, замыкавшей нашу бухту с востока и доходившей при отливе до самого Острова Скелета. Поднявшись, я увидел дальше на косе среди низкого кустарника одинокую, довольно большую скалу странного, белесого цвета. Мне пришло в голову, что это та самая белая скала, про которую говорил Бен Ганн, и что если мне понадобится лодка, я буду знать, где ее найти. Я брел по опушке леса, пока не увидел перед собой задний, самый дальний от моря, край частокола. Наши встретили меня с горячим радушием.

Я рассказал им о моих приключениях и осмотрелся вокруг. Бревенчатый дом был весь построен из необтесанных сосновых стволов – и стены, и крыша, и пол. Пол в некоторых местах возвышался на фут или на полтора над песком. У входа было устроено крылечко, под крылечком журчал ручеек. Струя текла в искусственный бассейн очень оригинального вида: огромный корабельный чугунный котел с выбитым дном, зарытый в песок «по самую ватерлинию», как говорил капитан. В доме было почти пусто. Только в одном углу лежала каменная плита для очага с железной решеткой в форме корзины, чтобы огонь не распространялся за пределы камня.

Все деревья по склонам холма, окруженного частоколом, были срублены на постройку. Судя по пням, здесь погибла превосходная роща. Верхний слой почвы после уничтожения деревьев был смыт и снесен дождями, обнажившими чистый песок. Только там, где ручей вытекал из котла, виднелись и мох, и папоротник, и низкорослый кустарник. Сразу за частоколом начинался густой и высокий

лес. Это, как говорили, мешало защите. Со стороны суши лес состоял из сосен, а спереди, со стороны пролива, – из тех же сосен и вечнозеленых дубов.

Холодный вечерний бриз, о котором я уже говорил, дул во все щели грубо сколоченного здания, посыпая пол непрестанным дождем мелкого песка. Песок засорял нам глаза, песок хрустел у нас на зубах, песок попадал к нам в еду, песок плясал в роднике на дне котла, как крупа в кипящей каше. Дымовой трубы у нас не было – дым выходил через квадратное отверстие в крыше. Прежде чем найти дорогу к выходу, он расползался по всему дому, заставляя нас кашлять и плакать.

Грей, наш новый товарищ, сидел с перевязанным лицом – разбойники порезали ему щеку. А старый Том Редрут, все еще не похороненный, окоченевший, лежал у стены, покрытый британским флагом.

Если бы нам позволили сидеть сложа руки, мы скоро упали бы духом. Но капитан Смоллетт умел найти дело для всех. Он вызвал нас к себе и разделил на две вахты. В одну вошли доктор, Грей и я, в другую – сквайр, Хантер и Джойс. За день мы очень устали, но тем не менее капитан двоих послал в лес за дровами, а двоим велел копать могилу для Редрута. Доктор стал поваром, меня поставили часовым у дверей, а сам капитан расхаживал от одного к другому, всех подбодряя и всем помогая.

Время от времени доктор подходил к двери подышать воздухом и дать отдохнуть покрасневшим от дыма глазам и перекидывался со мной двумя-тремя словами.

– Этот Смоллетт, – сказал он мне как-то, – гораздо лучше меня. Если уж это я сам признал, значит, так оно и есть, Джим.

В другой раз он сначала помолчал, потом повернул голову и внимательно посмотрел мне в лицо.

– На этого Бена Ганна можно положиться? – спросил он.

– Не знаю, сэр, – ответил я. – Я не совсем уверен, что голова у него в порядке.

– Значит, не в порядке, – сказал доктор. – Если человек три года грыз ногти на необитаемом острове, Джим, голова у него не может быть в таком же порядке, как у тебя или у меня. Так уж устроены люди. Ты говоришь, он мечтает о сыре?

– Да, сэр, – ответил я.

– Ладно, Джим, – сказал он. – Посмотри, как полезно быть лакомкой. Ты, наверно, видел мою табакерку, но ни разу не видел, чтобы я нюхал из нее табак. У меня в табакерке лежит не табак, а кусочек пармезана – итальянского сыра. Этот сыр мы отдадим Бену Ганну!

Перед ужином мы зарыли старого Тома в песок, потом постояли немного с непокрытыми головами на ветру.

Дров из лесу натаскали целую груду, но капитан был все же недоволен.

– Завтра я заставлю вас работать как следует, – сказал он, качая головой.

Поужинав копченой свининой и выпив по стакану горячего грога, капитан, сквайр и доктор удалились на совещание.

Но, по-видимому, ничего хорошего не приходило им в голову. Провизии у нас было так мало, что мы должны были неизбежно умереть с голоду задолго до прибытия помощи. Оставалось одно: убить как можно больше пира-

тов, убивать их до тех пор, пока они не спустят свой черный флаг или пока не уйдут на «Испаньоле» в открытое море. Из девятнадцати их уже осталось пятнадцать, причем двое ранены, а один, подстреленный у пушки, если не умер, то, во всяком случае, ранен тяжело. Каждый раз, когда нам представится возможность выстрелить в них, мы должны стрелять. Нужно тщательно беречь наших людей и помнить, что у нас есть два надежных союзника: ром и климат.

Ром уже взялся за дело: полмили отделяло нас от пиратов, и тем не менее до поздней ночи слышали мы песни и крики. А доктор клялся своим париком, что скоро за дело возьмется и климат: лагерь пиратов возле болота, лекарств у них нет никаких, и через неделю половина из них будет валяться в лихорадке.

– Итак, – говорил доктор, – если им не удастся укокошить нас сразу, они будут рады бросить остров и вернуться на шхуну. У них есть корабль, и они всегда могут заняться своим старым ремеслом – морским разбоем.

– Это первый корабль, который мне пришлось потерять, – сказал капитан Смоллетт.

Я смертельно устал. Долго ворочался я, перед тем как заснуть, но потом спал как убитый.

Все уже давно встали, позавтракали и натаскали дров, когда я проснулся, разбуженный шумом и криками.

– Белый флаг! – сказал кто-то.

И тотчас же раздался удивленный возглас:

– Сам Сильвер!

Я вскочил, протер глаза и кинулся к бойнице в стене.

ГЛАВА XX

Сильвер – парламентер

Действительно, к частоколу подошли два человека. Один из них размахивал белой тряпкой, а другой – не кто иной, как сам Сильвер, – невозмутимо стоял рядом.

Было еще очень рано. Я не запомню такого холодного утра. Холод пронизывал меня до костей. Небо было ясное, сияющее, верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца, но внизу, где стоял Сильвер со своим спутником, все еще была густая тень. У их ног клубился белый туман – ночные испарения болота. Ночной холод и туман – вот беда этого острова. Этот остров – сырое, малярийное, нездоровое место.

– Все по местам! – сказал капитан. – Держу пари, что они затевают какую-то хитрость. – Затем он крикнул разбойникам: – Кто идет? Стой, или будем стрелять!

– Белый флаг! – крикнул Сильвер.

Капитан вышел на крыльцо и стал под прикрытием, чтобы предательская пуля не угрожала ему. Обернувшись к нам, он приказал:

– Отряд доктора – на вахту к бойницам! Доктор Ливси, прошу вас, займите северную стену. Джим – восточную, Грей – западную. Другой вахте – заряжать мушкеты. Живее! И будьте внимательны!

Потом снова обратился к разбойникам.

– Чего вы хотите от нас с вашим белым флагом? – крикнул он.

На этот раз ответил не Сильвер, а другой пират.

– Капитан Сильвер, сэр, хочет подняться к вам на борт, заключить с вами договор! – прокричал он.

– Капитан Сильвер? Я такого не знаю. Кто он? – спросил капитан.

Мы слышали, как он добавил вполголоса:

– Вот как! Уже капитан! Быстрое повышение в чине!

Долговязый Джон ответил сам:

– Это я, сэр. Наши несчастные ребята выбрали меня капитаном после вашего дезертирства, сэр. – Слово «дезертирство» он произнес с особым ударением. – Мы готовы подчиниться опять, но, конечно, на известных условиях: если вы согласитесь подписать с нами договор. А пока дайте мне честное слово, капитан Смоллетт, что вы отпустите меня отсюда живым и не начнете стрельбу, прежде чем я не отойду от частокола.

– У меня нет никакой охоты разговаривать с вами, – сказал капитан Смоллетт. – Но если вы хотите говорить со мной, ступайте сюда. Однако, если вы замышляете предательство, то потом пеняйте на себя.

– Этого достаточно, капитан! – весело воскликнул Долговязый Джон. – Одного вашего слова достаточно. Я знаю, что вы джентльмен, капитан, и что на ваше слово можно вполне положиться.

Мы видели, как человек с белым флагом старался удержать Сильвера. В этом не было ничего удивительного, потому что капитан разговаривал не слишком любезно. Но Сильвер только засмеялся в ответ и хлопнул его по плечу, точно даже самая мысль об опасности представлялась ему нелепостью. Он подошел к частоколу, сначала перебросил через него свой костыль, а затем перелез и сам с необычайной быстротой и ловкостью.

Должен признаться: я так был занят всем происходящим, что забыл обязанности часового. Я покинул свой пост у восточной бойницы и стоял позади капитана, который сидел на пороге, положив локти на колени, поддерживая голову руками, и смотрел в старый железный котел, где бурлила вода и плясали песчинки. Спокойно насвистывал он себе под нос: «За мною, юноши и девы».

Сильверу было мучительно трудно взбираться по склону холма. На крутизне, среди сыпучего песка и широких пней, он со своим костылем был беспомощен, как корабль на мели. Но он мужественно и молчаливо преодолел весь путь, остановился перед капитаном и отдал ему честь с величайшим изяществом. На нем был его лучший наряд: длинный, до колен, синий кафтан с множеством медных пуговиц и сдвинутая на затылок шляпа, обшитая тонкими кружевами.

– Вот и вы, любезный, – сказал капитан, подняв голову. – Садитесь.

– Пустите меня в дом, капитан, – жалобно попросил Долговязый Джон. – В такое холодное утро, сэр, неохота сидеть на песке.

– Если бы вы, Сильвер, – сказал капитан, – предпочли остаться честным человеком, вы сидели бы теперь в своем камбузе. Сами виноваты. Либо вы мой корабельный повар – и тогда я с вами обращаюсь по-хорошему, либо вы капитан Сильвер, бунтовщик и пират, – и тогда не ждите от меня ничего, кроме виселицы.

– Ладно, ладно, капитан, – сказал повар, садясь на песок. – Только потом вам придется подать мне руку, чтобы я мог подняться... Неплохо вы тут устроились!.. А, это

Джим! Доброе утро, Джим... Доктор, мое почтение! Да вы тут все в сборе, словно счастливое семейство, если разрешите так выразиться...

– К делу, любезный, – перебил капитан. – Говорите, зачем вы пришли.

– Правильно, капитан Смоллетт, – ответил Сильвер. – Дело прежде всего. Должен признаться, вы ловкую штуку выкинули сегодня ночью. Кто-то из вас умеет обращаться с ганшпугом. Кое-кто из моих людей был прямо потрясен этим делом, да не только кое-кто, но все. Я и сам, признаться, потрясен. Может быть, только из-за этого я и пришел сюда заключить договор. Но, клянусь громом, капитан, второй раз эта история вам не удастся! Мы всюду выставим часовых и уменьшим выдачу рома. Вы, верно, думаете, что мы все были пьяны мертвецки? Поверьте мне, я нисколько не был пьян, я только устал, как собака. Если бы я проснулся на секунду раньше, вы бы от меня не ушли. Он еще был жив, когда я добежал до него.

– Дальше, – хладнокровно произнес капитан Смоллетт.

Все, что говорил Сильвер, было для капитана загадкой, но капитан и бровью не повел. А я, признаться, смекнул кое-что. Мне пришли на память последние слова Бена Ганна. Я понял, что ночью он пробрался в лагерь разбойников, когда они пьяные валялись вокруг костра. Мне было весело думать, что теперь в живых осталось только четырнадцать наших врагов.

– Вот в чем дело, – сказал Сильвер. – Мы хотим достать сокровища, и мы их достанем. А вы, конечно, хотите спасти свою жизнь и имеете на это полное право. Ведь у вас есть карта, не правда ли?

– Весьма возможно, – отвечал капитан.

– Я наверняка знаю, что она у вас есть, – продолжал Долговязый Джон. – И почему вы говорите со мной так сухо? Это не принесет вам пользы. Нам нужна ваша карта, вот и все, а лично вам я не желаю ни малейшего зла...

– Перестаньте, любезный, – перебил его капитан. – Не на такого напали. Нам в точности известно, каковы были ваши намерения. Но это нас нисколько не тревожит, потому что руки у вас оказались коротки.

Капитан спокойно взглянул на него и стал набивать свою трубку.

– Если бы Эйб Грей... – начал Сильвер.

– Стоп! – закричал мистер Смоллетт. – Грей ничего мне не говорил, и я ни о чем его не спрашивал. Скажу больше: я с удовольствием взорвал бы на воздух и вас, и его, и весь этот дьявольский остров! Вот что я думаю обо всей вашей шайке, любезный.

Эта гневная вспышка, видимо, успокоила Сильвера. Он уже начал было сердиться, но сдержался.

– Как вам угодно, – сказал он. – Думайте что хотите, я запрещать вам не стану... Вы, кажется, собираетесь закурить трубку, капитан. И я, если позволите, сделаю то же.

Он набил табаком свою трубку и закурил. Двое мужчин долго молча сидели, то взглядывая друг другу в лицо, то затягиваясь дымом, то нагибаясь вперед, чтобы сплюнуть. Смотреть на них было забавно, как на театральное представление.

– Вот наши условия, – сказал наконец Сильвер. – Вы нам даете карту, чтобы мы могли найти сокровища, вы перестаете подстреливать несчастных моряков и разбивать

им головы, когда они спят. Если вы согласны на это, мы предлагаем вам на выбор два выхода. Выход первый: погрузив сокровища, мы позволяем вам вернуться на корабль, и я даю вам честное слово, что высажу вас где-нибудь на берег в целости. Если первый выход вам не нравится, так как многие мои матросы издавна точат на вас зубы, вот вам второй: мы оставим вас здесь, на острове. Провизию мы поделим с вами поровну, и я обещаю послать за вами первый же встречный корабль. Советую вам принять условия. Лучших условий вам не добиться. Надеюсь, – тут он возвысил голос, – все ваши люди тут в доме слышат мои слова, ибо сказанное одному – сказано для всех.

Капитан Смоллетт поднялся и вытряхнул пепел из своей трубки в ладонь левой руки.

– И это все? – спросил он.

– Это мое последнее слово, клянусь громом! – ответил Джон. – Если вы откажетесь, вместо меня будут говорить наши ружья.

– Отлично, – сказал капитан. – А теперь послушайте меня. Если вы все придете ко мне сюда безоружные поодиночке, я обязуюсь заковать вас в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду. Но если вы не явитесь, то помните, что зовут меня Александр Смоллетт, что я стою под этим флагом и что я всех отправлю к дьяволу. Сокровищ вам не найти. Уплыть на корабле вам не удастся: никто из вас не умеет управлять кораблем. Сражаться вы тоже не мастера: против одного Грея было пятеро ваших, и он ушел от всех. Вы крепко сели на мель, капитан Сильвер, и не скоро сойдете с нее. Это последнее

доброе слово, которое вы слышите от меня. А при следующей встрече я всажу пулю вам в спину. Убирайтесь же, любезный! Поторапливайтесь.

Глаза Сильвера вспыхнули яростью. Он вытряхнул огонь из своей трубки.

– Дайте мне руку, чтобы я мог подняться! – крикнул он.

– Не дам, – сказал капитан.

– Кто даст мне руку? – проревел Сильвер. Никто из нас не двинулся. Отвратительно ругаясь, Сильвер прополз до крыльца, ухватился за него, и только тут ему удалось подняться. Он плюнул в источник.

– Вы для меня вот как этот плевок! – крикнул он. – Через час я подогрею ваш старый блокгауз, как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!

И, снова выругавшись, он заковылял по песку. Раза четыре принимался он перелезать через забор и падал. Наконец его перетащил человек с белым флагом, и в одну минуту они исчезли среди деревьев.

ГЛАВА XXI

Атака

Как только Сильвер скрылся, капитан, все время не спускавший с него глаз, обернулся и заметил, что на посту стоит только один Грей. Впервые увидели мы, как капитан сердится.

– По местам! – проревел он. Мы кинулись к бойницам.

– Грей, – сказал он, – я занесу твое имя в судовой журнал. Ты исполнил свой долг, как подобает моряку... Мистер Трелони, вы меня удивили, сэр!.. Доктор, ведь вы носили военный мундир! Если вы так исполняли свой долг при Фонтенуа, вы бы лучше не сходили с койки.

Вахта доктора была уже у бойниц, а остальные заряжали мушкеты. Мы все покраснели – нам было стыдно.

Капитан молча следил за нами. Потом заговорил снова.

– Друзья, – сказал он, – я Сильвера встретил, так сказать, залпом пушек всего борта. Я нарочно привел его в бешенство. По его словам, не пройдет и часа, как мы подвергнемся нападению. Вы знаете, что их больше, чем нас, но зато мы находимся в крепости. Минуту назад я мог бы даже сказать, что у нас есть дисциплина. Я не сомневаюсь, что мы можем победить их, если вы захотите победить.

Затем он обошел нас всех и признал, что на этот раз все в порядке.

В двух узких стенах сруба – в восточной и западной – было только по две бойницы. В южной, где находилась дверь, – тоже две. А в северной – пять. У нас было двадцать мушкетов на семерых. Дрова мы сложили в четыре штабеля, посередине каждой стороны. Эти штабеля мы называли столами. На каждом столе лежало по четыре заряженных мушкета, чтобы защитники крепости всегда имели их под рукой. А между мушкетами сложены были кортики.

– Тушите огонь, – сказал капитан. – Уже потеплело, а дым только ест глаза.

Мистер Трелони вынес наружу железную решетку очага и разбросал угли по песку.

– Хокинс еще не завтракал... Хокинс, бери свой завтрак и ешь на посту, – продолжал капитан Смоллетт. – Пошевеливайся, дружок, а то останешься без завтрака... Хантер, раздай всем грог.

Пока мы возились, капитан обдумал до конца план защиты.

– Доктор, вам поручается дверь, – проговорил он. – Глядите хорошенько, но не слишком выставляйтесь вперед. Стойте внутри и стреляйте из двери... Хантер, ты возьмешь восточную стену... Джойс, друг мой, бери западную... Мистер Трелони, вы лучший стрелок, – берите вместе с Греем северную стену, самую длинную, с пятью бойницами. Это самая опасная сторона. Если им удастся добежать до нее и стрелять в нас через бойницы, дело наше будет очень плохо... А мы с тобой, Хокинс, никуда не годные стрелки. Мы будем заряжать мушкеты и помогать всем.

Капитан был прав. Едва солнце поднялось над вершинами деревьев, стало жарко, и туман исчез. Скоро песок начал обжигать нам пятки, и на бревнах сруба выступила растопленная смола. Мы сбросили камзолы, расстегнули вороты у рубах, засучили до плеч рукава. Каждый стоял на своем посту, разгоряченный жарой и тревогой.

Так прошел час.

– Дьявол! – сказал капитан. – Становится скучно. Грей, засвисти какую-нибудь песню.

В это мгновение впервые стало ясно, что на нас готовится атака.

– Позвольте спросить, сэр, – сказал Джойс, – если я увижу кого-нибудь, я должен стрелять?

– Конечно! – крикнул капитан.

– Спасибо, сэр, – сказал Джойс все так же спокойно и вежливо.

Ничего не случилось, но вопрос Джойса заставил нас всех насторожиться. Стрелки держали мушкеты наготове, а капитан стоял посреди сруба, сжав губы и нахмурив лоб. Так прошло несколько секунд. Вдруг Джойс просунул в бойницу свой мушкет и выстрелил. Звук его выстрела еще не успел затихнуть, как нас стали обстреливать со всех сторон, залп за залпом. Несколько пуль ударилось о бревна частокола. Но внутрь не залетела ни одна, и, когда дым рассеялся, вокруг частокола и в лесу было тихо и спокойно, как прежде. Ни одна веточка не шевелилась. Ни одно дуло не поблескивало в кустах. Наши враги как сквозь землю провалились.

– Попал ты в кого-нибудь? – спросил капитан.

– Нет, сэр, – ответил Джойс. – Кажется, не попал, сэр.

– И то хорошо, что правду говоришь, – проворчал капитан Смоллетт. – Заряди его ружье, Хокинс... Как вам кажется, доктор, сколько на вашей стороне было выстрелов?

– Я могу ответить точно, – сказал доктор Ливси, – три выстрела. Я видел три вспышки – две рядом и одну дальше, к западу.

– Три! – повторил капитан. – А сколько на вашей, мистер Трелони?

Но тут ответить было нелегко. С севера стреляли много. Сквайр уверял, что было всего семь выстрелов, а Грей – что их было восемь или девять. С востока и запада выстрелили только по одному разу. Очевидно, атаки следо-

вало ожидать с севера, а с других сторон стреляли, только чтобы отвлечь наше внимание. Однако капитан Смоллетт не изменил своих распоряжений.

– Если разбойникам удастся перелезть через частокол, – говорил он, – они могут захватить любую незащищенную бойницу и перестрелять нас всех, как крыс, в нашей собственной крепости.

Впрочем, времени для размышлений у нас было немного. На севере внезапно раздался громкий крик, и небольшой отряд пиратов, выскочив из лесу, кинулся к частоколу. В то же мгновение нас снова начали обстреливать со всех сторон. В открытую дверь влетела пуля и раздробила мушкет доктора в щепки. Нападающие лезли через частокол, как обезьяны. Сквайр и Грей стреляли снова и снова. Трое свалились – один внутрь, двое наружу. Впрочем, один из них был, вероятно, напуган, а не ранен, так как сейчас же вскочил на ноги и скрылся в лесу.

Двое лежали на земле, один убежал, четверо благополучно перелезли через частокол. Семеро или восьмеро остальных пиратов, имевших, очевидно, по нескольку мушкетов каждый, непрерывно обстреливали, сидя в чаще, наш дом. Однако обстрел этот не принес нам никакого вреда.

Четверо, проникших внутрь частокола, крича, бежали к зданию. Засевшие в лесу тоже кричали, чтобы подбодрить товарищей. Наши стрелки стреляли не переставая, но так торопились, что, кажется, не попали ни разу. В одно мгновение четверо пиратов взобрались на холм и напали на нас. Голова Джоба Эндерсона, боцмана, появилась в средней бойнице.

– Бей их! Бей их! – ревел он громовым голосом.

В то же мгновение другой пират, схватив за дуло мушкет Хантера, выдернул его, просунул в бойницу и ударил Хантера прикладом с такой силой, что несчастный без чувств повалился на пол. Тем временем третий, благополучно обежав вокруг дома, неожиданно появился в дверях и кинулся с кортиком на доктора.

Мы оказались в таком положении, в каком до сих пор были наши враги. Только что мы стреляли из-под прикрытия в незащищенных пиратов, а теперь сами, ничем не защищенные, должны были вступить врукопашную с врагом. Сруб заволокло пороховым дымом, но это оказалось нам на руку: благодаря дымовой завесе мы и остались в живых. В ушах у меня гудело от криков, стонов и пистолетных выстрелов.

– На вылазку, вперед, врукопашную! Кортики! – закричал капитан.

Я схватил со штабеля кортик. Кто-то другой, тоже хватая кортик, резнул им меня по суставам пальцев, но я даже не почувствовал боли. Я ринулся в дверь, на солнечный свет. Кто-то выскочил за мной следом – не знаю кто. Прямо передо мной доктор гнал вниз по склону холма напавшего на него пирата. Я видел, как одним ударом доктор вышиб у него из рук оружие, потом полоснул кортиком по лицу.

– Вокруг дома! Вокруг дома! – закричал капитан.

И, несмотря на общее смятение и шум, я подметил перемену в его голосе.

Машинально подчиняясь команде, я повернул к востоку, с поднятым кортиком обогнул угол дома и сразу встре-

тился лицом к лицу с Эндерсоном. Он заревел, и его тесак взвился над моей головой, блеснув на солнце. Я не успел даже струсить. Уклоняясь от удара, я оступился в мягком песке и покатился вниз головой по откосу.

Когда я во время атаки выскочил из двери, другие пираты уже лезли через частокол, чтобы покончить с нами. Один из них, в красном ночном колпаке, держа кортик в зубах, уже закинул ноги, готовясь спрыгнуть. Мое падение с холма произошло так быстро, что, когда я поднялся на ноги, все оставалось в том же положении: пират в красном колпаке сидел в той же позе, а голова другого только высунулась из-за частокола. И все же в эти несколько мгновений сражение окончилось, и победа осталась за нами.

Грей, выскочивший из двери вслед за мной, уложил на месте рослого боцмана, прежде чем тот успел вторично замахнуться ножом. Другой пират был застрелен у бойницы в тот миг, когда он собирался выстрелить внутрь дома. Он корчился на песке в предсмертной агонии, не выпуская из рук дымящегося пистолета. Третьего, как я уже сказал, заколол доктор. Из четверых пиратов, перелезших через частокол, в живых остался только один. Бросив свой кортик на поле сражения, он, полный смертельного ужаса, карабкался на частокол, чтобы удрать, и все время срывался.

– Стреляйте! Стреляйте из дома! – кричал доктор. – А вы, молодцы, под прикрытие!

Но слова его пропали даром. Никто не выстрелил. Последний из атакующих благополучно перелез через частокол и скрылся вместе со всеми в лесу. Через минуту из нападающих никого не осталось, за исключением пяти человек: четверо лежали внутри укрепления и один снаружи.

Доктор, Грей и я кинулись в дверь, под защиту толстых стен сруба. Оставшиеся в живых могли каждую минуту добежать до своих мушкетов и опять открыть стрельбу. Пороховой дым рассеялся, и мы сразу увидели, какой ценой досталась нам победа. Хантер лежал без чувств возле своей бойницы. Джойс, с простреленной головой, затих навеки. Сквайр поддерживал капитана, и лица у обоих были бледны.

– Капитан ранен? – спросил мистер Трелони.

– Все убежали? – спросил мистер Смоллетт.

– Все, кто мог, – ответил доктор. – Но пятерым уже не бегать никогда!

– Пятерым! – вскричал капитан. – Не так плохо. У них выбыло из строя пятеро, у нас только трое – значит, нас теперь четверо против девяти[67]. Это лучше, чем было вначале: семеро против девятнадцати.

ЧАСТЬ V

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ

ГЛАВА XXII

Как начались мои приключения на море

Разбойники не возвращались. Ни один из них даже не выстрелил из лесу. «Они получили свой паек на сего-

[67] На самом деле в живых вскоре осталось только восемь разбойников, потому что человек, подстреленный мистером Трелони на борту шхуны, умер в тот же вечер. Но, конечно, мы узнали об этом значительно позже. (Примеч. автора.)

дня», – выразился о них капитан. Мы могли спокойно перевязывать раненых и готовить обед. Стряпали на этот раз сквайр и я. Несмотря на опасность, мы предпочли стряпать во дворе, но и туда до нас доносились ужасные стоны наших раненых.

Из восьми человек, пострадавших в бою, остались в живых только трое: пират, подстреленный у бойницы, Хантер и капитан Смоллетт. Положение двух первых было безнадежное. Пират вскоре умер во время операции; Хантер, несмотря на все наши усилия, так и не пришел в сознание. Он прожил весь день, громко дыша, как дышал после удара тот старый пират, который остановился у нас в трактире. Но ребра у Хантера были сломаны, череп разбит при падении, и в следующую ночь он без стона, не приходя в сознание, скончался.

Раны капитана были мучительны, но неопасны. Ни один орган не был сильно поврежден. Пуля Эндерсона – первым выстрелил в капитана Джоб – пробила ему лопатку и задела легкое. Вторая пуля коснулась икры и повредила связки.

Доктор уверял, что капитан непременно поправится, но в течение нескольких недель ему нельзя ходить, нельзя двигать рукой и нельзя много разговаривать.

Случайный порез у меня на пальце оказался пустяком. Доктор Ливси залепил царапину пластырем и ласково потрепал меня за уши.

После обеда сквайр и доктор уселись возле капитана и стали совещаться. Совещание окончилось вскоре после полудня. Доктор взял шляпу и пистолеты, сунул за пояс кортик, положил в карман карту, повесил себе на плечо

мушкет и, перебравшись через частокол с северной стороны, быстро исчез в чаще.

Мы с Греем сидели в дальнем углу сруба, чтобы не слышать, о чем говорят наши старшие. Грей был так потрясен странным поступком доктора, что вынул изо рта трубку и забыл снова положить ее в рот.

– Что за чертовщина! – сказал он. – Уж не спятил ли доктор Ливси с ума?

– Не думаю, – ответил я. – Из нас всех он спятит с ума последним.

– Пожалуй, что и так, – сказал Грей. – Но если он в здравом уме, значит, это я сумасшедший.

– Просто у доктора есть какой-то план, – объяснил я. – По-моему, он пошел повидаться с Беном Ганном.

Как потом оказалось, я был прав.

Между тем жара в срубе становилась невыносимой. Полуденное солнце накалило песок во дворе, и в голове у меня зашевелилась дикая мысль. Я стал завидовать доктору, который шел по прохладным лесам, слушал птичек, вдыхал смолистый запах сосен, в то время как я жарился в этом проклятом пекле, где одежда прилипала к горячей смоле, где все было вымазано человеческой кровью, где вокруг валялись мертвецы.

Отвращение, которое внушала мне наша крепость, было почти так же велико, как и страх.

Я мыл пол, я мыл посуду – и с каждой минутой чувствовал все большее отвращение к этому месту и все сильнее завидовал доктору. Наконец я случайно оказался возле мешка с сухарями. Меня никто не видел. И я стал готовиться к бегству: набил сухарями оба кармана своего камзола.

Вы можете назвать меня глупцом. Я поступал безрассудно, я шел на отчаянный риск, однако я принял все предосторожности, какие были в моей власти. Эти сухари не дадут мне умереть с голоду по крайней мере два дня.

Затем я захватил два пистолета. Пули и порох были у меня, и я чувствовал себя превосходно вооруженным.

План мой, в сущности, был сам по себе не так уж плох. Я хотел пойти на песчаную косу, отделяющую с востока нашу бухту от открытого моря, отыскать белую скалу, которую я заметил вчера вечером, и посмотреть, не под ней ли Бен Ганн прячет свою лодку. Дело это было, по-моему, стоящее. Но я знал наверняка, что меня ни за что не отпустят, и решил удрать. Разумеется, это был такой дурной путь для осуществления моих намерений, что и намерение становилось неправильным, но не забудьте, что я был мальчишкой и уже принял решение.

Скоро для бегства представился удобный случай. Сквайр и Грей делали перевязку капитану. Путь был свободен. Я перелез через частокол и скрылся в чаще. Прежде чем мое отсутствие обнаружилось, я ушел уже так далеко, что не мог услышать никаких окриков.

Эта вторая моя безумная выходка была еще хуже первой, так как в крепости осталось только двое здоровых людей. Однако, как и первая, она помогла нам спастись.

Я направился прямо к восточному берегу острова, так как не хотел идти по обращенной к морю стороне косы, чтобы меня не заметили со шхуны. День уже клонился к вечеру, хотя солнце стояло еще высоко. Идя через лес, я слышал впереди не только беспрерывный грохот прибоя, но также шум ветвей и шелест листьев. Это означало, что

сегодня морской бриз сильнее, чем обычно. Скоро повеяло прохладой. Еще несколько шагов – и я вышел на опушку. Передо мной до самого горизонта простиралось озаренное солнцем море, а возле берега кипел и пенился прибой.

Я ни разу не видел, чтобы море около Острова Сокровищ было спокойно. Даже в ясные дни, когда солнце сияет ослепительно и воздух неподвижен, громадные валы с грохотом катятся на внешний берег. На острове едва ли существует такое место, где можно было бы укрыться от шума прибоя.

Я шел по берегу, наслаждаясь прогулкой. Наконец, решив, что я зашел уже достаточно далеко на юг, я осторожно пополз под прикрытием густых кустов вверх, на хребет косы.

Позади меня было море, впереди – бухта. Морской ветер, как бы утомившись своей собственной яростью, утихал. Его сменили легкие воздушные течения с юга и юго-востока, которые несли с собой густой туман. В проливе, защищенном Островом Скелета, была такая же неподвижная свинцово-тусклая вода, как в тот день, когда мы впервые его увидели. «Испаньола» вся, от вершины мачты до ватерлинии, с повисшим черным флагом, отражалась как в зеркале.

Возле корабля я увидел ялик. На корме сидел Сильвер. Его я узнал бы на любом расстоянии. Он разговаривал с двумя пиратами, перегнувшимися к нему через борт корабля. У одного из них на голове торчал красный колпак. Это был тот самый негодяй, который недавно перелезал через частокол. Они болтали и смеялись, но меня отделяла от них целая миля, и, понятно, я не мог расслышать ни

слова. Потом до меня донесся страшный, нечеловеческий крик. Сначала я испугался, но затем узнал голос Капитана Флинта, попугая. Мне даже почудилось, что я разглядел пеструю птицу на руке у Сильвера.

Ялик отчалил и понесся к берегу, а человек в красном колпаке вместе со своим товарищем спустился в каюту.

Солнце скрылось за Подзорной Трубой, туман сгустился, быстро темнело. Я понял, что нельзя терять ни минуты, если я хочу найти лодку сегодня.

Белая скала была хорошо видна сквозь заросли, но находилась она довольно далеко, примерно одну восьмую мили по косе, и я потратил немало времени, чтобы до нее добраться. Часто я полз на четвереньках в кустах. Была уже почти ночь, когда я коснулся руками шершавых боков скалы. Под ней находилась небольшая ложбина, поросшая зеленым мохом. Эта ложбина была скрыта от взоров песчаными дюнами и малорослым кустарником, едва достигавшим моих колен. В ее глубине я увидел шатер из козьих шкур. В Англии такие шатры возят с собой цыгане.

Я спустился в ложбину, приподнял край шатра и нашел там лодку Бена Ганна. Из всех самодельных лодок эта была, так сказать, самая самодельная. Бен сколотил из крепкого дерева кривобокую раму, обшил ее козьими шкурами мехом внутрь – вот и вся лодка. Не знаю, как выдерживала она взрослого человека – даже я помещался в ней с трудом. Внутри я нашел очень низкую скамейку, подпорку для ног и весло с двумя лопастями.

Никогда прежде я не видел плетеных рыбачьих челнов, на которых плавали древние британцы. Но впоследствии мне удалось познакомиться с ними. Чтобы вы яснее пред-

ставили себе лодку Бена Ганна, скажу, что она была похожа на самое первое и самое неудачное из этих суденышек. И все же она обладала главными преимуществами древнего челнока: была легка, и ее свободно можно было переносить с места на место.

Теперь, вы можете подумать, раз я нашел лодку, мне оставалось вернуться в блокгауз. Но тем временем в голове у меня возник новый план. Я был так доволен этим планом, что никакому капитану Смоллетту не удалось бы заставить меня от него отказаться. Я задумал, пользуясь ночной темнотой, подплыть к «Испаньоле» и перерезать якорный канат. Пусть течение выбросит ее на берег где угодно. Я был убежден, что разбойники, получившие такой отпор сегодня утром, собираются поднять якорь и уйти в море. Этому надо помешать, пока не поздно. На корабле в распоряжении вахтенных не осталось ни одной шлюпки, и, следовательно, эту затею можно выполнить без особого риска.

Поджидая, когда окончательно стемнеет, я сел на песок и принялся грызть сухари. Трудно представить себе ночь, более подходящую для задуманного мною предприятия. Все небо заволокло густым туманом. Когда погасли последние дневные лучи, абсолютная тьма окутала Остров Сокровищ. И когда наконец я, взвалив на плечи челнок, вышел из лощины и, спотыкаясь, побрел к воде, среди полного мрака светились только два огонька: в первом я узнал большой костер на берегу, на болоте, возле которого пьянствовали пираты; другой огонек был, в сущности, заслонен от меня: это светилось кормовое окно корабля, повернутого ко мне носом. Я видел только световое пятно озаренного им тумана.

Отлив уже начался, и между водой и берегом обнажился широкий пояс мокрого песка. Много раз я по щиколотку погружался в жидкую грязь, прежде чем нагнал отступающую воду. Пройдя несколько шагов вброд, я проворно спустил челнок на поверхность воды, килем вниз.

ГЛАВА XXIII

Во власти отлива

Челнок, как я и предполагал, оказался вполне подходящим для человека моего роста и веса. Был он легок и подвижен, но вместе с тем до такой степени кривобок и вертляв, что управлять им не было возможности. Делай с ним что хочешь, из кожи лезь, а он все кружится да кружится. Сам Бен Ганн потом признавался, что плавать на этом челноке может лишь тот, кто «уже привык к его норову».

Разумеется, я еще не успел привыкнуть к «норову» челнока. Он охотно плыл в любом направлении, кроме того, которое было мне нужно. Чаще всего он поворачивал к берегу, и, не будь отлива, я ни за что не добрался бы до корабля. На мое счастье, отлив подхватил меня и понес. Он нес меня прямо к «Испаньоле».

Сначала я заметил пятно, которое было еще чернее, чем окружающая тьма. Потом различил очертания корпуса и мачт. И через мгновение (потому что чем дальше я заплывал, тем быстрее гнал меня отлив) я оказался возле якорного каната и ухватился за него.

Якорный канат был натянут, как тетива, – с такой си-

лой корабль стремился сорваться с якоря. Под его днищем отлив бурлил и шумел, как горный поток. Один удар моего ножа – и «Испаньола» помчится туда, куда ее понесет течение.

Однако я вовремя догадался, что туго натянутый канат, если его перерезать сразу, ударит меня с силой лошадиного копыта. Челнок мой перевернется, и я пойду ко дну.

Я остановился и принялся ждать. Если бы не удачный случай, я, вероятно, отказался бы в конце концов от своего намерения. Но легкий ветерок, сначала юго-восточный, потом южный, с наступлением ночи мало-помалу превращался в юго-западный. Пока я медлил, налетевший внезапно шквал двинул «Испаньолу» против течения. Канат, к моей радости, ослабел, и рука моя, которой я за него держался, на мгновение погрузилась в воду.

Поняв, что нельзя терять ни секунды, я выхватил свой складной нож, открыл его зубами и одно за другим принялся перерезать волокна каната. Когда осталось перерезать всего два волокна, канат натянулся опять, и я начал поджидать следующего порыва ветра.

Из каюты давно уже доносились громкие голоса. Но, сказать по правде, я так был поглощен своим делом, что не обращал на них никакого внимания. Теперь от нечего делать я стал прислушиваться.

Я узнал голос второго боцмана, Израэля Хендса, того самого, который некогда был у Флинта канониром. Другой голос принадлежал, без сомнения, моему приятелю в красном колпаке. Оба, судя по голосам, были вдребезги пьяны и продолжали пить. Один из них с пьяным криком открыл кормовой иллюминатор и что-то швырнул в воду –

по всей вероятности, пустую бутылку. Впрочем, они не только пили: они бешено ссорились. Ругательства сыпались градом, и иногда мне казалось, что дело доходит до драки. Однако голоса стихали, и ссора прекращалась; потом возникала снова, чтобы через несколько минут прекратиться опять.

На берегу между стволами деревьев я видел огонь костра. Там кто-то пел старинную скучную, однообразную матросскую песню с завывающей трелью в конце каждой строки. Во время нашего плавания я много раз слышал эту песню. Она была так длинна, что ни один певец не мог пропеть ее всю и тянул до тех пор, пока у него хватало терпения. Я запомнил из нее только несколько слов:

Все семьдесят пять не вернулись домой –
Они потонули в пучине морской.

Я подумал, что эта грустная песня, вероятно, вполне соответствует печали, охватившей пиратов, которые потеряли сегодня утром стольких товарищей. Однако вскоре я убедился своими глазами, что в действительности эти морские бандиты бесчувственны, как море, по которому они плавают.

Наконец опять налетел порыв ветра. Шхуна снова двинулась ко мне в темноте. Я почувствовал, что канат снова ослабел, и одним сильным ударом перерезал последние волокна.

На мой челнок ветер не оказывал никакого влияния, и я внезапно очутился под самым бортом «Испаньолы». Шхуна медленно поворачивалась вокруг собственной оси, увлекаемая течением.

Я греб изо всех сил, каждое мгновение ожидая, что меня опрокинет. Но шхуна тянула мой челнок за собой, я никак не мог расстаться с ней и только медленно передвигался от носа к корме. Наконец она стала удаляться, и я уже надеялся избавиться от опасного соседства. Однако тут в руки мне попался конец висевшего на корме каната. Я тотчас же ухватился за него.

Зачем я сделал это, не знаю. Вероятно, бессознательно. Но когда канат оказался в моих руках и я убедился, что он привязан крепко, мною вдруг овладело любопытство, и я решил заглянуть в иллюминатор каюты.

Перебирая руками, я подтянулся на канате. Мне это грозило страшной опасностью: челнок мог опрокинуться каждую секунду. Приподнявшись, я увидел часть каюты и потолок.

Тем временем шхуна и ее спутник, челнок, быстро неслись по течению. Мы уже поравнялись с костром на берегу. Корабль громко «заговорил», как выражаются моряки, то есть начал с шумом рассекать волны, и, пока я не заглянул в окошко, я не мог понять, почему оставленные для охраны разбойники не поднимают тревоги. Однако одного взгляда было достаточно, чтобы понять все. А я, стоя в своем зыбком челноке, мог действительно кинуть в каюту только один взгляд. Хендс и его товарищи, ухватив друг друга за горло, дрались не на жизнь, а на смерть.

Я опустился на скамью. Еще мгновение – и челнок опрокинулся бы. Передо мной все еще мелькали свирепые, налитые кровью лица пиратов, озаренные тусклым светом коптящей лампы. Я зажмурился, чтобы дать глазам снова привыкнуть к темноте.

Бесконечная баллада наконец прекратилась, и пирующие у костра затянули знакомую мне песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Размышляя о том, что сейчас вытворяют ром и дьявол в каюте «Испаньолы», я с удивлением почувствовал внезапный толчок. Мой челнок резко накренился и круто переменил курс. Быстрота течения до странности увеличилась.

Я открыл глаза. Вокруг меня, искрясь легким фосфорическим светом, шумели, пенясь гребнями, мелкие волны. «Испаньола», за которой меня несло в нескольких ярдах, тоже, казалось, изменила свой курс. Я смутно видел ее мачты в темном небе. Да, чем больше я вглядывался, тем тверже убеждался, что ее теперь несет к югу.

Я обернулся, и сердце мое чуть не разорвалось от страха: костер горел теперь как раз у меня за спиной. Значит, течение круто повернуло вправо, увлекая за собой и высокую шхуну, и мой легкий, танцующий челнок. Бурный поток, шумя все громче, поднимая все более высокую рябь, тащил нас через узкий пролив в открытое море.

Внезапно шхуна сделала еще один поворот, на двадцать градусов по крайней мере, и в то же мгновение я услышал сначала один крик, потом другой. Раздался топот ног по трапу, и я понял, что пьяные перестали драться. Беда протрезвила обоих.

Я лег на дно моей жалкой ладьи и отдался на произвол судьбы. Выйдя из пролива, мы попадем в неистовые буруны, которые живо избавят меня от всех хлопот. Смерти я не боялся, но было мучительно лежать в бездействии и ждать, когда она наступит.

Так пролежал я несколько часов. Волны швыряли меня и обдавали брызгами. Каждая новая волна грозила мне верной смертью. Но мало-помалу мной овладела усталость. Несмотря на весь ужас моего положения, я оцепенел и впал в забытье. Когда я заснул, мне приснились родные места и старый «Адмирал Бенбоу».

ГЛАВА XXIV

В челноке

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Я увидел, что меня несет вдоль юго-западного берега Острова Сокровищ. Солнце уже взошло, но его заслоняла громада Подзорной Трубы, спускавшаяся к морю неприступными скалами.

Буксирная Голова и холм Бизань-мачты находились у меня под боком. Холм был гол и темен, а Голову окружали утесы в сорок-пятьдесят футов высотой и груды опрокинутых скал. От меня до острова было не больше четверти мили. Я решил взять весло и грести к берегу.

Однако я скоро принужден был отказаться от этого намерения: между опрокинутыми скалами бесновались и ревели буруны. Огромные волны одна за другой взвивались вверх с грохотом, в брызгах и в пене. Я видел, что,

приблизившись к берегу, я либо погибну в этих волнах, либо понапрасну истрачу силы, пытаясь взобраться на неприступные скалы.

Но не только это пугало меня. На плоских, как столы, скалах ползали какие-то громадные скользкие чудовища, какие-то слизняки невероятных размеров. Изредка они с шумом прыгали в воду и ныряли. Их было несколько дюжин. Они лаяли, и оглушительное эхо утесов вторило их дикому лаю.

Впоследствии я узнал, что это были морские львы, вполне безобидные животные. Но вид у них был страшный, берег был неприступный, прибой с неистовой силой разбивался о скалы, и у меня пропала всякая охота плыть к острову. Уж лучше умереть с голоду в открытом море, чем встретиться лицом к лицу с такими опасностями.

Тем временем мне представилась другая возможность спастись. К северу от Буксирной Головы была обнажавшаяся во время отлива длинная желтая песчаная отмель. А еще севернее был другой мыс – тот самый, который на нашей карте был обозначен под названием Лесистого мыса. Он весь зарос громадными зелеными соснами, спускавшимися до самой воды.

Я вспомнил слова Сильвера о том, что вдоль всего западного берега Острова Сокровищ есть течение, которое направляется к северу. Я понял, что оно уже подхватило меня, и решил, миновав Буксирную Голову, не тратить понапрасну сил и попытаться пристать к Лесистому мысу, который казался мне гораздо приветливее.

В море была крупная зыбь. С юга дул упорный ласковый ветер, помогавший мне плыть по течению. Волны равномерно поднимались и опускались.

Если бы ветер был порывистый, я бы давно потонул.

Но и при ровном ветре можно было только удивляться, как ловок мой крохотный, легкий челнок. Лежа на дне и поглядывая по сторонам, я не раз видел голубую вершину громадной волны у себя над головой. Вот она обрушится на меня. Но мой челнок, подпрыгнув, как на пружинах, слегка пританцовывая, взлетал на гребень и плавно опускался, словно птица.

Мало-помалу я до того осмелел, что даже попробовал было грести. Но малейшее нарушение равновесия сейчас же сказывалось на поведении моего челнока. Едва только я пошевелился, как он изменил свою плавную поступь, стремительно слетел с гребня в водяную яму, так что у меня закружилась голова, и, подняв сноп брызг, зарылся носом в следующую волну.

Перепуганный, мокрый, я опять лег на дно. Челнок, казалось, сразу опомнился и с прежней осторожностью понес меня дальше меж волн.

Мне было ясно, что грести нельзя. Но каким же образом добраться до берега?

Я струсил, но не потерял головы. Прежде всего стал осторожно вычерпывать своей матросской шапкой воду, затем, наблюдая за ходом челнока, я постарался понять, отчего он так легко скользит по волнам. Я заметил, что каждая волна, представлявшаяся с берега или с борта корабля огромной ровной и гладкой горой, в действительности скорее похожа на цепь неровных холмов с остроконечными вершинами, со склонами и долинами. Челнок, предоставленный самому себе, ловко лавировал, всякий раз выбирал долины, избегая крутых склонов и высоких вершин.

«Отлично, – решил я. – Главное – лежать смирно и не нарушать равновесия. Но при случае, в ровных местах, можно изредка подгрести к берегу».

Так я и сделал. Лежа на локтях в самом неудобном положении, я по временам взмахивал веслом и направлял челнок к острову.

Это была нудная, медлительная работа, и все же я достиг некоторого успеха. Однако, поравнявшись с Лесистым мысом, я понял, что неминуемо пронесусь мимо, хотя действительно берег был теперь от меня всего в нескольких сотнях ярдов. Я видел прохладные зеленые вершины деревьев. Их раскачивал бриз. Я был уверен, что следующего мыса не пропущу.

Время шло, и меня начала мучить жажда. Солнце сияло с ослепительной яркостью, тысячекратно отраженное в волнах. Морская вода высыхала у меня на лице, и даже губы мои покрылись слоем соли. Горло у меня пересохло, голова болела. Деревья были так близко, так манили меня своей тенью! Но течение стремительно пронесло меня мимо мыса. И то, что я увидел, снова оказавшись в открытом море, изменило все мои планы.

Прямо перед собой, на расстоянии полумили, а то и меньше, я увидел «Испаньолу», плывшую под всеми парусами. Несомненно, меня увидят и подберут. Жажда так мучила меня, что я даже не знал, радоваться этому или огорчаться. Но долго раздумывать мне не пришлось, так как меня вскоре охватило чувство изумления: «Испаньола» шла под гротом[68] и двумя кливерами[69]. Ее необыкно-

---

[68] Грот – нижний парус на грот-мачте.

венной красоты снежно-белые паруса ослепительно серебрились на солнце. Когда я впервые увидел ее, все паруса ее были надуты. Она держала курс на северо-запад. Я подумал, что люди у нее на борту решили обойти остров кругом и вернуться к месту прежней стоянки. Затем она все больше и больше стала отклоняться к западу, и мне пришло в голову, что я уже замечен и что меня хотят подобрать. Но вдруг она повернулась прямо против ветра и беспомощно остановилась с повисшими парусами.

«Экие медведи! – сказал я себе. – Напились, должно быть, до бесчувствия».

Хорошо бы влетело им от капитана Смоллетта за такое управление судном!

Тем временем шхуна, переходя с галса на галс, сделала полный круг, поплыла быстрым ходом одну-две минуты, снова уставилась носом против ветра и снова остановилась. Так повторялось несколько раз. «Испаньола» плыла то на север, то на юг, то на восток, то на запад, хлопая парусами и беспрерывно возвращаясь к тому курсу, который только что оставила. Мне стало ясно, что кораблем никто не управляет. Куда же девались люди? Они либо мертвецки пьяны, либо покинули судно. Если я попаду на борт, мне, быть может, удастся вернуть корабль его капитану.

Течение увлекало челнок и шхуну с одинаковой скоростью, но шхуна так часто меняла галсы, так часто останавливалась, что почти не двигалась вперед. Если бы только я мог усесться в челноке и начать грести, я, несомненно, догнал бы ее. И вдруг мне действительно захотелось дог-

---

[69] Кливер – косой парус перед фок-мачтой.

нать ее. Жажда новых приключений охватила меня, а мысль о пресной воде удвоила мою безумную решимость.

Я поднялся, и меня сейчас же с ног до головы обдало волной. Но теперь это меня не устрашило. Я сел и, собрав все силы, осторожно принялся грести. Я пустился вдогонку за не управляемой никем «Испаньолой». Один раз волны так швырнули меня, что сердце у меня трепыхнулось, как птица. Я остановился и стал вычерпывать воду. Скоро, однако, я немного привык к челноку и стал так осторожно направлять его среди бушующих волн, что только изредка мелкие клочья пены били меня по лицу.

Расстояние между мной и шхуной быстро уменьшалось. Я уже мог разглядеть поблескивающую при поворотах медь румпеля[70]. На палубе не было ни души. Разбойники, вероятно, сбежали. А если не сбежали, значит, они лежат мертвецки пьяные в кубрике. Там я их запру и буду делать с кораблем все, что задумаю.

Наконец мне посчастливилось: ветер на несколько мгновений утих. Повинуясь течению, «Испаньола» медленно повернулась вокруг своей оси. Я увидел ее корму. Иллюминатор каюты был открыт. Над столом я увидел горящую лампу, хотя уже давным-давно наступил день. Грот повис, как флаг. Шхуна замедлила ход, так как двигалась лишь по течению. Я несколько отстал от нее, но теперь, удвоив усилия, мог снова догнать ее.

Я был от нее уже в каких-нибудь ста ярдах, когда ветер снова надул ее паруса. Она повернула на левый галс и опять, скользя, понеслась по волнам, как ласточка.

---

[70] Румпель – рычаг для управления рулем.

Сперва я пришел в отчаяние, потом обрадовался. Шхуна описала круг и поплыла прямо на меня. Вот она покрыла половину, потом две трети, потом три четверти расстояния, которое нас разделяло. Я видел, как пенились волны под ее форштевнем[71]. Из моего крохотного челночка она казалась мне громадной.

Вдруг я понял, какая опасность мне угрожает. Шхуна быстро приближалась ко мне. Времени для размышления у меня не оставалось. Нужно было попытаться спастись. Я находился на вершине волны, когда нос шхуны прорезал соседнюю. Бушприт навис у меня над головой. Я вскочил на ноги и подпрыгнул, погрузив челнок в воду. Рукой я ухватился за утлегарь[72], а нога моя попала между штагом[73] и брасом[74]. Замирая от ужаса, я повис в воздухе. Легкий толчок снизу дал мне понять, что шхуна потопила мой челнок и что уйти с «Испаньолы» мне уже никак невозможно.

ГЛАВА XXV

Я спускаю «Веселого Роджера»

Едва я взобрался на бушприт, как полощущийся кливер, щелкнув оглушительно, словно пушечный выстрел, надулся и повернул на другой галс. Шхуна дрогнула до самого киля. Но через мгновение, хотя остальные паруса все еще были надуты, кливер снова щелкнул и повис.

---

[71] Форштевень – носовая оконечность судна, продолжение киля.
[72] Утлегарь – продолжение бушприта.
[73] Штаг – снасть, поддерживающая мачту.
[74] Брас – снасть, служащая для поворота реи.

От неожиданного толчка я чуть не слетел в воду. Не теряя времени, я пополз по бушприту и свалился головой вниз на палубу. Я оказался на подветренной стороне бака. Грот скрывал от меня часть кормы. Я не видел ни одной живой души. Палуба, не мытая со дня мятежа, была загажена следами грязных ног. Пустая бутылка с отбитым горлышком каталась взад и вперед.

Внезапно «Испаньола» опять пошла по ветру. Кливера громко щелкнули у меня за спиной. Руль сделал поворот, и корабль содрогнулся. В то же мгновение грота-гик[75] откинулся в сторону, шкот[76] заскрипел о блоки, и я увидел корму.

На корме были оба пирата. «Красный колпак» неподвижно лежал на спине. Руки его были раскинуты, как у распятого, зубы оскалены. Израэль Хендс сидел у фальшборта[77], опустив голову на грудь. Руки его беспомощно висели; лицо, несмотря на загар, было бело, как сальная свечка.

Корабль вставал на дыбы, словно взбешенный конь. Паруса надувались, переходя с галса на галс, гики двигались с такой силой, что мачта громко стонала. Время от времени нос врезался в волну, и тогда тучи легких брызг взлетали над фальшбортом. Мой самодельный вертлявый челнок, теперь погибший, гораздо лучше справлялся с волнами, чем этот большой, оснащенный корабль.

При каждом прыжке шхуны разбойник в красном кол-

---

[75] Гик – горизонтальный шест, по которому натягивается нижняя кромка паруса; в данном случае – грота.

[76] Шкот – снасть для управления нижним концом паруса.

[77] Фальшборт – продолжение борта выше палубы.

паке подскакивал. Но, к ужасу моему, выражение его лица не менялось – по-прежнему он усмехался, скаля зубы. А Хендс при каждом толчке скользил все дальше и дальше к корме. Мало-помалу докатился он до борта, и нога его повисла над водой. Я видел только одно его ухо и клок курчавых бакенбард.

Тут я заметил, что возле них на досках палубы темнеют полосы крови, и решил, что во время пьяной схватки они закололи друг друга.

И вдруг, когда корабль на несколько мгновений остановился, Израэль Хендс с легким стоном продвинулся на свое прежнее место. Этот страдальческий стон, свидетельствовавший о крайней усталости, и его отвисшая нижняя челюсть разжалобили меня на мгновение. Но я вспомнил разговор, который подслушал, сидя в бочке из-под яблок, и жалость моя тотчас же прошла.

Я подошел к грот-мачте.

– Вот я опять на шхуне, мистер Хендс, – проговорил я насмешливо.

Он с трудом поднял на меня глаза, но даже не выразил удивления – до такой степени был пьян. Он произнес только одно слово:

– Бренди[78]!

Я понял, что времени терять нельзя. Проскользнув под грота-гиком, загородившим палубу, я по трапу сбежал в каюту.

Трудно себе представить, какой там был разгром. Замки у всех ящиков были сломаны. Разбойники, вероятно, искали карту. Пол был покрыт слоем грязи, которую раз-

[78] Бренди – английская водка.

бойники нанесли на подошвах из того болотистого места, где они пьянствовали. На перегородках, выкрашенных белой краской и украшенных золотым багетом, остались следы грязных пальцев. Десятки пустых бутылок, повинуясь качке, со звоном перекатывались из угла в угол. Одна из медицинских книг доктора лежала раскрытая на столе. В ней не хватало доброй половины листов; вероятно, они были вырваны для раскуривания трубок. Посреди всего этого безобразия по-прежнему чадила тусклая лампа.

Я заглянул в погреб. Бочонков не было; невероятное количество опорожненных бутылок валялось на полу. Я понял, что все пираты с самого начала мятежа не протрезвлялись ни разу.

Пошарив, я все-таки нашел одну недопитую бутылку бренди для Хендса. Для себя я взял немного сухарей, немного сушеных фруктов, полную горсть изюму и кусок сыру.

Поднявшись на палубу, я сложил все это возле руля, подальше от боцмана, чтобы он не мог достать. Я вдоволь напился воды из анкерка[79] и только затем протянул Хендсу бутылку. Он выпил не меньше половины и лишь тогда оторвал горлышко бутылки ото рта.

– Клянусь громом, – сказал он, – это-то мне и было нужно!

Я уселся в угол и стал есть.

– Сильно ранены? – спросил я его.

Он сказал каким-то лающим голосом:

– Будь здесь доктор, я бы живо поправился. Но, сам

[79] Анкерок – бочонок с водой.

видишь, мне не везет... А эта крыса померла, – прибавил он, кивнув в сторону человека в красном колпаке. – Плохой был моряк... А ты откуда взялся?

– Я прибыл сюда, чтобы командовать этим кораблем, мистер Хендс, – сказал я. – Впредь до следующего распоряжения считайте меня своим капитаном.

Он угрюмо посмотрел на меня, но ничего не сказал. Щеки у него слегка порозовели, однако вид был болезненный, и при каждом толчке корабля он валился на бок.

– Между прочим, – продолжал я, – мне не нравится этот флаг, мистер Хендс. Если позволите, я спущу его. Лучше совсем без флага, чем с этим.

Я подбежал к мачте, опять уклоняясь от гика, дернул соответствующую веревку и, спустив проклятый черный флаг, швырнул его за борт, в море.

– Боже, храни короля! Долой капитана Сильвера! – крикнул я, размахивая шапкой.

Он внимательно наблюдал за мной, не поднимая головы, и на его лице было выражение лукавства.

– Я полагаю... – сказал он наконец, – я полагаю, капитан Хокинс, что вы были бы не прочь высадиться на берег. Давайте поговорим об этом.

– Отчего же, – сказал я, – с большим удовольствием, мистер Хендс. Продолжайте. – И я опять вернулся к еде и стал уничтожать ее с большим аппетитом.

– Этот человек... – начал он, слабо кивнув в сторону трупа. – Его звали О'Брайен... ирландец... Мы с ним поставили паруса и хотели вернуться в бухту. Но он умер и смердит, как гнилая вода в трюме. Не знаю, кто теперь будет управлять кораблем. Без моих указании тебе с этой

шхуной не справиться. Послушай, дай мне поесть и попить, перевяжи рану старым шарфом или платком, и за это я покажу тебе, как управлять кораблем. Согласен?

– Только имейте в виду, – сказал я, – на стоянку капитана Кидда я возвращаться не собираюсь. Я хочу ввести корабль в Северную стоянку и там спокойно пристать к берегу.

– Ладно! – воскликнул он. – Разве я такой идиот? Разве я не понимаю? Отлично понимаю, что я сделал свой ход и проиграл, промахнулся и что выигрыш твой. Ну что же? Ты хочешь в Северную стоянку? Изволь. У меня ведь выбора нет. Клянусь громом, я помогу тебе вести корабль хоть к самому помосту моей виселицы.

Его слова показались мне не лишенными смысла. Мы заключили сделку. Через три минуты «Испаньола» уже шла по ветру вдоль берега Острова Сокровищ. Я надеялся обогнуть Северный мыс еще до полудня, чтобы войти в Северную стоянку до прилива. Тогда мы, ничем не рискуя, подведем «Испаньолу» к берегу, дождемся спада воды и высадимся.

Я укрепил румпель, сошел вниз, разыскал свой собственный сундучок и достал из него мягкий шелковый носовой платок, подаренный мне матерью. С моей помощью Хендс перевязал этим платком глубокую колотую кровоточащую рану в бедре. Немного закусив и хлебнув два-три глотка бренди, он заметно приободрился, сел прямее, стал говорить громче и отчетливее, сделался другим человеком.

Дул попутный бриз. Корабль несся как птица. Мелькали берега. Вид их менялся с каждой минутой. Высокая

часть острова осталась позади. Мы мчались вдоль низкого песчаного берега, усеянного редкими карликовыми соснами. Но кончилась и она. Мы обогнули скалистый холм – самый северный край острова.

Мне нравилось управлять кораблем. Я наслаждался прекрасной солнечной погодой и живописными берегами. Еды и питья было у меня вдоволь, совесть больше не укоряла меня за то, что я дезертировал из крепости, потому что я одержал такую большую победу. Я был бы всем доволен, если бы не глаза боцмана. Он с самым издевательским видом неотступно следил за мной, и на лице его время от времени появлялась странная улыбка. В этой улыбке было что-то бессильное и страдальческое – мрачная улыбка старика. И в то же время было в ней что-то насмешливое, что-то предательское. Я работал, а он ухмылялся лукаво и следил, следил, следил за мной.

ГЛАВА XXVI

Израэль Хендс

Ветер, как бы стараясь нам угодить, из южного превратился в западный. Мы без всяких затруднений прошли от северо-восточной оконечности острова до входа в Северную стоянку. Однако мы боялись войти в бухту, прежде чем прилив поднимется выше, так как у нас не было якоря. Нужно было ждать. Боцман учил меня, как положить корабль в дрейф, и скоро я сделал большие успехи. Потом мы оба молча уселись и принялись есть.

– Капитан, – сказал он наконец все с той же недоброй

усмешкой, – здесь валяется мой старый товарищ О'Брайен. Не выбросишь ли ты его за борт? Я человек не слишком щепетильный и не чувствую угрызений совести, что отправил его на тот свет. Но, по-моему, он мало украшает наш корабль. А как по-твоему?

– У меня не хватит силы. Да, кроме того, такая работа мне не по вкусу. По-моему, пускай лежит, – сказал я.

– Что за несчастный корабль эта «Испаньола», Джим! – продолжал он, подмигнув. – Сколько людей убито на этой «Испаньоле» и сколько бедных моряков погибло с тех пор, как мы с тобой покинули Бристоль! Никогда я не видел такого неудачного плавания. Вот и О'Брайен умер – ведь он и взаправду умер? Я человек неученый, а ты умеешь читать и считать. Скажи мне без обиняков, напрямик, мертвый так и останется мертвым или когда-нибудь воскреснет?

– Вы можете убить тело, мистер Хендс, но не дух, – сказал я. – Знайте: О'Брайен сейчас жив и следит за нами с того света.

– Ах! – сказал он. – Как это обидно! Значит, я только даром потратил время. А впрочем, духи, по-моему, большого вреда принести не могут... Я не боюсь духов, Джим. Слушай, я хочу попросить тебя спуститься в каюту и принести мне... черт подери, я забыл, что мне нужно... да, принеси мне бутылочку вина, Джим. Это бренди слишком крепко для меня.

Колебания боцмана показались мне подозрительными, и, признаться, я не поверил, что вино нравится ему больше, чем бренди. Все это только предлог. Дело ясное: он хочет, чтобы я ушел с палубы. Но зачем ему это нужно?

Он избегает смотреть мне в глаза. Взор его все время блуждает по сторонам: то он поглядит на небо, то на мертвого О'Брайена. Он все время улыбается, даже кончик языка изо рта высовывает от избытка хитрости. Тут и младенец догадался бы, что он что-то замышляет. Однако я и вида не подал, что я хоть что-нибудь подозреваю.

– Вина? – спросил я. – Отлично. Но какого – белого или красного?

– Все равно, приятель, – ответил он. – Лишь бы покрепче да побольше.

– Хорошо... Я принесу вам портвейну, мистер Хендс. Но придется его поискать.

Я сбежал вниз, стараясь стучать башмаками как можно громче. Потом снял башмаки, бесшумно прокрался по запасному коридору в кубрик, там поднялся по трапу и тихонько высунул голову из переднего сходного тамбура. Хендс никогда не догадался бы, что я наблюдаю за ним. И все же я принял все меры, чтобы не привлечь к себе его внимания. И с первого же взгляда убедился, что самые худшие мои подозрения были вполне справедливы.

Он поднялся на четвереньки и довольно проворно пополз по палубе, хотя его раненая нога, очевидно, сильно болела, так как при каждом движении он приглушенно стонал. В полминуты дополз он до водосточного желоба, у которого лежал корабельный канат, сложенный кольцом, и вытащил оттуда длинный нож, или, вернее, короткий кинжал, по самую рукоятку окрашенный кровью. Он осмотрел его, выпятив нижнюю челюсть, потрогал рукой острие и, стремительно сунув его себе за пазуху, пополз обратно на прежнее место у фальшборта.

Я узнал все, что мне было нужно. Израэль может двигаться, он вооружен. Раз он старался спровадить меня с палубы, значит, именно я буду его жертвой. Что он собирался делать после моей смерти – тащиться ли через весь остров от Северной стоянки к лагерю пиратов на болоте или палить из пушки, призывая товарищей на помощь, – этого, конечно, я не знал.

Я мог доверять Хендсу в том, в чем наши интересы совпадали, мы оба хотели привести шхуну в безопасное место, откуда ее можно было бы вывести без особого труда и риска. Пока это еще не сделано, жизнь моя в безопасности. Размышляя, я не терял времени: прокрался назад в каюту, надел башмаки, схватил бутылку вина и вернулся на палубу.

Хенд лежал в том самом положении, в каком я его оставил, словно тюк. Глаза его были прищурены, будто он был так слаб, что не мог выносить слишком яркого света. Он поглядел на меня, привычным жестом отбил горлышко бутылки и разом выпил ее почти до дна, сказав, как обычно говорится:

– За твое здоровье!

Потом, передохнув, достал из кармана плитку жевательного табаку и попросил меня отрезать небольшую частицу.

– Будь добр, отрежь, – сказал он, – а то у меня нет ножа, да и сил не хватит. Ах, Джим, Джим, я совсем развалился! Отрежь мне кусочек. Это последняя порция, которую мне доведется пожевать в моей жизни. Долго я не протяну. Скоро, скоро мне быть на том свете...

– Ладно, – сказал я. – Отрежу. Но на вашем месте...

чувствуя себя так плохо, я постарался бы покаяться перед смертью.

– Покаяться? – спросил он. – В чем?

– Как – в чем? – воскликнул я. – Вы не знаете, в чем вам каяться? Вы изменили своему долгу. Вы всю жизнь прожили в грехе, во лжи и в крови. Вон у ног ваших лежит человек, только что убитый вами. И вы спрашиваете меня, в чем вам каяться! Вот в чем, мистер Хендс!

Я говорил горячее, чем следовало, так как думал о кровавом кинжале, спрятанном у него за пазухой, и о том, что он задумал убить меня. А он выпил слишком много вина и потому отвечал мне с необыкновенной торжественностью.

– Тридцать лет я плавал по морям, – сказал он. – Видел и плохое и хорошее, и штили и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но поверь мне: ни разу не видел я, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую-нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются. Вот и вся моя вера. Аминь!.. Послушай, – сказал он вдруг совсем другим голосом, – довольно болтать чепуху. Прилив поднялся уже высоко. Слушай мою команду, капитан Хокинс, и мы с тобой поставим шхуну в бухту.

Действительно, нам оставалось пройти не больше двух миль. Но плавание было трудное. Вход в Северную стоянку оказался не только узким и мелководным, но и очень извилистым. Понадобилось все наше внимание и умение. Но я был толковый исполнитель, а Хендс – превосходный командир. Мы так искусно лавировали, так ловко обходили все мели, что любо было смотреть.

Как только мы миновали оба мыса, нас со всех сторон

окружила земля. Берега Северной стоянки так же густо заросли лесом, как берега Южной. Но сама бухта была длиннее, уже и, по правде говоря, скорее напоминала устье реки, чем бухту. Прямо перед нами в южном углу мы увидели полусгнивший остов разбитого корабля. Это было большое трехмачтовое судно. Оно так долго простояло здесь, что водоросли облепили его со всех сторон. На палубе рос кустарник, густо усеянный яркими цветами. Зрелище было печальное, но оно доказало нам, что эта бухта вполне пригодна для нашей стоянки.

– Погляди, – сказал Хендс, – вон хорошее местечко, чтобы причалить к берегу. Чистый, гладкий песок, никогда никаких волн, кругом лес, цветы цветут на том корабле.

– А шхуна не застрянет на мели, если мы причалим к берегу? – спросил я.

– С мели ее нетрудно будет снять, – ответил он. – Во время отлива протяни канат на тот берег, оберни его вокруг одной из тех больших сосен, конец тащи сюда назад и намотай на шпиль. Потом жди прилива. Когда придет прилив, прикажи всей команде разом ухватиться за канат и тянуть. И шхуна сама сойдет с мели, как молодая красавица. А теперь, сынок, не зевай. Мы возле самой мели, а шхуна идет прямо на нее. Правее немного... так... прямо... правей... чуть-чуть левей... прямо... прямо!..

Он отдавал приказания, которые я торопливо и четко исполнял. Внезапно он крикнул:

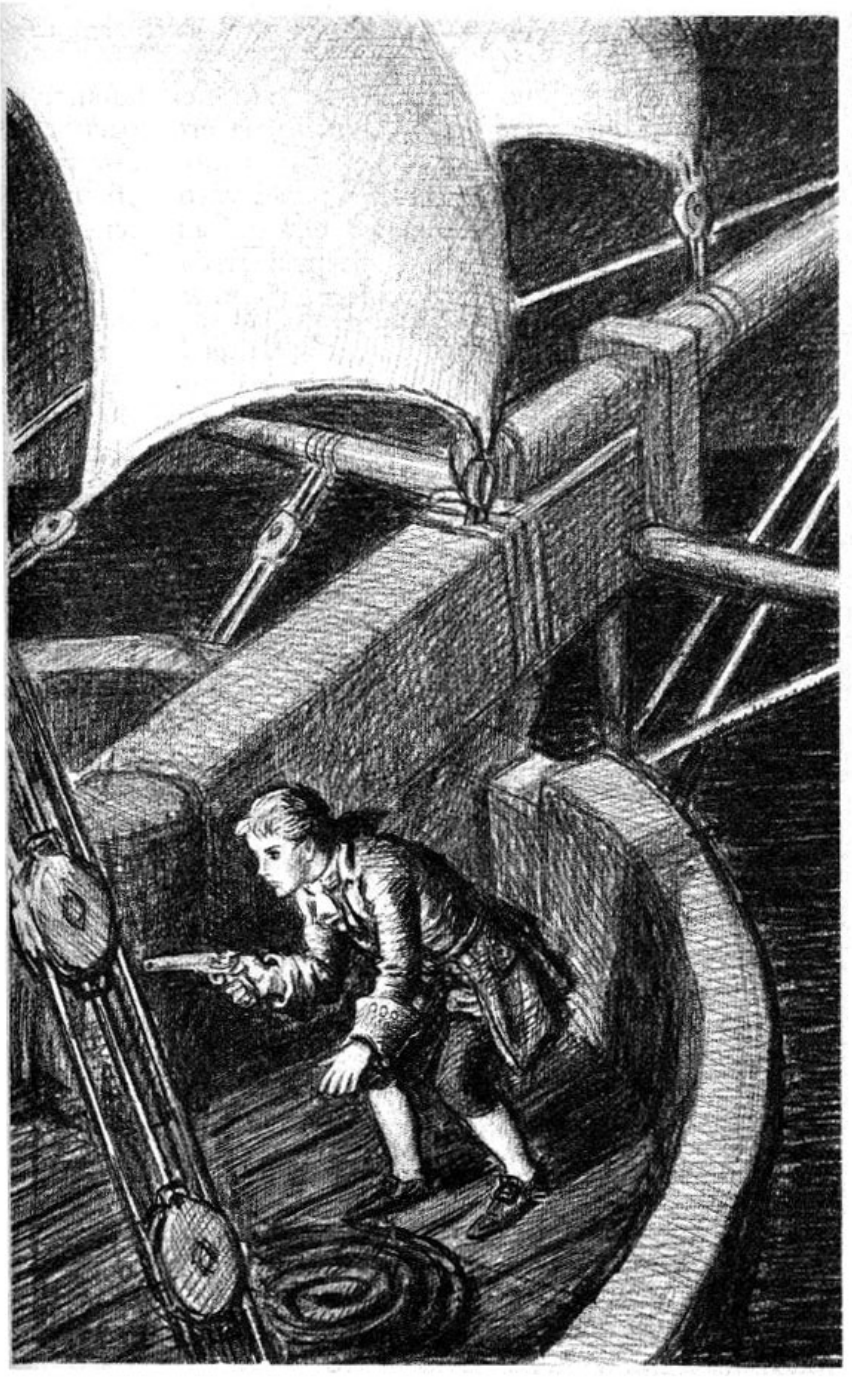
– Правь к ветру, друг сердечный!

Я изо всей силы налег на руль. «Испаньола» круто повернулась и стремительно подошла к берегу, заросшему низким лесом.

Я был так увлечен всеми этими маневрами, что совсем позабыл о своем намерении внимательно следить за боцманом. Меня интересовало только одно: когда шхуна днищем коснется песка. Я забыл, какая мне угрожает опасность, и, перегнувшись через правый фальшборт, смотрел, как под носом пенится вода. И пропал бы я без всякой борьбы, если бы внезапное беспокойство не заставило меня обернуться. Быть может, я услышал шорох или краем глаза заметил движущуюся тень, быть может, во мне проснулся какой-то инстинкт, вроде кошачьего, но, обернувшись, я увидел Хендса. Он был уже совсем недалеко от меня, с кинжалом в правой руке.

Наши взгляды встретились, и мы оба громко закричали. Я закричал от ужаса. Он, как разъяренный бык, заревел от ярости и кинулся вперед, на меня. Я отскочил к носу и выпустил из рук румпель, который сразу выпрямился. Этот румпель спас мне жизнь: он ударил Хендса в грудь, и Хендс упал.

Прежде чем Хендс успел встать на ноги, я выскочил из того угла, в который он меня загнал. Теперь в моем распоряжении была вся палуба, и я мог увертываться от него сколько угодно. Перед грот-мачтой я остановился, вынул из кармана пистолет, прицелился и нажал собачку. Хендс шел прямо на меня. Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Оказалось, что порох на затравке подмочен. Я проклял себя за свою небрежность. Почему я не перезарядил свое оружие? Ведь времени у меня было достаточно! Тогда я не стоял бы безоружный, как овца перед мясником.



Несмотря на свою рану, Хендс двигался удивительно быстро. Седоватые волосы упали на его красное от бешенства и усилий лицо. У меня не было времени доставать свой второй пистолет. Кроме того, я был уверен, что и тот подмочен, как этот. Одно было ясно: мне надо не прямо отступать, а увертываться от Хендса, а то он загонит меня на нос, как недавно загнал на корму. Если это удастся ему, все девять или десять вершков окровавленного кинжала вонзятся в мое тело. Я обхватил руками грот-мачту, которая была достаточно толста, и ждал, напрягая каждый мускул.

Увидев, что я собираюсь увертываться, Хендс остановился. Несколько секунд он притворялся, что сейчас кинется на меня то справа, то слева. И я чуть-чуть поворачивался то влево, то вправо. Борьба была похожа на игру, в которую я столько раз играл дома среди скал близ бухты Черного Холма. Но, конечно, во время игры у меня сердце никогда не стучало так дико. И все же легче было играть в эту игру мальчишке, чем старому моряку с глубокой раной в бедре. Я несколько осмелел и стал даже раздумывать, чем кончится наша игра. «Конечно, – думал я, – я могу продержаться долго, но рано или поздно он все же прикончит меня...»

Пока мы стояли друг против друга, «Испаньола» внезапно врезалась в песок. От толчка она сильно накренилась на левый бок. Палуба встала под углом в сорок пять градусов, через желоба хлынул поток воды, образовав на палубе возле фальшборта широкую лужу.

Мы оба потеряли равновесие и покатились, почти обнявшись, прямо к желобам. Мертвец в красном колпаке, с

раскинутыми, как прежде, руками, тяжело покатился туда же. Я с такой силой ударился головой о ногу боцмана, что зубы у меня лязгнули. Но, несмотря на ушиб, мне первому удалось вскочить – на Хендса навалился мертвец. Внезапный крен корабля сделал дальнейшую беготню по палубе невозможной. Нужно изобрести другой способ спасения, изобрести, не теряя ни секунды, потому что мой враг сейчас кинется на меня. Ванты бизань-мачты висели у меня над головой. Я уцепился за них, полез вверх и ни разу не перевел дыхания, пока не уселся на салинге[80].

Моя стремительность спасла меня: подо мной, на расстоянии полуфута от моих ног, блеснул кинжал. Раздосадованный неудачей, Израэль Хендс смотрел на меня снизу с широко открытым от изумления ртом.

Я получил небольшую передышку. Не теряя времени, я вновь зарядил пистолет. Затем для большей верности я перезарядил и второй пистолет.

Хендс наблюдал за мной с бессильной злостью. Он начал понимать, что положение его значительно ухудшилось. После некоторого размышления он с трудом ухватился за ванты и, держа кинжал в зубах, медленно пополз вверх, с громкими стонами волоча за собой раненую ногу. Я успел перезарядить оба пистолета, прежде чем он продвинулся на треть отделявшего нас расстояния. И тогда, держа по пистолету в руке, я заговорил с ним.

– Еще один шаг, мистер Хендс, – сказал я, – и я вышибу ваши мозги! Мертвые, как вам известно, не кусаются, – прибавил я, усмехаясь.

---

[80] Салинг – верхняя перекладина на мачте, состоящей из двух частей.

Он сразу остановился. По лицу его я заметил, что он что-то обдумывает. Но думал он так тяжело и так медленно, что я, радуясь своей безопасности, громко расхохотался. Наконец, несколько раз проглотив слюну, он заговорил. На лице его по-прежнему было выражение полнейшей растерянности. Он вынул изо рта мешающий ему говорить нож, но с места не двинулся.

– Джим, – сказал он, – мы оба натворили много лишнего, и ты и я. И нам нужно заключить перемирие. Я бы прикончил тебя, если бы не этот толчок. Но мне никогда не везет, никогда! Делать нечего, мне, старому моряку, придется уступить тебе, корабельному юнге.

Я упивался его словами и радостно посмеивался, надувшись, словно петух, взлетевший на забор, но вдруг он взмахнул правой рукой. Что-то просвистело в воздухе, как стрела. Я почувствовал удар и резкую боль. Плечо мое было пригвождено к мачте. От ужасной боли и от неожиданности – не знаю, обдуманно ли или бессознательно, – я нажал оба курка. Мои пистолеты выстрелили и выпали у меня из рук. Но они упали не одни: с приглушенным криком боцман выпустил ванты и вниз головой полетел прямо в воду.

ГЛАВА XXVII

«Пиастры!»

Судно накренилось так сильно, что мачты повисли прямо над водой. Я сидел на салинге, как на насесте, и подо мной была вода залива. Хендс, взобравшийся не так высоко, как я, находился ближе к палубе и упал в воду

между мной и фальшбортом. Всего один раз вынырнул он на поверхность в окровавленной пене и погрузился навеки. Когда вода успокоилась, я увидел его. Он лежал на чистом, светлом песке в тени судна. Две рыбки проплыли над его телом. Иногда, благодаря колебанию воды, казалось, что он шевелится и пытается встать. Впрочем, он был вдвойне мертвецом: и прострелен пулей и захлебнулся в воде. Он стал пищей для рыб на том самом месте, где собирался прикончить меня.

Я чувствовал тошноту, головокружение, испуг. Горячие струйки крови текли у меня по спине и груди. Кинжал, пригвоздивший мое плечо к мачте, жег меня, как раскаленное железо. Но не боль страшила меня – такую боль я мог бы вынести без стона, – меня ужасала мысль, что я могу сорваться с салинга в эту спокойную зеленую воду, туда, где лежит мертвый боцман.

Я с такой силой обеими руками вцепился в салинг, что стало больно пальцам. Я закрыл глаза, чтобы не видеть опасности. Мало-помалу голова моя прояснилась, сердце стало биться спокойнее и ко мне вернулось самообладание.

Прежде всего я попытался вытащить кинжал. Однако, либо он слишком глубоко вонзился в мачту, либо нервы мои были слишком расстроены, но вытащить его мне никак не удавалось. Дрожь охватила меня. И, как ни странно, именно эта дрожь помогла мне. Кинжал задел меня только чуть-чуть, зацепив лишь клочок кожи, и, когда я задрожал, кожа порвалась. Кровь потекла сильнее прежнего, но зато я стал свободен. Впрочем, мой камзол и рубашка все еще были пригвождены к мачте.

Рванувшись, я освободился совсем. На палубу я вернулся по вантам правого борта. Никакая сила не заставила бы меня спуститься по тем самым вантам, с которых только что сорвался Израэль.

Я сошел в каюту и попытался перевязать себе рану. Она причиняла мне сильную боль. Кровь все еще текла. Но рана была не глубока и не опасна и не мешала мне двигать рукой. Я осмотрелся вокруг. Теперь корабль принадлежал мне одному, и я стал подумывать, как бы избавиться от последнего пассажира – от мертвого О'Брайена.

Я уже говорил, что он скатился к самому фальшборту. Он лежал там, как страшная, неуклюжая кукла. Огромная кукла, такого же роста, как живой человек, но лишенная всех красок и обаяния жизни. Справиться с ним мне было нетрудно – за время моих трагических приключений я уже привык к мертвецам и почти перестал их бояться. Я поднял его за пояс, как мешок с отрубями, и одним взмахом швырнул через борт. Он упал с громким всплеском. Красный колпак слетел у него с головы и поплыл. Когда муть, поднятая падением трупа, улеглась, я отчетливо увидел их обоих: О'Брайена и Израэля. Они лежали рядом. Вода, двигаясь, покачивала их. О'Брайен, несмотря на свою молодость, был совершенно плешив. Он лежал, положив плешивую голову на колени своего убийцы. Быстрые рыбки проносились над ними обоими.

Я остался на корабле один. Только что начался отлив. Солнце стояло уже так низко, что тени сосен западного берега пересекли бухту и достигли палубы. Подул вечерний бриз, и, хотя с востока бухту защищал холм с двумя вершинами, снасти начали гудеть, а паруса – раскачиваться и хлопать.

Я увидел, что судну грозит опасность. Быстро свернул я кливера и опустил их на палубу. Но опустить грот было куда труднее. Когда шхуна накренилась, гик перекинулся за борт, и конец его с двумя-тремя футами паруса оказался даже под водой. От этого положение стало еще опаснее. Но задача была столь трудна, что я ни к чему не решился прикоснуться. Наконец я вынул нож и перерезал фалы[81]. Гафель[82] сразу опустился, и большое брюхо повисшего паруса поплыло по водяной поверхности. Как я ни бился, я не мог ничего сделать с ниралом[83]. Это было выше моих сил. Ну что же, приходилось кинуть «Испаньолу» на произвол судьбы. Я ведь и сам был кинут на произвол судьбы.

Тем временем бухту окутали сумерки. Последние солнечные лучи, пробившись через лесную прогалину, сияли на парусах корабля, как драгоценные камни на королевской мантии. Становилось холодно. Вода, увлекаемая отливом, уходила, и шхуна все больше ложилась на бок.

Я пробрался на нос и глянул вниз. Под носом было очень мелко, и я, на всякий случай обеими руками уцепившись за канат, осторожно перелез через борт. Вода едва доходила мне до пояса. Песок был плотный, изрытый волнами, и я бодро вышел на берег, оставив «Испаньолу» лежать на боку и полоскать свой парус в воде. Солнце зашло, и в соснах шумел ветер.

Итак, морские мои похождения кончились. И кончились несомненной удачей: шхуна вырвана из рук бандитов, и мы можем хоть сейчас отправиться на ней в океан.

---

[81] Фал – снасть, при помощи которой поднимают паруса.
[82] Гафель – перекладина, к которой прикрепляется верхний край паруса.
[83] Нирал – снасть для спуска парусов.

Я мечтал поскорее вернуться домой, в нашу крепость, и похвастать своими подвигами. Вероятно, меня слегка пожурят за самовольную отлучку, но захват «Испаньолы» загладит все, и даже сам капитан Смоллетт должен будет признать мои заслуги.

Размышляя таким образом, в прекрасном состоянии духа я пустился в путь и направился к частоколу, за которым, как я полагал, меня поджидали друзья. Я хорошо помнил, что самая восточная из речушек, впадающих в бухту капитана Кидда, начинается у двуглавого холма. И я свернул налево, к этому холму, рассчитывая перейти речку в самом узком месте. Лес был довольно редкий. Шагая по косогору, я вскоре обогнул край холма и перешел речку вброд.

Это было как раз то место, где я встретил Бена Ганна. Я стал пробираться осторожнее, зорко посматривая по сторонам. Стало совсем темно. Пройдя через расселину между двумя вершинами холма, я увидел на небе колеблющийся отблеск костра. Я решил, что, вероятно, Бен Ганн готовит себе на пылающем костре ужин, и в глубине души подивился его неосторожности. Если этот отблеск вижу я, его может увидеть и Сильвер из своего лагеря на болоте.

Ночь становилась все темнее. Я с трудом находил дорогу. Двуглавый холм позади и вершина Подзорной Трубы справа служили мне единственными вехами, но очертания их все больше расплывались во мраке. Тускло мерцали редкие звезды. В темноте я натыкался на кусты и сваливался в песчаные ямы.

Вдруг стало немного светлее. Я глянул вверх. Бледное

сияние озарило вершину Подзорной Трубы. Внизу, сквозь чащу деревьев, я увидел что-то большое, серебряное и понял, что это взошла луна.

Идти стало гораздо легче, и я ускорил шаги. По временам я даже бежал – так не терпелось мне поскорее добраться до частокола. Но, вступив в рощу, окружающую нашу крепость, я вспомнил об осторожности и пошел немного медленнее. Печально кончились бы мои похождения, если бы я, принятый по ошибке за врага, был застрелен своими друзьями.

Луна плыла все выше и выше. Все лесные полянки были залиты ее светом. Но прямо перед собой между деревьями я заметил какое-то сияние, совсем не похожее на лунное. Оно было горячее, краснее, а по временам как будто становилось темнее. Очевидно, это был костер, который дымился и покрывался золой.

Что же там такое, черт возьми?

Наконец я добрался до опушки. Западный край частокола был озарен луной. Весь остальной частокол и самый дом находились во мраке, кое-где прорезанном длинными серебристыми полосами. А за домом пылал громадный костер. Его багряные отсветы ярко выделялись среди нежных и бледных отсветов луны. Нигде ни души. Ни звука. Только ветер шумит в ветвях.

Я остановился, удивленный и, пожалуй, немного испуганный. Мы никогда не разводили больших костров. По приказанию капитана мы всегда берегли топливо. И я стал опасаться, не случилось ли чего-нибудь с моими друзьями, пока меня не было здесь.

Я пробрался к восточному краю укрепления, все время

держась в тени, и перелез через частокол в том месте, где темнота была гуще всего.

Чтобы не поднимать тревоги, я опустился на четвереньки и беззвучно пополз к углу дома. И вдруг облегченно вздохнул. Я терпеть не могу храпа; меня мучат люди, которые храпят во сне. Но на этот раз громкий и мирный храп моих друзей показался мне музыкой. Он успокоил меня, как успокаивает на море восхитительный ночной крик вахтенного: «Все в порядке!»

Одно мне было ясно: они спят без всякой охраны. Если бы вместо меня к ним подкрадывался сейчас Сильвер со своей шайкой, ни один из них не увидел бы рассвета. Вероятно, думал я, все это оттого, что капитан ранен. И опять я упрекнул себя за то, что покинул друзей в такой опасности, когда им некого даже поставить на страже.

Я подошел к двери и заглянул внутрь. Там было так темно, что я ничего не мог рассмотреть. Кроме храпа, слышался еще какой-то странный звук: не то хлопанье крыльев, не то постукивание. Вытянув вперед руки, я вошел в дом. «Я лягу на свое обычное место, – подумал я, улыбнувшись, – а утром потешусь, глядя на их удивленные лица».

Я споткнулся о чью-то ногу. Спящий перевернулся на другой бок, простонал, но не проснулся.

И тогда в темноте раздался внезапно резкий крик: «Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры!» И так дальше, без передышки, без всякого изменения голоса, как заведенные часы.

Это Капитан Флинт, зеленый попугай Сильвера! Это он хлопал крыльями и стучал клювом, долбя обломок дре-

весной коры. Вот кто охранял спящих лучше всякого часового, вот кто своим однообразным, надоедливым криком возвестил о моем появлении!

У меня не было времени скрыться. Услышав резкий, звонкий крик попугая, спящие проснулись и вскочили. Я услышал голос Сильвера. Он выругался и закричал:

– Кто идет?

Я бросился бежать, но налетел на кого-то. Оттолкнув одного, я попал в руки другого. Тот крепко схватил меня.

– Ну-ка, Дик, принеси сюда факел, – сказал Сильвер.

Один разбойник выбежал из дома и вернулся с горящей головней.

ЧАСТЬ VI

КАПИТАН СИЛЬВЕР

ГЛАВА XXVIII

В лагере врагов

Багровый свет головни озарил внутренность дома и подтвердил все самые худшие мои опасения. Пираты овладели блокгаузом и всеми нашими запасами. И бочонок с коньяком, и свинина, и мешки с сухарями находились на прежних местах. К ужасу моему, я не заметил ни одного пленника. Очевидно, все друзья мои погибли. Сердце мое сжалось от горя. Почему я не погиб вместе с ними!..

Только шестеро пиратов остались в живых, и они все были тут, предо мною. Пятеро, с красными, опухшими

лицами, пробудившись от пьяного сна, быстро вскочили на ноги. Шестой только приподнялся на локте. Он был мертвенно бледен. Голова его была перевязана окровавленной тряпкой. Значит, он ранен, и ранен недавно. Я вспомнил, что во время атаки мы подстрелили одного из пиратов, который затем скрылся в лесу. Вероятно, это он и был.

Попугай сидел на плече у Долговязого Джона и чистил клювом перья. Сам Сильвер был бледнее и угрюмее, чем прежде. На нем все еще красовался нарядный кафтан, в котором он приходил к нам для переговоров, но теперь кафтан этот был перепачкан глиной и изодран шипами колючих кустов.

– Эге, – сказал он, – да это Джим Хокинс, черт меня подери! Зашел в гости, а? Заходи, заходи, я всегда рад старому другу.

Он уселся на бочонок с бренди и стал набивать табаком свою трубку.

– Дай-ка мне огонька, Дик, – попросил он. И, закурив, добавил: – Спасибо, друг. Можешь положить головню. А вы, джентльмены, ложитесь, не стесняйтесь. Вы вовсе не обязаны стоять перед мистером Хокинсом навытяжку. Уж он извинит нас, накажи меня бог! Итак, Джим, – продолжал он, затянувшись, – ты здесь. Какой приятный сюрприз для бедного старого Джона! Я с первого взгляда увидел, что ты ловкий малый, но теперь я вижу, что ты прямо герой.

Разумеется, я ни слова не сказал в ответ. Они поставили меня у самой стены, и я стоял прямо, стараясь как можно спокойнее глядеть Сильверу в лицо. Но в сердце моем было отчаяние.

Сильвер невозмутимо затянулся раза два и заговорил снова.

– Раз уж ты забрел к нам в гости, Джим, – сказал он, – я расскажу тебе все, что у меня на уме. Ты мне всегда был по сердцу, потому что у тебя голова на плечах. Глядя на тебя, я вспоминаю то время, когда и я был такой же молодой и красивый. Я всегда хотел, чтобы ты присоединился к нам, получил свою долю сокровищ и умер в роскоши, богатым джентльменом. И вот, сынок, ты пришел наконец. Капитан Смоллетт – хороший моряк, я это всегда утверждал, но уж очень требователен насчет дисциплины. Долг прежде всего, говорит он, – и совершенно прав. А ты убежал от него, ты бросил своего капитана. Даже доктор недоволен тобой. «Неблагодарный негодяй» – называл он тебя. Словом, к своим тебе уже нельзя воротиться, они тебя не желают принять. И если ты не хочешь создавать третью команду, тебе придется присоединиться к капитану Сильверу.

Ну, не так еще плохо: значит, мои друзья живы. И хотя я готов был поверить утверждению Сильвера, что они сердиты на меня за мое дезертирство, я очень обрадовался.

– Я уж не говорю о том, что ты в нашей власти, – продолжал Сильвер, – ты сам это видишь. Я люблю разумные доводы. Я никогда не видел никакой пользы в угрозах. Если тебе нравится служба у нас, становись в наши ряды добровольно. Но если не нравится, Джим, ты можешь свободно сказать: нет. Свободно, ничего не боясь. Видишь, я говорю с тобой начистоту, без всякой хитрости.

– Вы хотите, чтобы я отвечал? – спросил я дрожащим голосом.

В его насмешливой болтовне я чувствовал смертельную угрозу. Щеки мои пылали, сердце отчаянно колотилось.

– Никто тебя не принуждает, дружок, – сказал Сильвер. – Обдумай хорошенько. Торопиться нам некуда: ведь в твоем обществе никогда не соскучишься.

– Ну что ж, – сказал я, несколько осмелев, – раз вы хотите, чтобы я решил, на чью сторону мне перейти, вы должны объяснить мне, что тут у вас происходит. Почему вы здесь и где мои друзья?

– Что происходит? – угрюмо повторил один из пиратов. – Много бы я дал, чтобы понять, что тут у нас происходит.

– Заткнись, пока тебя не спрашивают! – сердито оборвал его Сильвер и затем с прежней учтивостью снова обратился ко мне. – Вчера утром, мистер Хокинс, – сказал он, – к нам явился доктор Ливси с белым флагом. «Вы остались на мели, капитан Сильвер, – сказал он, – корабль ушел». Пока мы пили ром и пели песни, мы прозевали корабль. Я этого не отрицаю. Никто из нас не глядел за кораблем. Мы выбежали на берег, и, клянусь громом, наш старый корабль исчез. Мы просто чуть не повалились на месте. «Что ж, – сказал доктор, – давайте заключать договор». Мы заключили договор – я да он, – и вот мы получили ваши припасы, ваше бренди, вашу крепость, ваши дрова, которые вы так предусмотрительно нарубили, всю, так сказать, вашу лодку, от салинга до кильсона[84]. А сами они ушли. И где они теперь, я не знаю.

---

[84] Кильсон – брус на дне корабля, идущий параллельно килю.

Он снова спокойно затянулся.

– А если ты думаешь, что тебя включили в договор, – продолжал он, – так вот последние слова доктора. «Сколько вас осталось?» – спросил я. «Четверо, – ответил он. – Четверо, и один из них раненый. А где этот проклятый мальчишка, не знаю и знать не желаю, – сказал он. – Нам противно о нем вспоминать». Вот его собственные слова.

– Это все? – спросил я.

– Все, что тебе следует знать, сынок, – ответил Сильвер.

– А теперь я должен выбирать?

– Да, теперь ты должен выбирать, – сказал Сильвер.

– Ладно, – сказал я. – Я не так глуп и знаю, на что иду. Делайте со мной, что хотите, мне все равно. С тех пор как я встретился с вами, я привык смотреть смерти в лицо. Но прежде я хочу вам кое о чем рассказать, – продолжал я, все больше волнуясь. – Положение ваше скверное: корабль вы потеряли, сокровища вы потеряли, людей своих потеряли. Ваше дело пропащее. И если вы хотите знать, кто виноват во всем этом, знайте: виноват я, и больше никто. Я сидел в бочке из-под яблок в ту ночь, когда мы подплывали к острову, и я слышал все, что говорили вы, Джон, и ты, Дик Джонсон, и что говорил Хендс, который теперь на дне моря. И все, что я подслушал, я в тот же час рассказал. Это я перерезал у шхуны якорный канат, это я убил людей, которых вы оставили на борту, это я отвел шхуну в такое потайное место, где вы никогда не найдете ее. Вы в дураках, а не я, и я боюсь вас не больше, чем мухи. Можете убить меня или пощадить, как вам угодно. Но я скажу еще кое-что, и хватит. Если вы пощадите меня, я

забуду все прошлое и, когда вас будут судить за пиратство, попытаюсь спасти вас от петли. Теперь ваш черед выбирать. Моя смерть не принесет вам никакой пользы. Если же вы оставите меня в живых, я постараюсь, чтобы вы не попали на виселицу.

Я умолк. Я задыхался. К моему изумлению, никто из них даже не двинулся с места. Они глядели на меня, как овцы. Не дождавшись ответа, я продолжал:

– Мне сдается, мистер Сильвер, что вы здесь самый лучший человек. И если мне доведется погибнуть, расскажите доктору, что я умер не бесславною смертью.

– Буду иметь это в виду, – сказал Сильвер таким странным тоном, что я не мог понять, насмехается он надо мной или ему пришлось по душе мое мужество.

– Не забудьте... – крикнул старый моряк с темным от загара лицом, по имени Морган, тот самый, которого я видел в таверне Долговязого Джона в Бристольском порту – не забудьте, что это он узнал тогда Черного Пса!

– Это еще не все, – добавил Сильвер. – Он, клянусь громом, тот самый мальчишка, который вытащил карту из сундука Билли Бонса. Наконец-то Джим Хокинс попал нам в руки.

– Пустить ему кровь! – крикнул Морган и выругался. И, выхватив нож, он вскочил с такой легкостью, будто ему было двадцать лет.

– На место! – крикнул Сильвер. – Кто ты такой, Том Морган? Быть может, ты думаешь, что ты здесь капитан? Клянусь, я научу тебя слушаться. Только посмей мне перечить! За последние тридцать лет всякий, кто становился у меня на дороге, попадал либо на рею, либо за борт, ры-

бам на закуску. Да! Запомни, Том Морган: не было еще человека, который остался бы жить на земле после того, как не поладил со мной.

Том замолк, но остальные продолжали ворчать.

– Том верно говорит, – сказал один.

– Довольно было надо мной командиров, – прибавил другой, – и, клянусь виселицей, Джон Сильвер, я не позволю тебе водить меня за нос!

– Джентльмены, кто из вас хочет иметь дело со мной? – проревел Сильвер.

Он сидел на бочонке и теперь подался вперед. В правой руке у него была горящая трубка.

– Ну, чего же вам надо? Говорите прямо. Или вы онемели? Выходи, кто хочет, я жду. Я не для того прожил столько лет на земле, чтобы какой-нибудь пьяный индюк становился мне поперек дороги. Вы знаете наш обычай. Вы считаете себя джентльменами удачи. Ну что же, выходите, я готов. Пусть тот, у кого хватит духу, вынет свой кортик, и я, хоть и на костыле, увижу, какого цвета у него потроха, прежде чем погаснет эта трубка!

Никто не двинулся. Никто не ответил ни слова.

– Вот так вы всегда, – продолжал Сильвер, сунув трубку в рот. – Молодцы, нечего сказать! Не слишком-то храбры в бою. Или вы не способны понять простую человеческую речь? Ведь я здесь капитан, я выбран вами. Я ваш капитан, потому что я на целую морскую милю умнее вас всех. Вы не хотите драться со мной, как подобает джентльменам удачи. Тогда, клянусь громом, вы должны меня слушаться! Мне по сердцу этот мальчишка. Лучше его я никого не видел. Он вдвое больше похож на мужчину, чем

такие крысы, как вы. Так слушайте: кто тронет его, будет иметь дело со мной.

Наступило долгое молчание.

Я, выпрямившись, стоял у стены. Сердце мое все еще стучало, как молот, но у меня зародилась надежда. Сильвер сидел, скрестив руки и прислонившись к стене. Он сосал трубку и был спокоен, как в церкви. Только глаза его бегали. Он наблюдал украдкой за своей буйной командой. Пираты отошли в дальний угол и начали перешептываться. Их шипенье звучало у меня в ушах, словно шум реки. Иногда они оборачивались, и багряный свет головни падал на их взволнованные лица. Однако поглядывали они не на меня, а на Сильвера.

– Вы, кажется, собираетесь что-то сказать? – проговорил Сильвер и плюнул далеко перед собой. – Ну что ж, говорите, я слушаю.

– Прошу прощения, сэр, – начал один из пиратов. – Вы часто нарушаете наши обычаи. Но есть обычай, который даже вам не нарушить. Команда недовольна, а между тем, разрешите сказать, у этой команды есть такие же права, как и у всякой другой. Мы имеем право собраться и поговорить. Прошу прощения, сэр, так как вы все же у нас капитан, но я хочу воспользоваться своим правом и уйти на совет.

Изысканно отдав Сильверу честь, этот высокий болезненный желтоглазый матрос лет тридцати пяти спокойно пошел к выходу и скрылся за дверью. Остальные вышли вслед за ним. Каждый отдавал Сильверу честь и бормотал что-нибудь в свое оправдание.

– Согласно обычаю, – сказал один.

– На матросскую сходку, – сказал Морган.

Мы с Сильвером остались вдвоем у горящей головни.

Повар сразу же вынул изо рта свою трубку.

– Слушай, Джим Хокинс, – проговорил он еле слышным настойчивым шепотом, – ты на волосок от смерти и, что хуже всего, от пытки. Они хотят разжаловать меня. Ты видел, как я за тебя заступался. Сначала мне не хотелось тебя защищать, но ты сказал несколько слов, и я переменил мои планы. Я был в отчаянии от своих неудач, от мысли о виселице, которая мне угрожает. Услыхав твои слова, я сказал себе: заступись за Хокинса, Джон, и Хокинс заступится за тебя. Ты – его последняя карта, Джон, а он, клянусь громом, твоя последняя карта! Услуга за услугу, решил я. Ты спасешь себе свидетеля, когда дело дойдет до суда, а он спасет твою шею.

Я смутно начал понимать, в чем дело.

– Вы хотите сказать, что ваша игра проиграна? – спросил я.

– Да, клянусь дьяволом! – ответил он. – Раз нет корабля, значит, остается одна только виселица. Я упрям, Джим Хокинс, но, когда я увидел, что в бухте уже нет корабля, я понял: игра наша кончена. А эти пускай совещаются, все они безмозглые трусы. Я постараюсь спасти твою шкуру. Но слушай, Джим, услуга за услугу: ты спасешь Долговязого Джона от петли.

Я был поражен. За какую жалкую соломинку хватается он, старый пират, атаман!

– Я сделаю все, что могу, – сказал я.

– Значит, по рукам! – воскликнул он. – Ты дешево отделался, да и я, клянусь громом, получил надежду на спасение.

Он проковылял к головне, горевшей возле дров, и снова закурил свою трубку.

– Пойми меня, Джим, – продолжал он, вернувшись. – У меня еще есть голова на плечах, и я решил перейти на сторону сквайра. Я знаю, что ты спрятал корабль где-нибудь в безопасном месте. Как ты это сделал, я не знаю, но я уверен, что корабль цел и невредим. Хендс и О'Брайен оказались глупцами. На них я никогда не надеялся. Заметь: я у тебя ничего не спрашиваю и другим не позволю спрашивать. Я знаю правила игры и понимаю, что проиграл. А ты такой молодой, такой храбрый, и, если мы будем держаться друг за друга, мы многого с тобой добьемся.

Он нацедил в жестяную кружку коньяку из бочонка.

– Не хочешь ли выпить, приятель? – спросил он.

Я отказался.

– А я выпью немного, Джим, – сказал он. – Впереди у меня столько хлопот, нужно же мне пришпорить себя. Кстати, о хлопотах. Зачем было доктору отдавать мне эту карту, милый Джим?

На лице моем выразилось такое неподдельное изумление, что он понял бесполезность дальнейших вопросов.

– Да, он дал мне свою карту... И тут, без сомнения, что-то не так. Тут что-то кроется, Джим... плохое или хорошее.

Он снова хлебнул коньяку и покачал своей большой головой с видом человека, ожидающего неминуемых бед.

ГЛАВА XXIX

Снова черная метка

Сходка пиратов продолжалась уже много времени, когда один из них воротился в блокгауз и, с насмешливым видом отдав Сильверу честь, попросил разрешения взять головню. Сильвер изъявил свое согласие, и посланный удалился, оставив нас обоих в темноте.

– Приближается буря, Джим, – сказал Сильвер. Он стал обращаться со мной по-приятельски. Я подошел к ближайшей бойнице и глянул во двор. Костер почти догорел. Света он уже не давал никакого; немудрено, что заговорщикам понадобилась головня. Они собрались в кружок на склоне холма между домом и частоколом. Один из них держал головню. Другой стоял посередине на коленях. В руке у него был открытый нож, лезвие которого поблескивало, озаренное то луной, то факелом. Остальные немного согнулись, как будто глядя, что он делает. У него в руках появилась какая-то книга. И не успел я подумать, откуда у него такая неподходящая для разбойника вещь, как он поднялся с колен, и все гурьбой направились к дому.

– Они идут сюда, – сказал я.

Я стал на прежнее место. Не желая уронить свое достоинство, я не хотел, чтобы пираты заметили, что я наблюдаю за ними.

– Милости просим, дружок, пусть идут! – весело сказал Сильвер. – У меня еще есть чем их встретить.

Дверь распахнулась, и пятеро пиратов нерешительно столпились у порога, проталкивая вперед одного.

При других обстоятельствах было бы забавно смотреть, как медленно и боязливо подходит выборный, останавливаясь на каждом шагу и вытянув правую руку, сжатую крепко в кулак.

– Подойди ближе, приятель, – сказал Сильвер, – и не бойся: я тебя не съем. Давай, увалень, – что там у тебя. Я знаю обычаи. Я депутата не трону.

Ободренный этими словами, разбойник ускорил шаг и, сунув что-то Сильверу в руку, торопливо отбежал назад к товарищам.

Повар глянул на свою ладонь.

– Черная метка! Так я и думал, – проговорил он. – Где вы достали бумагу?.. Но что это? Ах вы, несчастные! Вырезали из Библии! Ну, будет уж вам за это! И какой дурак разрезал Библию?

– Вот видите, – сказал Морган. – Что я говорил? Ничего хорошего не выйдет из этого.

– Ну, теперь уж вам не отвертеться от виселицы, – продолжал Сильвер. – У какого дурака вы взяли эту Библию?

– У Дика, – сказал кто-то.

– У Дика? Ну, Дик, молись богу, – проговорил Сильвер, – потому что твоя песенка спета. Уж я верно тебе говорю. Пропало твое дело, накажи меня бог!

Но тут вмешался желтоглазый верзила.

– Довольно болтать, Джон Сильвер, – сказал он. – Команда, собравшись на сходку, как велит обычай джентльменов удачи, вынесла решение послать тебе черную метку. Переверни ее, как велит наш обычай, и прочти, что на ней написано. Тогда ты заговоришь по-иному.

– Спасибо, Джордж, – отозвался Сильвер. – Ты у нас деловой человек и знаешь наизусть наши обычаи. Что ж тут написано? Ага! «Низложен». Так вот в чем дело! И какой хороший почерк! Точно в книге. Это у тебя такой почерк, Джордж? Ты первый человек во всей команде. Я нисколько не удивлюсь, если теперь выберут капитаном тебя. Дай мне, пожалуйста, головню, а то трубка у меня никак не раскуривается.

– Ну-ну! – сказал Джордж. – Нечего тебе морочить команду. Послушать тебя – ты такой и сякой, но все же слезай с этой бочки. Ты уже у нас не капитан. Слезай с бочки и не мешай нашим выборам!

– А я думал, ты и вправду знаешь обычаи, – презрительно возразил Сильвер. – Тебе придется еще малость подождать, потому что я покуда все еще ваш капитан. Вы должны предъявлять мне свои обвинения и выслушать мой ответ. А до той поры ваша черная метка будет стоить не дороже сухаря. Посмотрим, что из этого выйдет.

– Не бойся, обычаев мы не нарушим, – ответил Джордж. – Мы хотим действовать честно. Вот тебе наши обвинения. Во-первых, ты провалил все дело. У тебя не хватит дерзости возражать против этого. Во-вторых, ты позволил нашим врагам уйти, хотя здесь они были в настоящей ловушке. Зачем они хотели уйти? Не знаю. Но ясно, что они зачем-то хотели уйти. В-третьих, ты запретил нам преследовать их. О, мы тебя видим насквозь, Джон Сильвер! Ты ведешь двойную игру. В-четвертых, ты заступился за этого мальчишку.

– Это все? – спокойно спросил Сильвер.

– Вполне достаточно, – ответил Джордж. – Нас из-за твоего ротозейства повесят сушиться на солнышке.

– Теперь послушайте, что я отвечу на эти четыре пункта. Я буду отвечать по порядку. Вы говорите, что я провалил все дело? Но ведь вы знаете, чего я хотел. Если бы вы послушались меня, мы все теперь находились бы на «Испаньоле», целые и невредимые, и золото лежало бы в трюме, клянусь громом! А кто мне помешал? Кто меня торопил и подталкивал – меня, вашего законного капитана? Кто прислал мне черную метку в первый же день нашего прибытия на остров и начал всю эту дьявольскую пляску? Прекрасная пляска – я пляшу вместе с вами, – в ней такие же коленца, какие выкидывают те плясуны, что болтаются в лондонской петле. А кто все начал? Эндерсон, Хендс и ты, Джордж Мерри. Из этих смутьянов ты один остался в живых. И у тебя хватает наглости лезть в капитаны! У тебя, погубившего чуть не всю нашу шайку! Нет, из этого не выйдет ни черта!

Сильвер умолк. По лицу Джорджа и остальных я видел, что слова его не пропали даром.

– Это пункт первый! – воскликнул Сильвер, вытирая вспотевший лоб. – Клянусь, мне тошно разговаривать с вами. У вас нет ни рассудка, ни памяти. Удивляюсь, как это ваши мамаши отпустили вас в море! В море! Это вы-то джентльмены удачи? Уж лучше бы вы стали портными...

– Перестань ругаться, – сказал Морган. – Отвечай на остальные обвинения.

– А, на остальные! – крикнул Джон. – Остальные тоже хороши. Вы говорите, что наше дело пропащее. Клянусь громом, вы даже не подозреваете, как оно плохо! Мы так близко от виселицы, что шея моя уже коченеет от петли. Так и вижу, как болтаемся мы в железных оковах, а над

нами кружат вороны. Моряки показывают на нас пальцами во время прилива. «Кто это?» – спрашивает один. «Это Джон Сильвер. Я хорошо его знал», – отвечает другой. Ветер качает повешенных и разносит звон цепей. Вот что грозит каждому из нас из-за Джорджа Мерри, Хендса, Эндерсона и других идиотов! Затем, черт подери, вас интересует пункт четвертый – вот этот мальчишка. Да ведь он заложник, понимаете? Неужели мы должны уничтожить заложника? Он, быть может, последняя наша надежда. Убить этого мальчишку? Нет, мои милые, не стану его убивать. Впрочем, я еще не ответил по третьему пункту. Отлично, извольте, отвечу. Может быть, вы ни во что не ставите ежедневные визиты доктора, доктора, окончившего колледж? Твоему продырявленному черепу, Джон, уже не надобен доктор? А ты, Джордж Мерри, которого каждые шесть часов трясет лихорадка, у которого глаза желтые, как лимон, – ты не хочешь лечиться у доктора? Быть может, вы не знаете, что сюда скоро должен прийти второй корабль на помощь? Однако он скоро придет. Вот когда вам пригодится заложник. Затем пункт второй: вы обвиняете меня в том, что я заключил договор. Да ведь вы сами на коленях умоляли меня заключить его. Вы ползали на коленях, вы малодушничали, вы боялись умереть с голоду... Но все это пустяки. Поглядите – вот ради чего я заключил договор!

И он бросил на пол лист бумаги. Я сразу узнал его. Это была та самая карта на желтой бумаге, с тремя красными крестиками, которую я нашел когда-то на дне сундука Билли Бонса.

Я никак не мог уразуметь, почему доктор отдал ее Сильверу.

Разбойников вид этой карты поразил еще сильнее, чем меня. Они накинулись на нее, как коты на мышь. Они вырывали ее друг у друга из рук с руганью, с криками, с детским смехом. Можно было подумать, что они не только уже трогают золото пальцами, но везут его в полной сохранности на корабле.

– Да, – сказал один, – это подпись Флинта, можете не сомневаться. Д. Ф., а внизу мертвый узел. Он всегда подписывался так.

– Все это хорошо, – сказал Джордж, – но как мы увезем сокровища, если у нас нет корабля?

Сильвер внезапно вскочил, держась рукой за стену.

– Предупреждаю тебя в последний раз, Джордж! – крикнул он. – Еще одно слово, и я буду драться с тобой... Как? Почем я знаю как! Это ты должен мне сказать, ты и другие, которые проворонили мою шхуну, с твоей помощью, черт возьми! Но нет, мне незачем ждать от тебя умного слова – ум у тебя тараканий. Но разговаривать учтиво ты должен, или я научу тебя вежливости!

– Правильно, – сказал старик Морган.

– Еще бы! Конечно, правильно! – подхватил корабельный повар. – Ты потерял наш корабль. Я нашел вам сокровища. Кто же из нас стоит большего? Но, клянусь, я больше не желаю быть у вас капитаном. Выбирайте, кого хотите. С меня довольно!

– Сильвера! – заорали все. – Окорок на веки веков! Окорока в капитаны!

– Так вот что вы теперь запели! – крикнул повар. – Джордж, милый друг, придется тебе подождать до другого случая. Счастье твое, что я не помню худого. Сердце у ме-

ня отходчивое. Что же делать с этой черной меткой, приятели? Теперь она как будто ни к чему. Дик загубил свою душу, изгадил свою Библию, и все понапрасну.

– А может быть, она еще годится для присяги? – спросил Дик, которого, видимо, сильно тревожило совершенное им кощунство.

– Библия с отрезанной страницей! – ужаснулся Сильвер. – Ни за что! В ней не больше святости, чем в песеннике.

– И все же на всякий случай лучше ее сохранить, – сказал Дик.

– А вот это, Джим, возьми себе на память, – сказал Сильвер, подавая мне черную метку.

Величиной она была с крону[85]. Одна сторона белая. Дик разрезал самую последнюю страницу Библии, – на другой стороне были напечатаны стиха два из Апокалипсиса. Я помню, между прочим, два слова: «псы и убийцы». Сторона с текстом была вымазана сажей, которая перепачкала мне пальцы. А на чистой стороне углем было выведено одно слово – «Низложен».

Сейчас эта черная метка лежит предо мною, но от надписи углем остались только следы царапин, как от когтя.

Так окончились события этой ночи. Выпив рому, мы улеглись спать. Сильвер в отместку назначил Джорджа Мерри в часовые, пригрозив ему смертью, если он недоглядит чего-нибудь.

Я долго не мог сомкнуть глаз. Я думал о человеке, которого убил, о своем опасном положении и прежде всего о той замечательной игре, которую вел Сильвер, одной ру-

---

[85] Крона – серебряная монета.

кой удерживавший шайку разбойников, а другой хватавшийся за всякое возможное и невозможное средство, чтобы спасти свою ничтожную жизнь. Он мирно спал и громко храпел. И все же сердце у меня сжималось от жалости, когда я глядел на него и думал, какими опасностями он окружен и какая позорная смерть ожидает его.

ГЛАВА XXX

На честное слово

Меня разбудил, вернее – всех нас разбудил, потому что вскочил даже часовой, задремавший у двери, ясный, громкий голос, прозвучавший на опушке леса:

– Эй, гарнизон, вставай! Доктор идет!

Действительно, это был доктор. Я обрадовался, услышав его голос, но к радости моей примешивались смущение и стыд. Я вспомнил о своем неповиновении, о том, как я тайком убежал от товарищей. И к чему это все привело? К тому, что я сижу в плену у разбойников, которые могут каждую минуту лишить меня жизни. Мне было стыдно взглянуть доктору в лицо. Доктор, вероятно, поднялся еще до света, потому что день только начинался. Я подбежал к бойнице и выглянул. Он стоял внизу, по колено в ползучем тумане, как некогда стоял у этого же блокгауза Сильвер.

– Здравствуйте, доктор! С добрым утром, сэр! – воскликнул Сильвер, уже протерев как следует глаза и сияя приветливой улыбкой. – Рано же вы поднялись! Ранняя птица больше корма клюет, как говорит поговорка...

Джордж, очнись, сын мой, и помоги доктору Ливси взойти на корабль... Все в порядке, доктор. Ваши пациенты куда веселей и бодрей!

Так он балагурил, стоя на вершине холма с костылем под мышкой, опираясь рукой о стену, – совсем прежний Джон и по голосу, и по ухваткам, и по смеху.

– У нас есть сюрприз для вас, сэр, – продолжал он. – Один маленький приезжий, хе-хе! Новый жилец, сэр, жилец хоть куда! Спит, как сурок, ей-богу. Всю ночь проспал рядом с Джоном, борт о борт.

Доктор Ливси тем временем перелез через частокол и подошел к повару. И я услышал, как дрогнул его голос, когда он спросил:

– Неужели Джим?

– Он самый, – ответил Сильвер. Доктор внезапно остановился. Было похоже, что он не в состоянии сдвинуться с места.

– Ладно, – выговорил он наконец. – Раньше дело, а потом веселье. Такая, кажется, у вас поговорка? Осмотрим сначала больных.

Доктор вошел в дом и, холодно кивнув мне головой, занялся своими больными. Он держался спокойно и просто, хотя не мог не знать, что жизнь его среди этих коварных людей висит на волоске. Он болтал с пациентами, будто его пригласили к больному в тихое английское семейство. Его обращение с пиратами, видимо, оказывало на них сильное влияние. Они вели себя с ним, будто ничего не случилось, будто он по-прежнему корабельный врач и они по-прежнему старательные и преданные матросы.

– Тебе лучше, друг мой, – сказал он человеку с перевя-

занной головой. – Другой на твоем месте не выжил бы. Но у тебя голова крепкая, как чугунный котел... А как твои дела, Джордж? Да ты весь желтый! У тебя печенка не в порядке. Ты принимал лекарство?.. Скажите, он принимал лекарство?

– Как же, сэр, как же! Он принимал, сэр, – отозвался Морган.

– С тех пор как я стал врачом у мятежников или, вернее, тюремным врачом, – сказал доктор Ливси с добродушнейшей улыбкой, – я считаю своим долгом сохранить вас в целости для короля Георга, да благословит его бог, для петли.

Разбойники переглянулись, но молча проглотили шутку доктора.

– Дик скверно себя чувствует, сэр, – сказал один.

– Скверно? – спросил доктор. – А ну-ка, Дик, иди сюда и покажи язык. О, я нисколько не удивлен, что он скверно себя чувствует! Таким языком можно напугать и французов. У него тоже началась лихорадка.

– Вот что случается с тем, кто портит святую Библию, – сказал Морган.

– Это случается с тем, кто глуп, как осел, – возразил доктор. – С тем, у кого не хватает ума отличить свежий воздух от заразного, сухую почву от ядовитого и гнусного болота. Вполне вероятно, что все вы схватили малярию, друзья мои, – так мне кажется, – и много пройдет времени, прежде чем вы от нее избавитесь. Расположиться лагерем на болоте!.. Сильвер, вы меня удивили, ей-богу! Вы не такой дурак, как остальные, но вы не имеете ни малейшего понятия, как охранять здоровье своих подчиненных... От-

лично, – сказал доктор, осмотрев пациентов и дав им несколько медицинских советов, которые они выслушали с такой смешной кротостью, словно были питомцами благотворительной школы, а не разбойниками. – На сегодня хватит. А теперь, если позволите, я хотел бы побеседовать с этим юнцом. – И он небрежно кивнул в мою сторону.

Джордж Мерри стоял в дверях и, морщась, принимал какое-то горькое снадобье. Услышав просьбу доктора, он весь побагровел, повернулся к нему и закричал:

– Ни за что!

И выругался скверными словами.

Сильвер хлопнул ладонью по бочке.

– Молчать! – проревел он и посмотрел вокруг, как рассвирепевший лев. – Доктор, – продолжал он учтиво, – я был уверен, что вы захотите поговорить с Джимом, потому что знал – этот мальчик вам по сердцу. Мы все так вам благодарны, мы, как видите, чувствуем к вам такое доверие, мы пьем ваши лекарства, как водку. Я сейчас устрою... Хокинс, можешь ты мне дать честное слово юного джентльмена, – потому что ты джентльмен, хотя родители твои люди бедные, – что ты не удерешь никуда?

Я охотно дал ему честное слово.

– В таком случае, доктор, – сказал Сильвер, – перелезайте через частокол. Когда вы перелезете, я сведу Джима вниз. Он будет с одной стороны частокола, вы – с другой, но это не помешает вам поговорить по душам. Всего хорошего, сэр! Передайте привет сквайру и капитану Смоллетту.

Едва доктор вышел, негодование пиратов, сдерживаемое страхом перед Сильвером, прорвалось наружу. Они

обвиняли Сильвера в том, что он ведет двойную игру, что он хочет выгородить себя и предать всех остальных. Словом, они действительно разгадали его намерения. Я не думал, что ему и на этот раз удастся вывернуться. Но он был вдвое умнее всех их, взятых вместе, и его вчерашняя победа дала ему огромную власть над ними. Он обозвал их глупцами, заявил, что без моего разговора с доктором невозможно обойтись, тыкал им в нос карту и спрашивал: неужели они хотят нарушить договор в тот самый день, когда можно приступить к поискам сокровищ?

– Нет, клянусь громом! – кричал он. – Придет время, и мы натянем им нос, но до той поры я буду ублажать этого доктора, хотя бы мне пришлось чистить ему сапоги ромом!

Он приказал развести костер, взял костыль, положил руку мне на плечо и заковылял вниз, оставив пиратов в полном замешательстве. Чувствовалось, что на них повлияли не столько его доводы, сколько настойчивость.

– Не торопись, дружок, не торопись, – сказал он мне. – Они разом кинутся на нас, если заметят, что мы оба торопимся.

Мы медленно спустились по песчаному откосу к тому месту, где за частоколом поджидал нас доктор. Сильвер остановился.

– Пусть Джим расскажет вам, доктор, как я спас ему жизнь, хотя за это чуть не лишился капитанского звания, – сказал он. – Ах, доктор, когда человек ведет свою лодку навстречу погибели, когда он играет в орлянку со смертью, он хочет услышать хоть одно самое маленькое доброе слово! Имейте в виду, что речь идет не только о моей

жизни, но и о жизни этого мальчика. Заклинаю вас, доктор, будьте милосердны ко мне, дайте мне хоть тень надежды!

Теперь, отойдя от товарищей и стоя спиной к блокгаузу, Сильвер сразу сделался другим человеком. Щеки его ввалились, голос дрожал. Это был почти мертвец.

– Неужели вы боитесь, Джон? – спросил доктор Ливси.

– Доктор, я не трус. Нет, я даже вот настолько не трус, – и он показал кончик пальца, – но говорю откровенно: меня кидает в дрожь при мысли о виселице. Вы добрый человек и правдивый. Лучшего я в жизни своей не видал. Вы не забудете сделанного мною добра, хотя, разумеется, и зла не забудете. Я отхожу в сторону, видите, и оставляю вас наедине с Джимом. Это тоже вы зачтете мне в заслугу, не правда ли?

Он отошел в сторону, как раз на такое расстояние, чтобы не слышать нас, сел на пень и принялся насвистывать. Он вертелся из стороны в сторону, поглядывая то на меня, то на доктора, то на неукрощенных пиратов, которые, валяясь на песке, разжигали костер, то на дом, откуда они выносили свинину и хлеб для завтрака.

– Итак, Джим, – грустно сказал доктор, – ты здесь. Что посеешь, то и пожнешь, мой мальчик. У меня не хватает духу бранить тебя. Одно только скажу тебе: если бы капитан Смоллетт был здоров, ты не посмел бы убежать от нас. Ты поступил бесчестно, ты ушел, когда он был болен и не мог удержать тебя силой.

Должен признаться, что при этих словах я заплакал.

– Доктор, – взмолился я, – пожалуйста, не ругайте меня! Я сам себя достаточно ругал. Моя жизнь на волоске. Я

и теперь был бы уже мертвецом, если бы Сильвер за меня не вступился. Смерти я не боюсь, доктор, я боюсь только пыток. Если они начнут пытать меня...

– Джим... – перебил меня доктор, и голос его слегка изменился, – Джим, этого я не могу допустить. Перелезай через забор, и бежим.

– Доктор, – сказал я, – я ведь дал честное слово.

– Знаю, знаю! – воскликнул он. – Что поделаешь, Джим! Уж я возьму этот грех на себя. Не могу же я бросить тебя здесь беззащитного. Прыгай! Один прыжок – и ты на свободе. Мы помчимся, как антилопы.

– Нет, – ответил я. – Ведь вы сами не поступили бы так. Ни вы, ни сквайр, ни капитан не изменили бы данному слову. Значит, и я не изменю. Сильвер на меня положился. Я дал ему честное слово. Но, доктор, вы меня не дослушали. Если они станут меня пытать, я не выдержу и разболтаю, где спрятан корабль. Мне повезло, доктор, мне посчастливилось, и я увел их корабль. Он стоит у южного берега Северной стоянки. Во время прилива он подымается на волне, а во время отлива сидит на мели.

– Корабль! – воскликнул доктор.

Я в нескольких словах рассказал ему все, что случилось. Он выслушал меня в полном молчании.

– Это судьба, – заметил он, когда я кончил. – Каждый раз ты спасаешь нас от верной гибели. И неужели ты думаешь, что теперь мы дадим тебе умереть под ножом? Это была бы плохая награда за все, что ты для нас сделал, мой мальчик. Ты открыл заговор. Ты нашел Бена Ганна. Лучшего дела ты не сделаешь за всю твою жизнь, даже если доживешь до ста лет. Этот Бен Ганн – ой-ой-ой! Кстати о

Бене Ганне... Сильвер! – крикнул он. – Сильвер, я хочу дать вам совет, – продолжал он, когда повар приблизился, – не торопитесь отыскивать сокровища.

– Я, сэр, изо всех сил буду стараться оттянуть это дело, – сказал Сильвер. – Но, клянусь вам, только поисками сокровищ я могу спасти свою жизнь и жизнь этого несчастного мальчика.

– Ладно, Сильвер, – ответил доктор, – если так – ищите. Но я дам вам еще один совет: когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики.

– Сэр, – сказал Сильвер, – вы сказали мне или слишком много, или слишком мало. Что вам нужно? Зачем вы покинули крепость? Зачем вы отдали мне карту? Я этого не понимал и не понимаю. И все же я слепо выполнил все, что вы требовали, хотя вы не дали мне ни малейшей надежды. А теперь эти новые тайны... Если вы не хотите прямо объяснить мне, в чем дело, так и скажите, и я выпущу румпель.

– Нет, – задумчиво сказал доктор, – я не имею права посвящать вас в такие дела. Это не моя тайна, Сильвер. Иначе клянусь париком, я бы вам все рассказал. Если я скажу еще хоть слово, мне здорово влетит от капитана. И все же я дам вам маленькую надежду, Сильвер: если мы оба с вами выберемся из этой волчьей ямы, я постараюсь спасти вас от виселицы, если для этого не нужно будет идти на клятвопреступление.

Лицо Сильвера мгновенно просияло.

– И родная мать не могла бы утешить меня лучше, чем вы! – воскликнул он.

– Это первое, что я могу вам сказать, – добавил док-

тор. – И второе: держите этого мальчика возле себя и, если понадобится помощь, зовите меня. Я постараюсь вас выручить, и тогда вы увидите, что я говорю не впустую... Прощай, Джим.

Доктор Ливси пожал мне руку через забор, кивнул головой Сильверу и быстрыми шагами направился к лесу.

ГЛАВА XXXI

Поиски сокровищ
Указательная стрела Флинта

– Джим, – сказал Сильвер, когда мы остались одни, – я спас твою жизнь, а ты – мою. И я никогда этого не забуду. Я ведь видел, как доктор уговаривал тебя удрать. Краешком глаза, но видел. Я не слышал твоего ответа, но я видел, что ты отказался. Этого, Джим, я тебе не забуду. Сегодня для меня впервые блеснула надежда после неудачной атаки на крепость. И опять-таки из-за тебя. К поискам сокровищ, Джим, мы приступаем вслепую, и это мне очень не нравится. Но мы с тобой будем крепко держаться друг друга и спасем наши шеи, несмотря ни на что.

Один из пиратов, возившихся у костра, крикнул нам, что завтрак готов. Мы уселись на песке возле огня и стали закусывать поджаренной свининой. Разбойники развели такой костер, что можно было бы зажарить быка. Вскоре костер запылал так сильно, что к нему – и то не без опаски – приближались только с подветренной стороны. Так же расточительно обращались пираты с провизией: нажарили свинины по крайней мере в три раза больше, чем было

нужно. Один из них с глупым смехом швырнул все оставшиеся куски в огонь, который запылал еще ярче, поглотив это необычайное топливо.

Никогда в своей жизни не видел я людей, до такой степени беззаботно относящихся к завтрашнему дню. Все делали спустя рукава, истребляли без всякого толка провизию, засыпали, стоя на часах, и так далее. Вообще они были способны лишь на короткую вспышку, но на длительные военные действия их не хватало.

Даже Сильвер, сидевший в стороне со своим попугаем, не сделал им ни одного замечания за их расточительность. И это очень меня удивило, так как я знал, какой он осторожный и предусмотрительный человек.

– Да, приятели, – говорил он, – ваше счастье, что у вас есть Окорок, который всегда за вас думает. Я выведал то, что мне нужно. Корабль у них. Пока я еще не знаю, где они его спрятали. Но, когда у нас будут сокровища, мы обыщем весь остров и снова захватим корабль. Во всяком случае, мы сильны уже тем, что у нас имеются шлюпки.

Так разглагольствовал он, набивая себе рот горячей свининой. Он внушал им надежду, он восстанавливал свой пошатнувшийся авторитет и в то же время, как мне показалось, подбадривал самого себя.

– А наш заложник, – продолжал он, – в последний раз имел свидание с тем, кто мил его сердцу. Из его разговоров с ним я узнал все, что мне было нужно узнать, и очень ему благодарен за это. Но теперь кончено. Когда мы пойдем искать сокровища, я поведу его за собой на веревочке – он нам дороже золота, и мы сохраним его в целости: пригодится в случае чего. А когда у нас будет и корабль и

сокровища, когда мы веселой компанией отправимся в море, вот тогда мы и поговорим с мистером Хокинсом как следует, и он получит свою долю по заслугам.

Неудивительно, что их охватило веселье.

Что касается меня, я страшно приуныл и пал духом. Если план Сильвера, только что изложенный им, будет приведен в исполнение, этот двойной предатель не станет колебаться ни минуты. Он ведет игру на два фронта и, без сомнения, предпочтет свободу и богатство пирата той слабой надежде освободиться от петли, которую мы могли предложить ему.

Но если обстоятельства принудят Сильвера сдержать данное доктору слово, нам все равно грозит смертельная опасность. Подозрения его товарищей каждую минуту могут превратиться в уверенность. Тогда и ему и мне придется защищать свою жизнь: ему – калеке и мне – мальчишке, от пятерых здоровенных матросов.

Прибавьте к этим двойным опасениям тайну, которой все еще были покрыты поступки моих друзей. Почему они покинули крепость? Почему они отдали карту? Что значат эти слова, сказанные доктором Сильверу: «Когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики»? Не было ничего странного в том, что завтрак показался мне не слишком-то вкусным и что я с тяжелым сердцем поплелся за разбойниками на поиски клада.

Мы представляли довольно странное зрелище – все в измазанных матросских куртках, все, кроме меня, вооруженные до самых зубов. Сильвер тащил два ружья: одно на спине, другое на груди. К поясу его пристегнут был кортик. В каждый карман своего широкополого кафтана

он сунул по пистолету. В довершение всего на плече у него сидел Капитан Флинт, без умолку и без всякой связи выкрикивавший разные морские словечки. Вокруг моей поясницы обвязали веревку, и я послушно поплелся за поваром. Он держал конец веревки то свободной рукой, то могучими зубами. Меня вели, как дрессированного медведя.

Каждый тащил что-нибудь: одни несли лопаты и ломы (разбойники выгрузили их на берег с «Испаньолы» прежде всего остального), другие – свинину, сухари и бренди для обеда. Я заметил, что все припасы были действительно взяты из нашего склада, и понял, что Сильвер вчера вечером сказал сущую правду. Если бы он не заключил какого-то соглашения с доктором, разбойникам, потерявшим корабль, пришлось бы питаться подстреленными птицами и запивать их водой. Но к воде у них не было особой любви, а охотиться моряки не умеют. И если они не запаслись даже пищей, то порохом не запаслись и подавно. Как бы то ни было, мы двинулись в путь, даже пират с разбитой головой, которому гораздо полезнее было бы остаться в постели. Гуськом доковыляли мы до берега, где нас поджидали две шлюпки. Даже эти шлюпки свидетельствовали о глупой беспечности вечно пьяных пиратов: обе были в грязи, а у одной изломана скамья. Решено было разместиться в двух шлюпках, чтобы ни одна не пропала. Разделившись на два отряда, мы наконец отчалили от берега.

Дорогой начались споры о карте. Красный крестик был слишком велик и не мог, конечно, служить точным указателем места. Объяснения на обороте карты были слишком кратки и неясны. Если читатель помнит, в них говорилось следующее:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов».

Итак, прежде всего нужно было отыскать высокое дерево. Прямо перед нами якорная стоянка замыкалась плоскогорьем в двести-триста футов высотой, которое на севере соединялось с южным склоном Подзорной Трубы, на юге переходило в скалистую возвышенность, носившую название Бизань-мачты. На плоскогорье росли и высокие и низкие сосны. То здесь, то там какая-нибудь одна сосна возвышалась на сорок-пятьдесят футов над соседями. Какое из этих деревьев капитан Флинт назвал высоким, можно было определить только на месте с помощью компаса.

Тем не менее не проплыли мы и половины пути, а уже каждый облюбовал себе особое дерево. Только Долговязый Джон пожимал плечами и советовал подождать прибытия на место.

По указанию Сильвера мы берегли силы, не очень налегали на весла и после долгого плавания высадились в устье второй реки, той самой, которая протекает по лесистому склону Подзорной Трубы. Оттуда, свернув налево, мы начали взбираться к плоскогорью.

Вначале наше продвижение очень затруднялось топкой почвой и густой болотной растительностью. Но мало-помалу подъем стал круче, почва каменистее, растительность выше и реже. Мы приближались к лучшей части острова. Вместо травы по земле стлался пахучий дрок и

цветущий кустарник. Среди зеленых зарослей мускатного ореха там и сям возвышались багряные колонны высоких сосен, бросавших широкую тень. Запах муската смешивался с запахом хвои. Воздух был свеж. Сияло солнце, но легкий ветерок освежал наши лица.

Разбойники шли веером и весело перекликались между собой.

В середине, несколько отстав от всех, брел Сильвер, таща меня за собой на веревке. Трудно было ему взбираться по сыпучему гравию склона. Мне не раз приходилось поддерживать его, а то он споткнулся бы и покатился с холма.

Так прошли мы около полумили и уже достигли вершины, как вдруг разбойник, шедший левее других, громко закричал от ужаса. Он кричал не переставая, и все побежали к нему.

– Вы думаете, он набрел на сокровища? – сказал старый Морган, торопливо пробегая мимо нас. – Нет, нет, мы еще не добрались до того дерева...

Да, он нашел не сокровища. У подножия высокой сосны лежал скелет человека. Вьющиеся травы оплели его густой сетью, сдвинув с места некоторые мелкие кости. Кое-где на нем сохранились остатки истлевшей одежды. Я уверен, что не было среди нас ни одного человека, у которого не пробежал бы по коже мороз.

– Это моряк, – сказал Джордж Мерри, который был смелее остальных и внимательно рассматривал сгнившие лохмотья. – Одежда у него была морская.

– Конечно, моряк, – сказал Сильвер. – Полагаю, ты не надеялся найти здесь епископа. Однако почему эти кости так странно лежат?

И действительно, скелет лежал в неестественной позе. По странной случайности (виноваты ли тут клевавшие его птицы или, быть может, медленно растущие травы, обвивавшие его со всех сторон), он лежал навытяжку, прямой как стрела. Ноги его показывали в одну сторону, а руки, поднятые у него над головой, как у готового прыгнуть пловца, – в другую.

– Эге, я начинаю понимать, – сказал Сильвер. – Это компас. Да-да! Вон торчит, словно зуб, вершина Острова Скелета. Проверьте по компасу, куда указывает этот мертвец.

Проверили. Мертвец действительно указывал в сторону Острова Скелета. Компас показал направление на В. – Ю. – В. и на В.

– Так я и думал! – воскликнул повар. – Это указательная стрелка. Значит, там Полярная звезда, а вон там веселые доллары. Клянусь громом, у меня все холодеет при одной мысли о Флинте. Это одна из его милых острот. Он остался здесь с шестью товарищами и укокошил их всех. А потом из одного убитого смастерил себе компас... Кости длинные, на черепе рыжие волосы. Э, да это Аллардайс, накажи меня бог! Ты помнишь Аллардайса, Том Морган?

– Еще бы, – сказал Морган, – конечно. Он остался мне должен и, кроме того, прихватил с собой мой нож, когда уезжал на остров.

– Значит, нож должен быть где-нибудь здесь, – промолвил другой разбойник. – Флинт был не такой человек, чтобы шарить в карманах матроса. Да и птицы... Не могли же они унести этот нож!

– Ты прав, черт тебя возьми! – воскликнул Сильвер.

– Однако здесь нет ничего, – сказал Мерри, внимательно ощупывая почву. – Хоть медная монетка осталась бы или, например, табакерка. Все это кажется мне подозрительным...

– Верно! Верно! – согласился Сильвер. – Тут что-то не так. Да, дорогие друзья, но только если бы Флинт был жив, не гулять бы нам в этих местах. Нас шестеро, и тех было шестеро, а теперь от них остались только кости.

– Нет, будь покоен, он умер: я собственными глазами видел его мертвым, – отозвался Морган. – Билли водил меня к его мертвому телу. Он лежал с медяками на глазах.

– Конечно, он умер, – подтвердил пират с повязкой на голове. – Но только если кому и бродить по земле после смерти, так это, конечно, Флинту. Ведь до чего тяжело умирал человек!

– Да, умирал он скверно, – заметил другой. – То приходил в бешенство, то требовал рому, то начинал горланить «Пятнадцать человек на сундук мертвеца». Кроме «Пятнадцати человек», он ничего другого не пел никогда. И, скажу вам по правде, с тех пор я не люблю этой песни. Было страшно жарко. Окно было открыто. Флинт распевал во всю мочь, и песня сливалась с предсмертным хрипеньем...

– Вперед, вперед! – сказал Сильвер. – Довольно болтать! Он умер и не шатается по земле привидением. А если бы даже ему и вздумалось выйти из могилы, так ведь привидения показываются только ночами, а сейчас, как вы видите, день... Нечего говорить о покойнике, нас поджидают дублоны.

Мы двинулись дальше. Но хотя солнце светило вовсю,

пираты больше не разбегались в разные стороны и не окликали друг друга издали. Они шли рядом и говорили меж собой вполголоса: такой ужас внушил им умерший пират.

ГЛАВА XXXII

Поиски сокровищ. Голос в лесу

Отчасти вследствие расслабляющего влияния этого ужаса, отчасти же для того, чтобы дать отдохнуть Сильверу и больным пиратам, на вершине плоскогорья весь отряд сделал привал.

Плоскогорье было слегка наклонено к западу, и потому с того места, где мы сидели, открывался вид в обе стороны. Впереди за вершинами деревьев мы видели Лесистый мыс, окаймленный пеной прибоя. Позади видны были не только пролив и Остров Скелета, но также – за косой и восточной равниной – простор открытого моря. Прямо над нами возвышалась Подзорная Труба, заросшая редкими соснами и местами зияющая глубокими пропастями.

Тишина нарушалась только отдаленным грохотом прибоя да жужжаньем бесчисленных насекомых. Безлюдье. На море ни единого паруса. Чувство одиночества еще усиливалось широтой окрестных пространств.

Сильвер во время отдыха делал измерения по компасу.

– Здесь три высоких дерева, – сказал он, – и все они расположены по прямой линии от Острова Скелета. «Плечо Подзорной Трубы», я думаю, вот эта впадина. Теперь и ребенок нашел бы сокровища. По-моему, неплохо было бы раньше покушать.

– Мне что-то не хочется, – проворчал Морган. – Я как вспомнил о Флинте, у меня сразу пропал аппетит.

– Да, сын мой, счастье твое, что он умер, – сказал Сильвер.

– И рожа у него была, как у дьявола! – воскликнул третий пират, содрогаясь. – Вся синяя-синяя!

– Это от рома, – добавил Мерри. – Синяя! Еще бы не синяя! От рома посинеешь, это верно.

Вид скелета и воспоминание о Флинте так подействовали на этих людей, что они стали разговаривать все тише и тише и дошли наконец до еле слышного шепота, почти не нарушавшего лесной тишины. И вдруг из ближайшей рощи чей-то тонкий, резкий, пронзительный голос затянул хорошо знакомую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Смертельный ужас охватил пиратов. У всех шестерых лица сделались сразу зелеными. Одни вскочили на ноги, другие судорожно схватились друг за друга. Морган упал на землю и пополз, как змея.

– Это Флинт! – воскликнул Мерри.

Песня оборвалась так же резко, как началась, будто на середине ноты певцу сразу зажали рот. День был солнечный и ясный, голос поющего – резкий и звонкий, и я не мог понять испуга своих спутников.

– Вперед! – сказал Сильвер, еле шевеля серыми, как пепел, губами. – Этак ничего у нас не выйдет. Конечно, все это очень чудно и я не знаю, кто это там куролесит, но уверен, что это не покойник, а живой человек.

Пока он говорил, к нему вернулось мужество, и лицо его чуть-чуть порозовело. Остальные тоже под влиянием его слов ободрились и как будто пришли в себя. И вдруг вдали опять раздался тот же голос. Но теперь он не пел, а кричал словно откуда-то издали, и его крик тихо пронесся невнятным эхом по расселинам Подзорной Трубы.

– Дарби Мак-Гроу! – вопил он. – Дарби Мак-Гроу!

Так он повторял без конца, затем выкрикнул непристойную ругань и завыл:

– Дарби, подай мне рому!

Разбойники приросли к земле, и глаза их чуть не вылезли на лоб. Голос давно уже замер, а они все еще стояли как вкопанные и молча глядели вперед.

– Дело ясное, – молвил один. – Надо удирать.

– Это были его последние слова! – простонал Морган. – Последние слова перед смертью.

Дик достал свою Библию и начал усердно молиться. Прежде чем уйти в море и стать бандитом, он воспитывался в набожной семье.

Один Сильвер не сдался. Зубы его стучали от страха, но он и слышать не хотел об отступлении.

– На этом острове никто, кроме нас, даже и не слышал о Дабри, – бормотал он растерянно. – Никто, кроме нас... – Потом взял себя в руки и крикнул: – Послушайте! Я пришел сюда, чтобы вырыть клад, и никто – ни человек, ни дьявол – не остановит меня. Я не боялся Флинта, когда он был живой, и, черт его возьми, не испугаюсь мертвого. В четверти мили от нас лежат семьсот тысяч фунтов стерлингов. Неужели хоть один джентльмен удачи способен повернуться кормой перед такой кучей денег из-за какого-то синерожего пьяницы, да к тому же еще и дохлого?

Но его слова не вернули разбойникам мужества. Напротив, непочтительное отношение к призраку только усилило их панический ужас.

– Молчи, Джон! – сказал Мерри. – Не оскорбляй привидение.

Остальные были до такой степени скованы страхом, что не могли произнести ни слова. У них даже не хватало смелости разбежаться в разные стороны. Страх заставлял их тесниться друг к другу, поближе к Сильверу, потому что он был храбрее их всех. А ему уже удалось до известной степени освободиться от страха.

– По-вашему, это привидение? Может быть, и так, – сказал он. – Но меня смущает одно. Мы все явственно слышали эхо. А скажите, видал ли кто-нибудь, чтобы у привидений была тень? Если не может быть тени, значит, нет и эха. Иначе быть не может.

Такие доводы показались мне слабыми. Но вы никогда не можете заранее сказать, что подействует на суеверных людей.

К моему удивлению, Джордж Мерри почувствовал большое облегчение.

– Это верно, – сказал он. – Ну и башка же у тебя на плечах, Джон!.. Все в порядке, дорогие друзья! Вы просто взяли неправильный галс. Конечно, голос был вроде как у Флинта. И все же он был похож на другой... Скорее это голос...

– Клянусь дьяволом, это голос Бена Ганна! – проревел Сильвер.

– Правильно! – воскликнул Морган, приподнимаясь с земли и становясь на колени. – Это был голос Бена Ганна!

– А велика ли разница? – спросил Дик. – Бен Ганн покойник, и Флинт покойник.

Но матросы постарше презрительно отнеслись к его замечанию.

– Плевать на Бена Ганна! – крикнул Мерри. – Живой он или мертвый, не все ли равно?

Странно было видеть, как быстро пришли эти люди в себя и как быстро на их лицах опять заиграл румянец. Через несколько минут они как ни в чем не бывало болтали друг с другом и только прислушивались, не слышно ли странного голоса. Но все было тихо. И, взвалив на плечи инструменты, они двинулись дальше. Впереди шел Мерри, держа в руке компас Джона, чтобы все время быть на одной линии с Островом Скелета. Он сказал правду: жив ли Бен Ганн или мертв, его не боялся никто.

Один только Дик по-прежнему держал в руках свою Библию, испуганно озираясь по сторонам. Но ему уже никто не сочувствовал. Сильвер даже издевался над его суеверием:

– Я говорил тебе, что ты испортил свою Библию. Неужели ты думаешь, что привидение испугается Библии, на которой нельзя даже присягнуть? Как же! Держи карман! – И, приостановившись на миг, он щелкнул пальцами перед самым носом Дика.

Но Дика уже нельзя было успокоить словами. Скоро мне стало ясно, что он серьезно болен. От жары, утомления и страха лихорадка, предсказанная доктором Ливси, начала быстро усиливаться.

На вершине было мало деревьев, и идти стало значительно легче. Теперь мы спускались вниз, потому что, как

я уже говорил, плоскогорье имело некоторый наклон к западу. Сосны – большие и маленькие – были отделены друг от друга широким пространством. И даже среди зарослей мускатного ореха и азалий то и дело попадались просторные, выжженные солнечным зноем поляны. Идя на северо-запад, мы приближались к плечу Подзорной Трубы. Внизу под нами был виден широкий западный залив, где так недавно меня кидало и кружило в челноке.

Первое высокое дерево, к которому мы подошли, после проверки по компасу оказалось неподходящим. То же случилось и со вторым. Третье поднималось над зарослями почти на двести футов. Это был великан растительного мира, с красным стволом в несколько обхватов толщиной. Под его тенью мог бы маршировать целый взвод. Эта сосна безусловно была видна издалека и с восточной стороны моря и с западной, и ее можно было отметить на карте как мореходный знак.

Однако спутников моих волновали не размеры сосны: они были охвачены волнующим сознанием, что под ее широкой сенью зарыты семьсот тысяч фунтов стерлингов. При мысли о деньгах все их страхи исчезли. Вспыхнули глаза, шаги стали торопливее, тверже.

Они думали только об одном – о богатстве, ожидающем их, о беспечной, роскошной, расточительной жизни, которую принесет им богатство.

Сильвер, подпрыгивая, ковылял на своем костыле. Ноздри его раздувались. Он ругался, как сумасшедший, когда мухи садились на его разгоряченное, потное лицо. Он яростно дергал за веревку, поглядывая на меня со смертельной ненавистью. Он больше уже не старался

скрывать свои мысли. Я мог читать их, как в книге. Оказавшись наконец в двух шагах от желанного золота, он обо всем позабыл – и о своих обещаниях и о предостережениях доктора. Он, конечно, надеялся захватить сокровища, потом ночью найти «Испаньолу», перерезать всех нас и отплыть в океан.

Потрясенный этими тревожными мыслями, я с трудом поспевал за пиратами и часто спотыкался о камни. Тогда Сильвер дергал за веревку, бросая на меня кровожадные взоры... Дик плелся позади, бормоча молитвы и ругательства. Лихорадка его усиливалась. От этого я чувствовал себя еще более несчастным. Вдобавок перед моими глазами невольно вставала трагедия, когда-то разыгравшаяся в этих местах. Мне мерещился разбойник с посиневшим лицом, который умер в Саванне, горланя песню и требуя рома. Здесь собственноручно он убил шестерых. Эта тихая роща оглашалась когда-то предсмертными криками. Мне чудилось, что я и сейчас слышу стоны и вопли несчастных. Мы вышли из зарослей.

– За мною, приятели! – крикнул Мерри.

И те, что шли впереди, кинулись бежать. Внезапно, не пробежав и десяти ярдов, они остановились. Поднялся громкий крик. Сильвер скакал на своей деревяшке как бешеный. Через мгновенье мы оба тоже внезапно остановились.

Перед нами была большая яма, вырытая, очевидно, давно, так как края у нее уже обвалились, а на дне росла трава. В ней мы увидели рукоятку заступа и несколько досок от ящиков. На одной из досок каленым железом была выжжена надпись: «Морж» – название судна, принадлежавшешего Флинту.

Было ясно, что кто-то раньше нас уже нашел и похитил сокровища – семьсот тысяч фунтов стерлингов исчезли.

ГЛАВА XXXIII

Падение главаря

Кажется, с тех пор как стоит мир, не было такого внезапного крушения великих надежд. Все шестеро стояли, как пораженные громом. Сильвер первый пришел в себя. Всей душой стремился он к этим деньгам, и вот в одно мгновение все рухнуло. Однако он не потерял головы, овладел собой и успел изменить план своих будущих действий, прежде чем прочие поняли, какая беда их постигла.

– Джим, – прошептал он, – вот возьми и будь наготове.

И сунул мне в руку двуствольный пистолет. В то же время он начал спокойнейшим образом двигаться к северу, так что яма очутилась между нами обоими и пятью разбойниками. Потом Сильвер посмотрел на меня и кивнул, словно говоря: «Положение нелегкое», и я был вполне с ним согласен. Теперь взгляд его снова стал ласков. Меня возмутило такое двуличие. Я не удержался и прошептал:

– Так что, вы снова изменили своим?

Но он ничего не успел мне ответить. Разбойники, крича и ругаясь, прыгали в яму и разгребали ее руками, разбрасывая доски в разные стороны. Морган нашел золотую монету. Он поднял ее, осыпая всех бранью. Монета была в две гинеи. Несколько мгновений переходила она из рук в руки.

– Две гинеи! – заревел Мерри, протягивая монету Сильверу. – Это, что ли, твои семьсот тысяч? Ты, кажется, любитель заключать договоры? По-твоему, тебе все всегда удается, деревянная ты голова.

– Копайте, копайте, ребята, – сказал Сильвер с холодной насмешкой. – Авось выкопаете два-три земляных ореха. Их так любят свиньи.

– Два-три ореха! – в бешенстве взвизгнул Мерри. – Товарищи, вы слышали, что он сказал? Говорю вам: он знал все заранее! Гляньте ему в лицо, там это ясно написано.

– Эх, Мерри! – заметил Сильвер. – Ты, кажется, снова намерен пролезть в капитаны? Ты, я вижу, напористый малый.

На этот раз решительно все были на стороне Мерри. Разбойники стали вылезать из ямы, с бешенством глядя на нас. Впрочем, на наше счастье, все они очутились на противоположной стороне.

Так стояли мы, двое против пятерых, и нас разделяла яма. Ни одна из сторон не решалась навести первый удар. Сильвер стоял неподвижно. Хладнокровный и спокойный, он наблюдал за врагами, опираясь на свой костыль. Он действительно был смелый человек.

Наконец Мерри решил воодушевить своих сторонников речью.

– Товарищи, – сказал он, – смотрите-ка, их всего только двое: один – старый калека, который привел нас сюда на погибель, другой – щенок, у которого я давно уже хочу вырезать сердце. И теперь...

Он поднял руку и возвысил голос, готовясь вести свой отряд в наступление. И вдруг – пафф! пафф! пафф! – в

чаще грянули три мушкетных выстрела. Мерри свалился головой вниз, прямо в яму. Человек с повязкой на лбу завертелся юлой и упал рядом с ним, туда же. Трое остальных пустились в бегство.

В то же мгновение Долговязый Джон выстрелил из обоих стволов своего пистолета прямо в Мерри, который пытался выкарабкаться из ямы. Умирая, Мерри глянул своему убийце в лицо.

– Джордж, – сказал Сильвер, – теперь мы, я полагаю, в расчете.

В зарослях мускатного ореха мы увидели доктора, Грея и Бена Ганна. Мушкеты у них дымились.

– Вперед! – крикнул доктор. – Торопись, ребята! Мы должны отрезать их от шлюпок.

И мы помчались вперед, пробираясь через кусты, порой доходившие нам до груди.

Сильвер из сил выбивался, чтобы не отстать от нас. Он так работал своим костылем, что, казалось, мускулы у него на груди вот-вот разорвутся на части. По словам доктора, и здоровый не выдержал бы подобной работы. Когда мы добежали до откоса, он отстал от нас на целых тридцать ярдов и совершенно выбился из сил.

– Доктор, – кричал он, – посмотрите! Торопиться нечего!

Действительно спешить было некуда. Мы вышли на открытую поляну и увидели, что три уцелевших разбойника бегут в сторону холма Бизань-мачты. Таким образом, мы уже находились между беглецами и лодками и могли спокойно передохнуть. Долговязый Джон, вытирая пот с лица, медленно подошел к нам.

– Благодарю вас от всего сердца, доктор, – сказал он. – Вы поспели как раз вовремя, чтобы спасти нас обоих... А, так это ты, Бен Ганн? – прибавил он. – Ты, я вижу, молодчина.

– Да, я Бен Ганн, – смущенно ответил бывший пират, извиваясь перед Сильвером, как угорь. – Как вы поживаете, мистер Сильвер? – спросил он после долгого молчания. – Кажется, неплохо?

– Бен, Бен, – пробормотал Сильвер, – подумать только, какую шутку сыграл ты со мной!

Доктор послал Грея за киркой, брошенной в бегстве разбойниками. Пока мы неторопливо спускались по откосу к нашим шлюпкам, доктор в нескольких словах рассказал, что случилось за последние дни. Сильвер жадно вслушивался в каждое слово. Полупомешанный пустынник Бен Ганн был главным героем рассказа.

По словам доктора, во время своих долгих одиноких скитаний по острову Бен отыскал и скелет и сокровища. Это он обобрал скелет и выкопал из земли деньги, это его рукоятку от заступа видели мы на дне ямы. На своих плечах перенес он все золото из-под высокой сосны в пещеру двуглавой горы в северо-восточной части острова. Эта тяжкая работа, требовавшая многодневной ходьбы, была окончена всего лишь за два месяца до прибытия «Испаньолы».

Все это доктор выведал у него при первом же свидании с ним, в день атаки на нашу крепость. Следующим утром, увидев, что корабль исчез, доктор пошел к Сильверу, отдал ему карту, которая теперь не имела уже никакого значения, и предоставил ему крепость со всеми припасами,

так как пещера Бена Ганна была в изобилии снабжена соленой козлятиной, которую Бен Ганн заготовил своими руками. Благодаря этому, мои друзья получили возможность, не подвергаясь опасности, перебраться из крепости на двуглавую гору, подальше от малярийных болот, и там охранять сокровища.

– Конечно, я предвидел, милый Джим, – прибавил доктор, – что тебе наше переселение окажет дурную услугу, и это очень огорчало меня, но прежде всего я должен был подумать о тех, кто добросовестно исполнял свой долг. В конце концов, ты сам виноват, что тебя не было с нами.

Но в то утро, когда он увидел меня в плену у пиратов, он понял, что, узнав об исчезновении сокровищ, они выместят свою злобу на мне. Поэтому он оставил сквайра охранять капитана, захватил с собой Грея и Бена Ганна и направился наперерез через остров, прямо к большой сосне. Увидев дорогой, что наш отряд его опередил, он послал Бена Ганна вперед, так как у Бена были очень быстрые ноги. Тот решил тотчас же воспользоваться суеверием своих бывших товарищей и нагнал на них страху. Грей и доктор подоспели и спрятались невдалеке от сосны, прежде чем прибыли искатели клада.

– Как хорошо, – сказал Сильвер, – что со мной был Хокинс! Не будь его, вы бы, доктор, и бровью не повели, если бы меня изрубили в куски.

– Еще бы! – ответил доктор Ливси со смехом.

Тем временем мы подошли к нашим шлюпкам. Одну из них доктор сейчас же разбил киркой, чтобы она не досталась разбойникам, а в другой поместились мы все и поплыли вокруг острова к Северной стоянке.

Нам пришлось проплыть не то восемь, не то девять миль. Сильвер, несмотря на смертельную усталость, сел за весла и греб наравне с нами. Мы вышли из пролива и оказались в открытом море. На море был штиль. Мы обогнули юго-восточный выступ острова, тот самый, который четыре дня назад огибала «Испаньола».

Проплывая мимо двуглавой горы, мы увидели темный вход в пещеру Бена Ганна и около него человека, который стоял, опершись на мушкет. Это был сквайр. Мы помахали ему платками и трижды прокричали «ура», причем Сильвер кричал громче всех.

Пройдя еще три мили, мы вошли в Северную стоянку и увидели «Испаньолу». Она носилась по воде без руля и ветрил. Прилив поднял ее с мели. Если бы в тот день был ветер или если бы в Северной стоянке было такое же сильное течение, как в Южной, мы могли бы лишиться ее навсегда. В лучшем случае мы нашли бы одни лишь обломки. Но, к счастью, корабль был цел, если не считать порванного грота. Мы бросили в воду, на глубину в полторы сажени, запасный якорь. Потом на шлюпке отправились в Пьяную бухту – ближайший к сокровищнице Бена Ганна пункт. Там мы высадились, а Грея послали на «Испаньолу», чтобы он стерег корабль в течение ночи.

По отлогому склону поднялись мы к пещере. Наверху встретил нас сквайр.

Со мной он обошелся очень ласково. О моем бегстве не сказал ни одного слова – не хвалил меня и не ругал. Но когда Сильвер учтиво отдал ему честь, он покраснел от гнева.

– Джон Сильвер, – сказал он, – вы гнусный негодяй и

обманщик! Чудовищный обманщик, сэр! Меня уговорили не преследовать вас, и я обещал, что не буду. Но мертвецы, сэр, висят у вас на шее, как мельничные жернова...

– Сердечно вам благодарен, сэр, – ответил Долговязый Джон, снова отдавая ему честь.

– Не смейте меня благодарить! – крикнул сквайр. – Из-за вас я нарушаю свой долг. Отойдите прочь от меня!

Мы вошли в пещеру. Она была просторна и полна свежего воздуха. Из-под земли пробивался источник чистейшей воды и втекал в небольшое озеро, окаймленное густыми папоротниками. Пол был песчаный. Перед пылающим костром лежал капитан Смоллетт. А в дальнем углу тускло сияла громадная груда золотых монет и слитков. Это были сокровища Флинта – те самые, ради которых мы проделали такой длинный, утомительный путь, ради которых погибли семнадцать человек из экипажа «Испаньолы». А скольких человеческих жизней, скольких страданий и крови стоило собрать эти богатства! Сколько было потоплено славных судов, сколько замучено храбрых людей, которых заставляли с завязанными глазами идти по доске! Какая пальба из орудий, сколько лжи и жестокости! На острове все еще находились трое – Сильвер, старый Морган и Бен, – которые некогда принимали участие во всех этих ужасных злодействах и теперь тщетно надеялись получить свою долю богатства.

– Войди, Джим, – сказал капитан. – Ты, по-своему, может быть, и неплохой мальчуган, но даю тебе слово, что никогда больше я не возьму тебя в плавание, потому что ты из породы любимчиков: делаешь все на свой лад... А, это ты, Джон Сильвер! Что привело тебя к нам?

– Вернулся к исполнению своих обязанностей, сэр, – ответил Сильвер.

– А! – сказал капитан.

И не прибавил ни звука.

Как славно я поужинал в тот вечер, окруженный все моими друзьями! Какой вкусной показалась мне соленая козлятина Бена, которую мы запивали старинным вином, захваченным с «Испаньолы»! Никогда еще не было людей веселее и счастливее нас. Сильвер сидел сзади всех, подальше от света, но ел вовсю, стремительно вскакивал, если нужно было что-нибудь подать, и смеялся нашим шуткам вместе с нами – словом, опять стал тем же ласковым, учтивым, услужливым поваром, каким был во время нашего плавания.

ГЛАВА XXXIV

И последняя

На следующее утро мы рано принялись за работу. До берега была целая миля. Нужно было перетащить туда все наше золото и оттуда в шлюпке доставить его на борт «Испаньолы» – тяжелая работа для такой немногочисленной кучки людей. Три разбойника, все еще бродившие по острову, мало беспокоили нас. Достаточно было поставить одного часового на вершине холма, и мы могли не бояться внезапного нападения. Да, кроме того, мы полагали, что у этих людей надолго пропала охота к воинственным стычкам.

Мы трудились не покладая рук. Грей и Бен Ганн отвозили золото в лодке на шхуну, а прочие доставляли его на

берег. Два золотых слитка мы связывали вместе веревкой и взваливали друг другу на плечи – больше двух слитков одному человеку было не поднять. Так как мне носить тяжести было не под силу, меня оставили в пещере и велели насыпать деньги в мешки из-под сухарей.

Как и в сундуке Билли Бонса, здесь находились монеты самой разнообразной чеканки, но, разумеется, их было гораздо больше. Мне очень нравилось сортировать их. Английские, французские, испанские, португальские монеты, гинеи и луидоры, дублоны и двойные гинеи, муадоры и цехины, монеты с изображениями всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, на которых изображен не то пучок веревок, не то клок паутины, круглые монеты, квадратные монеты, монеты с дыркой посередине, чтобы их можно было носить на шее, – в этой коллекции были собраны деньги всего мира. Их было больше, чем осенних листьев. От возни с ними у меня ныла спина и болели пальцы.

День шел за днем, а нашей работе не было видно конца. Каждый вечер груды сокровищ отправляли мы на корабль, но не меньшие груды оставались в пещере. И за все это время мы ни разу ничего не слыхали об уцелевших разбойниках.

Наконец – если не ошибаюсь, на третий вечер, – когда мы с доктором поднимались на холм, снизу, из непроглядной тьмы, ветер внезапно принес к нам не то крик, не то песню. Как следует расслышать нам ничего не удалось.

– Прости им боже, это разбойники, – сказал доктор.

– Все пьяны, сэр, – услышал я за спиной голос Сильвера.

Сильвер пользовался полной свободой и, несмотря на всю нашу холодность, снова начал держать себя с нами по-приятельски, как привилегированный и дружелюбный слуга. Он как бы не замечал всеобщего презрения к себе и каждому старался услужить, был со всеми неустанно вежлив. Но обращались все с ним, как с собакой. Только я и Бен Ганн относились к нему несколько лучше. Бен Ганн все еще несколько побаивался прежнего своего квартирмейстера, а я был ему благодарен за свое спасение от смерти, хотя, конечно, имел причины думать о нем еще хуже, чем кто бы то ни был другой, – ведь я не мог позабыть, как он собирался предать меня вновь. Доктор резко откликнулся на замечание Сильвера:

– А может быть, они больны и бредят...

– Правильно, сэр, – сказал Сильвер, – но нам с вами это вполне безразлично.

– Я полагаю, вы вряд ли претендуете на то, мистер Сильвер, чтобы я считал вас сердечным, благородным человеком, – заметил насмешливо доктор, – и я знаю, что мои чувства покажутся вам несколько странными. Но если бы я был действительно уверен, что хоть один из них болен и в бреду, я, даже рискуя своей жизнью, отправился бы к ним, чтобы оказать им врачебную помощь.

– Прошу прощения, сэр, вы сделали бы большую ошибку, – возразил Сильвер. – Потеряли бы свою драгоценную жизнь, только и всего. Я теперь на вашей стороне и душой и телом и не хотел бы, чтобы ваш отряд лишился такого человека, как вы. Я очень многим вам обязан. А эти люди ни за что не могли бы сдержать свое честное слово. Мало того – они никогда не поверили бы и вашему слову.

– Зато вы хорошо умеете держать свое слово, – сказал доктор. – В этом можно было убедиться недавно.

Больше о трех пиратах мы почти ничего не узнали. Только однажды до нашего слуха донесся отдаленный ружейный выстрел; мы решили, что они занялись охотой. Между нами состоялось совещание, и было постановлено не брать их с собой, а оставить на острове. Бен Ганн страшно обрадовался такому решению. Грей тоже его одобрил. Мы оставили им большой запас пороха и пуль, груду соленой козлятины, немного лекарства и других необходимых вещей, инструменты, одежду, запасной парус, несколько ярдов веревок и, по особому желанию доктора, изрядную порцию табаку.

Больше нам нечего было делать на острове. Корабль был уже нагружен и золотом, и пресной водой, и, на всякий случай, остатками соленой козлятины. Наконец мы подняли якорь и вышли из Северной стоянки. Над нами развевался тот самый флаг, под которым мы сражались, защищая нашу крепость от пиратов.

Тут обнаружилось, что разбойники следили за нами гораздо внимательнее, чем мы думали раньше, ибо, плывя проливом и приблизившись к южной оконечности острова, мы увидели их троих: они стояли на коленях на песчаной косе и с мольбой простирали к нам руки. Нам было тяжело оставлять их на необитаемом острове, но другого выхода у нас не было. Кто знает, не поднимут ли они новый мятеж, если мы возьмем их на корабль! Да и жестоко везти на родину людей, которых там ожидает виселица. Доктор окликнул их, сообщил им, что мы оставили для них пищу и порох, и принялся объяснять, как эти припасы

найти. Но они называли нас по именам, умоляли сжалиться над ними и не дать им умереть в одиночестве.

Под конец, видя, что корабль уходит, один из них – не знаю который – с диким криком вскочил на ноги, схватил свой мушкет и выстрелил. Пуля просвистела над головой Сильвера и продырявила грот.

Мы стали осторожнее и спрятались за фальшбортом. Когда я решился выглянуть из-за прикрытия, пиратов уже не было на косе, да и самая коса почти пропала. А незадолго до полудня, к невыразимой моей радости, исчезла за горизонтом и самая высокая гора Острова Сокровищ.

Нас было так мало, что приходилось работать сверх сил. Капитан отдавал приказания, лежа на корме на матраце. Он поправился, но ему все еще был нужен покой. Мы держали курс на ближайший порт Испанской Америки, чтобы подрядить новых матросов: без них мы не решались плыть домой. Ветер часто менялся и сбивал наш корабль с пути; кроме того, два раза испытали мы свирепые штормы и совсем измучились, пока добрались до Америки.

Солнце уже садилось, когда мы наконец бросили якорь в живописной закрытой гавани. Нас окружили лодки с неграми, мулатами и мексиканскими индейцами, которые продавали нам фрукты и овощи и были готовы ежеминутно нырять за брошенными в воду монетами. Добродушные лица (главным образом черные), вкусные тропические фрукты и, главное, огоньки, вспыхнувшие в городе, – все это было так восхитительно, так не похоже на мрачный, залитый кровью Остров Сокровищ! Доктор и сквайр решили провести вечер в городе. Они захватили с собой и

меня. На берегу мы встретились с капитаном английского военного судна и поехали к нему на корабль. Там мы очень приятно провели время и вернулись на «Испаньолу», когда уже начался рассвет.

На палубе был только один человек – Бен Ганн, и, как только мы взошли на корабль, он принялся каяться и обвинять себя в ужасном проступке, делая самые дикие жесты. Оказалось, что Сильвер удрал. Бен признался, что сам помог ему сесть в лодку, так как был убежден, что нам всем угрожает опасность, «пока на борту остается этот одноногий дьявол». Но корабельный повар удрал не с пустыми руками. Он незаметно проломил перегородку и похитил мешочек с деньгами – триста или четыреста гиней, которые, несомненно, пригодятся ему в дальнейших скитаниях. Мы были довольны, что так дешево от него отделались.

Не желая быть многословным, скажу только, что, взяв к себе на корабль несколько новых матросов, мы прибыли благополучно в Бристоль.

«Испаньола» вернулась как раз к тому времени, когда мистер Блендли уже начал подумывать, не послать ли нам на помощь второй корабль. Из всего экипажа только пятеро вернулись домой. «Пей, и дьявол тебя доведет до конца» – вот пророчество, которое полностью оправдалось в отношении всех остальных. Впрочем, «Испаньола» все же оказалась счастливее того корабля, о котором пели пираты:

Все семьдесят пять не вернулись домой –
Они потонули в пучине морской.

Каждый из нас получил свою долю сокровищ. Одни распорядились богатством умно, а другие, напротив, глупо, в соответствии со своим темпераментом. Капитан Смоллетт оставил морскую службу. Грей не только сберег свои деньги, но, внезапно решив добиться успеха в жизни, занялся прилежным изучением морского дела. Теперь он штурман и совладелец одного превосходного и хорошо оснащенного судна. Что же касается Бена Ганна, он получил свою тысячу фунтов и истратил их все в три недели, или, точнее, в девятнадцать дней, так как на двадцатый явился к нам нищим. Сквайр сделал с Беном именно то, чего Бен так боялся: дал ему место привратника в парке. Он жив до сих пор, ссорится и дружит с деревенскими мальчишками, а по воскресным и праздничным дням отлично поет в церковном хоре.

О Сильвере мы больше ничего не слыхали. Отвратительный одноногий моряк навсегда ушел из моей жизни. Вероятно, он отыскал свою чернокожую женщину и живет где-нибудь в свое удовольствие с нею и с Капитаном Флинтом. Будем надеяться на это, ибо его шансы на лучшую жизнь на том свете совсем невелики. Остальная часть клада – серебро в слитках и оружие – все еще лежит там, где ее зарыл покойный Флинт. И, по-моему, пускай себе лежит. Теперь меня ничем не заманишь на этот проклятый остров. До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Рафаэль Сабатини

ХРОНИКА КАПИТАНА БЛАДА

(Из судового журнала Джереми Питта)

ХОЛОСТОЙ ВЫСТРЕЛ

В судовом журнале, оставленном Джереми Питтом, немалое место уделено длительной борьбе Питера Блада с капитаном Истерлингом, и последний предстаёт перед нами как некое орудие судьбы, решившее дальнейшую участь тех заключённых, которые, захватив корабль «Синко Льягас», бежали на нём с Барбадоса.

Люди эти могли уповать лишь на милость случая. Изменись тогда направление или сила ветра, и вся их жизнь могла сложиться по-иному. Судьбу Питера Блада, без сомнения, решил октябрьский шторм, который загнал десятипушечный шлюп капитана Истерлинга в Кайонскую бухту, где «Синко Льягас» безмятежно покачивался на якоре почти целый месяц.

Капитан Блад вместе с остальными беглецами нашёл приют в этом оплоте пиратства на острове Тортуга, зная, что они могут укрыться там на то время, пока не решат, как им надлежит действовать дальше. Их выбор пал на эту гавань, так как она была единственной во всём Карибском море, где им не угрожало стать предметом докучливых расспросов. Ни одно английское поселение не предоставило бы им приюта, памятуя об их прошлом. В лице Испании они имели заклятого врага, и не только потому, что

были англичанами, а главным образом потому, что владели испанским судном. Ни в одной французской колонии они не могли бы чувствовать себя в безопасности, ибо между правительствами Франции и Англии только что было заключено соглашение, по которому обе стороны взаимно обязались задерживать и препровождать на родину всех беглых каторжников. Оставалась ещё Голландия, соблюдавшая нейтралитет.

Но Питер Блад считал, что состояние нейтралитета чревато самыми большими неожиданностями, ибо оно открывает полную свободу действий в любом направлении. Поэтому, держась подальше от берегов Голландии, как и от всех прочих населённых мест, он взял курс прямо на остров Тортугу, которым владела французская Вест-Индская компания и который являлся номинально французским, но именно только номинально, а по существу не принадлежал никакой нации, если, конечно, «береговое братство» – так именовали себя пираты – нельзя было рассматривать как нацию. Во всяком случае, законы Тортуги не вступали в противоречие с законами столь могущественного братства. Французское правительство было заинтересовано в том, чтобы оказывать покровительство этим стоящим вне закона людям, дабы они, в свою очередь, могли послужить Франции, стремившейся обуздать алчность Испании и воспрепятствовать её хищническим посягательствам на Вест-Индию.

Поэтому беглецы – бунтовщики и бывшие каторжники – почувствовали себя спокойно на борту «Синко Льягас», бросившего якорь у Тортуги, и только появление Истерлинга возмутило этот покой, вынудило их положить конец бездействию и определило тем их дальнейшую судьбу.

Капитан Истерлинг – самый отъявленный негодяй из всех бороздивших когда-либо воды Карибского моря, – держал в трюме своего судна несколько тонн какао, облегчив от этого груза голландский торговый корабль, возвращавшийся на родину с Антильских островов. Подвиг сей, как ему вскоре пришлось убедиться, не увенчал его славой, ибо слава в глазах этого пирата измерялась ценностью добычи, ценность же добычи была в этом случае слишком ничтожна, чтобы поднять капитана во мнении «берегового братства», бывшего о нём не слишком высокого мнения. Знай Истерлинг, что груз голландского купца столь небогат, он дал бы судну спокойно пройти мимо. Но, взяв его на абордаж, он почёл долгом в интересах всей шайки негодяев, служивших под его командой, забрать хотя бы то, что нашлось. Если на корабле не оказалось ничего более ценного, чем какао, то в этом, конечно, была повинна злая судьба, которая, как считал Истерлинг, преследовала его последнее время, отчего ему с каждым днём становилось всё труднее вербовать для себя людей.

Раздумывая над этим и мечтая о великих подвигах, он привёл свой шлюп «Бонавентура» в укромную, скалистую гавань Тортуги, как бы самой природой предназначенную служить надёжным приютом для кораблей. Отвесные скалы, вздымаясь ввысь, ограждали с двух сторон этот небольшой залив. Проникнуть в него можно было только через два пролива, а для этого требовалось искусство опытного лоцмана. Рука человека продолжила здесь дело природы, воздвигнув Горный форт – грозную крепость, защищавшую вход в проливы. Из этой гавани французские и английские пираты, превратившие её в своё логово, могли

спокойно бросать вызов могуществу испанского короля, к которому они все питали лютую ненависть, ибо это он своими преследованиями превратил их из мирных поселенцев в грозных морских разбойников.

Однако, войдя в гавань, Истерлинг позабыл о своих мечтах – столь удивительным оказалось то, что предстало ему здесь наяву. Это необычайное видение имело форму большого корабля, чей алый корпус горделиво возвышался среди остальных мелких судёнышек, словно величавый лебедь в стае гусей. Подойдя ближе, Истерлинг прочёл название корабля, выведенное крупными золотыми буквами на борту, а под ним – и название порта, к которому корабль был приписан: «Синко Льягас», Кадис. Истерлинг протёр глаза и прочёл снова. После этого ему оставалось только теряться в догадках о том, как этот великолепный испанский корабль мог очутиться в таком пиратском гнезде, как Тортуга. Корабль был прекрасен – весь от золочёного украшения на носу, над которым поблёскивали на солнце медные жерла пушек, до высокой кормы; прекрасен и могуч, ибо опытный глаз Истерлинга уже насчитал сорок орудий за его задраенными пóртами.

«Бонавентура» бросил якорь в десяти саженях от большого корабля в западной части гавани у самого подножия Горного форта, и капитан Истерлинг сошёл на берег, спеша найти разгадку этой тайны.

На рыночной площади за молом он смешался с пёстрой толпой. Здесь шумели и суетились торговцы всевозможных национальностей, но больше всего было англичан, французов и голландцев; здесь встречались путешественники и моряки самого различного рода; флибустье-

ры[86], всё ещё остававшиеся таковыми, и флибустьеры, уже откровенно превратившиеся в пиратов; здесь были лесорубы, ловцы жемчуга, индусы, негры-рабы, мулаты – торговцы фруктами и множество других представителей рода человеческого, которые ежедневно прибывали в Кайонскую бухту – одни, чтобы поторговать, другие, чтобы просто послоняться. Истерлинг без труда отыскал двух хорошо осведомлённых прощелыг, и те охотно поведали ему необычайную историю благородного кадисского судна с кучкой беглых каторжников на борту, бросившего якорь в Кайонской бухте.

Истерлинга рассказ этот не только позабавил, но и ошеломил. Он пожелал получить более подробные сведения о людях, принимавших участие в этом неслыханном предприятии, и узнал, что их всего десятка два, не больше, и что все они – политические преступники-бунтовщики, сражавшиеся в Англии на стороне Монмута и не попавшие на виселицу только потому, что вест-индским плантаторам требовались рабы. Ему доложили всё, что было известно и об их вожаке Питере Бладе. Прежде он был врачом, сообщили ему, и добавили ещё кое-какие подробности.

Шёл слух, что Питер Блад хочет вернуться к профессии врача и потому решил вместе с большинством своих сподвижников при первой возможности отвести корабль обратно в Европу. Лишь кое-кто из самых отчаянных головорезов, неразлучных с морем, выразили желание остаться здесь и примкнуть к «береговому братству».

---

[86] Флибустьеры – морские разбойники, грабившие преимущественно испанские суда и испанские колонии в Америке (XVII-XVIII вв.).

Вот что услышал Истерлинг на рыночной площади, позади мола, пока его острый взгляд продолжал рассматривать и изучать большой красный корабль.

Будь у него такой корабль, каких бы дел мог он натворить! Перед глазами Истерлинга поплыли видения. Слава Генри Моргана, под командой которого он когда-то плавал и который посвятил его в науку пиратства, померкла бы перед его славой! Несчастные беглые каторжники, надо полагать, будут только рады продать ему этот корабль, уже сослуживший им свою службу, и, верно, не заломят за него слишком высокой цены. Хватит с них и груза какао, спрятанного в трюме «Бонавентуры».

Капитан Истерлинг погладил свою чёрную курчавую бороду и улыбнулся. У него-то сразу хватило смекалки сообразить, какие возможности таятся в этом корабле, который уже месяц, как стоит здесь на причале у всех на виду. Так, значит, ему и поживиться, раз он оказался умнее всех.

И он побрёл через весь город мимо невзрачных домишек, по запорошённой коралловой пылью дороге – такой ослепительно-белой под ярким солнцем, что глаз человека невольно старался отдохнуть на пятнах тени, ложившихся на дорогу от росших по сторонам её чахлых пальм.

Он так спешил к своей цели, что прошёл мимо таверны «У французского короля», не обратив внимания на тех, кто окликал его с порога, и не зашёл выпить стакан вина с весёлой и шумной пиратской братией, разодетой причудливо и пёстро. Дело влекло его в этот утренний час к господину д'Ожерону, почтенному, любезному губернатору Тортуги, представлявшему в своём лице и французскую

Вест-Индскую компанию, и тем самым как бы и саму Францию и с достоинством высокого сановника обделывавшему дела сомнительной честности, но несомненной прибыточности для компании.

В красивом белом доме с зелёными ставнями, уютно укрывшемся среди ароматных перечных деревьев и душистых кустарников, губернатор – худощавый, элегантно одетый француз, принёсший в дикие просторы Тортуги отзвук непринуждённой галантности Версаля, – оказал капитану Истерлингу церемонно-дружелюбный приём.

Шагнув из слепящей белизны улицы в прохладу просторной комнаты, куда свет проникал лишь сквозь узкие щели между планками закрытых ставен, капитан Истерлинг в первое мгновение погрузился, как ему показалось, в кромешную тьму, и лишь постепенно глаза его освоились с полумраком.

Губернатор предложил ему сесть и приготовился его выслушать.

Что касалось груза какао, то этот вопрос не встретил никаких затруднений. Господина д'Ожерона ни в коей мере не интересовало, откуда взялся этот груз. Впрочем, он не питал на этот счёт никаких иллюзий, что явствовало из цены, за которую он готов был этот груз приобрести. Он предложил примерно половину нормальной рыночной стоимости. Губернатор д'Ожерон весьма добросовестно соблюдал интересы французской Вест-Индской компании.

Истерлинг сделал безуспешную попытку поторговаться, поворчал немного, уступил и перешёл к главному вопросу. Он заявил о своём желании приобрести испанское судно, стоящее в гавани на якоре. Не согласится ли госпо-

дин д'Ожерон купить это судно от его имени у беглых каторжников, которые, как известно, сейчас им владеют?

Господин д'Ожерон ответил не сразу.

– Но быть может, – сказал он, подумав, – они не захотят его продать.

– Не захотят продать? Помилуй бог, зачем этим несчастным оборванцам такой корабль?

– Я лишь высказываю предположение, что и такая возможность не исключена, – заметил д'Ожерон. – Зайдите ко мне сегодня вечером, и я дам вам ответ.

Капитан Истерлинг повторил свой визит, как ему было предложено, и застал д'Ожерона не одного. Когда губернатор встал, приветствуя своего гостя, следом за ним поднялся высокий худощавый мужчина лет тридцати с небольшим; на смуглом, как у цыгана, гладко выбритом лице его невольно приковывали к себе внимание синие глаза, смотревшие твёрдо и проницательно. Если господин д'Ожерон манерами и платьем заставлял вспомнить Версаль, то его гость невольно приводил на память Аламеду[87]. На нём был дорогой чёрный костюм испанского покроя, украшенный серебряной пеной пышных кружевных манжет и жабо, и чёрный парик с локонами до плеч.

Господин д'Ожерон представил незнакомца:

– Вот, капитан, это мистер Питер Блад – он сам ответит на ваш вопрос.

Истерлинг был сильно обескуражен – так не вязалась внешность этого человека с тем обликом, который он заранее себе нарисовал. Капитан подумал было, что все эти

---

[87] Бульвар в Мадриде.

красивые испанские одежды украдены, надо полагать, у бывшего командира «Синко Льягас», но тут этот необыкновенный беглый каторжник отвесил ему поклон с изысканной грацией придворного. Однако капитан Истерлинг припомнил ещё кое-что.

– Ага! Как же, знаю, вы – доктор! – сказал он и рассмеялся, несколько не к месту.

Питер Блад заговорил. У него был красивый голос; чуть металлические нотки его смягчались ирландским акцентом. Однако его слова лишь пробудили нетерпеливое раздражение капитана Истерлинга – оказывается, продажа «Синко Льягас» не входила в намерения мистера Блада.

Пират принял угрожающую позу: он стоял перед элегантным Питером Бладом – огромный, волосатый, свирепый, в грубой рубахе и кожаных штанах, в жёлто-красном цветастом платке, стянутом узлом на коротко остриженной голове. Вызывающим тоном он потребовал у Блада объяснений; по какой причине хочет он удержать в своих руках корабль, который совершенно не нужен ни ему, ни другим беглым каторжникам, его дружкам.

Ответ Питера Блада прозвучал вежливо и мягко, что лишь усилило презрительное отношение к нему Истерлинга. Мистер Блад готов был заверить капитана Истерлинга, что его предположение несколько ошибочно. Вполне возможно, что беглецы с Барбадоса захотят использовать это судно, чтобы вернуться на нём в Европу – во Францию или в Голландию.

– Быть может, мы не совсем те, за кого вы нас принимаете, капитан. Один из моих товарищей – опытный шкипер, а трое других несли различную службу в английском королевском флоте.

– Ба! – Вся мера презрения Истерлинга выразилась в этом громогласном восклицании. – Вы что, спятили? Это опасная штука – плавать по морю, приятель. А если вас схватят? Такое ведь тоже может случиться! Что вы будете тогда делать с вашей жалкой командой? Об этом вы подумали?

Но Питер Блад был всё так же спокоен и невозмутим.

– Если у нас маловато матросов, то вполне достаточно пушек и полновесных ядер. Провести корабль через океан я, быть может, и не сумею, но командовать этим кораблём, если придётся принять бой, безусловно, могу. Мне преподал эту науку сам де Ритёр.

Это прославленное имя на мгновение согнало саркастическую усмешку с лица Истерлинга.

– Ритёр?

– Да, я служил под его командованием несколько лет тому назад.

Истерлинг был явно озадачен.

– А я ведь думал, что вы – корабельный врач.

– И врач тоже, – спокойно подтвердил ирландец.

Пират выразил своё удивление по этому поводу в нескольких щедро сдобренных богохульствами восклицаниях. Но тут губернатор д'Ожерон нашёл уместным положить конец визиту:

– Как видите, капитан Истерлинг, всё ясно, и говорить больше не о чем.

По-видимому, всё действительно было ясно, и капитан Истерлинг угрюмо откланялся. Однако, раздражённо шагая обратно к молу и ворча себе под нос, он думал о том, что если говорить больше и не о чем, то предпринять кое-

что ещё можно. Уже привыкнув в воображении считать величественный «Синко Льягас» своим, он отнюдь не был расположен отказаться от обладания этим кораблём.

Губернатор д'Ожерон, со своей стороны, также, по-видимому, считал, что к сказанному можно ещё кое-что добавить, и сделал это, когда Истерлинг скрылся за дверью.

– Дурной и очень опасный человек Истерлинг, – заметил он. – Советую вам, мосье Блад, учесть это.

Но Питер Блад отнёсся к предостережению довольно беспечно.

– Вы меня ничуть не удивили. Даже не зная, что этот человек – пират, с первого взгляда видно, что он негодяй.

Лёгкое облачко досады затуманило на мгновение тонкие черты губернатора Тортуги.

– О мосье Блад, флибустьер не обязательно должен быть негодяем, и, право же, вам не стоит с чрезмерным высокомерием относиться к профессии флибустьера. Среди них немало людей, которые сослужили хорошую службу и вашей родине, и моей, ставя препоны алчному хищничеству Испании. А ведь, собственно говоря, оно-то их и породило. Если бы не флибустьеры, Испания столь же безраздельно, сколь и бесчеловечно хозяйничала бы в этих водах, где ни Франция, ни Англия не могут держать своего флота. Не забудьте, что ваша страна высоко оценила заслуги Генри Моргана, почтив его рыцарским званием и назначив губернатором Ямайки. А он был ещё более грозным пиратом, чем ваш сэр Френсис Дрейк, или Хоукинс, или Фробишер и все прочие, чью память у вас на родине чтят до сих пор.

И вслед за этим губернатор д'Ожерон, извлекавший очень значительные доходы в виде морской пошлины со всех награбленных ценностей, попадавших в гавань Тортуги, в самых торжественных выражениях посоветовал мистеру Бладу пойти по стопам вышеупомянутых героев. Питер Блад, бездомный изгнанник, объявленный вне закона, обладал прекрасным судном и небольшой, но весьма способной командой, и господин д'Ожерон не сомневался, что при недюжинных способностях мистера Блада его ждут большие успехи, если он вступит в «береговое братство» флибустьеров.

У самого Питера Блада также не было на этот счёт никаких сомнений; тем не менее он не склонялся к такой мысли. И, возможно, никогда бы и не пришёл к ней, сколько бы ни пытались склонить его к этому большинство его приверженцев, не случись тех событий, которые вскоре последовали.

Среди этих приверженцев наибольшую настойчивость проявляли Питт, Хагторп и гигант Волверстон, потерявший глаз в бою при Сегморе. Бладу, конечно, легко мечтать о возвращении в Европу, толковали они. У него в руках хорошая, спокойная профессия врача, и он всегда заработает себе на жизнь и во Франции и в Нидерландах. Ну, а они – моряки и ничего другого, кроме мореходства, не знают. Да и Дайк, который до того, как погрузиться в политику и примкнуть к бунтовщикам, служил младшим офицером в английском военном флоте, держался примерно того же мнения, а Огл, канонир, требовал, чтобы какой-нибудь бог, или чёрт, или сам Блад сказали ему, есть ли во всём британском адмиралтействе такой дурак,

что решится доверить пушку человеку, сражавшемуся под знамёнами Монмута.

Было ясно, что у Питера Блада оставался только один выход – распрощаться с этими людьми, с которыми сроднили его перенесённые вместе опасности и невзгоды. Именно в этот критический момент судьбе и было угодно избрать своим орудием капитана Истерлинга и поставить его на пути Питера Блада.

Три дня спустя после свидания с Бладом в доме губернатора капитан Истерлинг подплыл утром в небольшой шлюпке к «Синко Льягас» и поднялся на борт. Грозно шагая по палубе, он поглядывал своими острыми тёмными глазками по сторонам. Он увидел, что «Синко Льягас» не только отменно построенный корабль, но и содержится в образцовом порядке. Палубы были надраены, такелаж в безупречном состоянии, каждый предмет находился на положенном месте. Мушкеты стояли в козлах возле гротмачты, и все медные части и крышки портов ослепительно сверкали в лучах солнца, отливая золотом. Как видно, эти беглые каторжники, из которых Блад сколотил свою команду, были не такими уж рохлями.

А вот и сам Питер Блад собственной персоной – весь в чёрном с серебром, что твой испанский гранд; он снимает свою чёрную шляпу с тёмно-красным плюмажем и отвешивает такой низкий поклон, что локоны его чёрного парика, раскачиваясь из стороны в сторону, как уши спаниеля, почти закрывают ему лицо. Рядом с ним стоит Натаниэль Хагторп, очень приятный с виду господин, примерно такого же возраста, как сам Блад; у него чисто выбритое лицо и спокойный взгляд благовоспитанного человека.

Позади них – ещё трое: Джереми Питт, молодой, светловолосый шкипер из Сомерсетшира; коренастый здоровяк Николас Дайк, младший офицер морского флота, служивший королю Якову, когда тот был ещё герцогом Йоркским, и гигант Волверстон.

Все эти господа отнюдь не походят на оборванцев, какими поспешно нарисовало их себе воображение Истерлинга. Даже дородный Волверстон облёк свои могучие мышцы для такого торжественного случая в испанскую мишуру.

Представив их своему гостю, Питер Блад пригласил капитана «Бонавентуры» в капитанскую каюту, огромные размеры и богатое убранство которой превосходили всё, что Истерлингу приходилось когда-либо видеть на судах.

Негр-слуга в белой куртке – юноша, взятый в услужение на корабль с Тортуги, – подал, помимо обычных рома, сахара и свежих лимонов, ещё бутылку золотистого канарского вина из старых запасов судна, и Питер Блад радушно предложил непрошеному гостю отведать его.

Помня предостережение губернатора д'Ожерона, Питер Блад почёл за лучшее принять опасного гостя со всей возможной учтивостью, рассчитывая отчасти на то, что, почувствовав себя свободно, Истерлинг, быть может, скорее раскроет свои коварные замыслы.

Развалившись в изящном мягком кресле перед столом из чёрного дуба, капитан Истерлинг щедро воздавал должное канарскому вину, столь же щедро его похваливая. Затем он перешёл к делу и спросил Питера Блада, не переменил ли он по зрелом размышлении своего решения и не продаст ли он судно.

– А если согласитесь продать, – добавил он, скользнув взглядом по лицам четырёх товарищей Блада, – так увидите, что я не поскуплюсь, поскольку эти денежки вам придётся поделить на всех.

Если капитан Истерлинг рассчитывал таким способом произвести впечатление на остальных собеседников, то следует отметить, что невозмутимое выражение их физиономий несколько его разочаровало.

Питер Блад покачал головой.

– Вы напрасно утруждаете себя, капитан. Какое бы мы ни приняли решение, «Синко Льягас» останется у нас.

– Какое бы вы ни приняли решение? – Густые чёрные брови на низком лбу удивлённо поползли вверх. – Значит, вы ещё не решили отплыть в Европу? Что ж, тогда я сразу перейду к делу и, раз вы не хотите продать судно, сделаю вам другое предложение. Давайте-ка вы с вашим кораблём присоединяйтесь к моему «Бонавентуре», и мы сообща сварганим одно дельце, которое будет не безделицей. – И капитан, очень довольный своим плоским каламбуром, оглушительно расхохотался, блеснув белыми зубами в обрамлении курчавой чёрной бороды.

– Благодарю вас за честь, но мы не собирались заниматься пиратством.

Истерлинг не обиделся, но и бровью не повёл. Только взмахнул огромной ручищей, словно отметая нелепое предположение.

– Я вам не пиратствовать предлагаю.

– Что же тогда?

– Могу я вам довериться? – спросил он, и его взгляд снова обежал все лица.

– Как вам будет угодно, но боюсь, что при любых условиях вы только даром потратите время.

Это звучало не слишком обнадёживающе. Тем не менее Истерлинг приступил к делу.

Известно ли им, что он плавал вместе с Морганом? Совместно с Морганом он проделал большой переход через Панамский перешеек, и ни для кого не секрет, что когда подошло время делить добычу, унесённую ими из разграбленного испанского города, она оказалась куда меньше, чем рассчитывали пираты. Поговаривали, что Морган произвёл делёжку не по чести, что он успел заранее припрятать у себя большую часть захваченных сокровищ. Так вот, всё это говорили недаром: он, Истерлинг, может поручиться. Морган в самом деле припрятал тайком жемчуга и драгоценных камней из Сан-Фелипе на баснословную сумму. Но когда об этом поползли слухи, он струсил. Побоялся, что припрятанные у него сокровища найдут, и тогда ему крышка. И однажды ночью, когда они шли через перешеек, он где-то на полпути зарыл в землю присвоенные им драгоценности.

– И только один человек на свете знал об этом, – заявил капитан Истерлинг напряжённо внимавшим ему слушателям (а подобное сообщение могло заинтересовать кого угодно). – Знал тот, кто помогал ему всё это зарывать, – одному-то ему во век бы не справиться. Так вот, этот человек был я.

Истерлинг помолчал, дабы грандиозность сделанного им сообщения поглубже проникла в сознание слушателей, и заговорил снова.

Он предложил беглецам отправиться вместе с ним на

«Синко Льягас» в экспедицию за сокровищами, которые они потом поделят между собой по законам «берегового братства».

– Морган зарыл там ценностей самое малое на четыре миллиона реалов.

Подобная сумма заставила всех слушателей широко раскрыть глаза. Всех, даже самого капитана Блада, впрочем, совсем по иной причине.

– Право же, это очень странно, – задумчиво произнёс он.

– Что кажется вам странным, мистер Блад?

Капитан Блад ответил вопросом на вопрос:

– Сколько у вас людей на борту «Бонавентуры»?

– Да что-то около двух сотен.

– И несмотря на это, двадцать человек моей команды представляют для вас такой интерес, что вы нашли для себя возможным обратиться ко мне с подобным предложением?

Истерлинг загоготал прямо ему в лицо.

– Я вижу, что вы ничего не понимаете. Люди мне не нужны, мне нужно хорошее крепкое судно, чтобы надёжно поместить на нём наше сокровище. В трюме такого корабля, как ваш, оно будет спокойненько лежать себе, как в крепости, и тогда плевать я хотел на все испанские галионы, пусть они лучше ко мне не суются.

– Чёрт побери, теперь мне всё понятно, – сказал Волверстон, а Питт, Дайк и Хагторп согласно закивали головами.

Но холодные синие глаза Питера Блада всё так же, не мигая, смотрели на грузного пирата, и выражение их не изменилось.

– Это понять нетрудно, как заметил Волверстон. Но в таком случае, если делить на всех поровну, на долю «Синко Льягас» придётся одна десятая всей добычи, а это ни в коей мере не может нас удовлетворить.

Истерлинг надул щёки и сделал широкий жест своей огромной лапищей.

– А какую делёжку предлагаете вы?

– Мы должны это обсудить. Но, во всяком случае, наша доля не может быть меньше одной пятой.

Лицо пирата осталось непроницаемым. Он молча наклонил повязанную пёстрым платком голову. Потом сказал:

– Притащите этих ваших приятелей завтра ко мне на «Бонавентуру», мы пообедаем вместе и составим соглашение.

Секунды две Питер Блад, казалось, был в нерешительности. Затем он принял приглашение, учтиво за него поблагодарив.

Но когда пират отбыл, капитан поспешил охладить пыл своих сподвижников.

– Меня предупреждали, что Истерлинг – человек опасный. Думаю, что ему польстили. Опасный человек должен быть умён, а капитан Истерлинг этим качеством не обладает.

– Сдаётся мне, ты что-то блажишь, Питер, – заметил Волверстон.

– Я просто стараюсь разгадать, зачем понадобилось ему заключать союз с нами, и раздумываю над тем объяснением, которое он этому дал. Вероятно, он просто не мог придумать ничего лучшего, когда ему был поставлен вопрос в упор.

– Так оно же проще простого, – решительно вмешался Хагторп. Ему казалось, что Питер Блад зря усложняет дело.

– Проще простого! – Блад рассмеялся. – Даже чересчур просто, если хотите знать. Проще простого и яснее ясного, пока вы не вдумаетесь в это хорошенько. Да, конечно, на первый взгляд он сделал нам заманчивое, даже блестящее предложение. Только не всё то золото, что блестит. Надёжный, как крепость, корабль, в трюме которого упрятано на четыре миллиона сокровищ, а мы с вами – его хозяева! Доверчивый же малый этот Истерлинг, слишком доверчивый для мошенника!

Помощники Блада задумались, в глазах их промелькнуло сомнение. Впрочем, Питт всё ещё оставался при своём мнении.

– У него нет другого выхода, и он верит в нашу честность, знает, что мы не обманем.

Питер Блад посмотрел на него с усмешкой.

– Не думаю, чтобы человек с такими глазами, как у этого Истерлинга, мог верить во что-нибудь, кроме захвата. Если он действительно хочет спрятать своё сокровище на нашем корабле (а тут, мне кажется, он не врёт), то это значит, что он намерен завладеть и самим кораблём. Поверит он нам, как же! Разве может подобный человек, для которого не существует понятия чести, поверить, что мы не ускользнём от него однажды ночью, после того как примем его сокровища на борт, или даже попросту не потопим его шлюп, обстреляв его из наших орудий? Ты мне смешон, Джереми, со своими рассуждениями о чести.

Однако и Хагторпу ещё не всё было ясно.

– Ладно. Тогда зачем понадобилось ему искать этого союза с нами?

– Да он же сам сказал зачем. Ему нужен наш корабль! То ли для перевозки сокровища, если оно действительно существует, то ли ещё зачем-то. Ведь он же пытался сначала купить у нас «Синко Льягас». Да, корабль ему нужен, это совершенно очевидно. А вот мы ему не нужны, и он постарается как можно быстрее от нас избавиться, можете не сомневаться.

И всё же перспектива участвовать в дележе моргановского клада была, как заметил Питер Блад, весьма заманчива, и его товарищам очень не хотелось отвергнуть предложение Истерлинга. Стремясь к влекущей их цели, люди часто готовы идти на риск, готовы поверить в возможность удачи. Так было и с Хагторпом, и с Питтом, и с Дайком. Они решили, что Блад предубеждён, что его восстановил против Истерлинга губернатор д'Ожерон, а тот мог при этом преследовать какие-то свои цели. Почему бы, во всяком случае, не пообедать с Истерлингом и не послушать, какие условия он предложит?

– А вы уверены, что он не отравит нас? – спросил Блад.

Ну, уж это он в своей подозрительности хватил через край. Товарищи прямо-таки подняли его на смех. Как это Истерлинг может их отравить, когда он сам будет пить и есть вместе с ними? Да и чего он этим достигнет? Разве это поможет ему завладеть «Синко Льягас»?

– Разумеется! Поднимется на борт с шайкой своих головорезов и захватит наших ребят, оставшихся без командиров, врасплох.

– Что, что? – вскричал Хагторп. – Здесь, на Тортуге? В этой пиратской гавани? Полно, полно, Питер! Есть же свои понятия чести даже у воров, думается мне.

– Ты волен, конечно, рассуждать так. Я же склонен думать совсем обратное. Меня как будто бы ещё никто не считал боязливым, однако я предостерёг бы вас всех от такого опрометчивого шага.

Однако мнение большинства было против него. Вся команда загорелась желанием участвовать в походе, когда ей сообщили о том, какое было сделано предложение.

И на другой день, как только пробило восемь склянок, капитан Блад в сопровождении Хагторпа, Питта и Дайка должен был волей-неволей подняться на борт «Бонавентуры». Волверстона оставили наблюдать за порядком на «Синко Льягас».

Истерлинг, окружённый толпой своих головорезов, шумно приветствовал гостей. Вся его команда была на корабле. Больше полутораста пиратов расположились на шкафуте, на полубаке и на корме – все до единого с оружием за поясом. Питер Блад мог бы и не обращать внимания своих спутников на эту странность: зачем пираты забрались на корабль, вместо того чтобы, как повелось, сидеть себе в тавернах на берегу? Все трое товарищей Блада уже и сами отметили про себя это подозрительное обстоятельство. Не укрылись от них и ядовитые ухмылочки этих негодяев, и у каждого мелькнула мысль, не был ли, в конце концов, прав Питер Блад в своих опасениях и не попались ли они в западню.

Но отступать было поздно. На полуюте, возле трапа, ведущего в каюту, стоял капитан Истерлинг, встречая гостей.

Питер Блад приостановился на мгновение и поглядел на ясное голубое небо и верхушки мачт, над которыми кружили чайки. Потом перевёл взгляд на серую твердыню форта, утопавшую в жарком мареве на вершине скалы, на мол, пустынный в эти часы полуденного зноя, и, наконец, на большой красный корабль, мощный и величественный, отражённый в сверкающей глади залива. Его товарищам показалось, что он словно бы ищет, с какой стороны может прийти к ним помощь в случае нужды… Затем по приглашению Истерлинга Питер Блад ступил на полутёмный трап, и его товарищи последовали за ним.

Каюта, как и весь корабль, запущенный и грязный, ни в коей мере не походила на капитанскую каюту «Синко Льягас». Потолок был так низок, что рослые Блад и Хагторп едва не касались его головой. Столь же убога была и обстановка каюты: несколько ларей с брошенными на них подушками вокруг простого, некрашеного стола, изрезанного ножами, давно не мытого. Невзирая на распахнутые настежь кормовые окна, воздух в каюте был спёртым и удушливым: пахло канатами, затхлой трюмной водой.

Обед соответствовал обстановке. Свинина была пережарена, овощи переварены, и деликатный желудок мистера Блада положительно отказывался принимать эту с отвращением проглоченную пищу.

Под стать всему остальному была и приглашённая Истерлингом компания. С полдюжины головорезов изображали его почётную гвардию. Команда избрала их, заявил Истерлинг, чтобы они выработали и подписали соглашение от лица всех прочих. Помимо них, здесь было ещё одно лицо – молодой француз, по имени Жуанвиль, секре-

тарь губернатора д'Ожерона, присланный последним, дабы придать сделке законность. Если присутствие этого довольно никчёмного субъекта с бесцветными глазками должно было в какой-то мере усыпить подозрения мистера Блада, то следует сказать, что оно только сильнее его насторожило.

Тесная каюта была заполнена до отказа. Гвардия Истерлинга расположилась за столом так, что гости с «Синко Льягас» оказались разъединёнными. Питер Блад и капитан «Бонавентуры» уселись на противоположных концах стола.

К делу приступили, как только с обедом было покончено, и прислуживавший за столом негр удалился. Пока же длилась трапеза, пираты веселились на свой лад, отпуская солёные шутки, видимо претендующие на остроумие. Наконец на столе не осталось ничего, кроме бутылок, чернильницы, перьев и двух листов бумаги – одного перед Истерлингом, другого перед Питером Бладом, – и капитан «Бонавентуры» изложил свои условия, впервые позволив себе назвать капитаном и своего гостя. Без лишних слов он тут же объявил Бладу, что запрошенную им одну пятую долю добычи команда «Бонавентуры» признала непомерной.

Питер Блад оживился.

– Давайте поставим точку над «и», капитан. Вы, по-видимому, хотите сказать, что ваша команда не согласна на мои условия?

– А как же ещё иначе можно меня понять?

– В таком случае, капитан, нам остаётся только откланяться, поблагодарив за радушный приём и заверив вас,

что мы высоко ценим это приятное и столь обогатившее нас знакомство.

Однако изысканная галантность всех этих чрезмерно преувеличенных любезностей не произвела ни малейшего впечатления на толстокожего Истерлинга. Обратив к Питеру Бладу багровое лицо, он нахально уставился на него своими хитрыми глазками и переспросил, утирая пот со лба:

– Откланяться? – В хриплом голосе его прозвучала насмешка. – Я уж тоже попрошу вас выражаться точнее. Люблю людей прямых и прямые слова. Вы что ж, хотите сказать, что отказываетесь от сделки?

И тотчас двое-трое из его гвардии повторили слова своего капитана, которые в их устах прозвучали словно грозное эхо.

Капитан Блад – назовём его теперь полным титулом, присвоенным ему Истерлингом, – казалось, был несколько смущён оборотом дела. Как бы в замешательстве он поглядел на своих товарищей, быть может, ожидая от них совета, но они ответили ему только растерянными взглядами.

– Если вы находите наши условия неприемлемыми, – сказал он наконец, – я должен предположить, что вы не желаете более заниматься этим вопросом, и нам не остаётся ничего другого, как распрощаться.

Такая неуверенность прозвучала в голосе Питера Блада, что его товарищи были изумлены – никогда ещё не случалось им видеть, чтобы их капитан сробел перед какой бы то ни было опасностью. У Истерлинга же его ответ вызвал презрительный смешок – ничего другого он и не

ожидал от этого лекаришки, волею случая ставшего искателем счастья.

– Ей-богу, доктор, – сказал он, – вы бы уж лучше вернулись к вашим банкам и пиявкам, а корабли оставили людям, которые знают, как ими управлять.

В холодных синих глазах блеснула молния и мгновенно потухла. Но выражение неуверенности не сбежало со смуглого лица. Тем временем Истерлинг уже обратился к секретарю губернатора, сидевшему по правую руку от него.

– Ну, а вы что скажете, мусью Жуанвиль?

Белокурый, изнеженный французик снисходительно улыбнулся, наблюдая за оробевшим Питером Бладом.

– Не кажется ли вам, капитан Блад, что сейчас было бы вполне своевременно и разумно выслушать условия, которые может предложить капитан Истерлинг?

– Я уже слышал их. Однако, если…

– Никаких «если», доктор, – грубо оборвал его Истерлинг. – Условия мои всё те же, какие я вам ставил. Всё делим поровну между вашими людьми и моими.

– Но ведь это значит, что на долю «Синко Льягас» придётся не больше одной десятой части добычи. – Теперь и Блад, в свою очередь, повернулся к мистеру Жуанвилю. – Считаете ли вы, мосье, такие условия справедливыми? Я уже объяснял капитану Истерлингу, что хотя на нашем корабле меньше людей, зато у нас больше пушек, а приставлен к ним, смею вас заверить, такой канонир, какой ещё никогда не бороздил вод Карибского моря. Этого малого зовут Огл, Нед Огл. Замечательный канонир этот Нед Огл. Не канонир, а сущий сатана. Поглядели бы вы, как он топил испанские суда у Бриджтауна!..

Казалось, он ещё долго мог бы распространяться о достоинствах канонира Неда Огла, если бы Истерлинг снова не прервал его:

– Чёрт побери, приятель, да на что нам сдался этот канонир! Подумаешь, велика важность!

– Да, конечно, если бы это был обыкновенный канонир. Но это совсем необыкновенный канонир. У него необычайно меткий глаз. Такой канонир, как Нед Огл, – это всё равно что поэт. Один рождается поэтом, другой канониром. Он так ловко может пустить корабль ко дну, этот Нед Огл, как другой не вырвет и зуба.

Истерлинг стукнул кулаком по столу.

– Да при чём тут ваш канонир?

– Может случиться, что будет при чём. А пока я просто хочу указать вам, какого ценного союзника приобретаете вы в нашем лице. – И Блад снова принялся расхваливать своего канонира. – Он ведь проходил службу в королевском военно-морском флоте, наш Нед Огл, и это был поистине чёрный день для королевского военно-морского флота, когда Нед Огл, пристрастившись к политике, стал на сторону протестантов при Сегмуре…

– Да брось ты своего Огла, – зарычал один из офицеров «Бонавентуры» здоровенный детина по имени Чард. – Брось, не то мы эдак проваландаемся здесь целый день.

Истерлинг, крепко выругавшись, поддержал своего офицера.

Питер Блад отметил про себя, что никто из пиратов даже не пытался скрыть свою враждебность, и с этой минуты их поведение предстало перед ним в ином свете: он понял, к чему они стремятся.

Тут вмешался Жуанвиль:

– Не согласитесь ли вы, капитан Истерлинг, пойти на некоторые уступки? В конце концов доводы капитана Блада по-своему резонны. Он вполне мог бы набрать на корабль команду в сто матросов и тогда получил бы значительно большую долю.

– Тогда, может, она бы ему и причиталась, – последовал грубый ответ.

– Она причитается мне и теперь, – продолжал настаивать Блад.

– Ну да, как же! – получил он в ответ вместе с щелчком пальцами перед самым носом.

Блад видел, что Истерлинг нарочно старается вывести его из себя, чтобы затем наброситься на него вместе со своими разбойниками и тут же на месте прирезать и его, и всех его товарищей. А мосье Жуанвиля он заставит потом засвидетельствовать перед губернатором, что его гости первые затеяли ссору. Ему стало теперь ясно, для чего понадобилось Истерлингу присутствие здесь этого французика!

А Жуанвиль тем временем продолжал увещевать:

– Полноте, полноте, капитан Истерлинг! Так вы никогда не достигнете соглашения. Судно капитана Блада представляет для вас интерес, а за такие вещи следует платить. Вы, мне кажется, могли бы предложить ему хотя бы одну восьмую или даже одну седьмую долю.

Прикрикнув на Чарда, который громким рёвом выразил свой протест, Истерлинг внезапно заговорил почти вкрадчиво:

– Что скажет на это капитан Блад?

Капитан Блад ответил не сразу, он раздумывал. Затем пожал плечами.

– Что должен я сказать? Как вы сами понимаете, я не могу сказать ничего, пока не узнаю мнения своих товарищей. Мы возобновим наш разговор как-нибудь в другой раз, после того, как я выясню их намерения.

– Что за дьявольщина! – загремел Истерлинг. – Вы что, смеётесь, что ли? Разве вы не привели сюда своих офицеров? Разве они не могут говорить за всех ваших людей, так же как мои? Что мы здесь решим, то мои ребята и примут. Таков закон «берегового братства». Значит, я имею право ждать того же самого и от вас, объясните-ка ему это, мусью Жуанвиль.

Француз мрачно кивнул, и Истерлинг зарычал снова.

– Мы тут, чёрт побери, не дети малые. И собрались не в игрушки играть, а договариваться о деле, и вы уйдёте отсюда не раньше, чем мы договоримся, будь я проклят.

– Или не договоримся, как легко может случиться, – спокойно проронил капитан Блад. Нетрудно было заметить, что всю его нерешительность уже как рукой сняло.

– Как это – не договоримся? Какого дьявола, что это ещё значит? – Истерлинг вскочил на ноги, всем своим видом изображая величайшую ярость, которая Питеру Бладу показалась несколько напускной – словно некий дополнительный штрих разыгравшейся здесь комедии.

– Я имею в виду самую простую вещь: мы можем и не договориться. – По-видимому, Блад решил, что пришло время заставить пиратов раскрыть свои карты. – Если мы с вами не придём к соглашению, что ж, значит, с этим покончено.

– Ого! Покончено, вот как? Нет, пусть меня повесят! На этом не кончится, а, пожалуй, только начнётся.

– Это я и предполагал. Что же именно начнётся, не угодно ли вам будет пояснить, капитан Истерлинг?

– В самом деле, капитан! – вскричал Жуанвиль. – Что вы имеете в виду?

– Что я имею в виду? – Капитан Истерлинг воззрился на француза. Казалось, он был вне себя от бешенства. – Что? – повторил он. – А вот что, послушайте, мусью. Этот докторишка Блад, этот беглый каторжник, хотел выпытать у меня тайну моргановского клада и нарочно притворился, будто решил войти со мной в долю. А теперь, когда всё выпытал, начинает, как видите, отвиливать, бьёт отбой. Теперь уж он вроде как и не хочет входить с нами в долю. Он хочет пойти на попятный. Мне думается, вам, мусью Жуанвиль, должно быть ясно, почему он хочет пойти на попятный, и нетрудно догадаться, почему я не могу этого допустить.

– Какое жалкое измышление! – насмешливо произнёс Блад. – Что за тайна мне открыта, помимо пустых россказней о каком-то где-то зарытом кладе?

– Нет, не «где-то», а вы знаете где. Я свалял дурака, всё вам открыл.

Блад искренне расхохотался, чем даже напугал своих товарищей, которые теперь уже ясно видели, что дело принимает для них худой оборот.

– Ну да, где-то на Дарьенском перешейке! Весьма точный адрес, клянусь честью! При наличии таких сведений мне остаётся только отправиться прямо на место и забрать клад себе! А что касается всего остального, то я прошу

вас, мосье Жуанвиль, обратить внимание на то, что «отвиливать» здесь начал вовсе не я. Я ещё мог бы заключить сделку с капитаном Истерлингом, если бы, как было мною предложено с самого начала, нам гарантировали одну пятую добычи. Но теперь, после того как все мои подозрения подтвердились, я не намерен вести с ним никаких дел даже за половину всего его сокровища, если предположить, что оно действительно существует, чего я лично не допускаю.

При этих словах пираты, словно по команде, повскакали с мест, готовые к драке. Поднялся дикий шум, но Истерлинг, взмахнув рукой, заставил всех приумолкнуть. Когда шум стих, раздался тоненький голосок мосье Жуанвиля:

– Вы на редкость неблагоразумный человек, капитан Блад.

– Всё может быть, всё может быть, – беспечно сказал Блад. – Поживём – увидим. Последнее слово ещё не сказано.

– Ну, значит, пора его сказать, – возвестил Истерлинг; он внезапно стал зловеще спокоен. – Я хотел предупредить вас, что раз вам известен наш секрет, вы не уйдёте с этого судна, пока не подпишете соглашения. Но какие уж тут предупреждения, когда вы открыто показали нам свои намерения.

Не вставая из-за стола, капитан Блад поднял глаза на грузную фигуру капитана «Бонавентуры», стоявшего в угрожающей позе, и трое его помощников с «Синко Льягас» заметили с недоумением и тревогой, что он улыбается. Сначала он был необычайно нерешителен и робок, а те-

перь вёл себя так непринуждённо, так вызывающе! Понять его поведение было невозможно. Он молчал, и заговорил Хагторп:

– Что вы хотите этим сказать, капитан Истерлинг? Каковы ваши намерения?

– А вот каковы: заковать всех вас в кандалы и бросить в трюм, где вы не сможете никому причинить вреда.

– Помилуй бог, сэр… – начал было Хагторп, но тут его прервал спокойный, ясный голос капитана Блада:

– И вы, мосье Жуанвиль, допустите такой произвол, не выразив со своей стороны протеста?

Жуанвиль развёл руками, выпятив нижнюю губу, и пожал плечами.

– Вы сами прямо напрашивались на это, капитан Блад.

– Так, вот, значит, для чего вы присутствуете здесь – чтобы сделать соответствующее сообщение мосье д'Ожерону? Ну, ну! – И Блад рассмеялся не без горечи.

И тут внезапно полуденную тишину нарушил гром орудийного выстрела, заставивший вздрогнуть всех. Испуганно закричали всполошившиеся чайки, все с недоумением посмотрели друг на друга, и в наступившей затем тишине прозвучал вопрос Истерлинга, обращённый с тревогой неизвестно к кому:

– Это что ещё за дьявольщина?!

Ответил ему капитан Блад, и при том самым любезным тоном:

– Пусть это не тревожит вас, дорогой капитан. Прогремел всего-навсего салют в вашу честь. Его произвёл Огл, весьма искусный канонир, с «Синко Льягас». Я, кажется, уже сообщал вам о нём? – И Блад обвёл вопросительным взглядом всю компанию.

– Салют? – повторил, как эхо, Истерлинг. – Чума и ад! Какой ещё салют?

– Обыкновенная вежливость – напоминание нам и предостережение вам. Напоминание нам о том, что мы уже целый час отнимаем у вас время и не должны долее злоупотреблять вашим гостеприимством. – Капитан Блад поднялся на ноги и выпрямился во весь рост, непринуждённый и элегантный в своём чёрном с серебром испанском костюме. – Разрешите пожелать вам, капитан, провести остаток дня столь же приятно.

Побагровев от ярости, Истерлинг выхватил из-за пояса пистолет.

– Ты не сойдёшь с этого корабля, фигляр несчастный, скоморох!

Но капитан Блад продолжал улыбаться.

– Клянусь, это будет весьма прискорбно для корабля и для всех, кто находится на его борту, включая нашего бесхитростного мосье Жуанвиля, который, кажется, и в самом деле верит, что вы выплатите ему обещанную долю вашего призрачного сокровища, если он будет лжесвидетельствовать перед губернатором, дабы очернить меня и оправдать захват вами моего корабля. Как видите, я ничуть не обольщаюсь на ваш счёт, мой дорогой капитан. Вы слишком простоваты для негодяя.

Размахивая пистолетом, Истерлинг изрыгал проклятия и угрозы. Однако он не пускал оружия в ход – какое-то смутное беспокойство удерживало его руку: слишком уж хладнокровно насмешлив был капитан Блад.

– Мы напрасно теряем время, – прервал его Блад. – А сейчас, поверьте мне, каждая секунда дорога. Пожалуй,

вам следует уразуметь положение вещей. Огл получил от меня приказ: если спустя десять минут после этого салюта я вместе с моими товарищами не покину палубы «Бонавентуры», ему надлежит проделать хорошую круглую дыру в вашем полубаке на уровне ватерлинии и ещё столько дыр, сколько потребуется, чтобы пустить ваш корабль ко дну. А потребуется не так уж много. У Огла поразительно точный прицел. Он отлично зарекомендовал себя во время службы в королевском флоте. Я, кажется, уже рассказывал вам об этом.

Снова на мгновение воцарилась тишина, и на этот раз её нарушил мосье Жуанвиль:

– Я здесь совершенно ни при чём!

– Заткни свою писклявую глотку, ты, французская крыса! – заревел взбешённый Истерлинг. Продолжая размахивать пистолетом, он обратил свою ярость на Блада: – А ты, жалкий лекаришка!.. Ты, учёный навозный жук! Ты бы лучше орудовал своими банками и пиявками, как я тебе советовал!

Было ясно, что он не остановится перед убийством. Но Блад оказался проворнее. Прежде чем кто-либо успел разгадать его намерения, он схватил стоявшую перед ним бутылку канарского вина и хватил ею капитана Истерлинга по голове.

Капитан «Бонавентуры» отлетел к переборке. Питер Блад сопроводил его полёт лёгким поклоном.

– Сожалею, – сказал он, – что у меня не оказалось под рукой ни банок, ни пиявок, но, как видите, кровопускание можно произвести и с помощью бутылки.

Потеряв сознание, Истерлинг грузно осел на пол возле

переборки. Повскакав с мест, пираты надвинулись на капитана Блада. Раздались хриплые выкрики, кто-то схватил его за плечо. Но его звучный голос перекрыл шум:

– Берегитесь! Время истекает. Десять минут уже прошло, и либо я и мои товарищи покинем сейчас ваше судно, либо мы все вместе пойдём на дно.

– Во имя всего святого подумайте, что вы делаете! – вскричал Жуанвиль, бросаясь к двери.

Однако один из пиратов, человек практической складки, уже успел, как видно, кое о чём подумать и, схватив Жуанвиля за шиворот, отшвырнул его в сторону.

– Ну, ты! – крикнул он капитану Бладу. – Лезь на палубу и забирай с собой остальных. Да поживее! Мы не хотим, чтобы нас тут потопили, как крыс!

Все четверо поднялись, как им было предложено, на палубу. Вслед им полетели проклятия и угрозы.

Пираты, остававшиеся на палубе, не были, по-видимому, посвящены в намерения Истерлинга, а, быть может, подчинялись отданному кем-то приказу, но, так или иначе, они не препятствовали капитану Бладу и его товарищам покинуть корабль.

В шлюпке, на полпути к кораблю, к Хагторпу вернулся дар речи:

– Клянусь спасением души, Питер, я уже подумал было, что нам крышка.

– Да и я, – с жаром подхватил Питт. – Что ни говори, они могли разделаться с нами в два счёта. – Он повернулся к Питеру Бладу, сидевшему на корме: – Ну, а если бы по какой-нибудь причине нам не удалось выбраться оттуда за эти десять минут и Огл и вправду принялся бы палить, что тогда?

– О, – сказал Питер Блад, – главная-то опасность в том и заключалась, что он вовсе не собирался палить.

– Как так, ты же это приказал!

– Да, вот как раз это я и забыл сделать. Я сказал ему только, чтобы он дал холостой выстрел, когда мы пробудем на «Бонавентуре» час. Как бы ни обернулось дело, это всё равно нам не повредит, подумал я. И, клянусь честью, кажется, не повредило. Фу, чёрт побери! – Блад снял шляпу и, словно не замечая изумления своих спутников, вытер вспотевший лоб. – Ну и жара! Солнце так и печёт.

НЕЖДАННАЯ ДОБЫЧА

Капитан Блад любил повторять, что человека следует оценивать не по его способностям задумывать великие предприятия, но по тому, как он умеет распознать удобный случай и своевременно воспользоваться им.

Захватив великолепный испанский корабль «Синко Льягас», Блад доказал, что обладает этими способностями, и подтвердил это ещё раз, разрушив замыслы подлого пирата капитана Истерлинга, вознамеривавшегося завладеть этим благородным судном. Однако после того как он сам и его корабль чудом избежали гибели, стало ясно, что воды Тортуги для них опасны. В тот же день на шкафуте был созван совет, и Блад изложил на нём следующую простую философию: когда на человека нападают, ему надо либо драться, либо бежать.

– А поскольку мы не сможем драться, когда на нас нападут, а нападут на нас обязательно, следовательно, нам остаётся только сыграть роль трусов, хотя бы для того,

чтобы остаться в живых и доказать свою храбрость впоследствии.

Все с ним согласились. Однако если и было принято решение немедля спасаться бегством, то, куда именно бежать, предстояло обдумать позднее. Пока же необходимо было уйти подальше от Тортуги и от капитана Истерлинга, в чьих коварных намерениях сомневаться больше не приходилось.

И вот в глухую полночь, звёздную, но безлунную величественный фрегат, бывший некогда гордостью верфей Кадиса, бесшумно поднял якорь и, ловя парусами попутный бриз, используя отлив, повернул в открытое море. Если скрип кабестана, лязганье якорной цепи и визг блоков и выдали этот манёвр Истерлингу, стоявшему на борту «Бонавентуры» в кабельтове от «Синко Льягас», то помешать намерениям Блада он всё равно был не в силах.

По меньшей мере три четверти его разбойничьей команды пьянствовало на берегу, и Истерлинг не мог идти на абордаж с пиратами, остававшимися на корабле, хотя их и было вдвое больше, чем матросов на «Синко Льягас». Впрочем, если бы даже все двести человек его команды находились на борту, Истерлинг всё равно не сделал бы попытки воспрепятствовать отплытию капитана Блада. Он уже попытался захватить «Синко Льягас» в водах Тортуги с помощью хитрости, однако даже его дерзкая наглость отступила перед мыслью об открытом насильственном захвате корабля в этом порту, тем более что губернатор д'Ожерон был, по-видимому, дружески расположен к Бладу и его товарищам-беглецам.

В открытом море дело будет обстоять иначе, а потом

он такую историю сочинит о том, как «Синко Льягас» попал к нему в руки, что никто в Каноне не сумеет вывести его на чистую воду.

Итак, капитан Истерлинг позволил Питеру Бладу беспрепятственно покинуть порт и был даже доволен его отплытием. Он не торопился кинуться в погоню: излишняя спешка могла выдать его намерения. Истерлинг готовился даже с некоторой медлительностью и поднял якорь лишь на следующий день, ближе к вечеру. Он не сомневался, что сумеет правильно отгадать направление, выбранное Бладом, а превосходство «Бонавентуры» в быстроходности давало ему все основания полагать, что он догонит свою добычу прежде, чем Блад успеет отойти достаточно далеко. Рассуждал он вполне логично. Ему было известно, что на «Синко Льягас» припасов недостаточно для долгого плавания, следовательно, Блад никак не мог направиться прямо в Европу.

Прежде всего Бладу нужно было пополнить запасы провианта, а так как он не посмел бы зайти ни в один английский или испанский порт, выход у него был один: попробовать счастья в какой-нибудь из нейтральных голландских колоний, причём, не имея опытного лоцмана, он вряд ли рискнул бы провести свой корабль среди опасных рифов Багамских островов. Поэтому нетрудно было догадаться, что Блад возьмёт курс на Подветренные острова, чтобы зайти на Сен-Мартен, Сабу или Сент-Эустатиус. И вот, не сомневаясь, что он сумеет догнать Блада задолго до того, как тот доберётся до ближайшего из этих голландских поселений, расположенных в двухстах лигах от Тортуги, Истерлинг поплыл на восток вдоль северных берегов Эспаньолы.

Однако всё пошло далеко не так гладко, как рассчитывал этот пират. Ветер, вначале попутный, к вечеру задул с востока и за ночь достиг силы шторма, так что на рассвете – зловещем рассвете, занявшемся среди багровых туч, – «Бонавентура» не только не продвинулся вперёд, но был отнесён на несколько миль в сторону от своего курса. К полудню ветер опять переменился, теперь он дул с севера, и ещё сильнее, чем раньше. Над Карибским морем бушевал ураган, и в течение суток «Бонавентура» метался под ударами шквала, убрав все паруса и задраив люки, а грозные волны накатывались на него с кормы и швыряли с гребня на гребень как пробку.

Однако Истерлинг был не только упрямым бойцом, но и опытным моряком. Благодаря его умелому управлению «Бонавентура» нисколько не пострадал, и, едва улёгся шторм и задул устойчивый юго-западный ветер, шлюп вновь кинулся за своей жертвой. Поставив все паруса, «Бонавентура» летел по всё ещё высокой после шторма волне.

Истерлинг ободрял своих людей, напоминая им, что ураган, задержавший их, несомненно задержал также и «Синко Льягас», а если попомнить о том, как неопытна команда бывшего испанского фрегата, так, пожалуй, буря и вовсе могла быть на руку «Бонавентуре».

Что уготовила для них буря, им предстояло узнать на следующее же утро, когда за мысом Энганьо они увидели галион, который за дальностью расстояния сочли было сперва за «Синко Льягас», но потом довольно скоро убедились, что это какое-то другое судно. Оно, несомненно, было испанским, о чём свидетельствовала не только мас-

сивность его форм, но и флаг Кастилии, развевавшийся под распятием на клотике грот-мачты. Все паруса грот-мачты были зарифлены, и, неся полными только фок-бизань и кливер, галион неуклюже продвигался левым галфиндом по направлению к проливу Моны.

Завидя этот повреждённый бурей корабль, Истерлинг повёл себя, как гончая при виде оленя. «Синко Льягас» на время был забыт. Ведь совсем рядом была куда более лёгкая добыча.

Наклонившись над перилами юта, Истерлинг принялся поспешно выкрикивать команды. С лихорадочной быстротой с палуб было убрано всё лишнее и от носа до кормы натянута сеть на случай, если в предстоящем бою шальное ядро собьёт стеньгу или рею. Чард, помощник Истерлинга, коренастый силач, несмотря на свою тупость, умевший превосходно управлять кораблём и работать абордажной саблей, встал к рулю. Канониры заняли свои места, вытащили свинцовые затычки из запальных отверстий и, держа наготове тлеющие фитили, ожидали команды. Какими бы буйными и своевольными ни были люди Истерлинга в обычное время, перед боем и в бою они свято блюли дисциплину.

Их капитан, стоя на юте, внимательно осматривал испанский корабль, который они быстро нагоняли, и с презрением наблюдал поднявшуюся на его палубе суматоху. Его опытный взгляд сразу определил, что произошло с галионом, и резким гнусавым голосом он сообщил о своих выводах Чарду, стоявшему под ним у штурвала.

– Они шли на родину в Испанию, когда их захватил ураган. Грот-мачта у них треснула, а может, они получили

и ещё повреждения и теперь возвращаются в Сан-Доминго залечивать раны. – Истерлинг удовлетворённо рассмеялся и погладил густую чёрную бороду. На багровой физиономии злорадно блеснули тёмные наглые глаза. – Испанец, который спешит домой, – это лакомый кусочек, Чард. Там будет чем поживиться. Чёрт побери, наконец-то нам повезло!

Ему действительно повезло. Он давно уже злобствовал, что его шлюп «Бонавентура» не обладает достаточной мощью, чтобы захватить в Карибском море по-настоящему ценный приз, и по этой-то причине он и стремился завладеть «Синко Льягас». Но, конечно, он никогда не рискнул бы напасть на отлично вооружённый галион, если бы не повреждения, которые лишили испанский корабль возможности маневрировать и стрелять по борту противника.

Галион первым дал залп из орудий левого борта по «Бонавентуре», тем самым подписав себе смертный приговор. «Бонавентура», повёрнутый к нему носом, был для него плохой мишенью и, если не считать одной пробоины в кубрике, не получил никаких повреждений. Истерлинг ответил залпом из носовых погонных орудий, целя по палубе испанца. Затем, ловко предупредив неуклюжую попытку галиона развернуться, «Бонавентура» подошёл к его левому борту, пушки которого были только что разряжены. Раздался треск, тяжёлый удар, скрежет перепутавшегося такелажа, грохот падающих стеньг и стук абордажных кошек, впившихся в обшивку испанца. И вот, сцепившись намертво, оба корабля поплыли вместе, увлекаемые ветром, а пираты по команде великана Истерлинга

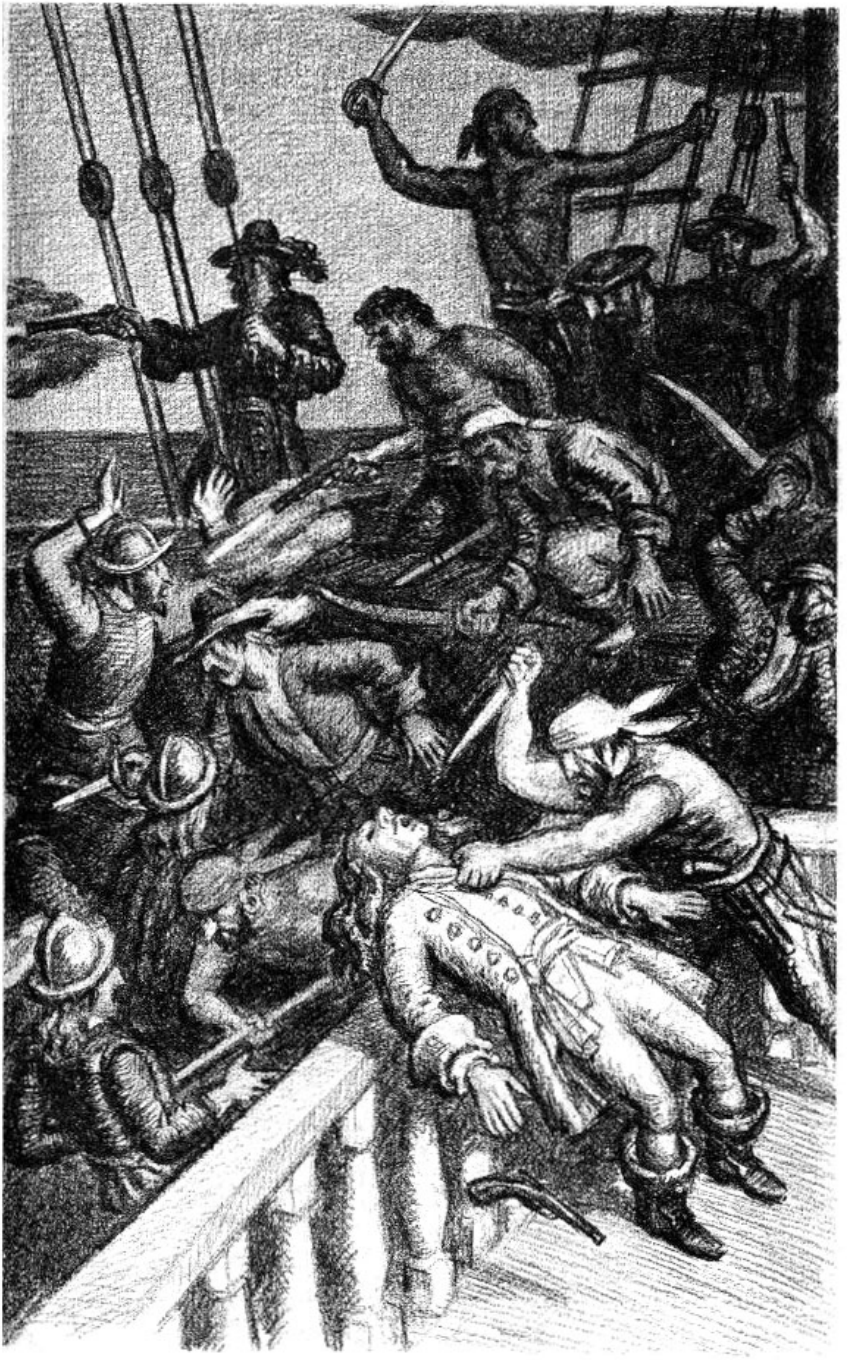
дали залп из мушкетов и, как муравьи, посыпались на палубу галиона. Их было около двухсот человек – озверелых бандитов в широких кожаных штанах; кое-кто был в рубахах, но большинство предпочитало драться голыми по пояс, и обнажённая загорелая кожа, под которой перекатывались мышцы, делала их ещё ужаснее с виду.

Им противостояло от силы пятьдесят испанцев в кожаных панцирях и железных шлемах: построившись на шкафуте галиона, словно перед смотром, они спокойно целились из мушкетов, ожидая команды горбоносого офицера в шляпе с развевающимся плюмажем.

Офицер скомандовал, и мушкетный залп на мгновение задержал нападающих. Затем волна пиратов захлестнула испанских солдат, и галион «Санта-Барбара» был взят.

Пожалуй, в ту эпоху в этих морях трудно было отыскать человека более жестокого и безжалостного, чем Истерлинг, и те, кто плавал под его командой, как это обычно случается, старались во всём подражать своему свирепому капитану. Они принялись хладнокровно убивать испанских солдат, выбрасывая трупы за борт, и так же хладнокровно разделались с канонирами на батарейной палубе, несмотря на то, что эти несчастные сдались без сопротивления, в тщетной надежде спасти свою жизнь.

Через десять минут после того, как галион «Санта-Барбара» был взят на абордаж, из его команды остались в живых только капитан дон Ильдефонсо де Пайва, которого Истерлинг оглушил рукояткой пистолета, штурман и четверо матросов, в момент атаки находившиеся на мачтах. Этих шестерых Истерлинг решил пощадить, прикинув, что они ещё могут ему пригодиться.



Пока его команда сновала по мачтам, освобождая перепутавшиеся снасти обоих кораблей и на скорую руку исправляя поломки, Истерлинг, прежде чем приступить к осмотру захваченного корабля, начал допрашивать дона Ильдефонсо.

Испанец, землисто-бледный, со вздувшейся на лбу шишкой – там, где его поразила рукоять пистолета, – сидел на ларе в красивой просторной каюте и, хотя руки его были связаны, пытался сохранить надменность, приличествующую кастильскому гранду в присутствии наглого морского разбойника. Но Истерлинг свирепо пригрозил развязать ему язык с помощью самого незамысловатого средства, именуемого пыткой, после чего дон Ильдефонсо, поняв, что сопротивление бессмысленно, начал угрюмо отвечать на вопросы пирата. Его ответы, как и дальнейшее обследование корабля, показали Истерлингу, что ценность захваченной им добычи превосходила самые смелые его мечты.

В руки этого пирата, в последнее время совсем не знавшего удачи, попало одно из тех сокровищ, о которых мечтали все морские бродяги со времён Фрэнсиса Дрейка. Галион «Санта-Барбара» вышел из Порто-Белло, нагруженный золотом и серебром, доставленным через перешеек из Панамы.

Галион покинул гавань под охраной трёх военных кораблей и намеревался зайти в Санто-Доминго, чтобы пополнить запасы провианта, перед тем как плыть к берегам Испании. Но ураган, разбушевавшийся над Карибским морем, разлучил галион с его охраной и загнал с повреждённой грот-мачтой в пролив Мона. Теперь он возвращал-

ся назад в Санто-Доминго, надеясь встретиться там со своими спутниками или дождаться другого каравана, идущего в Испанию.

Когда горевшие алчностью глаза Истерлинга увидели слитки в трюме «Санта-Барбары», он оценил это сокровище примерно в два – два с половиной миллиона реалов. Подобная добыча может попасть в руки пирата лишь раз в жизни; теперь и он и его команда должны были стать состоятельными людьми.

Однако владение богатством всегда чревато тревогой, и Истерлинг думал сейчас только о том, как бы поскорее доставить свою добычу в безопасное место, на Тортугу.

Он перевёл с «Бонавентуры» на галион призовую команду в сорок человек и, будучи не в силах расстаться со своим сокровищем, сам перешёл туда вместе с ними. Затем, наспех устранив повреждения, оба корабля повернули обратно. Двигались они медленно, так как шли против ветра, а галион к тому же почти утратил ходкость, и давно уже миновал полдень, когда они вновь увидели на траверсе мыс Рафаэль. Истерлинга тревожила такая близость Эспаньолы, и он собрался было отойти подальше от берега, когда с марса «Санта-Барбары» донёсся крик, и вскоре уже все они заметили то же, что и дозорный.

Не далее как в двух милях от них огромный красный корабль огибал мыс Рафаэль и шёл прямо на них под всеми парусами. Истерлинг, не веря своим глазам, схватил подзорную трубу; сомнений быть не могло, хотя это и казалось невероятным: перед ним был «Синко Льягас» – корабль, за которым он гнался и в спешке, по-видимому, перегнал.

На самом же деле «Синко Льягас» был захвачен бурей вблизи Саманы, и его шкипер, Джереми Питт, укрывшись там за мысом, в безопасном убежище переждал бурю, а затем поплыл дальше.

Истерлинг не стал гадать, каким образом «Синко Льягас» так неожиданно появился перед ним, а просто счёл это знаком, подтверждавшим, что фортуна, столь немилостивая к нему прежде, теперь решила осыпать его дарами. Ведь если ему удастся завладеть этим могучим красным кораблём и перенести на него сокровища «Санта-Барбары», он сможет, ничего не опасаясь, немедленно возвратиться на Тортугу.

Нападая на судно, столь хорошо вооружённое, как «Синко Льягас», но обладающее малочисленной командой, разумнее всего было идти прямо на абордаж, и капитану Истерлингу казалось, что для более ходкого и поворотливого «Бонавентуры» это не составит труда, тем более что себя он считал опытным моряком, а своего противника – тупоголовым невеждой в морском деле, презренным докторишкой.

Поэтому Истерлинг просигналил Чарду о своих намерениях, и Чард, жаждавший свести счёты с человеком, который уже однажды посмел одурачить их всех, проскользнув ужом у них между пальцами, сделал крутой поворот и приказал своим людям готовиться к бою.

Питт вызвал из каюты капитана Блада, тот поднялся на ют и принялся наблюдать в подзорную трубу за приготовлениями на борту своего старого приятеля – «Бонавентуры». Смысл их стал ему тут же ясен. Конечно, он был морским врачом, но вовсе не таким уж тупоголовым не-

веждой, каким опрометчиво назвал его Истерлинг. Его служба во флоте де Ритёра в те ранние бурные дни, когда он не слишком усердно занимался медициной, помогла ему постичь тактику морских сражений так основательно, как и не снилось Истерлингу. И теперь он был спокоен. Он покажет этим пиратам, что уроки, преподанные великим флотоводцем, не пропали даром.

Если «Бонавентура» мог рассчитывать на победу, только пойдя на абордаж, то «Синко Льягас» должен был полагаться лишь на свои пушки. Ведь, располагая всего двадцатью способными драться людьми, Блад не мог надеяться на благоприятный исход схватки с противником, который, по его расчётам, десятикратно превосходил их численностью. Поэтому он приказал Питту привести корабль как можно ближе к ветру, чтобы затем поставить его против борта «Бонавентуры». На батарейную палубу он послал Огла, бывшего канонира королевского флота, отдав под его начало всю команду, кроме шестерых человек, которым предстояло управлять парусами.

Чард немедленно догадался, что он задумал, и выругался сквозь зубы – ветер благоприятствовал этому манёвру Блада. Кроме того, у Чарда были связаны руки – ведь он хотел захватить «Синко Льягас» целым и невредимым, а следовательно, не мог, прежде чем взять его на абордаж, предварительно расстрелять из пушек. К тому же он отлично понимал, что грозит «Бонавентуре», если на «Синко Льягас» сумеют правильно использовать свои дальнобойные крупнокалиберные пушки. А судя по всему, кто бы сейчас ни командовал этим кораблём, ему нельзя отказать ни в умении, ни в решительности.

Тем временем расстояние между кораблями быстро сокращалось, и Чард понял, что должен немедленно что-то предпринять, иначе «Синко Льягас» подойдёт на пушечный выстрел со стороны его правого борта. Держать ещё круче к ветру он не мог и поэтому повернул на юго-восток, намереваясь описать широкий круг и приблизиться к «Синко Льягас» с наветренной стороны.

Истерлинг наблюдал за этим манёвром с палубы «Санта-Барбары» и, не поняв, в чём дело, выругал Чарда дураком. Он принялся осыпать его ещё более свирепыми ругательствами, когда увидел, что «Синко Льягас» внезапно сделал левый поворот, словно намереваясь преследовать «Бонавентуру». Чард, однако, только обрадовался этому манёвру и, обрасопив паруса, позволил противнику приблизиться. Затем, вновь забрав ветер всеми парусами, «Бонавентура» галсом бакштаг помчался вперёд, намереваясь описать задуманный круг.

Блад догадался о его намерении и, в свою очередь обрасопив паруса, занял такую позицию, что «Бонавентура», поворачивая на север, неминуемо должен был подставить ему свой борт на расстоянии выстрела его тяжёлых орудий. Чтобы избежать этого, Чард был вынужден снова идти на юг.

Истерлинг следил за тем, как оба противника в результате этих манёвров уходят от него всё дальше, и, побагровев от ярости, в гневе взывал к небесам и преисподней. Он отказывался верить своим глазам: Чард спасается бегством от тупоголового лекаришки! Чард, однако, и не думал бежать. Проявляя отличную выдержку и самообладание, он выжидал удобной минуты, чтобы броситься на абор-

даж. А Блад с не меньшей выдержкой и упрямством следил за тем, чтобы не предоставить ему этой возможности.

Таким образом, исход дела должна была решить первая же ошибка, допущенная одним из них, и её совершил Чард. Заботясь только о том, чтобы не подставить свой борт «Синко Льягасу», он забыл о носовых орудиях фрегата и, маневрируя, подпустил его к себе на слишком близкое расстояние. Он понял свой промах в тот миг, когда две пушки внезапно рявкнули у него за кормой и ядра пронизали его паруса. Это взбесило Чарда, и от злости он приказал дать залп из кормовых орудий. Однако орудия эти были слишком малы, и их ядра не достигли цели. Тогда, совсем рассвирепев, Чард повернул «Бонавентуру» так, чтобы дать продольный бортовой залп по противнику в надежде сбить его паруса, после чего, потеряв ход, «Синко Льягас» оказался бы во власти его абордажников.

Однако из-за сильной зыби и большого расстояния его замысел потерпел неудачу, и залп прогремел впустую, оставив лишь облако дыма между ним и «Синко Льягас». Блад тотчас же повернул и разрядил все двадцать орудий своего левого борта в это облако, надеясь поразить скрытый за ним беззащитный борт «Бонавентуры». Этот его манёвр также не увенчался успехом, однако он показал Чарду, с кем ему приходится иметь дело, и убедил его, что с таким противником шутки плохи. Тем не менее Чард всё-таки решил рискнуть ещё раз и быстро пошёл на сближение, рассчитывая, что плывущие в воздухе клубы дыма скроют его от врага и он успеет захватить «Синко Льягас» врасплох. Однако для этого манёвра требовалось слишком много времени. Когда «Бонавентура» лёг на но-

вый курс, дым уже почти рассеялся, Блад успел разгадать замысел Чарда, и «Синко Льягас», шедший левым галсом, мчался теперь по волнам почти вдвое быстрее «Бонавентуры», которому ветер не благоприятствовал.

Чард снова сделал крутой поворот и бросился вперёд, намереваясь перехватить противника и подойти к нему с ветра. Однако Блад, отдалившийся на расстояние мили, имел в своём распоряжении достаточно времени, чтобы повернуть и в подходящую минуту пустить в ход орудия своего правого борта. Чтобы избежать этого, Чард вновь пошёл на юг, подставляя под пушки Блада только корму.

В результате этих манёвров оба судна постепенно отошли так далеко, что «Санта-Барбара», на юте которой бесновался, изрыгая ругательства, Истерлинг, уже превратилась в маленькое пятнышко на северном горизонте, а они всё ещё не вступили в настоящий бой.

Чард проклинал ветер, благоприятствовавший капитану Бладу, и проклинал капитана Блада, так хорошо использовавшего преимущества своей позиции. Тупоголовый лекаришка, по-видимому, прекрасно разбирался в положении вещей и с почти сверхъестественной проницательностью находил ответ на каждый ход своего противника. Изредка они обменивались залпами носовых и кормовых орудий, целясь высоко, чтобы сбить паруса врага, но расстояние было слишком велико, и эти выстрелы не достигали цели.

Питер Блад, стоявший у поручней на юте в великолепном панцире и каске из чёрной дамасской стали, принадлежавших некогда испанскому капитану «Синко Льягас», чувствовал усталость и тревогу. Хагторп, стоявший рядом

с ним в таком же облачении, исполин Волверстон, для которого на всём корабле не нашлось панциря подходящего размера, и Питт у штурвала – все заметили эту тревогу в его голосе, когда он обратился к ним со следующим вопросом:

– Как долго может продолжаться такая игра в пятнашки? И как бы долго она ни продолжалась, конец всё равно может быть только один. Рано или поздно ветер либо спадёт, либо переменится, или же мы, наконец, потеряем силы, и тогда в любом случае окажемся во власти этого негодяя.

– Но остаются ещё неожиданности, – сказал юный Питт.

– Да, конечно, и спасибо, что ты напомнил мне об этом, Джерри. Так возложим свои надежды на какую-нибудь неожиданность, хотя, право же, я не могу себе представить, откуда она может явиться.

Однако эта неожиданность уже приближалась, и даже очень быстро, но один только Блад сумел её распознать, когда она к ним пожаловала. Длинный западный галс привёл их к берегу, и тут из-за мыса Эспада менее чем в миле от них появился огромный вооружённый тяжёлыми пушками корабль, который шёл круто к ветру, открыв все двадцать пушечных портов своего левого борта; на его клотике развевался флаг Кастилии. При виде этого нового врага иного рода Волверстон пробормотал ругательство, более походившее на всхлипывание.

– Вот нам и пришёл конец! – воскликнул он.

– А по-моему, это скорее начало, – ответил Блад, и в голосе его, недавно таком усталом и унылом, послышался

смешок. Он быстро и чётко отдал команду, которая ясно показала, что он замыслил. – Ну-ка, подымите испанский флаг и прикажите Оглу дать залп по «Бонавентуре» из носовых орудий, когда мы начнём поворот.

Питт переложил руль и под звон напрягшихся снастей и скрип блоков «Синко Льягас» медленно повернул, а над его кормой заплескалось на ветру пурпурно-золотое знамя Кастилии. Через мгновение загремели две пушки на его носу – вполне бесполезно в одном отношении, но весьма полезно в другом. Их залп яснее всяких слов сказал испанцу, что он видит перед собой соотечественника, который гонится за английским пиратом.

Несомненно, потом придётся выдумывать какие-то объяснения, особенно если окажется, что испанцам известна недавняя история «Синко Льягас». Однако давать объяснения им придётся лишь после того, как они разделаются с «Бонавентурой», а сейчас Блада заботило только это.

Тем временем испанский корабль береговой охраны из Санто-Доминго, который, неся патрульную службу, был привлечён звуком пушечных залпов в море и, обогнув мыс Эспада, повёл себя именно так, как и следовало ожидать. Даже и без флага форма и оснастка «Синко Льягас» явно свидетельствовали о его испанском происхождении, и вместе с тем было ясно и то, что бой он ведёт с английским шлюпом. Испанец без малейших колебаний вмешался в схватку и дал бортовой залп по «Бонавентуре» в тот момент, когда Чард делал поворот, чтобы избежать этой новой и непредвиденной опасности.

Когда шлюп задрожал под ударами по носу и корме и

его разбитый бушприт повис на путанице снастей поперёк носа, Чардом овладел безумный гнев. Вне себя от ярости он приказал дать ответный залп, который причинил некоторые повреждения испанцу, хотя и не лишил его манёвренности. Испанец, охваченный воинственным пылом, повернул так, чтобы ударить по шлюпу пушками правого борта, и Чард, к этому времени уже утративший от злости способность соображать, тоже повернул, стремясь ответить на этот залп или даже предупредить его.

И только уже осуществив этот манёвр, сообразил он, что разряженные пушки превратят его в беспомощную мишень для атакующего «Синко Льягас». Ибо Блад, предугадав этот удобный момент, тотчас встал к шлюпу бортом и дал по нему залп из своих тяжёлых орудий. Этот залп с относительно близкого расстояния смёл всё с палубы «Бонавентуры», разбил иллюминаторы надстройки, а одно удачно пущенное ядро пробило нос шлюпа почти на самой ватерлинии, и волны начали захлёстывать пробоину.

Чард понял, что его судьба решена, и снедавшая его злоба стала ещё мучительнее, когда он сообразил, какое недоразумение было причиной его гибели. Он увидел испанский флаг над «Синко Льягас» и усмехнулся в бессильной ярости.

Однако тут ему в голову пришла отчаянная мысль, и он спустил флаг, показывая, что сдаётся. Рискованный расчёт Чарда строился на том, что испанец, не зная численности его экипажа, попадётся на удочку, подойдёт к нему вплотную для высадки призовой партии и, захваченный врасплох, окажется в его власти, а он, завладев таким

кораблём, сможет выйти из этой переделки благополучно и с честью.

Однако бдительный капитан Блад предвидел возможность такого манёвра и понимал, что в любом случае встреча Чарда с испанским капитаном грозит ему серьёзной опасностью. Поэтому он послал за Оглом, и по его приказу искусный канонир ударил тридцатидвухфунтовым ядром по ватерлинии в средней части «Бонавентуры», чтобы усилить уже начавшуюся течь. Капитан испанского сторожевого корабля, возможно, удивился тому, что его соотечественник продолжает стрелять по сдавшемуся кораблю, однако это не могло показаться ему особенно подозрительным, хотя, вероятно, и раздосадовало его, так как теперь корабль, который можно было бы взять в качестве приза, неизбежно должен был пойти ко дну…

А Чарду было уже не до размышлений. «Бонавентура» так быстро погружался в воду, что Чард мог спастись сам и спасти свою команду, только попытавшись выбросить корабль на берег. Поэтому он повернул к мели у подножия мыса Эспада, благодаря бога за то, что ветер теперь ему благоприятствовал. Однако скорость шлюпа зловеще уменьшалась, хотя пираты, чтобы облегчить его, вышвырнули за борт все пушки. Наконец киль «Бонавентуры» заскрежетал по песку, а волны уже накатывались на его ют и бак, ещё остававшиеся над водой, как и ванты, почерневшие от людей, искавших на них спасения. Испанец тем временем лёг в дрейф, и его паруса лениво полоскались, а капитан с недоумением взирал на то, как в полумиле от него «Синко Льягас» уже повернул на север и начал быстро удаляться.

На борту фрегата капитан Блад обратился к Питту с вопросом, входят ли в его морские познания и испанские сигналы, а если да, то не может ли он расшифровать флаги, поднятые сторожевым кораблём. Молодой шкипер сознался в своём невежестве и высказал предположение, не означает ли это то, что они попали из огня да в полымя.

– Ну, разве можно так мало доверять госпоже фортуне! – заметил Блад. – Мы просто отсалютуем им флагом в знак того, что торопимся заняться каким-то другим делом. По виду мы – истинные испанцы. В этой испанской сбруе нас с Хагторпом не отличишь от кастильцев даже в подзорную трубу. А нам давно пора бы посмотреть, как идут дела у хитроумного Истерлинга. На мой взгляд, пришло время познакомиться с ним поближе.

Если сторожевой корабль и был удивлён тем, что фрегат, которому он помог разделаться с пиратским шлюпом, удаляется столь бесцеремонно, то заподозрить, как в действительности обстоит дело, он всё же не мог. И его капитан, рассудив, что фрегат спешит куда-то по своей надобности, да и сам торопясь взять в плен команду «Бонавентуры», не сделал никакой попытки погнаться за «Синко Льягас».

И вот спустя два часа капитан Истерлинг, задержавшийся в ожидании Чарда неподалёку от берега между мысом Рафаэль и мысом Энганьо, с удивлением и ужасом увидел, что к нему стремительно приближается красный корабль Питера Блада.

Он уже давно внимательно и с некоторой тревогой прислушивался к далёким залпам, однако, когда они прекратились, сделал вывод, что «Синко Льягас» захвачен.

Теперь же, увидев, как этот фрегат, целый и невредимый, быстро режет волны, он не мог поверить своим глазам. Что случилось с Чардом? «Бонавентуры» не было видно. Неужто Чард совершил какой-то глупейший промах и позволил капитану Бладу утопить себя?

Однако другие куда более неприятные размышления вскоре заслонили эти мысли. Каковы могут быть намерения этого проклятого каторжника-доктора? Будь у Истерлинга возможность пойти на абордаж, он не опасался бы ничего, потому что даже его призовая команда на «Санта-Барбаре» вдвое превосходила численностью экипаж Блада. Но как подвести искалеченный галион вплотную к борту «Синко Льягас», если Блад будет этому препятствовать? Если же после своей схватки с «Бонавентурой» Блад замыслил недоброе, то «Санта-Барбара» станет беспомощной мишенью для его пушек.

Эти соображения, достаточно гнетущие сами по себе, довели Истерлинга до исступления, когда он вспомнил, какой груз лежит в трюме корабля. Как видно, фортуна вовсе не была к нему милостива, а лишь посмеялась над ним, позволив захватить то, что ему не суждено было удержать.

И тут, словно всех этих бед было ещё мало, взбунтовалась призовая команда. Предводительствуемые негодяем по имени Ганнинг, отличавшимся почти таким же гигантским ростом и такой же жестокостью, как сам Истерлинг, матросы с яростью обрушились на своего капитана, проклиная его чрезмерную слепую алчность, которая ввергла их в беду: угроза смерти или плена казалась им особенно горькой при мысли о богатстве, доставшемся им на столь

краткий срок. Захватив такой приз, Истерлинг не имел права рисковать, кричали матросы, он должен был бы удержать «Бонавентуру» при себе для охраны и не зариться на «Синко Льягас» с его пустыми трюмами. Команда злобно осыпала капитана упрёками, на которые он, сознавая их справедливость, мог ответить только ругательствами, что он и не преминул сделать.

Пока длилась эта перепалка, «Синко Льягас» подошёл совсем близко, и помощник Истерлинга крикнул ему, что фрегат поднял какие-то сигналы. Это было требование: капитану «Санта-Барбары» предлагалось немедленно явиться на «Синко Льягас».

Истерлинг перетрусил. Его багровые щёки побледнели, толстые губы стали лиловыми. Пусть доктор Блад проваливает ко всем чертям, заявил он.

Однако матросы заверили капитана, что они отправят к чертям его самого, если он не подчинится, и притом без промедления.

Блад не может знать, какой груз везёт «Санта-Барбара», напомнил капитану Ганнинг, и, значит, есть ещё надежда, что этот каторжник поддастся убеждениям и позволит галиону спокойно продолжать свой путь.

Одна из пушек «Синко Льягас» рявкнула, и над носом «Санта-Барбары» просвистело ядро – это было предупреждение. Его оказалось вполне достаточно. Ганнинг оттолкнул помощника, сам встал у руля и положил корабль в дрейф, показывая, что подчиняется приказу. После этого пираты спустили ялик, куда спрыгнуло шесть гребцов, а затем Ганнинг, угрожая Истерлингу пистолетом, принудил его последовать за ними.

И когда через несколько минут Истерлинг поднялся на шкафут «Синко Льягас», лежащего в дрейфе на расстоянии кабельтова от «Санта-Барбары», в его глазах был ад, а в душе – ужас. Навстречу ему шагнул презренный докторишка, высокий и стройный, в испанском панцире и каске. Позади него стояли Хагторп и ещё шестеро человек из его команды. На губах Блада играла чуть заметная усмешка.

– Наконец-то, капитан, вы стоите там, куда так давно стремились, – на палубе «Синко Льягас».

В ответ на эту насмешку Истерлинг только гневно буркнул что-то. Его мощные кулаки сжимались и разжимались, будто ему не терпелось схватить за горло издевавшегося над ним ирландца. Капитан Блад продолжал:

– Никогда не следует зариться на то, что не по зубам, капитан. Вы не первый, кто в результате оказывается с пустыми руками. Ваш «Бонавентура» был прекрасным быстроходным шлюпом. Казалось бы, вы могли быть им довольны. Жаль, что он больше не будет плавать. Ведь он затонул или, вернее, затонет, когда поднимется прилив. – Внезапно он спросил резко: – Сколько у вас человек?

Ему пришлось повторить этот вопрос, и лишь тогда Истерлинг угрюмо ответил, что на борту «Санта-Барбары» находится сорок человек.

– А сколько у вас шлюпок?

– Три, считая ялик.

– Ну, этого должно хватить для ваших людей. Прикажите им спуститься в шлюпки, и немедленно, если вам дорога их жизнь. Через пятнадцать минут я открою по галиону огонь и потоплю его. Я вынужден так поступить, потому что у меня не хватит людей, чтобы послать на него

призовую команду, а оставить его на плаву – значит позволить вам продолжать разбойничать.

Истерлинг яростно запротестовал, перемежая возражения жалобами. Он указывал на то, какими опасностями грозит ему и его людям высадка на Эспаньолу. Но Блад перебил его:

– С вами обходятся так милосердно, как вы, наверное, никогда не обходились со своими пленниками. Советую воспользоваться моим мягкосердечием. Если же испанцы на Эспаньоле пощадят вас, когда вы там высадитесь, возвращайтесь к своей охоте и копчению свинины – для этого вы годитесь лучше, чем для моря. А теперь убирайтесь.

Но Истерлинг не сразу покинул фрегат. Он стоял, широко расставив сильные ноги, и, покачиваясь, всё сжимал и разжимал кулаки. Наконец он принял решение:

– Оставьте мне этот корабль, и на Тортуге, когда я туда доберусь, я уплачу вам четыреста тысяч испанских реалов. По-моему, это для вас выгоднее, чем пустое злорадство, если вы просто высадите нас на берег.

– Поторапливайтесь! – только и ответил ему Блад, но уже более грозным тоном.

– Восемьсот тысяч! – воскликнул Истерлинг.

– А почему не восемь миллионов? – с притворным изумлением спросил Блад. – Обещать их столь же легко, как и нарушить подобное обещание. Я в такой же мере готов положиться на ваше слово, капитан Истерлинг, как поверить, что в вашем распоряжении имеется восемьсот тысяч испанских реалов.

Злобные глаза Истерлинга прищурились. Скрытые чёрной бородой толстые губы плотно сомкнулись, а потом

слегка раздвинулись в улыбке. Раз ничего нельзя добиться, не открыв секрета, так он промолчит. Пусть Блад утопит сокровище, которое ему, Истерлингу, во всяком случае уже не достанется.

Эта мысль доставила пирату даже какое-то горькое удовлетворение.

– Надеюсь, мы ещё когда-нибудь встретимся, капитан Блад, – сказал он с притворной угрюмой вежливостью. – Тогда я вам кое-что расскажу, и вы пожалеете о том, что сейчас творите.

– Если мы с вами когда-нибудь встретимся, не сомневаюсь, что эта встреча послужит поводом для многих сожалений. Прощайте, капитан Истерлинг, и помните, что у вас есть ровно пятнадцать минут.

Истерлинг злобно усмехнулся, пожал плечами и, резко повернувшись, спустился в ожидавший его ялик, покачивавшийся на волнах.

Когда он сообщил решение Блада своим пиратам, они впали в дикую ярость при мысли, что им предстоит лишиться своей добычи. Их неистовые вопли донеслись даже до «Синко Льягас», заставив Блада, не подозревавшего об истинной причине их возмущения, презрительно усмехнуться.

Он смотрел, как спускали шлюпки, и вдруг с удивлением увидел, что эта разъярённая вопящая толпа внезапно исчезла с палубы «Санта-Барбары». Прежде чем покинуть корабль, пираты кинулись в трюм, намереваясь увезти с собой хоть частицу сокровищ. Капитана Блада стало раздражать это промедление.

– Передайте Оглу, чтобы он пустил ядро в их бак. Этих негодяев следует поторопить.

Грохот выстрела и удар двадцатичетырёхфунтового ядра, пробившего высокую носовую надстройку, заставили пиратов в страхе покинуть трюм и устремиться к шлюпкам. Однако, опасаясь за свою жизнь, они сохраняли некоторое подобие дисциплины – при таком волнении шлюпке ведь ничего не стоило перевернуться.

Мокрые лопасти вёсел засверкали на солнце, шлюпки отплыли от галиона и стали удаляться в сторону мыса, до которого было не более двух миль. Едва они отошли, как Блад скомандовал открыть огонь, но тут Хагторп вцепился ему в локоть.

– Погодите-ка! Стойте! Смотрите, там кто-то остался!

Блад с удивлением посмотрел на палубу «Санта-Барбары», потом поднёс к глазу подзорную трубу. Он увидел на корме человека с непокрытой головой, в панцире и сапогах, по виду совсем не похожего на пирата; человек отчаянно размахивал шарфом. Блад сразу догадался, кто это мог быть.

– Наверное, какой-нибудь испанец, которому Истерлинг забыл перерезать глотку, когда захватил галион.

Блад приказал спустить шлюпку и послал за испанцем шестерых людей под командой Дайка, немного знавшего испанский язык.

Дон Ильдефонсо, которого безжалостно оставили погибать на обречённом корабле, сумел освободиться от своих пут и теперь, спустившись на якорную цепь, ожидал приближающуюся шлюпку. Он весь дрожал от радостного волнения: ведь и он сам и его судно с бесценным грузом были спасены! Это внезапное избавление казалось ему поистине чудом. Дело в том, что, подобно капитану сто-

рожевого судна, дон Ильдефонсо, если бы даже и не распознал испанской постройки корабля, так неожиданно пришедшего ему на выручку, всё равно решил бы, что перед ним соотечественники, так как на «Синко Льягас» продолжал развеваться испанский флаг.

И вот, не успела ещё шлюпка подойти к борту «Санта-Барбары», как испанский капитан, захлёбываясь от возбуждения, уже рассказывал Дайку, что произошло с его кораблём и какой груз он везёт. Они должны одолжить ему десяток матросов, и вместе с теми шестью, которые заперты в трюме «Санта-Барбары», он сумеет благополучно добраться с сокровищами до Санто-Доминго.

Этот рассказ ошеломил Дайка. Однако он не утратил самообладания. Боясь, что его испанская речь позволит дону Ильдефонсо догадаться об истинном положении вещей, он ответил со всем возможным лаконизмом:

– Буэно, я передам капитану.

Затем он шёпотом приказал гребцам отваливать, чтобы спешно вернуться на «Синко Льягас».

Когда Блад выслушал эту историю и оправился от первого изумления, он расхохотался:

– Так вот что собирался рассказать мне этот негодяй при нашей будущей встрече! Чёрт побери, я не доставлю ему этой радости!

Десять минут спустя «Синко Льягас» пришвартовался к борту «Санта-Барбары».

В отдалении Истерлинг и его команда, заметив этот манёвр, опустили вёсла и, злобно переговариваясь, наблюдали за происходящим. Они уже понимали, что лишились даже предвкушаемого ими жалкого удовольствия ви-

деть, как капитан Блад, ничего не подозревая, топит бесценное сокровище. Истерлинг вновь разразился проклятиями.

– Кровь и смерть! Я забыл этого чёртова испанца в каюте, и он проболтался про золото. Вот к чему приводит милосердие! Если бы я перерезал ему глотку…

Тем временем капитан Блад, которого легко было принять за испанца, если бы не его синие глаза на загорелом лице, на безупречнейшем кастильском языке объяснял недоумевающему дону Ильдефонсо, почему он поставил «Синко Льягас» борт о борт с его кораблём.

Он не может одолжить матросов «Санта-Барбаре», потому что ему самому не хватает людей. А в таком случае оставить её на плаву – значит вновь отдать в руки гнусных пиратов, у которых ему удалось её отбить. И остаётся только одно: прежде чем потопить галион, перенести на борт «Синко Льягас» сокровища, которые спрятаны в трюме. Он будет счастлив предложить дону Ильдефонсо и шести его уцелевшим матросам гостеприимство на борту «Синко Льягас» и доставить их на Тортугу; или же, если дон Ильдефонсо, что весьма вероятно, этого не пожелает, капитан Блад даст им одну из своих шлюпок, и, выбрав благоприятную минуту, они смогут добраться до берега Эспаньолы.

Хотя в этот день дон Ильдефонсо уже не раз был вынужден удивляться, эта речь показалась ему самой удивительной из всего, что он когда-либо слышал.

– Тортуга! Тортуга! Вы сказали, что плывёте на Тортугу? Но зачем? Во имя бога, кто вы такой?

– Меня зовут Питер Блад, а вот кто я такой – право же, я и сам не знаю.

– Вы англичанин? – в ужасе воскликнул испанец, начиная постигать какую-то долю истины.

– О нет! Я, во всяком случае, не англичанин. – Капитан Блад с достоинством выпрямился. – Я имею честь быть ирландцем.

– Ирландцы и англичане – это одно и то же.

– Отнюдь нет. Между ними нет ничего общего.

Испанец гневно посмотрел на него. Щёки его побледнели, рот презрительно искривился.

– Ирландец вы или англичанин, всё равно вы – подлый пират.

Лицо Блада омрачилось, и он вздохнул.

– Боюсь, вы правы, – согласился он. – Я всячески старался этого избежать, но что делать, если судьба настойчиво навязывает мне эту роль и предлагает для подобной карьеры столь великолепное начало?

ПОСЛАНЕЦ КОРОЛЯ

Ослепительным майским утром 1690 года в порту Сантьяго острова Пуэрто-Рико появился некий господин в сопровождении негра-слуги, нёсшего на плече саквояж. Незнакомец был доставлен к пристани в шлюпке с жёлтого галиона, который стал на рейд, подняв на верхушку грот-мачты испанский флаг. Высадив незнакомца, шлюпка тотчас развернулась и пошла назад к кораблю, где её подняли и пришвартовали к борту, после чего все праздные зеваки, толпившиеся на молу, сделали вывод, что тот, кто на ней прибыл в порт, не торопился возвращаться на корабль.

Зеваки проводили незнакомца исполненными любо-

пытства взглядами. Впрочем, внешность его вполне оправдывала такое внимание – она невольно приковывала к себе взоры. Даже несчастные полуголые белые рабы, укладывавшие крепостную стену, и испанские конвойные, сторожившие их, и те глазели на незнакомца.

Высокий, стройный, худощавый и сильный, он был одет элегантно, хотя и несколько мрачно, – в чёрный с серебром испанский костюм. Локоны чёрного парика свободно падали на плечи; широкополая чёрная шляпа с чёрным плюмажем оставляла в тени верхнюю половину лица; обращали на себя внимание твёрдый, гладко выбритый подбородок, тонкий нос с горбинкой и надменная складка губ. На груди незнакомца поблёскивали драгоценные камни, кисти рук утопали в кружевных манжетах, на длинной чёрной трости с золотым набалдашником развевались шёлковые ленты. Он мог бы сойти за щёголя с Аламеды, если бы от всего облика этого человека не веяло недюжинной силой и спокойной уверенностью в себе. Равнодушное пренебрежение к неистово палящему солнцу, проявляемое незнакомцем в чёрном одеянии, указывало на железное здоровье, а взгляд его был столь высокомерен, что любопытные невольно опускали перед ним глаза.

Незнакомец осведомился, как пройти к дому губернатора, и командир конвоиров отрядил одного из своих солдат проводить его.

Они миновали площадь, которая ничем бы не отличалась от площади любого маленького городка старой Испании, если бы не пальмы, отбрасывавшие чёрные тени на ослепительно-белую, спёкшуюся от зноя землю. За площадью была церковь с двумя шпилями и мраморными

ступенями, а за церковью – высокие чугунные ворота, пройдя в которые незнакомец, следуя за своим провожатым, оказался в саду и по аллее, обсаженной акациями, приблизился к большому белому дому с глубокими лоджиями, утопавшему в кустах жасмина. Слуги-негры в нелепо пышных, красных с жёлтыми галунами ливреях распахнули перед посетителем дверь и доложили губернатору Пуэрто-Рико, что к нему пожаловал дон Педро де Кейрос – посланец короля Филиппа.

Не каждый день появлялись посланцы испанского короля в этих отдалённых и едва ли не самых незначительных из всех заокеанских владений его католического величества. Вернее сказать, это случилось впервые, и дон Хайме де Вилламарга, необычайно взволнованный этим сообщением, сам ещё не понимал, должен ли он приписать своё волнение приливу гордости или страху.

Дон Хайме, обладавший, при своём среднем росте и весьма посредственном интеллекте, непропорционально большой головой и большим животом, принадлежал к числу тех государственных деятелей, которые могли бы оказать наилучшую услугу Испании, отдалившись от неё на возможно большее расстояние, и, быть может, именно в силу этих соображений и было ему уготовано назначение на пост губернатора Пуэрто-Рико. Даже благоговейный страх перед его величеством, посланцем которого явился к нему дон Педро, не мог поколебать неистребимое самодовольство дона Хайме. Важный, напыщенный, принимал он королевского гонца, и холодный, высокомерный взгляд синих глаз дона Педро отнюдь не заставил дона Хайме присмиреть. Пожилой доминиканский монах, высокий и тощий, помогал его превосходительству принимать гостя.

– Сеньор, я вас приветствую. – Могло показаться, что дон Хайме говорит с набитым ртом. – Я уповаю услышать от вас, что его величество решил почтить меня своей высокой милостью.

Дон Педро снял шляпу с плюмажем, отвесил поклон и передал шляпу вместе с тростью негру-слуге.

– Я прибыл сюда после некоторых, по счастью благополучно завершившихся, приключений, чтобы сообщить вам монаршью милость. Я только что сошёл с борта «Сент-Томаса», испытав за время своего путешествия многие превратности судьбы. Теперь корабль отплыл в Санто-Доминго и возвратится сюда за мной дня через три-четыре. А на этот короткий промежуток времени мне придётся воспользоваться гостеприимством вашего превосходительства. – Создавалось впечатление, что гость не столько просит оказать ему любезность, сколько заявляет о своих правах.

– Так, так, – соизволил произнести дон Хайме.

Склонив голову набок и важно улыбаясь в седеющие усы, он ждал, когда гость приступит к более подробному изложению послания короля.

Гость, однако, не проявлял торопливости. Он окинул взглядом большую прохладную комнату, роскошно обставленную резной дубовой и ореховой мебелью, доставленной сюда из Старого Света вместе с устилавшими пол коврами и развешанными по стенам картинами, и непринуждённо, как человек, привыкший чувствовать себя свободно в любой обстановке, спросил, не разрешат ли ему сесть. Его превосходительство, слегка утратив свою величавость, поспешил предложить гостю стул.

Посланец короля всё так же неторопливо, с лёгкой усмешкой, чрезвычайно не понравившейся дону Хайме, опустился на стул и вытянул ноги.

– Мы с вами в какой-то мере родственники, дон Хайме, – объявил он.

Дон Хайме уставился на него.

– Не имею удовольствия об этом знать.

– Именно поэтому я и спешу уведомить вас. Эти родственные узы возникли в результате вашего брака, сеньор. Я – троюродный брат донны Эрнанды.

– О! Моей жены! – В тоне его превосходительства явственно прозвучал оттенок пренебрежения к упомянутой выше даме и её родственникам. – Я обратил внимание на ваше имя: Кейрос. – Его превосходительству стала теперь ясна причина жёсткого акцента дона Педро, от которого страдало его в остальном безупречное кастильское произношение. – Вы, значит, португалец, как донна Эрнанда? – И снова в тоне его превосходительства проскользнуло презрение к португальцам, и особенно к тем из них, кто состоит на службе у короля Испании, в то время как Португалия уже полстолетия назад установила свою независимость.

– Наполовину португалец, разумеется. Моя семья…

– Да, да, – прервал его нетерпеливый дон Хайме. – Так с каким же поручением прислал вас ко мне его величество?

– Ваше нетерпение, дон Хайме, вполне естественно, – с оттенком иронии произнёс дон Педро. – Не взыщите, что я позволил себе коснуться семейных дел. Итак, поручение, которое мне дано… Вас, вероятно, не удивит, сеньор, что

слуха его величества, да хранит его бог, – дон Педро благоговейно склонил голову, принудив дона Хайме последовать его примеру, – достигают сообщения не только о вашем прекрасном, весьма похвальном управлении этим островом, именуемым Пуэрто-Рико, но и о большом усердии, проявленном вами в стремлении освободить эти моря от губительных набегов различных морских разбойников, и особенно от английских пиратов, мешающих нашему мореходству и нарушающих мирное течение жизни в наших испанских поселениях.

Да, конечно, дон Хайме не нашёл в этом ничего удивительного и неожиданного. Не нашёл даже после некоторого размышления. Будучи отпетым дураком, он не догадывался, что из всех испанских владений в Вест-Индии вверенный его попечению остров Пуэрто-Рико является наиболее дурно управляемым. А что до остального, то дон Хайме действительно содействовал очищению вод Карибского моря от пиратов. Совсем недавно, кстати сказать, – и совсем случайно, вынуждены мы добавить, – он весьма существенно помог достижению этой цели, о чём и не замедлил тут же упомянуть.

Задрав подбородок и выпятив грудь, он горделиво расхаживал перед доном Педро, повествуя о своих подвигах. Если его старания оценены по заслугам, это, разумеется, приносит ему глубокое удовлетворение, заметил он. Такое поощрение порождает стремление к дальнейшей усердной службе. Он не желал бы показаться нескромным, однако по справедливости должен сказать, что под его эгидой остров Пуэрто-Рико процветает. Вот Фрей Луис может засвидетельствовать, что это так. Христианская религия на-

саждена твёрдой рукой, и ни о какой ереси на Пуэрто-Рико не может быть и речи. А в отношении пиратов им сделано решительно всё, что только в его положении возможно, хотя он, разумеется, и желал бы достичь большего. Однако обязанности призывают его находиться на берегу. Обратил ли дон Педро внимание на новые укрепления, которые он здесь возводит? Сооружение их уже близится к концу, и едва ли даже у этого злодея, у самого капитана Блада, хватит теперь наглости нанести ему визит. Он уже показал этому грозному пирату, что с ним шутки плохи. Несколько дней назад кучка головорезов из его пиратской шайки осмелилась высадиться на южном берегу острова. Но люди дона Хайме проявили бдительность. Он сам позаботился об этом. Вооружённый отряд всадников прибыл на место вовремя. Они налетели на пиратов и задали им хорошую трёпку. При одном воспоминании об этом дона Хайме начал разбирать смех, и он не выдержал и расхохотался. Дон Педро учтиво рассмеялся вместе с ним и, проявляя вполне уместное любопытство, вежливо пожелал узнать дальнейшие подробности.

– Вы прикончили их всех до единого, разумеется? – поинтересовался он. Тон его вопроса не оставлял сомнения в том, что он исполнен презрения к этим пиратам.

– Пока ещё нет. – Его превосходительство, казалось, смаковал предстоящее ему жестокое удовольствие. – Но они все сидят у меня под замком, все шестеро, которых я захватил в плен. Мы ещё не решили, как лучше с ними разделаться. Вздёрнем, вероятно. А может, устроим аутодафе во славу божию. Они же все еретики, конечно. Мы с Фреем Луисом ещё не решили этот вопрос.

– Так, так, – сказал дон Педро, которому разговор о пиратах, как видно, уже прискучил. – Желает ли ваше превосходительство услышать то, что я имею ему сообщить?

Его превосходительство был раздражён этим намёком, призывавшим его прервать свою пространную похвальбу. С надутым видом он принуждённо отвесил чопорный поклон посланцу его величества.

– Прошу прощения, – произнёс он ледяным тоном.

Но надменный дон Педро, казалось, даже не заметил его надутого вида. Он извлёк из кармана своего роскошного одеяния сложенный в несколько раз пергамент и небольшой плоский кожаный футляр.

– Прежде всего я должен объяснить вашему превосходительству, почему этот предмет попадает к вам в таком неподобающем состоянии. Я уже имел честь сообщить – но вы, мне кажется, не обратили на это внимания, – что моё путешествие сюда было сопряжено со многими превратностями. По правде говоря, уже одно то, что мне в конце концов удалось всё же попасть на этот остров, похоже на чудо. Я сам пал жертвой этого дьявола – капитана Блада. Корабль, на котором я отплыл из Кадиса, был им потоплен неделю назад. Мой двоюродный брат, дон Родриго де Кейрос, сопровождавший меня, попал в руки страшного пирата и в настоящее время находится у него в плену, но я оказался счастливее его – мне удалось бежать. Впрочем, это слишком длинный рассказ, и я не стану утомлять вас описанием всего, что произошло.

– Меня это нисколько не утомит! – вскричал его превосходительство, от любопытства теряя свою чванливость.

Однако дон Педро не пожелал вдаваться в подробности, невзирая на проявленный к ним интерес.

– Нет, нет, как-нибудь потом, если у вас ещё не пропадёт охота. Не столь уж это существенно. Для вашего превосходительства существенно, главным образом, то, что мне удалось бежать. Меня подобрал корабль «Сент-Томас» и доставил сюда, и я счастлив, что могу выполнить данное мне поручение. – Он протянул губернатору свёрнутый пергамент. – Я упомянул о моих злоключениях лишь для того, чтобы объяснить вам, как могло случиться, что этот документ так сильно пострадал от морской воды, хотя, впрочем, не настолько, чтобы стать неудобочитаемым. В этом послании государственный секретарь его величества оповещает вас о том, что нашему монарху, да хранит его бог, угодно было в знак признания ваших уже упомянутых мною заслуг одарить вас своей высокой милостью, возведя в ранг рыцаря самого высшего ордена – ордена святого Якова Компостельского.

Дон Хайме побледнел, затем побагровел. В неописуемом волнении он взял дрожащей рукой послание и развернул его. Документ и в самом деле был сильно подпорчен морской водой. Некоторые слова совсем расплылись. На месте титула губернатора Пуэрто-Рико и его фамилии было водянистое чернильное пятно, а ещё несколько слов и вовсе смыло водой, однако основное содержание письма, целиком соответствовавшее сообщению дона Педро, явствовало из этого послания с полной очевидностью и было скреплено королевской подписью, которая нисколько не пострадала.

Когда дон Хайме оторвал наконец глаза от бумаги, дон Педро протянул ему кожаный футляр и нажал пружинку. Крышка отскочила, и глаза губернатора ослепил блеск ру-

бинов, сверкавших, подобно раскалённым углям, на чёрном бархате футляра.

– Вот орден, – сказал дон Педро. – Крест святого Якова Компостельского – самый высокий и почётный из всех орденов, и вы им награждаетесь.

Дон Хайме с опаской, словно святыню, взял в руки футляр и уставился на сверкающий крест. Монах, приблизившись к губернатору, бормотал слова поздравления. Любой орден был бы высокой и нежданной наградой для дона Хайме за его заслуги перед испанской короной. Но награждение его самым высоким, самым почётным из всех орденов превосходило всякое вероятие, и губернатор Пуэрто-Рико на какое-то мгновение был совершенно ошеломлён величием этого события.

Однако через несколько минут, когда в комнату вошла очаровательная молодая дама, изящная и хрупкая, к дону Хайме уже вернулись его обычное самодовольство и самоуверенность.

Увидав элегантного незнакомца, тотчас поднявшегося при её появлении, дама в смущении и нерешительности замерла на пороге. Она обратилась к дону Хайме:

– Извините. Я не знала, что вы заняты.

Дон Хайме язвительно рассмеялся и повернулся к монаху.

– Вы слышите! Она не знала, что я занят. Я – представитель короля на Пуэрто-Рико, губернатор этого острова по повелению его величества, а моя супруга не знает, что я могу быть занят, – она полагает, что у меня много свободного времени! Это же просто невообразимо! Однако подойди сюда, Эрнанда, подойди сюда! – В голосе его зазву-

чали хвастливые нотки. – Взгляни, какой чести удостоил король своего ничтожного слугу. Быть может, хотя бы это поможет тебе понять то, что уже понял его величество, воздав мне должное, в то время как моя супруга оказалась не в состоянии этого сделать, – король оценил по заслугам усердие, с коим несу я бремя моего поста.

Донья Эрнанда робко приблизилась, повинуясь его зову.

– Что это, дон Хайме?

– «Что это»! – насмешливо передразнил дон Хайме свою супругу. – Да всего-навсего вот что! – Он раскрыл перед ней футляр. – Его величество награждает меня крестом святого Якова Компостельского!

Донья Эрнанда чувствовала, что над ней смеются. Её бледные, нежные щёки слегка порозовели. Но не радость, нет, породила этот румянец, и тоскующий взгляд больших тёмных глаз не заискрился от удовольствия при виде ордена. Скорее, подумалось дону Педро, донья Эрнанда покраснела от негодования и стыда за своего грубияна мужа, так презрительно и неучтиво обошедшегося с ней в присутствии незнакомца.

– Я очень рада, дон Хайме, – сказала она мягко. Голос её прозвучал устало. – Поздравляю вас. Я очень рада.

– Ах, вот как! Вы рады? Фрей Алонсо, прошу вас отметить, что донья Эрнанда рада. – В своих насмешках над женой дон Хайме даже не давал себе труда проявлять остроумие. – Кстати, этот господин, доставивший сюда орден, какой-то твой родственник, Эрнанда.

Донья Эрнанда обернулась, снова взглянула на элегантного незнакомца взглянула как на чужого. Однако она

как будто не решалась заявить, что не знает его. Отказаться признать посланца короля, принёсшего весть о высокой награде, да ещё в присутствии такого супруга, как дон Хайме, на это решиться нелегко. К тому же род их был очень многочислен, и могли ведь оказаться у неё и такие родственники, с которыми она не была знакома лично.

Незнакомец низко поклонился; локоны парика почти закрыли его лицо.

– Вы едва ли помните меня, донья Эрнанда. Тем не менее, я ваш кузен, и вы, без сомнения, слышали обо мне от другого вашего кузена – Родриго. Я – Педро де Кейрос.

– Вы Педро? Вот как… – Она вгляделась в него более пристально и принуждённо рассмеялась. – Я помню Педро. Мы играли вместе, когда были детьми, Педро и я.

В её голосе прозвучал оттенок недоверия. Но Педро невозмутимо произнёс, глядя ей в глаза:

– Вероятно, это было в Сантарене?

– Да, в Сантарене. – Его уверенность, казалось, поколебала её. – Но вы тогда были толстый, маленький крепыш с золотистыми кудрями.

Дон Педро рассмеялся:

– Я немного отощал, пока рос, и мне пришёлся по вкусу чёрный парик.

– Вероятно, от этого глаза у вас неожиданно стали синими. Я что-то не помню, чтобы у вас были синие глаза…

– О боже праведный, ну не дурочка ли! – не выдержал её супруг. – Вы же никогда ничего не помните!

Она повернулась к нему, губы её задрожали, но глаза твёрдо встретили его насмешливый взгляд. Резкое слово вот-вот готово было слететь с её губ, но она сдержалась и промолвила очень тихо:

– О нет. Есть вещи, которых женщины не забывают.

– Что касается памяти, – с холодным достоинством произнёс дон Педро, обращаясь к губернатору, – то я, со своей стороны, тоже что-то не припомню, чтобы в нашем роду встречались дурочки.

– Значит, чёрт побери, вам нужно было попасть в Пуэрто-Рико, чтобы сделать это открытие, – хрипло расхохотавшись, отпарировал его превосходительство.

– О! – со вздохом произнёс дон Педро. – Мои открытия могут не ограничиться только этим.

Что-то в его тоне не понравилось дону Хайме. Большая голова его заносчиво откинулась назад, брови нахмурились.

– Что вы имеете в виду? – вопросил он.

Дон Педро уловил мольбу в тёмном, влажном взгляде маленькой, хрупкой женщины, стоявшей перед ним. Снисходя к этой мольбе, он рассмеялся и сказал:

– Мне ещё, по-видимому, предстоит открыть, где ваше превосходительство соблаговолит поместить меня на то время, пока я вынужден пользоваться вашим гостеприимством. Если мне позволено будет сейчас удалиться…

Губернатор резко обернулся к донье Эрнанде:

– Вы слышали? Ваш родственник вынужден напомнить нам о наших обязанностях по отношению к гостю. А вам даже в голову не пришло, что вы должны позаботиться о нём.

– Но я же не знала… Мне никто не сказал, что у нас гость…

– Прекрасно. Теперь вы знаете. Обедать мы будем через полчаса.

За обедом дон Хайме пребывал в преотличнейшем расположении духа, иначе говоря, был попеременно то невероятно важен, то невероятно шумлив, и стены столовой то и дело дрожали от его громового хохота.

Дон Педро почти не давал себе труда скрывать неприязнь к нему. Он держался с ним всё более холодно и надменно и почти полностью перенёс своё внимание на подвергавшуюся насмешкам супругу.

– У меня есть весточка для вас, – сообщил он ей, когда подали десерт. – От кузена Родриго.

– Вот как? – язвительно заметил дон Хайме. – Она будет рада получить от него весть. Моя супруга всегда проявляла необычайный интерес к своему кузену Родриго, а он – к ней.

Донья Эрнанда вспыхнула, но не подняла глаз. Дон Педро легко, непринуждённо тотчас пришёл ей на выручку.

– В нашей семье все привыкли проявлять интерес друг к другу. Все, кто носит фамилию Кейрос, считают своим долгом заботиться друг о друге и готовы в любую минуту этот долг исполнить. – Говоря это, дон Педро в упор посмотрел на дона Хайме, как бы призывая губернатора получше вникнуть в скрытый смысл его слов. – И это имеет прямое отношение к тому, о чём я собираюсь поведать вам, кузина Эрнанда. Как я уже имел честь сообщить его превосходительству, корабль, на котором мы с доном Родриго отплыли вместе из Испании, подвергся нападению этого ужасного пирата капитана Блада и был потоплен. Пираты захватили в плен нас обоих, однако мне посчастливилось бежать…

– Но вы не поведали нам, как вам это удалось, – прервал его губернатор. – Вот теперь расскажите.

Однако дон Педро пренебрежительно махнул рукой.

– Это не столь уж интересно, и я не люблю говорить о себе – мне становится скучно. Но если вы так настаиваете… Нет, как-нибудь в другой раз. Сейчас я лучше расскажу вам о Родриго. Он узник капитана Блада. Но не поддавайтесь чрезмерной тревоге.

Слова ободрения пришлись как нельзя более кстати. Донья Эрнанда, слушавшая его затаив дыхание, смертельно побледнела.

– Не тревожьтесь. Родриго здоров, и жизни его ничто не угрожает. Мне из личного опыта известно, что этот страшный человек, этот Блад, не чужд понятия рыцарственности. Он человек чести, хотя и пират.

– Пират – человек чести? – Дон Хайме так и покатился со смеху. – Вот это здорово, клянусь жизнью! Вы мастер говорить парадоксами, дон Педро. А что скажете вы, Фрей Алонсо?

Тощий монах угодливо улыбнулся. Донья Эрнанда, побледневшая, испуганная, терпеливо ждала, когда дон Педро сможет продолжать. Дон Педро сдвинул брови.

– Парадокс не во мне, парадоксален сам капитан Блад. Этот грабитель, этот сатана в облике человека никогда не проявляет бессмысленной жестокости и всегда держит слово. Вот почему я повторяю, что вы можете не опасаться за судьбу дона Родриго. Вопрос о его выкупе уже согласован между ним и капитаном Бладом, и я взялся этот выкуп добыть. А пока что Родриго чувствует себя совсем неплохо, с ним обращаются почтительно, и, пожалуй,

можно даже сказать, что у них с капитаном Бладом завязалось нечто вроде дружбы.

– Вот этому я охотно могу поверить, чёрт побери! – вскричал губернатор, а донья Эрнанда со вздохом облегчения откинулась на спинку стула. – Родриго всегда готов был водить дружбу с мошенниками. Верно, Эрнанда?

– На мой взгляд… – негодующе начала донья Эрнанда, но внезапно умолкла и добавила другим тоном: – Я никогда этого не замечала.

– Вы никогда этого не замечали! А вы вообще когда-нибудь что-нибудь замечали, позвольте вас спросить? Так-так, значит, Родриго ждёт выкупа. Какой же назначен выкуп?

– Вы хотите внести свою долю? – обрадованно и уже почти дружелюбно воскликнул дон Педро.

Губернатор подскочил так, словно его ужалили. Лицо его сразу стало хмурым.

– Я? Нет, клянусь святой девой Марией! И не подумаю. Это дело касается только семейства Кейрос.

Улыбка сбежала с лица дона Педро. Он вздохнул.

– Разумеется, разумеется! Тем не менее… Мне всё же думается, что вы со своей стороны ещё внесёте кое-какую лепту.

– Напрасно вам это думается, – со смехом возразил дон Хайме, – ибо вас постигнет горькое разочарование.

Обед закончился, все встали из-за стола и, как повелось в часы полуденного зноя, разошлись по своим комнатам отдыхать.

Они встретились снова за ужином в той же комнате, уже в приятной вечерней прохладе, при зажжённых свечах

в тяжёлых серебряных подсвечниках, привезённых из Испании.

Самодовольство губернатора, радость его по поводу полученной им необычайно высокой награды не знали границ; весь свой послеобеденный отдых он провёл в созерцании драгоценного ордена. Он был чрезвычайно весел, шутлив и шумен, но и тут не обошёл донью Эрнанду своими насмешками. Вернее, именно её-то он и избрал мишенью своих грубых шуток. Он высмеивал свою супругу на все лады и призывал дона Педро и монаха посмеяться вместе с ним. Дон Педро, однако, не смеялся. Он оставался странно серьёзен: пожалуй, даже в его взгляде, устремлённом на бледное, страдальческое, трагически-терпеливое лицо доньи Эрнанды, мелькало сочувствие.

В тяжёлом чёрном шёлковом платье, резко оттенявшем ослепительную белизну её шеи и плеч, она казалась особенно стройной и хрупкой, а гладко причёсанные, блестящие чёрные волосы подчёркивали бледность её нежного лица. Она была похожа на изваяние из слоновой кости и чёрного дерева и казалась дону Педро безжизненной, как изваяние, пока после ужина он не остался с ней наедине в одной из оплетённых жасмином, овеваемых прохладным ночным бризом с моря лоджий.

Его превосходительство удалился сочинять благодарственное послание королю и для подмоги взял с собой монаха. Гостя он оставил на попечении своей супруги, не забыв посочувствовать ему по этому случаю. Донья Эрнанда предложила дону Педро выйти на воздух, и, когда тёплая тропическая ночь повеяла на них своим ароматом, супруга губернатора внезапно пробудилась к жизни и, задыхаясь от волнения, обратилась с вопросом к гостю:

– Всё это правда – то, что рассказали вы нам сегодня о доне Родриго? Его действительно захватил и держит в плену капитан Блад? И он в самом деле цел и невредим и ожидает выкупа?

– Всё истинная правда, от слова до слова.

– И вы… вы можете поручиться в этом? Поручиться честным словом джентльмена? Я не могу не считать вас джентльменом, раз вы посланец короля.

– Единственно по этой причине? – Дон Педро был несколько задет.

– Можете вы поручиться мне честным словом? – настойчиво повторила она.

– Без малейшего колебания. Даю вам честное слово. Почему вы сомневаетесь?

– Вы дали мне повод. Вы не слишком правдивы. Зачем, например, выдаёте вы себя за моего кузена?

– Значит, вы не помните меня?

– Я помню Педро де Кейроса. Годы могли прибавить ему роста и стройности, солнце могло покрыть бронзовым загаром его лицо, а волосы под этим чёрным париком могут быть по-прежнему белокуры, хотя я позволю себе усомниться в этом, – но каким образом, разрешите вас спросить, мог измениться цвет его глаз? Ведь у вас глаза синие, а у Педро были карие.

С минуту он молчал, словно обдумывая что-то, а она глядела на его красивое, суровое лицо, отчётливо выступавшее из мрака в резком луче света, падавшем из окна. Он не смотрел на неё. Его взгляд был обращён вдаль, к морю, которое серебрилось под усыпанным звёздами небом, отражая мерцающие огни стоявших на рейде судов.

Потом его глаза проследили полёт светлячка, преследующего мотылька в кустах… Дон Педро глядел по сторонам, избегая взгляда хрупкой, маленькой женщины, стоявшей возле него.

Наконец он заговорил спокойно, с лёгкой усмешкой признаваясь в обмане:

– Мы надеялись, что вы забудете эту маленькую подробность.

– Мы? – переспросила она.

– Да, мы с Родриго. Мы с ним в самом деле подружились. Он спешил к вам, когда всё это произошло. Вот почему мы оказались на одном корабле.

– И он сам пожелал, чтобы вы явились сюда самозванцем?

– Он подтвердит вам это, когда прибудет сюда. А он будет здесь через несколько дней, не сомневайтесь. Он явится к вам, как только я смогу его выкупить, что произойдёт тотчас после моего отъезда. Когда я бежал – я ведь, в отличие от него, не был связан словом, – он попросил меня явиться сюда и назваться вашим кузеном, чтобы до его прибытия служить вам, если это потребуется.

Она задумалась. В молчании они сделали несколько шагов по лоджии.

– Вы подвергали себя непростительному риску, – сказала она, давая понять, что верит его словам.

– Джентльмен, – произнёс он сентенциозно, – всегда готов рискнуть ради дамы.

– Вы рискуете ради меня?

– А вам кажется, что я рискую для собственного удовольствия?

– Нет. Едва ли.

– Так зачем понапрасну ломать себе голову? Я поступаю так, как пожелал Родриго. Он явится и сам объяснит вам, зачем ему это понадобилось. А пока я – ваш кузен и прибыл сюда вместо него. Если этот мужлан, ваш супруг, будет вам слишком докучать…

– Зачем вы это говорите? – В её голосе прозвенело смущение.

– Ведь я здесь вместо Родриго. Не забывайте об этом, больше я вас ни о чём не прошу.

– Благодарю вас, кузен, – сказала она и оставила его одного.

Прошло трое суток. Дон Педро продолжал быть гостем губернатора Пуэрто-Рико, и каждый последующий день был похож на предыдущий, если не считать того, что дон Хайме день ото дня всё сильнее проникался сознанием своего величия, вследствие чего становился всё более невыносим. Однако дон Педро с завидной стойкостью терпел его общество, и порой ему словно бы даже нравилось разжигать чудовищное тщеславие губернатора. Так, на третьи сутки за ужином дон Педро предложил его превосходительству отметить оказанную ему высокую монаршью милость каким-либо событием, которое запечатлелось бы у всех в памяти и нашло бы своё место в анналах острова Пуэрто-Рико.

Дон Хайме жадно ухватился за это предложение.

– Да, да. Это великолепная мысль. Что бы вы мне посоветовали предпринять?

Дон Педро, улыбаясь, запротестовал:

– Как могу я давать советы дону Хайме де Вилламар-

га? Но, во всяком случае, это должно быть нечто такое, что было бы под стать столь значительному и торжественному событию.

– Да, разумеется… Это верно. (Однако мозг этого тупицы был не способен родить какую-либо идею.) Вопрос в том, *что* именно можно считать приличествующим случаю?

Фрей Алонсо предложил устроить большой бал в доме губернатора, и донья Эрнанда зааплодировала. Но дон Педро позволил себе не согласиться с ней: по его мнению, бал останется в памяти только у тех, кто будет на него приглашён. Надо придумать нечто такое, что произведёт неизгладимое впечатление на всех жителей острова.

– Почему бы вам не объявить амнистию? – предложил он наконец.

– Амнистию? – Три пары удивлённых глаз вопросительно уставились на него.

– Именно. Почему бы нет? Вот это был бы поистине королевский жест. А разве губернатор не является в какой-то мере королём – вице-королём, наместником монарха, – и разве народ не ждёт от него поступков, достойных короля? В честь полученной вами высокой награды откройте ваши тюрьмы, дон Хайме, как делают это короли в день своей коронации!

Дон Хайме, ошеломлённый величием этой идеи, не сразу вышел из столбняка. Наконец он стукнул по столу кулаком и заявил, что это блестящая мысль. Завтра он обнародует своё решение, отменит судебные приговоры и выпустит на волю всех преступников.

– Кроме, – добавил он, – шестерых пиратов. Населению не понравится, если я их освобожу тоже.

– Мне кажется, – сказал дон Педро, – что любое исключение сведёт на нет значение всего акта. Исключений не должно быть.

– Но эти преступники сами исключение. Разве вы не помните – я рассказал вам, как захватил шестерых пиратов из тех, что имели наглость высадиться на Пуэрто-Рико?

Дон Педро нахмурился, припоминая.

– Да, да! – воскликнул он. – Вы что-то рассказывали.

– А говорил ли я вам, сэр, что один из этих пиратов не кто иной, как эта собака Волверстон.

– Волверстон? – повторил дон Педро. – Вы схватили Волверстона? – Не могло быть сомнений в том, что это сообщение глубоко его поразило, да и неудивительно: ведь Волверстон считался правой рукой капитана Блада. Испанцам он был так же хорошо известен, как сам капитан Блад, и ненавидели они его, пожалуй, не меньше. – Вы схватили Волверстона? – повторил дон Педро и в первый раз за всё время поглядел на дона Хайме с явным уважением. – Вы мне этого не говорили. Ну, в таком случае, друг мой, вы подрезали капитану Бладу крылья. Без Волверстона он уже наполовину не так страшен. Теперь недолго ждать, чтобы погиб и он, и своим избавлением от него Испания будет обязана вам.

Дон Хайме с притворным смирением развёл руками.

– Быть может, этим я хоть немного заслужу ту великую честь, которой удостоил меня король.

– Хоть немного! – повторил дон Педро. – Будь его величество оповещён об этом, он, быть может, почёл бы даже орден святого Якова Компостельского недостаточно почётным для вас.

Донья Эрнанда бросила на него быстрый взгляд, полагая, что он шутит. Но дон Педро, казалось, говорил вполне искренне и серьёзно. И даже обычное его высокомерие сейчас не так бросалось в глаза. Помолчав, он добавил:

– Да, разумеется, разумеется, этих преступников вы ни в коем случае не должны амнистировать. Это же не заурядные злодеи, это заклятые враги Испании. – Внезапно, словно придя к какому-то решению, он спросил: – Как вы намерены с ними поступить?

Дон Хайме задумчиво выпятил нижнюю губу.

– Я ещё до сих пор не решил, отправить ли мне их на виселицу или отдать Фрею Алонсо для предания огню как еретиков. По-моему, я уже говорил вам об этом.

– Да, конечно, но я не знал тогда, что один из них – Волверстон. Это меняет дело.

– Почему же?

– Ну как же, судите сами! Подумайте хорошенько. По некотором размышлении вы сами поймёте, что вам следует сделать. Это же совершенно ясно.

Дон Хайме начал размышлять, как ему было предложено. Потом пожал плечами.

– Чёрт побери, сеньор, это может быть ясно для вас, но я, по правде говоря, не вижу, что тут ещё можно придумать, кроме костра или верёвки.

– В конечном счёте так оно и будет. Либо то, либо другое. Но не здесь, не на Пуэрто-Рико. Это было бы недостаточно эффектным завершением ваших славных дел. Отправьте этих преступников в Испанию, дон Хайме. Пошлите их его величеству в знак вашего усердия, за которое он удостоил вас своей награды. Пусть это послужит дока-

зательством, что вы действительно заслуживаете награды и даже ещё более высоких наград в будущем. Так вы проявите свою благодарность монарху.

С минуту дон Хайме безмолвствовал, выпучив от удивления и восторга глаза. Щёки его пылали.

– Видит бог, я бы никогда до этого не додумался, – промолвил он наконец.

– Ваша скромность единственно тому причиной.

– Всё может быть, – согласился дон Хайме.

– Но теперь вам уже самому всё ясно?

– О да, теперь мне ясно. Король, конечно, будет поражён.

Но Фрей Алонсо огорчился. Он очень мечтал об аутодафе. А донью Эрнанду более всего поразила внезапная перемена, происшедшая в её кузене: куда девалось его презрительное высокомерие, почему он вдруг стал так мягок и обходителен? Дон Педро же тем временем всё подливал масла в огонь.

– Его величество сразу увидит, что таланты вашего превосходительства растрачиваются впустую в таком незначительном поселении, как здесь, на этом Пуэрто-Рико. Я уже вижу вас губернатором куда более обширной колонии. Быть может, даже вице-королём, как знать… Вы проявили столько рвения, как ни один из наместников Испании в её заокеанских владениях.

– Но как же я переправлю их в Испанию? – заволновался дон Хайме, уже не сомневавшийся более в целесообразности самого мероприятия.

– А вот тут я могу оказать услугу вашему превосходительству. Я возьму их на борт «Сент-Томаса», который

должен прийти за мной с минуты на минуту. Вы напишете ещё одно письмо его величеству о том, что препровождаете ему это живое свидетельство вашего усердия, а я доставлю ваше послание вместе с заключёнными. Общую амнистию вы повремените объявлять, пока мой корабль не отвалит от пристани, и тогда это торжество ничем не будет омрачено. Оно будет совершенным, полным и весьма внушительным.

Дон Хайме был в восторге и, рассыпаясь в благодарностях перед гостем, дошёл даже до такой крайности, что позволил себе назвать его кузеном.

Решение было принято как раз вовремя, ибо на следующее утро на заре жители Сантьяго были потревожены пушечным выстрелом и, пожелав узнать причину этой тревоги, увидели, что жёлтый испанский корабль, доставивший к берегам острова дона Педро, снова входит в бухту.

Дон Педро немедленно разыскал губернатора и, сообщив ему, что то был сигнал к отплытию, учтиво выразил сожаление, что его обязанности не позволяют ему злоупотреблять долее великодушным гостеприимством дона Хайме.

Пока негр-лакей укладывал его саквояж, дон Педро пошёл попрощаться с доньей Эрнандой и ещё раз заверил эту миниатюрную задумчивую женщину в том, что у неё нет оснований тревожиться за судьбу своего кузена Родриго, который в самом непродолжительном времени предстанет перед ней.

После этого дон Хайме в сопровождении адъютанта повёз дона Педро в городскую тюрьму, где содержались пираты.

В полутёмной камере, освещавшейся только маленьким незастеклённым окошком с толстой решёткой под самым потолком, они лежали на голом каменном полу вместе с двумя-тремя десятками разного рода преступников. В этом тесном, грязном помещении стояло такое зловоние, что дон Педро отшатнулся, словно от удара в грудь, и дон Хайме громко расхохотался над его чувствительностью. Однако сам он вытащил из кармана носовой платок, благоухавший вербеной, и поднёс его к носу, после чего время от времени повторял эту операцию снова и снова.

Волверстон и его пятеро товарищей, закованные в тяжёлые цепи, образовали небольшую группу немного поодаль от остальных заключённых. Одни лежали, другие сидели на корточках у стены, где на пол было брошено немного гнилой соломы, заменявшей им постель. Грязные, нечёсаные и небритые, так как все туалетные принадлежности были у них отобраны, они жались друг к другу, словно стремясь обрести в своём союзе силу и защиту против окружавших их жуликов и бандитов. Гиганта Волверстона по одежде можно было бы принять за купца. Дайк, в прошлом младший офицер королевского военно-морского флота, имел вид почтенного добропорядочного горожанина. Остальные четверо были в бумажных рубашках и кожаных штанах – обычной одежде всех флибустьеров – и с цветными повязками на головах.

Никто из них не шелохнулся, когда скрипнула на чугунных петлях дверь и с полдюжины закованных в латы испанцев с пиками в руках – почётный эскорт и охрана его превосходительства – вошли и стали у порога. Когда же сия высокая персона в сопровождении адъютанта и благо-

родного гостя самолично вступила в камеру и все остальные заключённые вскочили и в почтительном испуге выстроились по стенам, корсары равнодушно продолжали сидеть на своей соломе. Однако они не были вовсе безразличны к происходящему. Когда дон Педро небрежно шагнул вперёд, лениво опираясь на увитую лентами трость и похлопывая по губам носовым платком, который он тоже почёл не лишним извлечь из кармана, Волверстон приподнялся на своём вонючем ложе, и его единственный глаз (второй он, как известно, потерял в битве при Сегморе) округлился от ярости.

Дон Хайме жестом указал на корсаров.

– Вот они, эти проклятые пираты, дон Педро. Глядите – сбились в кучу, словно вороньё, слетевшееся на падаль.

– Эти? – надменно спросил дон Педро, ткнув в сторону корсаров тростью. – Клянусь небом, вид их вполне под стать их ремеслу.

Единственный глаз Волверстона сверкнул ещё более грозно, однако корсар продолжал хранить презрительное молчание. Сразу было видно, что этот негодяй упрям, как буйвол.

Дон Педро, безукоризненно изящный в своём чёрном с серебром костюме живое олицетворение гордости и величия Испании, – приблизился к корсарам. Коренастый, неуклюжий губернатор, облачённый в травянисто-зелёную тафту, шагнул вместе с ним, нога в ногу, и обратился к пленным со следующей речью:

– Ну вы, английские собаки! Почувствовали теперь, что значит бросать вызов могуществу Испании? Ничего, успеете почувствовать ещё не раз, покуда вас не прикон-

чат. Я вынужден отказать себе в удовольствии отправить вас на виселицу, как намеревался, потому что хочу дать вам возможность отплыть в Мадрид, где по вас скучает костёр.

Волверстон ухмыльнулся, оскалив зубы.

– Вы благородный человек, – произнёс он на скверном, но всё же вразумительном испанском языке. – Благородный, как все испанцы. Вы оскорбляете людей, пользуясь их беспомощностью.

Взбешённый губернатор обозвал его всеми непечатными словами, которые мгновенно приходят на язык любому испанцу, и ещё долго продолжал бы сквернословить, если бы дон Педро не остановил его, положив руку ему на плечо.

– Стоит ли зря тратить порох? – презрительно сказал он. – Вы лишь попусту задерживаете нас в этой зловонной дыре.

Корсары в каком-то изумлении уставились на него. Дон Педро резко повернулся на каблуках.

– Идёмте, дон Хайме. – Голос его звучал повелительно. – Выведите их отсюда. «Сент-Томас» нас ожидает, и скоро начнётся прилив.

Губернатор, казалось, был в нерешительности; затем, выпустив в корсаров ещё один заряд сквернословия, он отдал распоряжение своему адъютанту и пошёл следом за гостем, который уже направлялся к двери. Адъютант отдал приказ солдатам. Солдаты с бранью принялись поднимать корсаров, подталкивая их древками пик. Подгоняемые солдатами, корсары, пошатываясь, звеня кандалами и наручниками, выбрались на свежий воздух и солнеч-

ный простор. Оборванные, грязные, измученные, эти обречённые виселице люди устало побрели через площадь, мимо высоких, чуть колеблемых морским ветром пальм, мимо остановившихся поглазеть на них жителей, – побрели к молу, где покачивался на причале восьмивёсельный барк.

Губернатор и его гость дожидались, пока корсары в сопровождении своих вооружённых конвоиров спустятся в барк. Затем дон Хайме и дон Педро заняли места на носу; за ними последовал негр-слуга дона Педро с его саквояжем. Барк отчалил, и гребцы, рассекая голубые волны, повели его к величавому кораблю, на мачте которого развевался испанский флаг.

Барк приблизился к жёлтому корпусу корабля возле трапа, и дежуривший на борту матрос приготовил отпорный крюк.

Дон Педро, стоя на носу барка, повелительно отдал приказ мушкетёрам построиться на шкафуте. Над фальшбортом появилась голова в остроконечном шлеме, и последовало сообщение, что мушкетёры уже построены, после чего, неуклюже переступая ногами в кандалах, корсары, подгоняемые конвоирами, начали медленно взбираться по трапу и переваливаться один за другим через борт.

Дон Педро сделал знак своему чёрному слуге следовать за ним и жестом предложил дону Хайме первым подняться на борт. Сам дон Педро начал подниматься сейчас же вслед за ним, и когда наверху трапа дон Хайме внезапно остановился, дон Педро, продолжая подниматься, подтолкнул его вперёд, и притом так сильно, что дон Хайме едва не полетел головой вниз на шкафут. Но дюжина про-

ворных рук подхватила его и поставила на ноги под громкий смех и приветственные крики. Однако руки, оказавшие ему помощь, принадлежали не кому иному, как корсарам, а приветствия были произнесены на английском языке. Весь шкафут был заполнен корсарами, и некоторые из них уже спешили снять кандалы с Волверстона и его товарищей.

Разинув от удивления рот и побледнев как мертвец, испуганный дон Хайме де Вилламарга повернулся к дону Педро. Этот испанский гранд остановился на последней ступеньке трапа и, держась рукой за трос, наблюдал происходящее. На губах его играла улыбка.

– Вам совершенно нечего опасаться, дон Хайме. Даю вам слово. А слово моё крепко. Я – капитан Блад.

И он спрыгнул на палубу, а губернатор продолжал молча таращить на него глаза – он всё ещё ничего не понимал. Когда же слова капитана Блада проникли в его сознание, в потрясённом мозгу этого тупицы все мысли спутались окончательно.

Высокий, стройный мужчина, элегантно одетый, выступил вперёд навстречу капитану, и губернатор с возрастающим изумлением узнал в нём кузена своей жены – дона Родриго. Капитан Блад дружески его приветствовал.

– Как видите, я доставил сюда ваш выкуп, дон Родриго, – сказал он, указывая на закованных в кандалы пленников. – Вы теперь свободны и можете покинуть этот корабль вместе с доном Хайме. Наше прощание, к сожалению, должно быть кратким, так как мы уже поднимаем якорь. Хагторп, распорядись!

Дону Хайме показалось, что он начинает кое-что понимать. Взбешённый, он повернулся к кузену своей жены:

– Чёрт побери, так вы с ними заодно? Вы были в сговоре с этими врагами Испании с целью…

Чья-то крепкая рука стиснула его плечо, откуда-то донёсся резкий свисток боцмана.

– Мы поднимаем якорь, – произнёс капитан Блад. – Вам лучше покинуть этот корабль, поверьте мне. Для меня было большой честью познакомиться с вами. Отправляйтесь с богом, дон Хайме, и постарайтесь оказывать больше уважения вашей супруге.

Губернатор, подталкиваемый сзади, шагнул, словно во сне, к трапу и начал спускаться в барк. Дон Родриго, любезно распрощавшись с капитаном Бладом, последовал за губернатором.

Дон Хайме, как мешок с трухой, повалился на корму барка. Но через несколько мгновений он вскочил и вне себя от ярости принялся угрожать дону Родриго, требуя у него объяснений.

Дон Родриго старался сохранить хладнокровие:

– Постарайтесь выслушать меня спокойно. Я плыл на этом корабле, на «Сент-Томасе», и направлялся в Санто-Доминго, когда капитан Блад напал на корабль и захватил его. Всю нашу команду он высадил на берег на одном из Виргинских островов. Но меня, в соответствии с моим рангом, оставил заложником.

– И, чтобы спасти свою шкуру и свой кошелёк, вы вступили с ним в эту бесстыдную сделку?..

– Я предложил вам выслушать меня. Всё это было совсем не так. Он обращался со мной в высшей степени почтительно, и мы с ним в какой-то мере даже подружились. Он весьма обаятельный человек, как вы сами могли заме-

тить. Мы много беседовали, и он мало-помалу узнал кое-что о моей личной жизни, а также и о вашей, так как между нами существует некоторая связь, поскольку моя кузина Эрнанда стала вашей женой. Неделю спустя, после того как вы захватили в плен Волверстона и ещё кое-кого из тех корсаров, что сошли на берег, Блад решил воспользоваться полученными от меня сведениями, а также моими бумагами, которыми он, разумеется, завладел. Он сообщил мне о своих намерениях и пообещал, что не будет требовать за меня выкупа, если ему удастся, использовав моё имя и мои бумаги, освободить захваченных вами людей.

– А вы что же? Согласились?

– Согласился? Порой вы, в самом деле, бываете на редкость тупы. Никто и не спрашивал моего согласия. Я был просто поставлен в известность. Ваше глупое тщеславие и орден святого Якова Компостельского довершили остальное. Вероятно, он вручил его вам и так вас этим ослепил, что вы уже готовы были поверить каждому его слову.

– Так это вы везли мне орден? И пират захватил его вместе с вашими бумагами? – промолвил дон Хайме, решив, что теперь наконец он что-то уразумел.

На худом загорелом лице дона Родриго появилась угрюмая усмешка.

– Я его вёз губернатору Эспаньолы, дону Хайме де Гусман. Ему же было адресовано и письмо.

Дон Хайме де Вилламарга разинул рот. Потом он побледнел.

– Как! И это тоже обман? Орден предназначался не мне? Это тоже была его дьявольская выдумка?

– Вам следовало получше рассмотреть послание короля.

– Но письмо было испорчено морской водой! – в полном отчаянии вскричал губернатор.

– Тогда вам следовало получше спросить свою совесть. Она бы подсказала вам, что вы ещё не сделали решительно ничего, чтобы заслужить такую высокую награду.

Дон Хайме был слишком ошеломлён, чтобы достойно ответить на эту насмешку. Однако, добравшись до дому, он успел несколько оправиться, и у него достало силы обрушиться на жену, упрекая её за то, что его так одурачили. Впрочем, действуя подобным образом, он лишь навлёк на себя ещё большее унижение.

– Как это могло случиться, сударыня, – вопросил он, – что вы приняли его за своего кузена?

– Я не принимала его за кузена, – ответила донья Эрнанда и рассмеялась в отместку за все нанесённые ей обиды.

– Вы не принимали его за кузена? Так вам было известно, что это не ваш кузен? Вы это хотите сказать?

– Да, именно это.

– И вы не сообщили об этом мне? – Всё завертелось перед глазами дона Хайме, ему показалось, что мир рушится.

– Вы сами не позволили мне. Когда я сказала, что не могу припомнить, чтобы у моего кузена Педро были синие глаза, вы заявили, что я никогда ничего не помню, и назвали меня дурочкой. Мне не хотелось, чтобы меня ещё раз назвали дурочкой в присутствии посторонних, и поэтому я больше не вмешивалась.

Дон Хайме вытер вспотевший лоб и в бессильной ярости обратился к дону Родриго:

– А вы что скажете?

– Мне нечего сказать. Могу только напомнить вам, как напутствовал вас капитан Блад при прощанье. Мне помнится, он советовал вам оказывать впредь больше уважения вашей супруге.

ГРОЗНОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Ввязавшись в морской бой с «Арабеллой», испанский фрегат «Атревида», несомненно, проявил необычайную храбрость, однако вместе с тем и необычайное безрассудство, если учесть полученное им предписание, а также значительное превосходство в огневой силе, которым обладал его противник.

Ведь что это было за судно – «Арабелла»? Да всё тот же «Синко Льягас» из Кадиса, отважно захваченный капитаном Бладом и переименованный им в честь некой дамы с Барбадоса – Арабеллы Бишоп, воспоминание о которой всегда служило ему путеводной звездой и обуздывало его пиратские набеги.

«Арабелла» быстро шла в западном направлении, стремясь догнать остальные корабли капитана Блада, опередившие её на целый день пути, и где-то в районе 19° северной долготы и 66° западной широты была замечена фрегатом «Атревида»; фрегат повернул, лёг поперёк курса «Арабеллы» и открыл сражение, дав залп по её клюзам.

Командир испанского фрегата дон Винсенте де Касанегра никогда не страдал от сознания собственной огра-

ниченности и в этом случае, как всегда, был побуждаем к действию неколебимой верой в самого себя.

В результате произошло именно то, чего и следовало ожидать. «Арабелла» тотчас переменила галс с западного на южный и оказалась с наветренной стороны «Атревиды», тем самым сразу же сведя на нет первоначальное тактическое преимущество фрегата. После этого, будучи ещё в недосягаемости его носовых орудий, она открыла сокрушительный огонь из своих пушек, чем и предрешила исход схватки, а затем, подойдя ближе, так изрешетила картечью такелаж «Атревиды», что фрегат уже не в состоянии был бы спастись бегством, если бы даже благоразумие подсказало дону Винсенте такой образ действий. Наконец, приблизившись уже на расстояние пистолетного выстрела, «Арабелла» бортовым залпом превратила стройный испанский фрегат в беспомощно ковылявшую по волнам посудину. Когда после этого корабль был взят на абордаж, испанцы поспешили сохранить себе жизнь, сложив оружие, и позеленевший от унижения дон Винсенте вручил свою шпагу капитану Бладу.

– Это научит вас не тявкать на меня, когда я мирно прохожу мимо, – сказал капитан Блад. – На мой взгляд, вы не столь храбры, сколь нахальны.

Сложившееся у капитана Блада мнение ни в коей мере не претерпело изменений к лучшему, когда, исследуя судовые документы, он обнаружил среди них письмо испанского адмирала дона Мигеля де Эспиноса-и-Вальдес и узнал из него о полученных доном Винсенте наказах.

Письмо предписывало дону Винсенте как можно быстрее присоединиться к эскадре адмирала в бухте Спаниш-

Кей возле Бьека с целью нападения на английские поселения на острове Антигуа. По счастью, намерения дона Мигеля были выражены в письме вполне недвусмысленно:

«Хотя, – писал он, – его величество король не ведёт сейчас с Англией войны, Англия тем не менее не предпринимает никаких мер, чтобы положить конец дьявольской деятельности пирата Блада в испанских водах. Вследствие этого мы вынуждены применить репрессалии и получить известную компенсацию за все убытки, понесённые Испанией от руки этого дьявола-флибустьера».

Загнав обезоруженных испанцев в трюм – всех, кроме неосмотрительного дона Винсенте, который под честное слово был взят на борт «Арабеллы», капитан Блад отрядил часть команды на «Атревиду», залатал её пробоины и повёл оба корабля юго-восточным курсом к проливу между Анегадой и Виргинскими островами.

Изменив столь внезапно курс, Блад не преминул в тот же вечер дать тому объяснение, для чего в большой капитанской каюте было созвано совещание, на которое он пригласил своего помощника Волверстона, шкипера Питта, канонира Огла и двух представителей от команды; один из них, по имени Альбин, был француз, и его присутствие обуславливалось тем, что французы составляли в то время примерно одну треть всех корсаров, находившихся на борту «Арабеллы».

Сообщение капитана Блада о том, что он намерен плыть к острову Антигуа, встретило противодействие.

В наиболее краткой форме противодействие это было выражено Волверстоном. Стукнув по столу окорокообразной ручищей, Волверстон заявил:

– К чёрту короля Якова со всеми его прислужниками! Хватит с него и того, что мы никогда не нападаем на английские суда и на английские поселения. Но будь я проклят, если мы станем защищать тех, от кого нам самим не ждать добра.

Капитан Блад дал разъяснение:

– Испанцы собираются произвести это нападение в виде компенсации за те убытки, которые якобы понесла Испания от нашей руки. Вот почему я считаю, что это нас к чему-то обязывает. Не будучи ни патриотами, ни альтруистами, как явствует из слов Волверстона, мы тем не менее можем предупредить население и оказать помощь как наёмники, услуги которых оплатит гарнизон, ибо он, несомненно, будет рад нанять нас. И, таким образом, мы исполним свой долг, не упустив при этом и своей выгоды.

Последний аргумент решил спор в пользу Питера Блада.

На заре, миновав пролив, корабли легли в дрейф у южного мыса острова Горда по правому борту не более как в четырёх-пяти милях от него. Море было спокойное. Капитан Блад приказал спустить на воду шлюпки с «Атревиды», и команда испанского корабля поплыла в них к берегу, после чего оба корабля продолжали свой путь к Подветренным островам.

С лёгким попутным ветром пройдя к югу от Саба, они к утру следующего дня приблизились к западному берегу Антигуа и, подняв английский флаг, бросили якорь в десяти саженях к северу от банки, разделяющей надвое вход в Форт-Бей.

Вскоре после полудня, когда полковник Коуртни, пра-

витель Подветренных островов, чья губернаторская резиденция находилась на Антигуа, только что уселся за обеденный стол в обществе миссис Коуртни и капитана Макартни, ему, к немалому его изумлению, было доложено, что капитан Блад высадился в бухте Сент-Джон и желает нанести визит его высокоблагородию.

Полковник Коуртни, высокий, тощий, веснушчатый господин лет сорока пяти, заморгал красноватыми веками и обратил взгляд бесцветных глаз на своего секретаря мистера Айвиса, принёсшего ему это известие.

– Капитан Блад, говорите вы? Капитан Блад? Какой капитан Блад? Надеюсь, не этот проклятый пират, не этот висельник, сбежавший с Барбадоса?

Видя, как разволновался губернатор, юный мистер Айвис позволил себе улыбнуться.

– Он самый, сэр.

Полковник Коуртни швырнул салфетку на стол и, всё ещё не веря своим ушам, поднялся на ноги.

– Вы говорите, он здесь? Он что, рехнулся? Может быть, у него солнечный удар? Клянусь богом, я закую его в кандалы, прежде чем сяду сегодня обедать, и отправлю в Англию, прежде чем… – Он не договорил и повернулся к своему военному коменданту: – Чёрт побери, вероятно, нам всё же следует его принять.

Круглое лицо Макартни, почти столь же красное, как его мундир, выражало не меньшее изумление, чем лицо губернатора. Чтобы такой отъявленный негодяй, за голову которого объявлена награда, имел наглость явиться днём с визитом к губернатору английской колонии, – от подобного известия капитан Макартни онемел и окончательно утратил способность что-либо осмыслить.

Мистер Айвис пригласил в просторную, прохладную, довольно скудно обставленную комнату высокого, худощавого мужчину, весьма элегантно одетого в светло-коричневый парчовый кафтан. Крупный, драгоценный бриллиант сверкал в великолепном кружеве пышного жабо, бриллиантовая пряжка поблёскивала на шляпе с плюмажем, которую этот господин держал в руке, большая грушевидная жемчужина покачивалась под мочкой левого уха, тускло мерцая среди чёрных локонов парика. Гость опирался о чёрную трость с золотым набалдашником. Он был так не похож на пирата, этот щегольски одетый господин, что все в молчании уставились на его бронзовое от загара продолговатое горбоносое лицо с сардонической складкой губ и холодными синими глазами. Всё больше и больше изумляясь и всё меньше веря своим органам чувств, полковник наконец спросил, беспокойно дёрнувшись на стуле:

– Вы капитан Блад?

Гость поклонился. Капитан Макартни ахнул и пожелал, чтоб его разразил гром. Полковник произнёс:

– Чёрт побери! – И его бесцветные глаза совсем вылезли из орбит. Он бросил взгляд на свою бледную супругу, потом поглядел на Макартни и снова воззрился на капитана Блада. – Вы храбрый мошенник. Храбрый мошенник, чёрт побери!

– Я вижу, что вы уже слышали обо мне.

– Слышал, но всё же не ожидал, что вы способны явиться сюда. Вы же не для того пришли, чтобы сдаться мне в плен?

Пират не спеша шагнул к столу. Макартни невольно встал.

– Прочтите это послание, оно вам многое объяснит, – сказал Блад и положил перед губернатором письмо испанского адмирала. – Волею судеб оно попало в мои руки вместе с джентльменом, которому было адресовано.

Полковник Коуртни прочёл, изменился в лице и протянул письмо Макартни. Затем снова поглядел на капитана Блада, и тот, как бы отвечая на его взгляд, сказал:

– Да, я явился сюда, чтобы предупредить вас и в случае необходимости сослужить вам службу.

– Мне? Службу? Какую?

– Боюсь, что у вас будет в этом нужда. Ваш смехотворный форт не выстоит и часа под огнём испанских орудий, после чего эти кастильские господа пожалуют к вам в город. А как они себя ведут в подобных случаях, вам, я полагаю, известно. Если нет, могу это описать.

– Но… разрази меня гром! – воскликнул Макартни. – Мы же не воюем с Испанией!

Полковник Коуртни в холодном бешенстве повернулся к капитану Бладу.

– Это вы причина всех наших бедствий! Ваши грабительские набеги навлекли на нас эту напасть.

– Вот поэтому-то я и явился сюда. Хотя думаю, что мои набеги скорее предлог для испанцев, чем причина. – Капитан Блад опустился на стул. – Вы, как я слышал, нашли здесь, на вашем острове, золото, и дон Мигель, вероятно, оповещён об этом тоже. В вашем гарнизоне всего двести солдат, а ваш форт, как я уже сказал, – старая развалина. Я привёл сюда большой, хорошо вооружённый корабль и две сотни таких вояк, равных которым не сыщется во всём Карибском море, а может, и на всей плане-

те. Конечно, я проклятый пират и за мою голову назначена награда, и если вы чрезмерно щепетильны, то, вероятно, не захотите говорить со мной. Но если у вас есть хоть капля здравого смысла – а я надеюсь, что это так, – вы будете благодарить бога за то, что я явился сюда, и примете мои условия.

– Условия?

Капитан Блад разъяснил. Его люди не собираются строить из себя героев и рисковать жизнью ни за что ни про что. Кроме того, среди них очень много французов, а те, естественно, не могут испытывать патриотических чувств по отношению к английской колонии. Они захотят получить какую-либо, хотя бы незначительную, компенсацию за те ценные услуги, которые они готовы оказать.

– К тому же, полковник, – добавил в заключение капитан Блад, – это ещё и вопрос вашей чести. Заключать с нами союз для вас, может быть, и неудобно, а вот нанять нас – это совсем другое дело. Когда же операция будет завершена, никто не мешает вам снова преследовать нас как нарушителей закона.

Полковник поглядел на него мрачно.

– Мой долг повелевает мне немедленно заковать вас в кандалы и отправить в Англию, где вас ждёт виселица.

Капитан Блад и бровью не повёл.

– Ваш первейший долг – спасти от нападения эту колонию, правителем которой вы являетесь. Вы оповещены о том, что ей угрожает опасность. И опасность эта столь близка, что вам должна быть дорога каждая секунда. Клянусь, вы поступите разумно, если не будете терять эти секунды даром.

Губернатор поглядел на Макартни. Взгляд Макартни был столь же пуст, как и его черепная коробка. Но тут неожиданно поднялась со стула супруга полковника – испуганная, молчаливая свидетельница всего происходящего. Эта дама была столь же высока и костлява, как её супруг. Климат тропиков состарил её до срока и иссушил её красоту. Однако, по счастью, подумал капитан Блад, он, по-видимому, не иссушил её мозги.

– Джеймс, как ты можешь колебаться? Подумай, что будет с женщинами?.. С женщинами и с детьми, если испанцы высадятся здесь. Вспомни, что они сделали с Бриджтауном.

Губернатор стоял, наклонив голову, угрюмо насупившись.

– И тем не менее я не могу заключать союза с… Не могу входить в какие-то сделки с преступниками, стоящими вне закона. Мой долг мне ясен. Абсолютно ясен.

Полковник говорил решительно, он больше не колебался.

– Вольному – воля, спасённому – рай, – произнёс философски настроенный капитан Блад. Он вздохнул и встал. – Если это ваше последнее слово, то разрешите пожелать вам приятного окончания сегодняшнего дня. Я же отнюдь не расположен попасть в руки карибской эскадры.

– Никуда вы отсюда не уйдёте, – резко сказал полковник. – Что касается вас, то мне мой долг тоже ясен. Макартни, стражу!

– Ну, ну, не валяйте дурака, полковник. – Блад жестом остановил Макартни.

– Прошу меня не учить. Я обязан исполнить свой долг.

– Неужто ваш долг призывает вас так подло отплатить мне за ту весьма ценную услугу, которую я вам оказал, предупредив о грозящей опасности? Подумайте-ка хорошенько, полковник.

И снова супруга полковника выступила в роли адвоката капитана Блада – выступила решительно и страстно, отчётливо понимая, что в этот момент было единственно существенным и важным.

Доведённый до отчаяния полковник снова упал на стул.

– Но я не могу! Не могу я вступать в сделку с бунтовщиком, с изгоем, с пиратом! Честь моего мундира… Нет… Нет, я не могу!

Капитан Блад проклял в душе тупоголовых самодержцев, которые посылают подобных людей управлять заморскими колониями.

– Считаете ли вы, что честь вашего мундира требует оказать должное сопротивление испанскому адмиралу?!

– А женщины, Джеймс? – снова напомнила ему супруга. – Право, Джеймс, раз ты в таком отчаянном положении – ведь целая эскадра собирается напасть на тебя, – его величество, несомненно, одобрит твоё решение принять любую предложенную тебе помощь.

Вот какую опять повела она речь и повторяла свои доводы снова и снова, пока и Макартни не поддержал её и не сделал попытки преодолеть ослиное упрямство его высокоблагородия. В конце концов под этим двойным нажимом губернатору пришлось принести своё достоинство в жертву целесообразности. Сумрачно и неохотно он пожелал узнать условия, предлагаемые пиратом.

– Для себя я не прошу ничего, – сказал капитан Блад. – Я приму меры к защите вашего населения просто потому, что в моих жилах течёт та же кровь. Но после того как мы прогоним испанцев, я должен получить от вас по восемьсот реалов на каждого из моих людей, а у меня их двести человек.

Его высокоблагородие остолбенел. – Сто шестьдесят тысяч! – Он едва не задохнулся от возмущения и настолько утратил своё пресловутое достоинство, что сделал попытку поторговаться.

Но капитан Блад остался холоден и непреклонен, и в конце концов его условия были приняты.

В тот же вечер Блад принялся возводить укрепления для защиты города.

Форт-Бей – узкий залив глубиной около двух миль и не больше мили в самой своей широкой части – напоминал по форме бутылку. Вдоль горла этой бутылки тянулась длинная песчаная банка, выступая из воды во время отлива и деля пролив на две части. Пролив к югу от этой банки был доступен лишь для самых мелководных судов, узкая же северная часть, у входа в которую бросила якорь «Арабелла», имела не менее восьми саженей в глубину, а во время приливов даже несколько больше и открывала таким образом доступ в гавань.

Пролив охранялся фортом, расположенным на небольшой возвышенности в северной части мыса. Это было квадратное приземистое сооружение с навесными бойницами, сложенное из серого камня: вся его артиллерия состояла из дюжины допотопных пушек и полдюжины кулеврин, бивших самое большее на две тысячи ярдов, – тех

самых орудий, о которых столь презрительно отозвался капитан Блад. Эти пушки он прежде всего и заменил дюжиной более современных с борта «Атревиды».

Не ограничиваясь этим, он перевёз с испанского корабля на сушу ещё дюжину орудий, в том числе две тяжёлые пушки, заряжавшиеся двенадцатифунтовыми ядрами. Эти орудия, однако, предназначались им для другой цели. В пятидесяти ярдах к западу от форта, на самом краю мыса, он приступил к сооружению земляных сооружений и возводил их с такой быстротой, что полковник Коуртни получил возможность проникнуть в тайны пиратских методов обороны и постичь причины их успехов.

Для возведения этих земляных укреплений капитан Блад отрядил сотню своих людей, и те, обнажённые по пояс, принялись за работу под палящим солнцем. В помощь им он пригнал сотни три белых и столько же негров, жителей Сент-Джона, – то есть всё трудоспособное мужское население – и заставил их рыть, возводить брустверы и забивать землёй туры, которые по его приказу должны были плести из веток женщины. Остальных своих людей он послал резать дёрн, валить деревья и подтаскивать всё это к возводимым укреплениям. До самого вечера кипела работа, и мыс походил на муравейник. Перед заходом солнца всё было закончено. Губернатору казалось, что на его глазах совершается чудо. За шесть часов по воле Блада и по его указаниям возник новый форт, сооружение которого обычным путём потребовало бы не менее недели.

И вот форт был не только построен и оснащён оставшимися двенадцатью пушками с «Атревиды» и полдюжиной мощных орудий с «Арабеллы», – он к тому же был

ещё так искусно замаскирован, что, глядя со стороны моря, трудно было даже заподозрить о его существовании. Земляные валы были покрыты дёрном и сливались с береговой зеленью, чему способствовали также посаженные на валах и вокруг них кокосовые пальмы, а за кустами белой акации так хорошо укрылись пушки, что их нельзя было заметить даже на расстоянии полумили.

Однако полковник Коуртни нашёл, что тут потрачена впустую уйма труда. Для чего так тщательно маскировать укрепления, один вид которых мог бы остановить противника? Капитан Блад разъяснил:

– Этим мы его только насторожим, и он нападёт не сразу, а когда меня уже здесь не будет, и вы останетесь без защиты. Нет, я хочу либо совсем покончить с ним, либо преподать ему такой урок, чтобы никому неповадно было нападать на английские поселения.

Эту ночь Блад провёл на борту «Арабеллы», которая бросила якорь у самого берега, там, где он был очень высок и отвесной стеной уходил в воду. А на заре население Сент-Джона было разбужено оглушительной орудийной пальбой. Губернатор выскочил из дома в ночной рубашке, решив, что испанцы уже напали на остров. Однако стрельбу вёл новый форт: он прямой наводкой палил из всех своих орудий по «Атревиде», а та, убрав мачты, стояла точнёхонько в середине судоходного пролива, поперёк фарватера носом к берегу, кормой к банке.

Губернатор, поспешно облачившись, вскочил в седло и в сопровождении Макартни поскакал на мыс к обрыву. При его приближении стрельба прекратилась. Судно, изрешечённое ядрами, медленно скрывалось под водой. Ко-

гда взбешённый губернатор спешился возле нового форта, корабль совсем ушёл на дно, и волны с плеском сомкнулись над ним. Обратившись к капитану Бладу, который с кучкой своих пиратов наблюдал гибель «Атревиды», губернатор, пылая гневом, потребовал, чтобы ему во имя неба и самой преисподней объяснили, для чего совершается это безумие. Отдаёт ли капитан Блад себе отчёт в том, что он полностью блокировал вход в гавань для всех судов, кроме самых мелководных.

– Именно к этому я и стремился, – сказал капитан Блад. – Я искал самое мелкое место пролива. Корабль затоплен на глубине шести сажен и сократил эту глубину до двух.

Губернатор решил, что над ним смеются. Побелев от негодования, он продолжал требовать объяснений: для чего отдан был такой идиотский приказ, да ещё без его ведома?

С ноткой досады в голосе капитан Блад разъяснил губернатору то, что, по его мнению, было очевидно и так. Губернатор слегка поостыл. Тем не менее неизбежная для человека столь ограниченного ума подозрительность мешала ему успокоиться.

– Но если затопить судно было единственной вашей целью, то какого дьявола понадобилось вам тратить на него порох? Почему было не пустить его на дно, попросту продырявив ему борт?

Капитан Блад пожал плечами.

– Небольшое упражнение в артиллерийской стрельбе. Мы хотели одним выстрелом убить двух зайцев.

– Упражнение в стрельбе с такой дистанции? – губер-

натор был вне себя. – Вы что, смеётесь надо мной, приятель?

– Вам это станет понятней, когда сюда явится дон Мигель.

– С вашего позволения, я хочу понять это теперь же. Немедленно, будь я проклят! Прошу вас принять во внимание, что на этом острове пока что командую я.

Капитан Блад был слегка раздражён. Он никогда не отличался ни снисходительностью, ни терпеливостью по отношению к дуракам.

– Клянусь честью, если мои намерения вам не ясны, значит, ваше стремление командовать опережает ваше умение быстро соображать. Однако времени у нас мало, есть более важные, не терпящие отлагательства дела. – И, резко повернувшись на каблуках, он оставил губернатора возмущаться и брызгать слюной.

Обследовав берег, капитан Блад обнаружил в двух милях от форта небольшую удобную бухту, носившую название Уилоугби-Кав, в которой «Арабелла» вполне могла укрыться от глаз, находясь в то же время под рукой, благодаря чему и сам капитан и его матросы получили возможность оставаться на борту. Это была приятная весть даже для полковника Коуртни, чрезвычайно опасавшегося размещения пиратов в городе. Капитан Блад потребовал, чтобы его команду снабдили провиантом, и запросил пятьдесят голов скота и двадцать свиней. Губернатор снова хотел было поторговаться, но капитан Блад пресёк его попытку в столь сильных выражениях, что это ни в коей мере не могло содействовать улучшению их взаимоотношений. Скот в запрошенном количестве был доставлен, и

пираты принялись пиратствовать пока что в мирной форме: на берегу бухты запылали костры, скот закололи, туши разделали и вместе с пойманными тут же черепахами насадили на вертела.

В этих незлобивых занятиях пролетело трое суток, и губернатор уже начал терзаться сомнениями: не сыграл ли над ним капитан Блад вместе со своими пиратами злую шутку, дабы схоронить здесь концы каких-либо своих гнусных дел? Капитана Блада, однако, эта отсрочка нападения нисколько не удивляла. Дон Мигель не поднимет паруса, объяснил он, пока не потеряет надежды, что дон Винсенте де Касанегра на своей «Атревиде» присоединится к нему.

Ещё четверо суток протекли в бездействии. Губернатор ежедневно скакал верхом в маленькую бухту Уилоугби-Кав и давал волю своим подозрениям, засыпая Блада ядовитыми вопросами. Эти свидания день ото дня становились взаимно всё более неприятными. Капитан Блад ежедневно и всё более ясно давал понять губернатору, что он не питает надежды на колониальные успехи страны, которая может проявлять так мало здравого смысла при выборе людей для управления своими заокеанскими владениями. И только появление эскадры дона Мигеля у берегов острова Антигуа предотвратило полный разрыв отношений между губернатором и его союзником-пиратом.

Весть о появлении эскадры принёс в бухту Уилоугби-Кав в понедельник на рассвете один из караульных нового форта, и капитан Блад тотчас высадился на берег, взяв с собой сотню людей. Для командования кораблём был оставлен Волверстон. Грозный канонир Огл вместе со своими пушкарями уже находился в новом форте.

В шести милях от берега, прямо против входа в гавань Сент-Джон, подгоняемые свежим северо-западным ветром, умерявшим зной утренних лучей, шли под всеми парусами четыре стройных корабля, и флаг Кастилии развевался на верхушке каждой из четырёх грот-мачт.

С парапета старого форта капитан Блад разглядывал корабли в подзорную трубу. Рядом стоял губернатор, убедившийся наконец воочию, что угроза нападения испанцев не была пустой выдумкой. За спиной губернатора, как всегда, торчал Макартни.

Флагманским кораблём дона Мигеля был «Виржен дель Пиляр» – одно из красивейших и весьма грозных испанских судов, на котором адмирал плавал с тех пор, как капитан Блад несколько месяцев назад потопил его «Милагросу». «Виржен дель Пиляр» был большой чёрный галион с сорока орудиями на борту, в числе которых имелось и несколько тяжёлых пушек, бивших на три тысячи ярдов. Из трёх остальных кораблей эскадры два, хотя и поменьше, были тоже весьма могучими тридцатипушечными фрегатами, и лишь четвёртый представлял собой всего-навсего шлюп с десятью пушками на борту.

Капитан Блад опустил подзорную трубу и распорядился привести в боевую готовность старый форт. Новый форт не должен был пока что принимать участия в обороне острова.

Сражение разыгралось через полчаса.

Действия дона Мигеля были не менее стремительны, чем все его прежние, давно знакомые капитану Бладу набеги. Он не сделал попытки взять рифы, пока не приблизился на две тысячи ярдов, видимо, полагая, что его напа-

дение застигнет город врасплох, а допотопные пушки форта ни на что уже не пригодны. Он считал необходимым полностью разгромить форт, прежде чем войти в гавань, и чтобы быстрее и вернее достигнуть этой цели, продолжал идти вперёд, пока, по расчётам капитана Блада, до входа в гавань осталось не более тысячи ярдов.

– Клянусь честью, – сказал капитан Блад, – он, видно, хочет приблизиться на расстояние пистолетного выстрела, а может, и считает, что этот форт вообще не способен оказать сопротивление. Ну-ка, Огл, прочисти ему мозги! Дай салют в его честь.

Команда Огла давно зарядила свои пушки, и двенадцать жерл, взятые с «Атревиды», неотступно следили за приближающейся эскадрой. Подносящие с фитильными пальниками, шомполами и вёдрами с водой стояли возле своих орудий.

Огл дал команду – и над морем разнёсся оглушительный залп двенадцати пушек. С такого близкого расстояния даже пятифунтовые ядра этих сравнительно небольших орудий нанесли кое-какой урон двум кораблям испанской эскадры. Однако моральное воздействие этого неожиданного залпа на тех, кто сам собирался сыграть на неожиданности и получил отпор, было куда существеннее. Адмирал тотчас отдал приказ кораблям сделать поворот оверштаг. Разворачиваясь, корабли дали один за другим несколько бортовых залпов по форту, который мгновенно превратился в вулкан. В воздух полетели осколки разбитых укреплений, и к небу поднялся плотный столб дыма и пыли. Сквозь эту густую завесу корсары не могли видеть, что делают испанские корабли. Но капитан Блад и не видя

довольно ясно это себе представлял и во время короткой передышки, последовавшей за первыми бортовыми залпами, приказал всем покинуть форт и укрыться за ним.

Когда отгремели новые залпы, Блад вернул всех в разбитую крепость на время следующего промежутка между залпами и велел привести в действие все старые пушки форта. Орудия палили наугад в серую дымную пелену с единственной целью – показать испанцам, что форт ещё не разгромлен до конца. А когда пыль осела и дым развеялся, по две, по три заговорили другие пушки и прицельным огнём дали залп по уже приведённым к ветру кораблям, послав в них пятифунтовые ядра. Урон опять оказался невелик, но главная цель – не давать испанцам спуску – была достигнута.

Тем временем судовая команда спешно перезаряжала пушки с «Атревиды». Их охладили водой из вёдер, и щётки, пыжи и шомпола снова пошли в ход.

Губернатор, не принимавший участия в этой лихорадочной деятельности, пожелал наконец узнать, для чего столь бесполезно расходуется порох на эти горе-пушки, в то время как в новом форте имеются дальнобойные орудия, которые могут ударить по испанцам двадцатичетырёх – и даже тридцатифунтовыми ядрами. Получив уклончивый ответ, он перестал спрашивать и начал отдавать распоряжения, после чего ему было предложено не путаться под ногами – оборона-де строится по тщательно разработанному плану.

Конец пререканиям положили испанские корабли, возобновившие атаку, и всё повторилось сначала. Корабельные орудия снова ударили по форту, и на этот раз было

убито несколько негров да с полдюжины корсаров ранило летящими камнями, хотя капитан Блад и распорядился удалить всех из форта, прежде чем корабли дадут залп.

Когда вторая атака испанцев была отбита и они снова отошли, чтобы перезарядить орудия, капитан Блад решил убрать пушки из форта, так как достаточно было ещё нескольких бортовых залпов, и пушки были бы погребены под обломками. Корсары, негры и антигуанская милиция – все были привлечены к этому делу и встали к лафетам. И всё же прошло не менее часа, прежде чем им удалось извлечь пушки из-под обломков и установить их за фортом, подальше от берега, где Огл со своей командой снова принялся тщательно их наводить и заряжать. Вся эта операция производилась под прикрытием форта и осталась не замеченной испанцами, которые повернули и пошли в атаку в третий раз. Теперь уже оборонявшиеся не открывали огня, пока очередной чугунный шквал не обрушился на остатки разбитого, но уже совершенно пустого форта. Когда шквал утих, на месте форта громоздилась лишь бесформенная груда камня, и кучка его защитников, укрывшихся позади этих руин, слышала, как возликовали испанцы, уверенные, что сопротивление сломлено, поскольку в ответ на их бомбардировку не было сделано ни единого выстрела.

Гордо, уверенно дон Мигель пошёл вперёд. Теперь не было нужды отходить, чтобы перезаряжать орудия. Время далеко перевалило за полдень, он успеет до наступления ночи расквартировать свои команды в Сент-Джоне. Однако пелена дыма и пыли, скрывшая защитников города и новое расположение их орудий от взора неприятеля, не

была столь же непроницаемой для острых глаз корсаров, находившихся от неё на более близком расстоянии. Флагманский корабль стоял в пятистах ярдах от входа в бухту, когда шесть орудий, заряженных картечью, прошлись смертоносным шквалом по его палубам и сильно повредили оснастку. И почти следом открыли огонь картечью ещё шесть других пушек, и если нанесённый ими урон оказался менее значительным, то, во всяком случае, он усилил смятение и испуг, порождённые столь неожиданным нападением.

Во время наступившей вслед за этим паузы обороняющиеся услышали рёв трубы флагманского корабля, передававший приказ адмирала остальным кораблям эскадры. Спеша произвести поворот оверштаг, испанские корабли на какой-то момент повернулись к противнику бортом, и тогда по знаку капитана Блада ещё не стрелявшие орудия пятифунтовыми круглыми ядрами дали залп по рангоуту испанских кораблей. Почти все ядра достигли цели, а одно, особенно удачливое, сбило грот-мачту фрегата. Получив такое повреждение, фрегат потерял управление и надвинулся на шлюп, снасти кораблей перепутались, и пока оба судна старались освободиться друг от друга, чтобы последовать за остальными отходившими судами, охлаждённые водой и поспешно перезаряженные пушки противника снова и снова поливали продольным огнём их палубы.

Когда орудия выполнили свою задачу и огонь временно прекратился, капитан Блад, стоявший, нагнувшись над орудием, рядом с канониром, выпрямился, поглядел на длинное, торжественно-угрюмое лицо губернатора и рассмеялся:

– Да, чёрт подери, как всегда, снова страдают невинные.

Полковник Коуртни кисло усмехнулся в ответ:

– Если бы вы поступили так, как я полагал целесообразным…

Капитан Блад перебил его довольно бесцеремонно:

– Силы небесные! Вы, кажется, опять недовольны, полковник? Если бы я поступил по вашему совету, мне бы уже давно пришлось выложить все карты на стол. А я не хочу открывать своих козырей, пока адмирал не сделает тот ход, который мне нужен.

– А если адмирал и не подумает его сделать?

– Сделает! Во-первых, потому, что это в его характере, а во-вторых, потому, что другого хода у него нет. Словом, вы теперь можете спокойно отправиться домой и лечь в постель, возложив все ваши надежды на меня и на провидение.

– Я не считаю возможным ставить вас на одну доску с провидением, сэр, – ледяным тоном заметил губернатор.

– Тем не менее вам придётся. Клянусь честью, придётся. Потому что мы можем творить чудеса – я и провидение, – когда действуем заодно.

За час до захода солнца испанские корабли легли в дрейф милях в двух от острова и заштилели. Все антигуанцы – и белые и чёрные – с разрешения капитана Блада разбрелись по домам ужинать. Осталось только человек сорок, которых Блад задержал на случай какой-либо непредвиденной надобности. Затем корсары уселись под открытым небом подкреплять свои силы довольно изрядными порциями пищи и довольно ограниченными дозами рома.

Солнце окунулось в нефритовые воды Карибского моря, и мгновенно, словно погасили свечу, сгустился мрак, бархатистый, пурпурно-чёрный мрак безлунной ночи, пронизанный мерцанием мириадов звёзд.

Капитан Блад встал, втянул ноздрями воздух. Свежий северо-западный ветер, который на закате солнца совсем было стих, поднимался снова. Капитан Блад приказал потушить все костры и не зажигать никакого огня, чтобы не спугнуть тех, кого он ждал.

А в открытом море, в роскошной каюте флагманского корабля испанцев, именитый, гордый, храбрый и несведущий адмирал держал военный совет, менее всего похожий на таковой, ибо этот флотоводец пригласил к себе капитанов эскадры только для того, чтобы навязать им свою волю. В глухую полночь, когда защитники Сент-Джона уснут, уверенные, что до утра им не приходится опасаться нападения, испанские корабли, миновав форт, с потушенными огнями незаметно войдут в бухту. Восход солнца застанет их уже на якоре в глубине бухты, примерно в миле от форта, и жерла их орудий будут наведены на город.

Так они сделают шах и мат антигуанцам!

Согласно этому плану испанцы и действовали: поставив паруса к ветру, который им благоприятствовал, и взяв рифы, чтобы идти бесшумно, корабли медленно продвигались вперёд сквозь бархатистый мрак ночи. Флагманский корабль шёл впереди, и вскоре вся эскадра приблизилась к входу в бухту, где мрак был ещё более непроницаем и в узком проливе между высокими отвесными берегами вода казалась совсем чёрной. Здесь было тихо, как в могиле. И ни единого огонька. Лишь вдали, там, где волны набегали

на берег, тускло белела фосфоресцирующая лента прибоя, и в мёртвой этой тишине чуть слышен был мелодичный плеск волн о борт корабля. Флагманский галион был уже в двухстах ярдах от форта и от того места, где затонула «Атревида». Команда в напряжённом молчании выстроилась у фальшборта: дон Мигель стоял на юте, прислонившись к поручням, неподвижный, словно статуя. Галион поравнялся с фортом, и дон Мигель в душе уже праздновал победу, когда внезапно киль флагмана со скрежетом врезался во что-то твёрдое: корабль, весь содрогаясь, продвинулся под всё усиливающийся скрежет ещё на несколько ярдов и стал – казалось, лапа какого-то морского чудища пригвоздила его корпус к месту. А наполненные ветром паруса недвижного корабля громко хлопали и гудели, мачты скрипели, и трещали снасти.

И тогда, прежде чем адмирал успел понять, какая постигла его беда, вспышка пламени озарила левый борт судна, и тишина взорвалась рёвом пушек, треском ломающегося рангоута и лопающихся снастей: орудия, снятые с «Арабеллы» и безмолвствовавшие до этой минуты за хорошо замаскированными земляными укреплениями, выпустили свои тридцатидвухфунтовые ядра с убийственно близкого расстояния в испанский флагманский корабль. Беспощадная точность попадания должна была бы открыть полковнику Коуртни, почему капитан Блад не пожалел пороха, чтобы затопить «Атревиду», – ведь теперь, уже имея точный прицел, он мог палить во мраке наугад.

Лишь один ответный беспорядочный залп бортовых орудий дал куда-то в темноту флагманский корабль, после чего адмирал покинул своё разбитое судно, только потому

ещё державшееся на воде, что киль его крепко засел в остове затопленного корабля. Вместе с уцелевшими остатками своей команды адмирал поднялся на борт «Индианы» – одного из фрегатов, который, не успев вовремя сбавить ход, врезался в корму флагмана. Так как скорость была невелика, фрегат не особенно пострадал, разбив себе только бушприт, а капитан фрегата не растерялся и тотчас отдал приказ убрать те немногие паруса, что были уже поставлены.

На счастье испанцев, береговые пушки в этот момент перезаряжались. Во время этой короткой передышки «Индиана» приняла на борт спасшихся с флагмана, а шлюп, который шёл следом за «Индианой», быстро оценив положение, сразу же убрал все паруса, на вёслах подошёл к «Индиане», оттянул её за корму от флагмана и вывел на свободное пространство, где второй фрегат, успевший лечь в дрейф, палил наугад по умолкшим береговым укреплениям.

Впрочем, он достиг этим лишь одного: открыл неприятелю своё местонахождение, и вскоре пушки загрохотали снова. Ядро одной из них довершило дело, разбив руль «Индианы», после чего фрегату пришлось взять её на буксир.

Вскоре стрельба прекратилась с обеих сторон, и мирная тишина тропической ночи могла бы снова воцариться над Сент-Джоном, но уже всё население города было на ногах и спешило на берег узнать, что произошло.

Когда занялась заря, на всём голубом пространстве Карибского моря не видно было ни единого корабля, кроме «Арабеллы», стоявшей на якоре в тени отвесного бере-

гового утёса и принимавшей на борт снятые с неё для защиты города пушки, да флагманского галиона, сильно накренившегося на правый борт и наполовину ушедшего под воду. Вокруг разбитого флагманского корабля сновала целая флотилия маленьких лодок и пирог – корсары спешили забрать все ценности, какие были на борту. Свои трофеи они свезли на берег: орудия и оружие, нередко очень дорогое, золотые и серебряные сосуды, золотой обеденный сервиз, два окованных железом сундука, в которых, по-видимому, хранилась казна эскадры – около пятидесяти тысяч испанских реалов, – а также много драгоценных камней, восточных ковров, одежды и роскошных парчовых покрывал из адмиральской каюты. Вся эта добыча была свалена в кучу возле укреплений для последующего дележа, согласно законам «берегового братства».

Когда вывоз трофеев с затопленного корабля был закончен, на берегу появилась упряжка мулов и остановилась возле драгоценной кучи.

– Что это? – спросил капитан Блад, находившийся поблизости.

– От его благородия губернатора, – отвечал негр, погонщик мулов. – Чтобы, значит, перевезти всё это.

Капитан Блад был озадачен. Оправившись от удивления, он сказал:

– Весьма обязан, – и распорядился нагружать добычу на мулов и везти на край мыса к лодкам, которые должны были доставить сокровища на борт «Арабеллы».

После этого он направился к дому губернатора.

Его пригласили в длинную узкую комнату; на одной из стен портрет его величества покойного короля Карла II

сардонически улыбался собственному отражению в зеркале напротив.

В комнате стоял тоже длинный и тоже узкий стол, на котором лежало несколько книг и гитара; в хрустальной чаше благоухали ветки белой акации. Вокруг стола были расставлены стулья чёрного дерева с прямыми спинками и твёрдыми сиденьями.

Появился губернатор в сопровождении Макартни. Лицо губернатора за ночь словно бы ещё больше вытянулось в длину.

Капитан Блад, с подзорной трубой под мышкой и широкополой шляпой с пышным плюмажем в руке, отвесил низкий поклон.

– Я пришёл проститься с вами, полковник.

– А я только что собирался послать за вами. – Бесцветные глаза полковника встретили прямой, твёрдый взгляд капитана Блада и убежали в сторону. – Мне стало известно о крупных ценностях, снятых вами с разбитого испанского судна. Затем я получил сообщение, что вы погрузили эти ценности на борт вашего корабля. Отдаёте ли вы себе отчёт в том, что эти трофеи являются собственностью его величества короля?

– Мне это неизвестно, – сказал капитан Блад.

– Вот как? В таком случае ставлю вас об этом в известность.

Капитан Блад, снисходительно улыбаясь, покачал головой.

– Это военная добыча.

– Вот именно. А военные действия велись от имени его величества и для защиты колонии его величества.

– Всё правильно, но я-то не состою на службе у его величества.

– Когда я, уступив вашему настоянию, согласился нанять вас и ваших людей для обороны острова, при этом само собой подразумевалось, что вы временно поступаете на службу его величества.

Капитан Блад с удивлением посмотрел на губернатора; казалось, этот разговор его забавляет.

– Чем вы занимались, сэр, прежде чем получить назначение на пост губернатора Подветренных островов? Вы были стряпчим?

– Капитан Блад, вы позволяете себе говорить со мной в оскорбительном тоне!

– Не отрицаю, но вы заслужили даже худшего. Так вы соизволили меня нанять? Какое великодушие! Что было бы сейчас с вами, не окажи я вам эту помощь, которую вы так великодушно от меня приняли?

– Я попрошу вас не уклоняться от темы нашей беседы. – Полковник говорил холодно и чопорно. – Поступив на службу короля Якова, вы тем самым приняли на себя обязательство исполнять действующие в его армии законы. Присвоение вами ценностей с испанского флагманского корабля – это акт разбоя, и, согласно вышеупомянутым законам, вы должны понести за него суровую кару.

Капитан Блад находил, что положение с каждой минутой становится всё более комичным. Он усмехнулся.

– Мой долг с полной очевидностью требует от меня, чтобы я вас арестовал, – продолжал губернатор.

– Но вы, я надеюсь, не собираетесь этого сделать?

– Нет, если вы поспешите воспользоваться моей снисходительностью и уберётесь отсюда без промедления.

– Я уберусь отсюда, как только получу сто шестьдесят тысяч реалов сумму, за которую вы меня наняли.

– Вы предпочли получить вознаграждение в другой форме, сэр. И нарушили при этом закон. Наш разговор окончен, капитан Блад!

Блад посмотрел на него прищурившись. Неужели этот человек такой непроходимый дурак? Или он просто бесчестен?

– О, да вам пальца в рот не клади! – Блад рассмеялся. – По-видимому, я должен теперь провести остаток дней, вызволяя из беды английские колонии! Но тем не менее я не сойду с этого места, пока не получу свои сто шестьдесят тысяч. – Он бросил шляпу на стол, пододвинул себе стул, сел и вытянул ноги. – Жаркая сегодня погодка, полковник, не правда ли?

Глаза полковника гневно сверкнули.

– Капитан Макартни, стража ждёт в галерее. Будьте добры позвать её.

– Вы что же, хотите меня арестовать?

– Само собой разумеется, сэр, – угрюмо отвечал полковник. – Это мой священный долг. Я должен был это сделать в ту самую минуту, когда вы ступили на берег. Ваши поступки доказали мне, что я должен был это сделать, невзирая ни на что! – Он махнул рукой солдату, остановившемуся в дверях. – Капитан Макартни, будьте добры заняться этим.

– О, одну секунду, капитан Макартни! Не спешите так, полковник! – Блад поднял руку. – Это равносильно объявлению войны.

Полковник презрительно пожал плечами.

– Можете называть это как угодно. Сие несущественно.

У капитана Блада полностью развеялись всякие сомнения насчёт честности губернатора. Полковник Коуртни был просто круглый дурак и не видел дальше своего носа.

– Наоборот, это весьма существенно. Раз вы объявляете мне войну, значит, будем воевать. И предупреждаю: став вашим противником, я буду к вам столь же беспощаден, как, защищая вчера вас, был беспощаден к испанцам.

– Чёрт побери! – воскликнул Макартни. – Мы его держим за глотку, а он, слыхали, как разговаривает!

– Другие тоже пробовали держать меня за глотку, капитан Макартни. Пусть это не слишком вас окрыляет. – Блад улыбнулся, потом добавил: – Большое счастье для вашего острова, что война, которую вы мне объявили, может завершиться без кровопролития. В сущности, и сейчас вам должно быть ясно, что она уже ведётся, и притом с большим стратегическим перевесом в мою пользу, так что вам не остаётся ничего другого, как капитулировать.

– Мне это ни в коей мере не ясно, сэр.

– Это лишь потому, что очевидное не сразу бросается вам в глаза. Я прихожу к заключению, что такое свойство, по-видимому, считается у нас на родине совершенно не обязательным для губернатора колонии. Минуту терпения, полковник. Я прошу вас отметить, что мой корабль находится вне вашей гавани. На его борту – две сотни крепких, закалённых в боях матросов, которые с одного маха уничтожат весь ваш жалкий гарнизон, а сорока моих пушек, которые за какой-нибудь час могут быть переправлены на берег, за глаза хватит, чтобы ещё через час от Сент-Джона

осталась лишь груда обломков. Мысль о том, что это английская колония, никого не остановит, не надейтесь. Я позволю себе напомнить вам, что примерно одна треть моих людей – французы, а остальные – такие же изгои, как я. Они с превеликим удовольствием разграбят этот город, во-первых, потому, что он назван в честь короля, а имя короля всем им ненавистно, и во-вторых, потому, что на Антигуа стоит похозяйничать хотя бы ради золота, которое вы тут нашли.

Макартни побагровел и схватился за эфес шпаги, однако тут не выдержал полковник. Бледный от гнева, он взмахнул костлявой веснушчатой рукой и заорал:

– Бесчестный негодяй! Пират! Беглый каторжник! Ты забыл, что ничего этого не будет, потому что мы не выпустим тебя обратно к твоим проклятым разбойникам!

– Может быть, нам следует поблагодарить его за предупреждение, сэр? – съязвил капитан Макартни.

– О боже, вы совершенно лишены воображения, как я заметил ещё вчера! А увидав ваших мулов, я понял, чего можно от вас ожидать, и соответственно с этим принял меры. О да! Я приказал моему адъютанту, когда пробьёт полдень, считать, что мы находимся в состоянии войны, переправить пушки на берег и расположить их в форте, наведя жерла на город. Я предоставил ему для этой цели ваших мулов. – Бросив быстрый взгляд на часы над камином, он продолжал: – Сейчас почти тридцать минут первого. Из ваших окон виден форт. – Он встал и протянул губернатору свою подзорную трубу. – Взгляните и убедитесь, что всё, о чём я говорил, уже приводится в исполнение.

Наступило молчание. Губернатор с лютой ненавистью смотрел на Блада. Затем, всё так же молча, схватил подзорную трубу и шагнул к окну. Когда он отвернулся от окна, лицо его было искажено бешенством.

– Но вы тоже кое-чего не учли. Вы-то ещё в наших руках! Я сейчас сообщу вашей разбойничьей шайке, что при первом их выстреле вы будете повешены. Зовите стражу, Макартни. Хватит болтать языком!

– Ещё минуту, – сказал Блад. – Как вы досадно поспешны в своих умозаключениях! Волверстон получил от меня приказ, и ничто, никакие ваши угрозы не заставят его уклониться от этого приказа хотя бы на йоту. Можете меня повесить, воля ваша. – Он пожал плечами. – Если бы я дорожил жизнью, разве бы я избрал ремесло пирата? Однако учтите: после того как вы меня повесите, мои матросы не оставят от города камня на камне. Мстя за меня, они не пощадят ни стариков, ни женщин, ни детей. Подумайте хорошенько и вспомните ваш долг перед королём и вверенной вам колонией долг, который вы по справедливости считаете первостепенным.

Бесцветные глаза губернатора сверлили Блада, словно стремясь проникнуть в самую его душу. Блад стоял перед губернатором неустрашимый, спокойный, и его спокойствие было пугающим.

Полковник поглядел на Макартни, словно ища у него поддержки, но не получил её. Наконец, поборов себя, он произнёс сквозь зубы:

– О будь я проклят! Поделом мне – нечего было связываться с пиратом! Я выплачу вам ваши сто шестьдесят тысяч, чтобы отделаться от вас, и убирайтесь отсюда ко всем чертям! Прощайте!

– Сто шестьдесят тысяч? – Капитан Блад изумлённо поднял брови. – Это вы должны были заплатить мне как своему союзнику. Такое соглашение было заключено нами *до* объявления войны.

– Какого же дьявола вам ещё нужно?

– Поскольку вы сложили оружие и признали себя побеждённым, мы можем теперь перейти к обсуждению условий мирного договора.

– Каких таких условий? – Раздражение губернатора всё возрастало.

– Сейчас я вам скажу. Прежде всего за оказанную вам помощь вы должны уплатить моим людям сто шестьдесят тысяч. Затем ещё двести сорок тысяч выкуп за город, чтобы избавить его от разрушения.

– Что? Ну, клянусь богом, сэр!..

– Затем, – безжалостно продолжал капитан Блад, – восемьдесят тысяч выкуп за вас лично, восемьдесят тысяч – за вашу семью и сорок тысяч – за всех прочих почтенных граждан этого города, включая и капитана Макартни. Всё это вместе составит шестьсот тысяч, а сумма эта должна быть выплачена в течение часа, иначе будет поздно.

На губернатора страшно было смотреть. Он попытался что-то сказать, но не смог и тяжело упал на стул. Когда дар речи наконец вернулся к нему, голос его дрожал и звучал хрипло:

– Вы… вы напрасно испытываете моё терпение. Вы, может быть, думаете, что я не в своём уме?

– Повесить его надо, полковник, и всё тут, – не выдержал Макартни.

– И сровнять с землёй этот город, спасти который лю-

бой ценой – заметьте, любой ценой! – ваш долг, – присовокупил капитан Блад.

Губернатор потёр рукой потный бледный лоб и застонал.

Так продолжалось ещё некоторое время, и всякий раз они возвращались к тому же и повторяли то, что уже было не раз сказано, пока полковник Коуртни неожиданно не рассмеялся довольно истерично.

– Будь я проклят! Остаётся только поражаться вашей скромности. Вы могли потребовать и девятьсот тысяч и даже девять миллионов…

– Разумеется, – сказал капитан Блад. – Но я вообще очень скромен по натуре, а кроме того, имею некоторое представление о размерах вашей казны!

– Но вы же не даёте мне времени! – в отчаянии воскликнул губернатор, показывая тем самым, что он сдался. – Как могу я собрать такую сумму за час?

– Я не стану требовать невозможного. Пришлите мне деньги до захода солнца, и я уведу свой корабль. А сейчас я позволю себе откланяться, чтобы задержать открытие боевых действий. Счастливо оставаться!

Они позволили ему уйти – им ничего больше не оставалось. А на вечерней заре капитан Макартни подъехал верхом к пиратскому форту. За ним следовал слуга-негр, ведя в поводу мула, навьюченного мешками с золотом.

Капитан Блад один вышел из форта им навстречу.

– От меня бы вам этого не дождаться, – проворчал сквозь зубы желчный капитан.

– Я постараюсь запомнить это на случай, если вас когда-нибудь поставят управлять колониями. А теперь, сэр, к делу. Что в этих мешках?

– По сорок тысяч золотом в каждом.

– В таком случае сгрузите мне четыре мешка – сто шестьдесят тысяч, которые я должен был получить за оборону острова. Остальное можете отвезти обратно губернатору вместе с поклоном от меня. Пусть это послужит уроком ему, а также и вам, дорогой капитан, чтобы вы поняли: первый, основной долг каждого человека – это долг перед самим собой, перед собственной совестью и честью, а не перед должностью, и остаться верным этому долгу, одновременно нарушая данное вами слово, нельзя!

Капитан Макартни засопел от изумления.

– Чтоб мне сдохнуть! – хрипло пробормотал он. – Но вы же пират!

– Я – капитан Блад, – холодно прозвучал в ответ суровый голос флибустьера.

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Капитан Блад был доволен жизнью, другими словами, он был доволен собой.

Стоя на молу в скалистой Кайонской бухте, он смотрел на свои суда. Не без чувства гордости оглядывал он пять больших кораблей, составлявших его флотилию, – ведь когда-то все они, от киля до верхушек мачт, принадлежали Испании. Вон стоит его флагманский корабль «Арабелла» с сорока пушками на борту; красный его корпус и золочёные порты сверкают в лучах заходящего солнца. А рядом – бело-голубая «Элизабет», не уступающая флагману по мощности огня, и позади неё – три корабля поменьше, на каждом – по двадцать пушек, все три захваченные в жар-

кой схватке, у Маракайбо, откуда он их на днях привёл. Этим кораблям, именовавшимся прежде «Инфанта», «Сан-Филипе» и «Санто-Нинно», Питер Блад присвоил имена трёх парок[88] – «Клото», «Лахезис» и «Атропос», как бы давая этим понять, что отныне они станут вершителями судеб всех испанских кораблей, какие могут им повстречаться в океане.

Проявив в этом случае юмор пополам с учёностью, капитан Блад, как я уже сказал, испытывал довольство собой. Его команда насчитывала около тысячи человек, и при желании он мог в любую минуту удвоить это число, ибо его удача уже вошла в поговорку, а что может быть драгоценней удачи в глазах тех, кто в поисках рискованных авантюр очертя голову следует за вожаком? Даже великий Генри Морган в зените своей славы не обладал такой властью и авторитетом. Нет, даже Монтбар, получивший от испанцев прозвище «Истребитель», не нагонял на них в своё время такого страха, как теперь дон Педро Сангре – так звучало по-испански имя Питера Блада.

Капитан Блад знал, что он объявлен вне закона. И не только король испанский, могуществу которого он не раз бросал вызов, но и английский король, не без основания им презираемый, – оба искали способа его уничтожить. А недавно до Тортуги долетела весть, что последняя жертва капитана Блада – испанский адмирал дон Мигель де Эспиноса, особенно жестоко пострадавший от его руки, – объявил награду в восемьдесят тысяч испанских реалов тому, кто сумеет взять капитана Блада живым и передать

---

[88] Парки – богини судьбы в римской мифологии.

ему с рук на руки. Обуреваемый жаждой мщения, дон Мигель не мог удовлетвориться простым умерщвлением капитана Блада.

Однако всё это отнюдь не запугало капитана Блада, не заставило его утратить веру в свою звезду, а посему он вовсе не собирался похоронить себя заживо в надёжной бухте Тортуги. За все страдания, которые он претерпел от людей – а претерпел он немало, – ему должна была заплатить Испания. При этом он преследовал двойную цель: вознаградить себя и в то же время сослужить службу если не презираемому им Стюарту, то Англии, а следовательно, и всему остальному цивилизованному миру, которого алчная, жестокая и фанатичная Испания с присущим ей коварством пыталась лишить всяких связей с Новым Светом.

Питер Блад спускался с мола, где уже улеглась шумная и пёстрая вседневная сутолока, когда из шлюпки, доставившей его к пристани, раздался оклик боцмана с «Арабеллы»:

– Ждать тебя к восьми склянкам, капитан?

– Да, к восьми склянкам! – не оборачиваясь, крикнул Блад и зашагал дальше, помахивая длинной чёрной тростью, как всегда изысканно-элегантный, в тёмно-сером, расшитом серебром костюме.

Он направился к центру города. Большинство прохожих кланялись, приветствуя его, остальные просто глазели. Он шёл по широкой немощёной Рю дю Руа де Франс, которую заботливые горожане обсадили пальмами, стремясь придать ей более нарядный вид. Когда он поравнялся с таверной «У французского короля», кучка корсаров, тор-

чавших у входа, вытянулась в струнку. Из окон доносился приглушённый гул голосов, обрывки нестройного пения, визгливый женский смех и грубая брань, а на фоне этих разнообразных звуков равномерно и глухо стучали игральные кости и звенели стаканы.

Питеру Бладу стало ясно, что его корсары весело спускают золото, привезённое из Маракайбо. Ватага каких-то головорезов, вывалившись наружу из дверей этого дома бесчестия, встретила его приветственными криками. Разве не был он некоронованным королём всех отщепенцев, объединившихся в великое «береговое братство»?

Он помахал тростью, отвечая на их приветствия, и прошёл мимо. У него было дело к господину д'Ожерону, губернатору Тортуги, и это дело привело его в красивый белый дом, стоявший на возвышенности в восточном предместье города.

Капитан Блад, человек осторожный и предусмотрительный, деятельно готовился к тому дню, когда смерть или падение короля Якова II откроют ему путь обратно на родину. С некоторого времени у него вошло в обычай передавать часть своих трофеев губернатору в обмен на векселя французских банков, которые тот переправлял для хранения в Париж. Питер Блад был всегда желанным гостем в доме губернатора, и не только потому, что сделки эти были выгодны д'Ожерону; у губернатора были на это и более глубокие причины: однажды капитан Блад оказал ему неоценимую услугу, вырвав его дочь Мадлен из рук похитившего её пирата. С того дня и сам д'Ожерон, и его сын, и двое дочерей считали капитана Блада самым близким другом своей семьи.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что, как только было покончено с делами, мадемуазель д'Ожерон-старшая пожелала прогуляться с гостем по душистой аллее отцовского сада и проводить его до ворот.

Мадемуазель д'Ожерон, жгучая брюнетка, с матово-бледным лицом, высокая и стройная, одетая богато, по последней парижской моде, славилась не только своей романтической красотой, но и романтическим складом характера. И когда в сгущающихся вечерних сумерках она грациозно скользнула в сад за капитаном, её намерения, как выяснилось, носили к тому же несколько романтический оттенок.

– Мосье, я умоляю вас быть начеку, – с лёгкой запинкой произнесла она по-французски. – Вы приобрели себе слишком много врагов.

Питер Блад остановился и, сняв шляпу, так низко склонился перед мадемуазель д'Ожерон, что длинные чёрные локоны почти закрыли его точёное, бронзовое, как у цыгана, лицо.

– Мадемуазель, ваша забота чрезвычайно мне льстит. О да, чрезвычайно. – Он выпрямился, и его дерзкие глаза, казавшиеся совсем светлыми под чёрными как смоль бровями, с весёлой усмешкой встретили её взгляд. – Вы правы, у меня нет недостатка во врагах. Но это – цена известности. Лишь тот, кто ничего не стоит, не имеет врагов. Однако здесь, на Тортуге, у меня врагов нет.

– Вы вполне в этом уверены?

Тон её вопроса заставил его задуматься. Он нахмурился и сказал, пристально вглядываясь в её лицо:

– Вам что-то известно, мадемуазель, как я догадываюсь?

– Почти ничего. Не больше того, что сообщил мне сегодня один из наших слуг. Он сказал, что испанский адмирал назначил награду за вашу голову.

– У адмирала просто такая манера – делать мне комплименты, мадемуазель.

– И ещё он сказал, что Каузак грозился во всеуслышание, что заставит вас пожалеть о том, как вы обошлись с ним в деле у Маракайбо.

– Каузак?

Это имя заставило капитана Блада подумать, что он, пожалуй, поторопился, заявив, будто у него нет врагов на Тортуге. Он совсем забыл про Каузака. Но Каузак, как видно, отнюдь не склонен был забыть про капитана Блада. Он был с Бладом в деле при Маракайбо, но они не поладили, и Каузак по доброй воле откололся от него и крепко на этом просчитался. Однако, как всякий самовлюблённый тупица, он во всём винил капитана Блада, который якобы обвёл его вокруг пальца. После этого он никогда даже не пытался скрыть свою необоснованную ненависть к Бладу.

– Вот как, он грозит мне? – промолвил капитан Блад. – Ну, это несколько опрометчиво и даже нескромно с его стороны. К тому же всем известно, что его никто не обижал. Когда ему показалось, что угрожавшая нам опасность слишком велика, он пожелал отколоться от нас, и мы не стали его удерживать.

– Но он при этом лишился своей доли добычи, и с тех пор над ним и его командой смеётся вся Тортуга. Разве вы не понимаете, какие чувства должен испытывать к вам этот негодяй?

Они уже подходили к воротам.

– Вы будете его остерегаться? – с мольбой спросила девушка. – Постарайтесь держаться от него подальше.

Капитан Блад улыбнулся, тронутый её заботой.

– Я должен это сделать хотя бы для того, чтобы иметь возможность служить вам. – И он церемонно склонился в поцелуе над её рукой.

Однако он не придал особого значения её словам. Что Каузак вынашивает планы мщения – этому он легко мог поверить. Но чтобы Каузак здесь, на Тортуге, решился открыто ему угрожать – это казалось маловероятным: такой трусливый тупица едва ли мог отважиться на столь опасное бахвальство.

Питер Блад вышел за ворота и быстро зашагал в тёплом бархатистом полумраке надвигающейся ночи и вскоре вышел на залитую огнями Рю дю Руа де Франс. Он уже приближался к концу этой почти безлюдной в вечерний час улицы, когда какая-то тень скользнула ему навстречу из проулка.

Он насторожился и замедлил шаг, но тут же увидел, что перед ним женщина, и услышал её негромкий оклик:

– Капитан Блад!

Он остановился. Женщина подошла ближе и заговорила быстро, взволнованно, с трудом переводя дыхание:

– Я видела, вы проходили здесь два часа назад, да было ещё светло, ну я и побоялась заговорить с вами у всех на глазах. Решила: подожду, покуда вы вернётесь. Не ходите дальше, капитан, – вы идёте навстречу опасности, навстречу смерти!

Он был озадачен и только сейчас узнал её. Перед глазами его возникла сцена, разыгравшаяся неделю назад в

таверне «У французского короля». Двое пьяных головорезов сцепились из-за женщины – жалкого обломка, вышвырнутого судьбой из Европы и прибитого к островам Нового Света. Эта несчастная, сохранившая ещё некоторую миловидность, но столь же грязная и потрёпанная, как её полуистлевшие лохмотья, пыталась вмешаться в свару, причиной которой была она сама, но один из головорезов отвесил ей хорошую затрещину, и тогда Блад в порыве рыцарского гнева сбил негодяя с ног и вывел женщину из притона.

– Они устроили на вас засаду вот там, недалеко отсюда, – говорила женщина. – Они хотят вас убить.

– Кто – они? – спросил Питер Блад, мгновенно вспомнив предостережение мадемуазель д'Ожерон.

– Их там десятка два. И если только они узнают… если они увидят, как я вас тут остановила… мне сегодня же ночью перережут глотку.

Она пугливо озиралась по сторонам в темноте, голос её дрожал от страха, который, казалось, всё возрастал. Внезапно она хрипло вскрикнула:

– Да не стойте же здесь! Идите за мной, я укрою вас до утра в безопасном месте. Утром вы вернётесь на свой корабль и хорошо сделаете, если не будете его покидать или хотя бы станете ходить не один, а с товарищами. Идёмте! – Она потянула за рукав.

– Спокойней, спокойней! – сказал Питер Блад, высвобождая свой рукав. – Куда это ты меня тащишь?

– Ах, да не всё ли равно куда, раз вы этим избежите опасности! – Она снова с силой потянула его за рукав. – Вы были добры ко мне, и я не могу позволить, чтобы вас убили. А нас обоих зарежут, если вы не пойдёте со мной!

Уступив наконец её уговорам – скорее ради её безопасности, нежели ради своей, – Питер Блад позволил женщине увлечь его за собой с широкой улицы в узкий проулок, из которого она выбежала, чтобы перехватить его. По одной стороне этого проулка стояли на довольно большом расстоянии друг от друга деревянные одноэтажные хибарки, по другой – тянулась ограда какого-то участка.

Возле второй хибарки женщина остановилась. Низенькая дверь была распахнута настежь, внутри тускло мерцал огонёк медной керосиновой лампы.

– Входите, – шепнула женщина.

Две ступеньки вели в хибарку, пол которой был ниже улицы. Питер Блад спустился по ступенькам и шагнул в комнату.

В ноздри ему ударил тяжёлый, тошнотворный запах табачного перегара и коптящей лампы. И прежде чем он успел оглядеться по сторонам в этом тусклом свете, страшный удар по голове, нанесённый сзади каким-то тяжёлым предметом, оглушил его, и в полуобморочном состоянии он повалился ничком на грязный земляной пол.

Женщина пронзительно взвизгнула, но визг, внезапно оборвавшись, перешёл в хриплый, сдавленный стон, словно её душили, и снова наступила тишина.

Капитан Блад не успел пошевелиться, не успел даже собраться с мыслями, как чьи-то ловкие жилистые руки быстро принялись за дело: ему скрутили руки за спину, сыромятными ремнями стянули кисти и лодыжки, затем подняли, пихнули на стул и крепко-накрепко привязали к спинке стула.

Коренастый, похожий на обезьяну человек склонил над ним своё мощное туловище на уродливо коротких кривых ногах. Рукава голубой рубахи, закатанные выше локтя, обнажали длинные мускулистые волосатые руки. Маленькие чёрные глазки злобно поблёскивали на широком, плоском, как у мулата, лице. Красный в белую полоску платок был повязан низко, по самые брови. В огромное ухо было продето тяжёлое золотое кольцо.

Питер Блад молча смотрел на него, стараясь подавить закипавшее в нём бешенство, которое всё усиливалось, по мере того как прояснялось его сознание. Инстинкт подсказывал ему, что гнев, ярость никак не помогут ему сейчас и любой ценой следует их обуздать. Он взял себя в руки.

– Каузак! – с расстановкой произнёс он. – Какая приятная, но неожиданная встреча!

– Да, вот и ты сел наконец на мель, капитан, – сказал Каузак и рассмеялся негромко, злобно и мстительно.

Питер Блад отвёл от него глаза и поглядел на женщину, которая извивалась, стараясь вырваться из рук сообщника Каузака.

– Уймись ты, шлюха! Уймись, не то придушу! – пригрозил ей тот.

– Что вы хотите сделать с ним, Сэм? – визжала женщина.

– Не твоё дело, старуха.

– Нет, моё, моё! Ты сказал, что ему грозит опасность, и я поверила тебе, поверила тебе, лживая ты скотина!

– Ну да, так оно и было. А теперь ему тут хорошо и удобно. А ты ступай туда, Молли. – Он подтолкнул её к открытой двери в тёмный альков.

– Не пойду я!.. – огрызнулась она.

– Ступай, тебе говорят! – прикрикнул он. – Смотри, хуже будет!

И, грубо схватив женщину, которая упиралась и брыкалась что было мочи, он поволок её через всю комнату, выпихнул за дверь и запер дверь на задвижку.

– Сиди там, чёртова шельма, и чтоб тихо было, не то я успокою тебя на веки вечные.

Из-за двери донёсся стон, затем заскрипела кровать – как видно, женщина в отчаянии бросилась на неё, – и всё стихло.

Питер Блад решил, что её участие в этом деле теперь для него более или менее ясно и, по-видимому, закончено. Он поглядел на своего бывшего сотоварища и улыбнулся с наигранным спокойствием, хотя на душе у него было далеко не спокойно.

– Не проявлю ли я чрезмерную нескромность, если позволю себе спросить, каковы твои намерения, Каузак? – осведомился он.

Приятель Каузака, долговязый, вихлястый малый, тощий и скуластый, сильно смахивающий на индейца, рассмеялся, навалившись грудью на стол. Его одежда изобличала в нём охотника. Он ответил за Каузака, который молчал, насупившись, не сводя мрачного взгляда с пленника:

– Мы намерены передать тебя в руки дона Мигеля де Эспиноса.

И, наклонившись к лампе, он оправил фитиль. Пламя вспыхнуло ярче, и маленькая грязная комната словно увеличилась в размерах.

– C'est ca[89], – сказал Каузак. – А дон Мигель, надо полагать, вздёрнет тебя на нок-рее.

– А, так тут ещё и дон Мигель затесался! Какая честь! Верно, это цена, назначенная за мою голову, так раззадорила вас всех? Что ж, это самая подходящая для тебя работёнка, Каузак, клянусь честью! Но всё ли ты учёл, приятель? У тебя впереди по курсу есть кое-какие подводные рифы. Хейтон со шлюпкой должен встретить меня у мола, когда пробьёт восемь склянок. Я и так уже запоздал – восемь склянок пробило час назад, если не больше, и сейчас там поднимается тревога. Все знают, куда я шёл, и отправятся туда искать меня. А ты сам знаешь, ребята, чтобы меня найти, перетряхнут и вывернут наизнанку весь этот город, как старый мешок. Что ждёт тебя тогда, Каузак? Ты подумал об этом? Вся твоя беда в том, что ты начисто лишён воображения, Каузак. Ведь это недостаток воображения заставил тебя удрать с пустыми руками из Маракайбо. И если б не я, ты ещё по сей день потел бы на вёслах на какой-нибудь испанской галере. А ты вот обозлился на меня и, как упрямый болван, не видишь дальше собственного носа, думаешь только о том, чтобы выместить на мне свою злобу, и сам на всех парусах летишь к своей погибели. Если в твоей башке есть хоть крупица здравого смысла, приятель, тебе бы надо сейчас поскорее убрать парус и лечь, пока ещё не поздно, в дрейф.

Но Каузак в ответ лишь злобно покосился на Блада и принялся молча обшаривать его карманы. Его товарищ наблюдал за этим, усевшись на трёхногий сосновый табурет.

---

[89] C'est ca – так, так (*фр.*).

– Который час, Каузак? – спросил он.

Каузак поглядел на часы Питера Блада.

– Без минуты половина десятого, Сэм.

– Сдохнуть можно! – проворчал Сэм. – Три часа ждать ещё!

– Там, в шкафу, есть кости, – сказал Каузак. – А тут у нас найдётся, что поставить на кон.

И он ткнул большим пальцем через плечо на стол, где появилась кучка разнообразных предметов, извлечённых из карманов капитана Блада: двадцать золотых монет, немного серебра, золотые часы в форме луковицы, золотая табакерка, пистолет и, наконец, булавка с крупным драгоценным камнем, которую Каузак вынул из кружевного жабо капитана. Рядом лежали шпага Блада и его серый кожаный патронташ, богато расшитый золотом.

Сэм встал, подошёл к шкафу и достал оттуда кости. Он бросил их на стол и, пододвинув свой табурет к столу, сел. Монеты он разделил на две одинаковые кучки. К одной кучке прибавил шпагу и часы, к другой – пистолет, табакерку и булавку с драгоценным камнем.

Питер Блад, внимательно и настороженно следивший за ними, почти не чувствуя боли от удара по голове – так напряжённо искал он в эти минуты какого-либо пути к спасению, – заговорил снова. Страх и отчаяние сжимали его сердце, но он мужественно не позволял себе в этом признаться.

– И ещё одного обстоятельства ты не учёл, – медленно, словно нехотя процедил он сквозь зубы. – А что, если я пожелаю дать за себя выкуп, значительно превосходящий ту сумму, которую испанский адмирал предлагает за мою голову?

Но это не произвело на них впечатления. А Каузак даже поднял его на смех.

– Tiens[90]! А ты же был уверен, что Хейтон явится сюда освободить тебя. Как же так?

И он расхохотался, а за ним и Сэм.

– Это вполне вероятно, – сказал капитан Блад. – Вполне вероятно. Но полной уверенности у меня нет. Ничего нет абсолютно верного в этом неверном мире. Даже и то, что испанец заплатит вам эти восемьдесят тысяч реалов, то есть ту сумму, в которую он, как мне сообщили, оценил мою голову. Со мной ты можешь заключить более выгодную сделку, Каузак.

Он умолк, но его острый, наблюдательный взгляд успел уловить алчный блеск, мгновенно вспыхнувший в глазах француза; успел заметить он и хмуро сдвинутые брови второго бандита. Помолчав, он продолжал:

– Ты можешь заключить со мной такую сделку, которая вознаградит тебя за всё, что ты потерял у Маракайбо. Потому что за каждую тысячу реалов, обещанную адмиралом, я предлагаю тебе две.

Каузак онемел с открытым ртом, выпучив глаза.

– Сто шестьдесят тысяч? – ахнул он, не скрывая своего изумления.

Но огромный кулак Сэма обрушился на шаткий стол. Сэм грубо выбранился.

– Хватит! – загремел он. – Как я договорился, так и сделаю. А не сделаю, мне несдобровать… да и тебе, Каузак, тоже. Да неужто ты, Каузак, такая курица, что пове-

---

[90] Tiens! – Вон как! (*фр.*).

рил этому беркуту? Ведь он заклюёт тебя, как только ты выпустишь его на свободу!

– Каузак знает, что я сдержу слово, – сказал Блад. – Мы с ним плавали вместе. Он знает, что моё слово ценится дороже золота даже испанцами.

– Ну и пусть. А для меня оно не имеет цены. – Сэм угрожающе приблизил к капитану Бладу своё скуластое злое лицо с тяжёлыми, набрякшими веками и низким, покатым лбом. – Я пообещался доставить тебя сегодня в полночь в целости и сохранности куда следует, а когда я берусь за дело, я его делаю. Понятно?

Капитан Блад посмотрел на него и, как это ни странно, широко улыбнулся.

– Ну ещё бы, – сказал он. – Ваше разъяснение не оставляет места для загадок.

И он действительно так думал. Ибо теперь для него стало ясно, что это именно Сэм вошёл в сделку с испанцами и не осмеливается нарушить договор, опасаясь за свою жизнь.

– Тем лучше для тебя, – заверил его Сэм. – И если не хочешь, чтобы тебе опять забили кляп в рот, так попридержи свой вонючий язык ещё часика три. Уразумел?

И он снова приблизил к лицу пленника свою скуластую физиономию и уставился на него с угрозой и насмешкой.

Да, капитан Блад уразумел всё. И, уразумев, перестал отчаянно цепляться за единственную соломинку, дававшую ему какой-то проблеск надежды. Он понимал, что должен сидеть здесь, беспомощный, прикрученный к стулу ремнями, и ждать, когда его передадут с рук на руки

кому-то ещё, кто доставит его к дону Мигелю де Эспиноса.

О том, что произойдёт дальше, он старался не думать. Он знал чудовищную жестокость испанцев, и для него не составляло труда представить себе, как будет неистовствовать адмирал. Холодный пот прошиб его при одной мысли об этом. Неужто его феерическая, головокружительная карьера должна оборваться столь бесславно? Неужто ему, победителю, горделиво бороздившему воды Мэйна, суждено безвестно сгинуть, барахтаясь в грязной воде какого-нибудь трюма! Он не мог возлагать никаких надежд на поиски, уже сейчас, вероятно, предпринятые Хейтоном. Да, конечно, ребята перевернут вверх дном весь город – в этом он нисколько не сомневался. Но он не сомневался и в том, что, когда они доберутся сюда, будет уже слишком поздно. Они могут выследить этих двух предателей и жестоко отомстить им, но ему это уже не поможет.

От страстного, неистового желания вырваться на свободу в голове у него мутилось, отчаяние парализовало ум и волю. Тысяча преданных ему душой и телом людей были здесь, рядом, – стоило, казалось, только крикнуть… но он был бессилен призвать их на помощь и вскоре будет отдан во власть мстительного кастильца! Эта мысль, сколько бы он ни гнал её от себя, настойчиво возвращалась к нему снова и снова; она стучала в висках, качалась, словно маятник, в его мозгу, мешала сосредоточиться…

А затем внезапно ему удалось овладеть собой.

Мозг прояснился и заработал деятельно и чётко, почти сверхъестественно чётко. Питер Блад знал цену Каузаку –

это был алчный, продажный прохвост, готовый предать любого ради своей корысти. И этот Сэм тоже, вероятно, не лучше, а может, даже и хуже; ведь его-то толкнула на это дело одна только жажда наживы – проклятые испанские деньги, цена его, Питера Блада, жизни. Питер Блад пришёл к заключению, что он слишком рано оставил попытки перещеголять в щедрости испанского адмирала, перебить его цену. Можно ещё попытаться бросить кость этим двум грязным псам, чтобы они перегрызли из-за неё друг другу глотку.

Некоторое время он молча наблюдал за ними, подмечая злобный и жадный блеск глаз, то следивших за падением костей, то поглядывавших на жалкие кучки золота, оружие и прочие предметы, от которых негодяи очистили его карманы и за обладание которыми сражались теперь, коротая время в ожидании назначенного часа за игрой в кости. А затем он услышал свой собственный голос, громко нарушивший тишину:

– Вы тут тратите время на игру из-за какого-нибудь полпенса, а стоит вам протянуть руку, и каждый из вас станет богачом.

– Ты опять за своё? – заворчал Сэм.

Но капитан Блад и ухом не повёл и продолжал дальше:

– К той цене крови, которую назначил испанский адмирал, я делаю надбавку в триста двадцать тысяч. Покупаю у вас мою жизнь за четыреста тысяч реалов.

Сэм, разозлившись, вскочил было на ноги, да так и окаменел, поражённый грандиозностью названной суммы; Каузак поднялся тоже, и они стояли друг против друга по обе стороны стола, дрожа от возбуждения; ни тот, ни дру-

гой не произнёс ещё ни слова, но глаза их уже загорелись алчным огнём. Наконец француз нарушил молчание:

– Боже милостивый, четыреста тысяч! – Он вымолвил это медленно, с трудом ворочая языком, словно стремясь, чтобы огромная цифра проникла в его мозг и дошла до сознания его соучастника. Он повторил: – Четыреста тысяч, по двести тысяч на каждого! Разрази меня гром! За такие денежки стоит рискнуть, а, Сэм?

– Куча денег, что и говорить, – задумчиво проговорил Сэм. Потом он вдруг опомнился: – Чума на тебя! Так ведь это слова! Кто им поверит? Попробуй освободи-ка его, как ты тогда заставишь его платить, да он…

– О нет, я заплачу, – сказал Блад. – Каузак может подтвердить, что я всегда плачу. Учтите, – добавил он, помолчав, – что такая сумма, даже если её поделить, сделает каждого из вас богачом, и вы до конца дней своих будете жить припеваючи, в полном достатке. – Он рассмеялся. – Ну же, ребята, не валяйте дурака!

Каузак облизнул пересохшие губы и поглядел на своего компаньона.

– Давай рискнём, – заискивающе пробормотал он. – Сейчас ещё десяти нет, и мы до полуночи успеем удрать так далеко, что испанцам нас ни в жизнь не догнать.

Но переубедить Сэма было нелегко. Он размышлял. И хотя приманка была велика, Сэм никак не мог решиться принять это соблазнительное предложение, ибо ему мерещилась в нём двойная опасность. Связавшись с испанцами, он теперь боялся отступиться от них: ему казалось, что тогда его неминуемо ждёт гибель, либо от руки разъярённых испанцев, которых он предаст, либо от руки самого

Блада, который, если его освободить, конечно, ничего им не простит. Так лучше уж без особого риска взять верные сорок тысяч, чем гоняться за какими-то призрачными сотнями тысяч, раз это к тому же сопряжено с такой опасностью.

– Не бывать этому, и всё! – сердито закричал он. – А ты, капитан, заткнись! Я, кажется, тебя предупреждал.

– А, чёрт! – хрипло выругался Каузак. – А я говорю, что стоит рискнуть! Стоит!

– Ты говоришь? А ты-то чем рискуешь? Испанцы даже не знают, что ты ввязался в это дело. Тебе легко, приятель, говорить «стоит рискнуть!», когда тебе и рисковать-то не придётся. Вот мне – другое дело. Если я надую испанца, он сразу смекнёт, чем тут пахнет. Да что толковать! Я дал слово, а я своему слову хозяин. И хватит об этом.

Решительный, свирепый, он стоял напротив Каузака по другую сторону стола, и Каузак, хмуро глянув на тощее непреклонное лицо, вздохнул с досадой и снова опустился на табурет.

Блад ясно видел, что в душе француза клокочет злоба. Несмотря на мстительную ненависть, которую этот корыстный мошенник питал к Бладу, завладеть деньгами своего врага было для него соблазнительнее, чем лишать его жизни, и нетрудно было догадаться, какую досаду испытывает он, видя, что возможность крупной наживы уплывает у него из-под носа только потому, что для его компаньона это сопряжено с риском.

Некоторое время эта достойная парочка хранила молчание. Молчал и Блад, считая, что ему пока не следует ничего добавлять к уже сказанному, так как сейчас это не

принесёт плодов. Вместе с тем он всё же испытывал некоторое удовлетворение, видя, что ему удалось посеять рознь между компаньонами.

Когда же он наконец заговорил, нарушив нависшее в комнате угрюмое молчание, его слова, казалось, имели мало связи со всем предыдущим.

– Хотя вы, по-видимому, твёрдо решили продать меня испанцам, это ещё отнюдь не причина, чтобы я умирал тут у вас от жажды. В горле у меня пересохло, как в солончаковой пустыне, ей-богу.

И хотя мучившая его жажда служила для него лишь предлогом, чтобы достичь своей цели, тем не менее она была отнюдь не притворной, и надо сказать, что его тюремщики так же сильно от неё страдали. Воздух в этой комнате с запертыми наглухо дверями и окнами был нестерпимо удушлив. Сэм провёл рукой по влажному лбу и стряхнул капельки пота.

– Дьявол! Ну и жарища! – пробормотал он. – Мне тоже пить охота.

Каузак облизнул воспалённые губы.

– А здесь в доме нет ничего? – спросил он.

– Нету. Да тут до таверны два шага. – Сэм поднялся со стула. – Пойду принесу кувшин вина.

Душа Питера Блада снова взмыла ввысь на крыльях надежды. Произошло именно то, чего он добивался. Зная пристрастие этих подонков к бутылке, он рассчитывал, что разговор о жажде легко повлечёт за собой желание её удовлетворить, а это, в свою очередь, приведёт к тому, что один из них отправится за вином, и, если повезёт, это будет Сэм. А уж с Каузаком-то он договорится в два счёта – в этом капитан Блад не сомневался.

И тут этот кретин Каузак проявил излишнее нетерпение и тем испортил всё дело. Он тоже вскочил на ноги.

– Кувшин вина! Вот это дело! – заорал он. – Давай ступай скорей! Я сам прямо помираю – так в глотке пересохло.

Голос его задрожал от волнения, и ухо Сэма сразу уловило эту нетерпеливую дрожь. Он приостановился, внимательно вгляделся в своего компаньона и как в открытой книге прочёл на лице этого мелкого жулика все его коварные намерения.

Губы его скривились в усмешке.

– Я что-то передумал, – медленно произнёс он, – Лучше уж ты ступай, а я здесь покараулю.

У Каузака отвалилась челюсть; он даже побледнел. И капитан Блад уже в третий раз проклял в душе его непроходимую глупость.

– Ты что – не доверяешь мне? – проворчал Каузак.

– Да нет… Не то чтобы… – последовал уклончивый ответ. – Только уж лучше я останусь.

Тут Каузак и в самом деле рассвирепел:

– Ах, так! Да пошёл ты к дьяволу! Если ты мне не доверяешь, так я тебе тоже не доверяю.

– А тебе незачем мне доверять. Ты знаешь, что меня его посулы не соблазняют. Значит, мне его и сторожить.

Минуты две эти гнусные союзники молча сверлили друг друга взглядом и только сопели сердито. Затем Каузак угрюмо отвёл глаза в сторону, пожал плечами и отвернулся, словно поневоле признавая, что против доводов Сэма не поспоришь. Он постоял ещё немного, прищурившись, о чём-то размышляя. И, как видно приняв внезапно какое-то решение, произнёс:

– Да ладно, пойду! – повернулся и быстро вышел из комнаты.

Когда дверь за французом захлопнулась, Сэм опустился на табурет. Блад прислушивался к быстро удаляющимся шагам, пока они не замерли вдали. И неожиданно громко расхохотался, заставив вздрогнуть своего стража.

Сэм подозрительно на него поглядел:

– Что это тебя так разбирает, капитан?

Блад, как мы знаем, предпочёл бы иметь дело с Каузаком. С тем он мог действовать наверняка. Добиться чего-нибудь от Сэма представлялось маловероятным, ибо он явно боялся испанцев как огня. И тем не менее испробовать надо было всё, любую, самую ничтожную возможность.

– Меня забавляет твоя беспечность, – отвечал капитан Блад. – Сторожить меня ты ему не доверил, а за вином отпустил…

– Так что ж за беда?

– А если он вернётся не один? – загадочно проронил капитан Блад.

– Чума на него! – вскричал Сэм. – Пусть он только попробует со мной такие шутки шутить, пристрелю, как собаку! Я с этими шутниками не церемонюсь.

– Тебе так и так нужно от него избавиться, Сэм. Это же мерзавец и предатель, мне ли его не знать. Ты ему стал сегодня поперёк дороги, и он тебе этого не забудет. Сам бы мог понять – ты же видишь, как он предал меня. Да только ты всё равно ничего не понимаешь. У тебя есть глаза, Сэм, но ты видишь не больше, чем слепой щенок. И голова у тебя вроде есть, но её вполне могла бы заменить и тыква, иначе ты не стал бы колебаться между испанцем и мной.

– А, ты опять про это!

– Да, разумеется. Предлагаю тебе четыреста тысяч и ручаюсь честью, что не буду помнить зла и мстить тебе. Даже Каузак пытался тебе втолковать, что моему слову можно верить, – он-то не колебался принять моё предложение.

Питер Блад умолк. Бандит-охотник молча смотрел на него, размышляя. Лицо у него посерело от волнения, пот крупными каплями выступил на лбу.

– Четыреста тысяч, говоришь? – прохрипел он наконец.

– Ну, а то как же? Зачем тебе делиться с этим французом? Думаешь, он стал бы делиться с тобой? Он бы, уж конечно, постарался всадить тебе нож в спину, а все денежки положить себе в карман. Ну же, Сэм, смелей, не упусти своего счастья! К дьяволу испанцев! Чего ты их боишься! Ты боишься каких-то призраков. Я защищу тебя от них! На борту моего флагманского корабля ты будешь в полной безопасности.

Сэм оживился, глаза его сверкнули, но тут же потухли снова, затуманенные тревогой.

– Четыреста тысяч… Да больно уж риск велик…

– Да какой же риск – ровным счётом никакого, – сказал капитан Блад. – Вполовину меньше риска, чем продавать меня испанцам. Ведь рано или поздно эта сделка выйдет наружу, и тогда, приятель, тебе живым из Тортуги не уйти. И даже если ты отсюда улизнёшь, мои ребята разыщут тебя и на дне морском.

– Да откуда они про меня узнают?

– Найдётся кто-нибудь, кто им донесёт, – так всегда

бывает. Дурак ты был, что взялся за это дело, и дважды дурак, что связался с Каузаком, он же повсюду кричал, что рассчитается со мной. Так на кого же в первую очередь падёт подозрение, как не на него? И как только его схватят – а уж схватят его как пить дать! – он тут же выдаст тебя, можешь не сомневаться.

– Провалиться мне, а ведь ты верно говоришь! – вскричал Сэм, когда все эти соображения, совсем не приходившие ему на ум, проникли наконец в его сознание.

– И всё остальное, что я тебе говорю, тоже верно, Сэм, уж ты не сомневайся.

– Постой, дай мне подумать.

Питер Блад и на этот раз почёл за лучшее ограничиться сказанным. Пока что в этом разговоре с Сэмом он достиг такого успеха, на который даже не смел надеяться. Сомнение в душе Сэма посеяно – оставалось ждать, чтобы оно дало всходы.

Минуты бежали. Сэм, положив локти на стол, опустив голову на скрещённые руки, сидел неподвижно, погружённый в свои думы. Когда он наконец поднял голову, Питер Блад при желтоватом свете лампы заметил, как побледнело его блестевшее от пота лицо. «Как глубоко проник в душу Сэма влитый по капле яд?» – думал пленник. Внезапно Сэм вытащил из-за пояса пистолет и обследовал затравку. Питеру Бладу эти его действия показались довольно зловещими, и особенно потому, что Сэм не сунул пистолет обратно за пояс. Он продолжал возиться с пистолетом; изжелта-серое лицо его было мрачно, губы твёрдо сжаты.

– Сэм, – негромко окликнул его капитан Блад. – Ну, что ты надумал?

– Я не дам этому ублюдку одурачить меня.

– А дальше что?

– А дальше там видно будет.

Питер Блад с трудом подавил в себе желание подстрекнуть этого дубину ещё раз.

В полном молчании, нарушаемом лишь тиканьем часов Питера Блада, лежавших на столе, время тянулось бесконечно. Наконец где-то далеко в переулке послышался звук шагов. Шаги приближались, звучали всё громче, дверь распахнулась, и на пороге возник Каузак с большим чёрным бурдюком вина в руках.

Сэм уже вскочил на ноги, правую руку он держал за спиной.

– Куда это ты провалился? – проворчал он. – Почему так долго?

Каузак был бледен и запыхался, словно бежал бегом. Мозг Питера Блада, работавший в эти минуты с поразительной точностью, мгновенно отметил, что Каузак и не думал бежать. В чём же причина его состояния? Видимо, оно являлось следствием волнения или страха.

– Я торопился, – сказал француз, – да уж больно пить захотелось. Задержался малость, чтобы прополоскать глотку. Вот твоё вино.

Он плюхнул бурдюк на стол.

И в то же мгновение Сэм почти в упор выстрелил ему прямо в сердце.

Картина, которая предстала взору Питера Блада в клубах ядовитого дыма, заставившего его закашляться, запечатлелась в его памяти на всю жизнь. Каузак лежал на полу ничком, тело его судорожно подёргивалось, а Сэм, пе-

регнувшись через стол, смотрел на него, и на тощем лице его играла хищная усмешка.

– Я с тобой, французская скотина, не желаю попадать впросак, – дал он своё запоздалое объяснение, словно убитый мог ещё его слышать.

Затем он положил пистолет и потянулся к бурдюку. Запрокинув голову, он вылил изрядное количество вина в свою пересохшую глотку. Громко чмокнул, облизнул губы, опустил бурдюк на стол и скорчил гримасу, словно почувствовав во рту горький привкус. Внезапно страшная догадка сверкнула в его мозгу, и в глазах отразился испуг. Он снова схватил бурдюк и понюхал вино, громко, точно собака, втягивая ноздрями воздух. Лицо его посерело, расширенными от ужаса глазами он уставился на Питера Блада и сдавленным голосом выкрикнул одно-единственное слово:

– Манзанилла!

Схватив бурдюк, он швырнул его в распростёртое на полу мёртвое тело, изрыгая чудовищную брань.

А в следующее мгновение он уже скорчился от боли, схватившись руками за живот. Забыв о Бладе, обо всём, кроме сжигавшего его внутренности огня, он собрал последние силы, бросился к двери и пинком распахнул её.

Это усилие, казалось, удесятерило его муки. Страшная судорога согнула его тело пополам, так что колени почти упёрлись в грудь, и сыпавшаяся с его языка брань перешла в нечленораздельный, звериный вой. Наконец он рухнул на пол и лежал, обезумев от боли, извиваясь, как червяк.

Питер Блад угрюмо смотрел на него. Он был потрясён, но не озадачен. К этой загадке, собственно, не требовалось

подбирать ключа – единственное членораздельное слово, произнесённое Сэмом, полностью проливало на неё свет.

Едва ли ещё когда-нибудь возмездие столь своевременно и быстро настигало двух преступных негодяев. Каузак подбавил в вино сок ядовитого яблока, раздобыть который ничего не стоило на Тортуге. Желая отделаться от своего компаньона, чтобы ударить по рукам с капитаном Бладом и забрать себе весь выкуп, он отравил сообщника в ту минуту, когда сам уже пал от его руки.

Острый ум капитана Блада выручил его и на этот раз из беды, однако в известной мере он должен был благодарить за избавление от смерти и свою счастливую звезду.

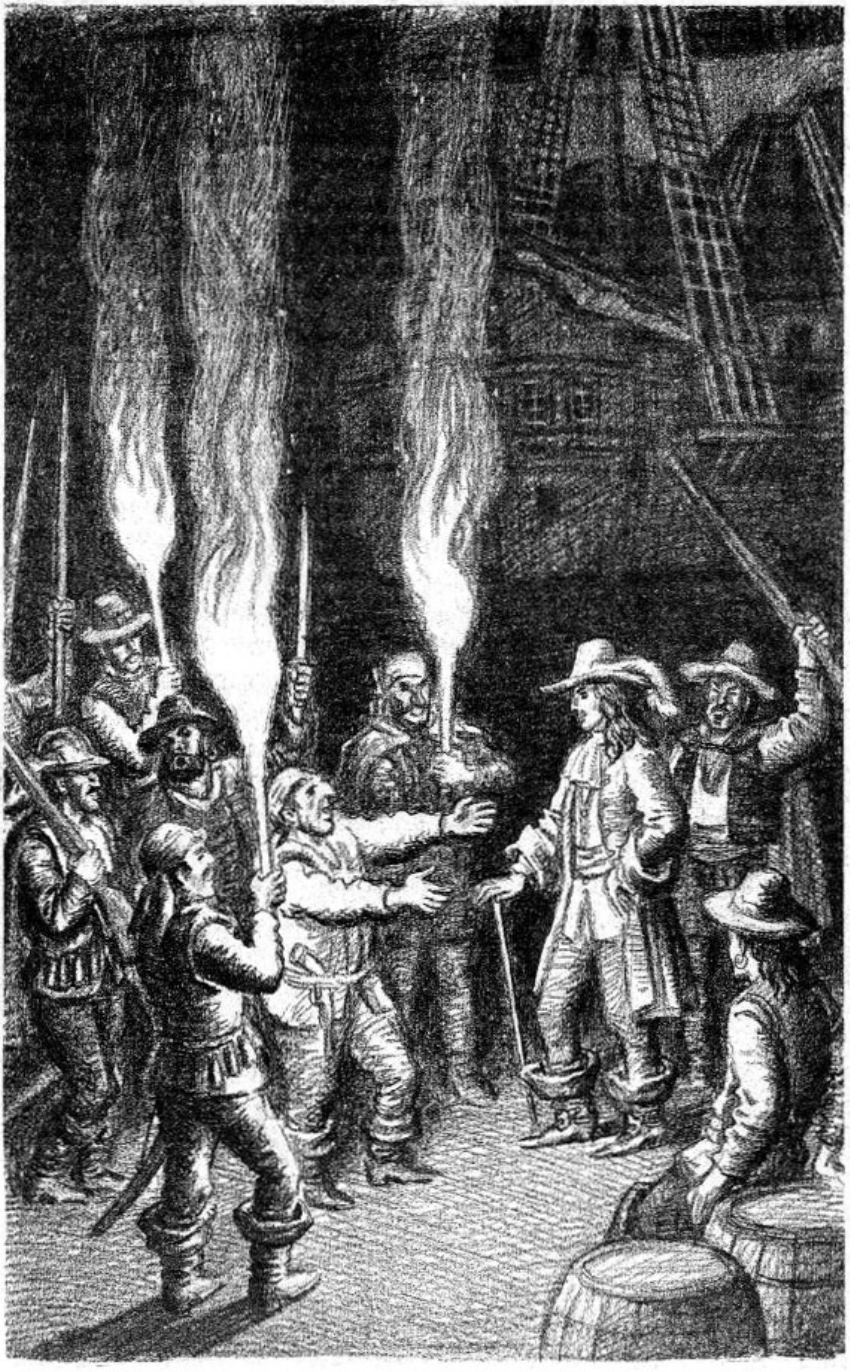
Корчившийся на полу человек мало-помалу затих. Теперь он лежал совершенно неподвижно на пороге распахнутой двери.

Капитан Блад, безуспешно пытавшийся порвать путы, чтобы оказать ему помощь, услышал стук в дверь, ведущую в альков; тут он вспомнил о женщине, бессознательно завлёкшей его в эту западню. Как видно, звук выстрела и вопли Сэма побудили её к действию.

– Постарайтесь выломать дверь! – крикнул ей капитан Блад. – Здесь теперь никого нет, кроме меня.

Жидкая дощатая дверь быстро поддалась, когда женщина налегла на неё плечом. Растрёпанная, с одичалым взором, она ворвалась в комнату и, взвизгнув, приросла к месту при виде представшей её глазам картины.

– Перестань визжать, голубушка! – резко прикрикнул на неё Блад, чтобы сразу привести её в чувство. – Тебе нечего их теперь страшиться. Они не больше могут причинить тебе вреда, чем эти табуретки. Мертвецы ещё никому



не делали зла. Вон там валяется нож. Возьми и разрежь эти чёртовы ремни.

Через минуту он был уже на ногах и отряхивал свой помятый плюмаж. Потом взял шпагу, пистолет, часы и табакерку. Золотые монеты он сгрёб в одну небольшую кучку на столе и присоединил к ним булавку с драгоценным камнем.

– Буду рад, если это поможет тебе вернуться на родину, – сказал он женщине. – Ведь где-нибудь-то родина у тебя есть?

Женщина разрыдалась. Капитан Блад взял шляпу, поднял валявшуюся на полу трость и, пожелав женщине доброй ночи, вышел из хибарки.

Десять минут спустя он столкнулся на молу с возбуждённой толпой корсаров с горящими факелами в руках. Это была поисковая партия, которую Хагторп и Волверстон отрядили прочесать город. Единственный глаз Волверстона яростно сверкнул при виде капитана Блада.

– Где ты околачиваешься, дьявол тебя раздери? – спросил Волверстон.

– Пытался выяснить, приносят ли счастье деньги, полученные ценой предательства, – отвечал капитан Блад.

ЗОЛОТО САНТА-МАРИИ

Флотилия корсаров – пять больших кораблей – мирно стояла на якоре у западного берега Дарьенского залива. В кабельтове от неё прозрачно-голубые волны, пронизанные опаловым сиянием утренних лучей, чуть слышно набегали на серебристый полумесяц отлогого песчаного пляжа, за

которым отвесной стеной высился лес, сочно-зелёный после только что выпавших дождей. На опушке, среди пламенеющих рододендронов, подобно сторожевому форпосту джунглей, окаймлявших леса, темнели палатки и наспех сколоченные, крытые пальмовыми листьями бревенчатые хижины лагеря корсаров. Разбив здесь свой бивуак, матросы капитана Блада производили кое-какую починку и запасались провиантом – мясом жирных черепах, которых на этом берегу было видимо-невидимо. Пёстрое пиратское воинство, насчитывавшее свыше восьмисот человек, шумело, как потревоженный улей. Здесь преобладали англичане и французы, но встречались также голландцы и было даже несколько индейцев-метисов. Сюда стекались искатели счастья из Эспаньолы, лесорубы из Кампече, беглые матросы и беглые каторжники, рабы с плантаций и прочие изгои и отщепенцы как из Старого Света, так и из Нового, объявленные у себя на родине вне закона.

Было ясное апрельское утро. Трое индейцев вышли из леса и вступили в лагерь. Впереди шёл высокий широкоплечий индеец с длинными руками и горделивой осанкой. Одежду его составляли штаны из недублёных шкур и красное одеяло, накинутое на плечи, как плащ. Обнажённая грудь была расписана чёрными и красными полосами. Золотая пластинка в форме полумесяца, продетая в нос, покачивалась над верхней губой, в ушах поблёскивали массивные золотые кольца. Пучок орлиных перьев торчал в иссиня-чёрных гладких и блестящих волосах. В руке он держал копьё, опираясь на него, как на посох.

Он спокойно, без тени замешательства, вступил в толпу глазевших на него корсаров и на весьма примитивном

испанском языке объявил им, что он – кацик Гванахани, прозванный испанцами Бразо Ларго[91], и попросил отвести его к капитану, которого он также назвал на испанский лад – дон Педро Сангре.

Корсары подняли его на борт флагманского корабля «Арабелла», где в капитанской каюте ему оказал любезный приём высокий худощавый человек, одетый элегантно, как испанский гранд; его бронзово-смуглое мужественное лицо с резко очерченными скулами и орлиным носом могло бы принадлежать индейцу, если бы не пронзительно-синие глаза.

Бразо Ларго, без лишних слов, ввиду незначительности их запаса, тотчас приступил прямо к делу:

– Вы идите со мной, я вам давать много испанский золото. – И добавил несколько неожиданно и не совсем к месту: – Карамба!

Синие глаза капитана взглянули на него с интересом. Рассмеявшись, он ответил на отличном испанском языке, которым овладел ещё в те далёкие годы, когда его разрыв с цивилизацией не был столь полным:

– Вы явились как раз вовремя. Карамба! Где же находится это испанское золото?

– Там! – Индеец неопределённо махнул рукой куда-то в западном направлении. – Десять дней ходу.

Капитан Блад хмуро сдвинул брови. Ему вспомнился поход Моргана через перешеек, и он спросил наугад:

– Панама?

Но индеец покачал головой, и на суровом его лице отразилось нетерпение.

---

[91] В переводе с испанского – Длинная Рука.

– Нет. Санта-Мария.

На корявом испанском языке он стал объяснять, что на берег реки, носящей это название, свозится всё золото, добываемое в окрестных горах, а оттуда его потом переправляют в Панаму. И как раз в это время года золота скапливается там очень много, но скоро его увезут. Если капитан Блад хочет захватить это золото, а его сейчас там видимо-невидимо – это Бразо Ларго хорошо известно, – надо отправляться туда тотчас же.

У капитана Блада ни на секунду не возникло сомнения в искренности этого кацика и в отсутствии у него злого умысла. Лютая ненависть к Испании горела в груди каждого индейца и бессознательно делала его союзником любого врага испанской короны.

Капитан Блад присел на крышку ларя под кормовыми окнами и поглядел на гладь залива, искрившуюся в лучах солнца.

– Сколько потребуется на это людей? – спросил он.

– Сорок десять. Пятьдесят десять, – ответил Бразо Ларго, из чего капитан Блад вывел заключение, что потребуется человек четыреста – пятьсот.

Он подробно расспросил индейца о стране, через которую им предстояло пройти, и о Санта-Марии – о его оборонительных укреплениях. Индеец обрисовал всё в самом благоприятном свете, решительно отметая всякие затруднения, и пообещал, что не только сам поведёт их, но и даст им носильщиков, чтобы помочь тащить снаряжение. Глаза его сверкали от возбуждения, он без конца твердил одно:

– Золото. Много-много испанский золото. Карамба! –

Он, словно попугай, так часто испускал этот крик, так явно горел желанием увлечь Блада своей затеей, что тот уже начал спрашивать себя, не слишком ли большую заинтересованность проявляет индеец, чтобы быть правдивым до конца.

Его подозрения вылились в форме вопроса:

– Ты очень хочешь, чтобы мы отправились в эту экспедицию, друг мой?

– Да, вы пойти. Пойти. Испанцы любят золото. Гванахани не любит испанцев.

– Ты, значит, хочешь насолить им? Да, похоже, что ты их крепко ненавидишь.

– Ненавидишь! – как эхо повторил Бразо Ларго. Губы его искривились; он издал резкий гортанный звук: – Гу! Гу! – словно подтверждая: «Да, да!»

– Ладно, я должен подумать.

Капитан Блад крикнул боцмана и поручил индейца его попечению. С квартердека «Арабеллы» рожок проиграл сигнал к сбору на военный совет, который собрался тотчас, как только все, кому положено было на нём присутствовать, поднялись на борт.

Как и подобало представителям этого необычного воинства, раскинувшего свой лагерь на берегу, корсары, собравшиеся вокруг дубового стола в капитанской каюте, являли глазам довольно пёстрое зрелище. Во главе стола сидел сам капитан Блад, похожий на испанского гранда в своём роскошном мрачном одеянии, чёрном с серебром, в пышном чёрном парике, длинные локоны которого ниспадали на воротник; бесхитростная простодушная физиономия Джерри Питта и его простая домотканая одежда изо-

бличали в нём английского пуританина, каким он, в сущности, и был; Хагторп, суровый, коренастый, крепко сбитый, в добротной, но мешковато сидевшей одежде, был настоящий морской волк с головы до пят и легко мог бы сойти за капитана любого торгового флота; геркулес Волверстон, чей единственный глаз горел свирепым огнём, далеко превосходящим свирепость его натуры, медно-смуглый, живописно-неряшливый в своей причудливой пёстрой одежде, был, пожалуй, единственным корсаром, внешность которого соответствовала его ремеслу; Маккит и Джеймс имели вид обычных моряков, а Ибервиль – командир французских корсаров, соперничавший в элегантности костюма с Бладом, внешностью и манерами больше походил на версальского щёголя, нежели на главаря шайки отчаянных, кровожадных пиратов.

Адмирал – титул этот был недавно присвоен капитану Бладу его подчинёнными и приверженцами – изложил совету предложение Бразо Ларго. От себя он добавил только, что поступило оно довольно своевременно, ибо они в настоящую минуту сидят без дела.

Предложение, как и следовало ожидать, пришлось не по душе тем, кто по натуре своей прежде всего были моряками, – Джерри Питту, Маккиту и Джеймсу. Каждый из них по очереди указывал на опасности и трудности большого похода в глубь страны. Хагторп и Волверстон, окрылённые тем, что они смогут нанести испанцам весьма чувствительный удар, сразу ухватились за предложение и напомнили совету об удачном набеге Моргана на Панаму. Ибервиль, француз и гугенот, осуждённый и изгнанный за свою веру и пылавший одним желанием – перерезать гор-

ло испанским фанатикам, где, когда и кому безразлично, также высказался за поход в выражениях столь же изящных и утончённых, сколь жесток и кровожаден был их смысл.

Так голоса разделились надвое, и теперь от решения Блада зависел исход спора. Но адмирал колебался и, в конце концов, предоставил командам решать самим. Если желающих наберётся достаточно, он поведёт их на перешеек. Остальные могут оставаться на кораблях.

Командиры одобрили его решение, и все тотчас сошли на берег, взяв индейца с собой. На берегу капитан Блад обратился с речью к своим корсарам, беспристрастно изложив им все «за» и «против».

– Сам я пойду с вами в том случае, – сказал он, – если среди вас наберётся достаточно охотников. – Вытащив из ножен свою рапиру, он, как некогда Писарро, провёл остриём линию на песке. – Все, кто хочет идти со мной на перешеек, встаньте с наветренной стороны.

Не меньше половины корсаров шумными возгласами выразили желание отправиться в поход. В первую очередь, это были беглецы с Эспаньолы, привыкшие сражаться на суше, самые отчаянные головы этого отчаянного воинства, а за ними – почти все лесорубы из Кампече, не страшившиеся ни джунглей, ни болот.

Бразо Ларго, медное лицо которого сияло от удовольствия, отправился за своими носильщиками и пригнал их на следующее же утро – пятьдесят здоровенных рослых индейцев. Корсары были уже готовы двинуться в путь. Они разделились на три отряда – под командованием Волверстона, Хагторпа и Ибервиля, сменившего свои кружева и банты на кожаные штаны охотника.

Впереди шли индейцы, тащившие всё снаряжение: палатки, шесть небольших медных пушек, железные ящики с зажигательными ядрами, хороший запас продовольствия – лепёшки и сушёную черепашину – и ящик с медикаментами. С палуб кораблей рожок протрубил им прощальный сигнал; Питт, оставшийся за главного, дал – из чистого озорства – орудийный залп, и джунгли поглотили искателей приключений.

Десять дней спустя, покрыв около ста шестидесяти миль, отряды остановились в волнующей близости от цели своего похода. Первая половина пути оказалась наиболее тяжёлой: шесть дней пробирались отряды среди скалистых круч, преодолевая один перевал за другим. На седьмой день они расположились на отдых в большом индейском поселении, где вождь кациков, уведомленный Бразо Ларго о цели похода, оказал им торжественный приём. Произошёл обмен подарками: одна сторона преподнесла ножи, ножницы и бусы, другая – бананы и сахарный тростник. Отсюда отряды двинулись дальше, получив значительное подкрепление в лице индейцев.

На рассвете они вышли к реке Санта-Мария, где погрузились в приготовленные для них индейцами пироги. Поначалу этот способ передвижения показался им далеко не столь лёгким и приятным, как они ожидали. То и дело, не покрыв и расстояния, на которое летит брошенный от руки камень, приходилось останавливаться и перетаскивать свои челны через скалистые пороги или поваленные поперёк потока деревья, и так продолжалось целые сутки, а на следующие сутки повторялось снова. Но вот наконец река стала глубже, раздалась вширь, и индейцы, бросив

шесты, с помощью которых они управляли пирогами, взялись за вёсла.

Глубокой ночью они приблизились к поселению Санта-Мария на расстояние пушечного выстрела. Город был скрыт за излучиной реки, но до него оставалось не больше полумили.

Корсары принялись выгружать оружие и амуницию – пушки, мушкеты, ящики с патронами, пороховницы, сделанные из рогов, – всё, что было надёжно упаковано и укреплено в пирогах. Они не решились раскладывать костры, чтобы не выдать своего присутствия, и, выставив дозорных, легли отдохнуть до рассвета.

Капитан Блад рассчитывал захватить испанцев врасплох и, прежде чем они успеют принять меры к обороне города, взять его без кровопролития. Эти расчёты, однако, не оправдались: на заре из города стала доноситься стрельба и барабаны забили тревогу, предупреждая корсаров, что их приближение не осталось незамеченным.

Волверстону выпала честь возглавить авангардный отряд, состоявший из сорока корсаров, вооружённых самодельными гранатами – цилиндрическими жестянками, заполненными порохом и смолой. Остальные корсары тащили пушки, находившиеся под командой Огла – канонира с флагманского корабля. Отряд Хагторпа шёл вторым, Ибервиль со своим отрядом двигался в арьергарде.

Быстрым шагом они прошли через лес, за которым начиналась саванна, и примерно в четверти мили от опушки леса увидели свой Эльдорадо[92].

---

[92] В XVI веке – сказочная страна сокровищ, которую разыскивали первые испан-

Вид этого поселения разочаровал их. Вместо богатого испанского города, рисовавшегося их воображению, они увидели несколько деревянных одноэтажных строений, крытых пальмовыми листьями или тростником, сгрудившихся вокруг часовни и охраняемых фортом. Посёлок, в сущности, представлял собой лишь пересыльный пункт, куда свозилось золото, добываемое в окрестных горах, и население его состояло почти исключительно из гарнизона и рабов, занятых добычей золота на приисках. Глинобитный форт, повёрнутый лицом к реке, боком к саванне, растянулся почти на длину посёлка. Кроме того, для защиты от враждебно настроенных индейцев Санта Мария был окружён крепким частоколом футов в двадцать высотой, с бойницами для мушкетов.

Дробь барабанов затихла, но когда корсары, прежде чем двинуться к городу, выслали из леса на разведку несколько лазутчиков, те отчётливо услышали шум и движение за частоколом. На бруствере форта стояла небольшая кучка людей в кирасах и шлемах. За частоколом, колыхаясь, поднимался к небу дымок – значит, испанские мушкетёры не дремали, и их запальные фитили уже начали тлеть.

Капитан Блад приказал выдвинуть вперёд пушки, решив пробить брешь в северо-восточном углу частокола, где штурмующие были бы менее всего уязвимы для обстрела из пушек форта. В соответствии с этим приказом Огл двинул вперёд свою батарею под прикрытием выступающего клином леса. Но лёгкий восточный бриз донёс

ские завоеватели. Теперь употребляется в переносном смысле.

дым их запалов до форта, выдал их присутствие и вызвал на них огонь испанских мушкетёров. Пули уже свистели и щёлкали среди ветвей, когда Огл дал первый залп из своих пушек. Пробить брешь в частоколе, никак не способном противостоять орудийному огню, да ещё с такого близкого расстояния, было делом совсем несложным. Испанский гарнизон, руководимый не слишком умелым командиром, был направлен на защиту этой бреши и тотчас отброшен назад беспощадным огнём пушек, после чего Блад приказал Волверстону атаковать:

– Зажигательные банки в авангард! Приближайтесь перебежками, рассыпным строем. Да хранит тебя бог, Нэд! Вперёд!

Низко пригнувшись к земле, корсары бросились на штурм и пробежали больше половины расстояния, прежде чем испанцы накрыли их мушкетным огнём. Корсары залегли, распластавшись ничком в невысокой траве, дожидаясь, когда стрельба ослабеет; затем вскочили и, пока испанцы перезаряжали свои мушкеты, снова ринулись вперёд. Огл же тем временем, повернув жерла своих пушек, бомбардировал город пятифунтовыми ядрами, расчищая путь атакующим.

Семеро волверстоновских солдат остались лежать на земле, ещё десятерых настигли пули во время второй перебежки, но Волверстон с остальными уже ворвался в пролом. Полетели зажигательные банки, сея ужас и смерть, и прежде чем испанцы успели опомниться, страшные пираты, с дикими криками выскочив из клубов дыма и пыли, схватились с испанцами врукопашную.

Командир испанцев, храбрый, хотя и недальновидный

офицер, по имени дон Доминго Фуэнтес, сумел воодушевить своих солдат, и схватка длилась ещё минут пятнадцать: корсаров то отбрасывали за частокол, то они снова прорывались в брешь.

Однако не существовало таких солдат на свете, которые в рукопашном бою могли бы долго противостоять крепким, выносливым и безрассудно смелым корсарам. Мало-помалу изрыгающие проклятия испанцы были неумолимо отброшены назад корсарами Волверстона, плечом к плечу с которыми рубились уже все остальные корсары под командой самого капитана Блада.

Всё дальше и дальше отступали испанцы под этим бешеным натиском, оказывая отчаянное, но бесплодное сопротивление, и наконец их ряды дрогнули. Испанцы разбежались кто куда, а затем, соединившись снова, отступили, сражаясь, к форту и укрылись в нём, оставив город во власти неприятеля.

Под защитой форта дон Доминго Фуэнтес созвал совет своего гарнизона, от трёхсот защитников которого осталось в живых двести перепуганных солдат, выкинул флаг перемирия и послал к капитану Бладу парламентёра, соглашаясь сдаться на милость победителя, но на почётных условиях, то есть с сохранением оружия.

Однако благоразумие подсказало капитану Бладу, что подобные условия для него неприемлемы. Он знал, что его солдаты будут все, без изъятия, пьяны ещё до захода солнца, и иметь при этом под боком две сотни вооружённых испанцев было бы слишком рискованно. Вместе с тем, будучи противником всякого бессмысленного кровопролития, он стремился как можно скорее положить конец

этой драке и ответил дону Доминго, что гарнизон должен сложить оружие: тогда он гарантирует ему, так же как и всему населению Санта-Марии, полную свободу и безопасность.

Испанцы сложили оружие на большой площади в центре форта, и корсары с развёрнутыми знамёнами вошли в форт, трубя в рог. Испанский командир выступил вперёд, чтобы отдать победителям свою шпагу. За его спиной стояли двести безоружных солдат, а позади них – немногочисленное население города, искавшее в форте прибежища от неприятеля. Жителей было человек шестьдесят, и среди них около дюжины женщин, несколько негров и три монаха в чёрно-белом одеянии ордена святого Доминика. Почти всё цветное население города, состоявшее из рабов, находилось, как выяснилось, на приисках в горах.

Дон Доминго, высокий мужчина лет тридцати, красивый, представительный, с чёрной остроконечной бородкой, ещё более удлинявшей его продолговатое лицо, облачённый в кирасу и шлем из воронёной стали, разговаривал с капитаном Бладом свысока.

– Я поверил вам на слово, – сказал он, – потому что хотя вы разбойник, пират и еретик и во всех отношениях человек, лишённый чести, но тем не менее о вас идёт такая молва, будто слово своё вы умеете держать.

Капитан Блад поклонился. Вид его, прямо надо сказать, оставлял желать лучшего. В схватке он был ранен в голову, одежда на спине висела клочьями. И всё же, невзирая на кровь, пот и пороховой дым, ни осанка, ни манеры его не утратили своего благородства.

– Ваша любезность обезоруживает меня, – сказал он.

– Моя любезность не распространяется на грабителей и пиратов, – отвечал непреклонный кастилец, и Ибервиль, самый яростный ненавистник испанцев, тяжело дыша, выступил вперёд, но капитан Блад его остановил.

– Я жду, – невозмутимо продолжал дон Доминго, – чтобы вы объяснили мне причину вашего разбойничьего появления здесь. Как вы, английский подданный, осмелились напасть на испанское население, в то время как ваша страна не ведёт с Испанией войны?

Капитан Блад усмехнулся:

– Клянусь честью, это всё соблазн золота, соблазн, столь же могущественный для пиратов, как и для более высокопоставленных негодяев, одинаково действующий во всех уголках земного шара, – тот самый соблазн, который заставил вас, испанцев, построить этот город в такой удобной близости от золотых приисков. Короче говоря, капитан, мы явились сюда, чтобы освободить вас от последнего снятого вами на приисках урожая, и чем быстрее вы его нам передадите, тем быстрее мы, в свою очередь, освободим вас от нашего присутствия.

Испанец рассмеялся и оглянулся на своих солдат, словно приглашая их разделить его веселье.

– Ей-богу, вы, кажется, принимаете меня за дурака, – сказал он.

– Надеюсь, ради вашего же собственного благополучия, вы мне докажете, что это не так.

– Неужели вы думаете, что я, будучи предупреждён о вашем появлении, продолжал держать золото здесь, в Санта-Марии? – с издёвкой спросил капитан. – Вы опоздали, капитан Блад. Золото сейчас уже находится на пути в Па-

наму. Ещё ночью мы погрузили его в пироги и отправили отсюда под охраной сотни солдат. Вот почему мой гарнизон оказался в таком плачевном состоянии и вот почему я без колебаний решил сдаться вам.

И он снова рассмеялся, заметив разочарование, отразившееся на лице капитана Блада.

Возмущённый ропот пробежал по рядам корсаров, они ближе придвинулись к своему главарю. Весть облетела всех, словно искра, попавшая в порох, и казалось, взрыв неминуем. Грозно зазвенело оружие, раздались яростные проклятия, и корсары уже готовы были броситься на испанского командира, который, как им казалось, одурачил их, и прикончить его тут же на месте, но капитан Блад их опередил: встав перед доном Доминго, он прикрыл его своим телом, словно щитом.

– Назад! – крикнул он, и голос его был подобен звуку рога. – Дон Доминго – мой пленник, и я дал слово, что ни один волос не упадёт с его головы.

Чувства всех выразил Ибервиль, вскричавший вне себя от злобы:

– Ты будешь держать слово, данное этому испанскому псу, который нас обманул? Вздёрнуть его на сук, и всё!

– Он только выполнил свой долг, и я не позволю вешать человека, если в этом вся его вина.

Яростный рёв на какой-то миг заглушил голос капитана Блада, но он спокойно стоял, не меняя позы, его светлые глаза смотрели сурово, поднятая вверх рука удерживала на месте разъярённую толпу.

– Замолчите и слушайте меня! Мы только напрасно теряем время. Дело ещё поправимо. Они опередили нас с

этим золотом всего на несколько часов. Ты, Ибервиль, и ты, Хагторп, сейчас же сажайте своих людей в лодки. Вы нагоните испанцев, прежде чем они достигнут пролива, и даже если это вам не удастся, вы, во всяком случае, успеете перехватить их ещё задолго до берегов Панамы. Отправляйтесь! А Волверстон со своими людьми будет дожидаться вас здесь вместе со мной.

Это был единственный способ обуздать их ярость и помешать им убить безоружных испанцев. Повторять приказ дважды не пришлось. Корсары устремились вон из форта и из города ещё быстрее, чем проникли туда. Недовольство выражала только та сотня людей из волверстоновского отряда, которая получила приказ оставаться на месте. Всех испанцев согнали в один из бараков форта и заперли там, после чего корсары разбрелись по городу, надеясь хоть чем-нибудь поживиться и раздобыть пищи.

А капитан Блад занялся ранеными, которых поместили – и корсаров и испанцев, всех вместе – в другом бараке, уложив их на подстилки из сухих листьев. Раненых оказалось человек около пятидесяти, из них корсаров меньше половины. Всего убитыми и ранеными испанцы потеряли свыше ста человек, а корсары – около сорока.

Взяв себе в помощь шестерых людей, в том числе одного испанца, обладавшего кое-какими познаниями по части медицины, капитан Блад принялся вправлять суставы и обрабатывать раны. Погружённый в это занятие, он не прислушивался к шуму, долетавшему снаружи – с той стороны, где расположились индейцы, попрятавшиеся во время сражения, – как вдруг пронзительный вопль заставил его насторожиться.

Дверь барака распахнулась, и какая-то женщина, прижимая к груди младенца, с отчаянным воплем бросилась к капитану Бладу, называя его на испанский лад:

– Дон Педро? Дон Педро Сангре!

Нахмурившись, он шагнул к ней навстречу, а она, задыхаясь, судорожно вцепившись рукой в ворот своей одежды, упала перед ним на колени.

– Спасите его! Они его убивают, убивают! – как безумная выкрикивала она по-испански.

Это было совсем ещё юное создание, почти девочка, едва успевшая стать матерью, по виду и одежде похожая на испанскую крестьянку. Такие иссиня-чёрные волосы, смуглая кожа и влажные чёрные глаза не редкость и среди андалузок. Лишь широкие скулы и характерный сероватый оттенок губ выдавали её истинное происхождение.

– Что случилось? – спросил Блад. – Кого убивают?

Чья-то тень легла на пол, и на пороге распахнутой двери с видом мрачным и решительным возник исполненный достоинства Бразо Ларго.

Оцепенев от ужаса при виде его, женщина скорчилась на полу. Испуг сковал ей язык.

Бразо Ларго шагнул к ней. Наклонившись, он положил руку ей на плечо, быстро произнёс что-то на своём гортанном языке, и хотя Блад не понял ни единого слова, суровый тон приказания был ему ясен.

В отчаянии женщина устремила полубезумный взгляд на капитана Блада.

– Он велит мне присутствовать при казни. Пощадите меня, дон Педро! Спасите его!

– Кого спасти? – крикнул капитан Блад, выведенный всем этим из себя.

Бразо Ларго объяснил:

– Моя дочь – эта. Капитан Доминго – он приходил селенье год назад уводил её с собой. Карамба! Теперь я его на костёр, а её домой. – Он повернулся к дочери: – Вамос, ты идти со мной, – приказал он ей на своём ломаном испанском языке. – Ты глядеть, как враг умирать, потом идти домой селенье.

Капитан Блад нашёл это объяснение исчерпывающим. Ему мгновенно припомнилось необычайное рвение, с которым Гванахани старался увлечь его в эту экспедицию за испанским золотом, – рвение, показавшееся ему несколько подозрительным. Теперь он понял всё. Этот набег на Санта-Марию, в который Бразо Ларго вовлёк его вместе с другими корсарами, был нужен индейцу, чтобы вернуть себе похищенную дочь и отомстить капитану Доминго Фуэнтес. Но вместе с тем капитану Бладу стало ясно и другое. Если похищение и заслуживало кары, то дальнейшее поведение испанца по отношению к этой девушке, которая, быть может, даже не была похищена, а последовала за ним по доброй воле, было таково, что побуждало её оставаться с ним, и она, обезумев от страха за него, молила сохранить ему жизнь.

– Он говорит, что дон Доминго соблазнил тебя. Это правда? – спросил её капитан Блад.

– Он взял меня в жёны, он мой муж, и я люблю его, – отвечала она страстно, а влажный взор её больших тёмных глаз продолжал его молить. – Это наш ребёнок. Не позволяйте им убивать его отца, дон Педро! А если они убьют Доминго, – вне себя вскричала она, – я покончу с собой!

Капитан Блад покосился на угрюмое лицо индейца.

– Ты слышал? Этот испанец был добр к ней. Твоя дочь

хочет, чтобы мы сохранили ему жизнь. А если, как ты сам сказал, вина его в том, что он обидел её, значит, она и должна решить его участь. Что вы сделали с ним?

Оба заговорили одновременно: отец – злобно, возмущённо, почти нечленораздельно от гнева, дочь – захлёбываясь слезами пылкой благодарности. Вскочив на ноги, она потянула Блада за рукав.

Но Бразо Ларго, продолжая протестовать, преградил им дорогу. Он заявил, что капитан Блад нарушает их союз.

– «Союз»! – фыркнул Блад. – Ты использовал меня в своих целях. Ты должен был откровенно рассказать мне о ссоре с доном Доминго, прежде чем я связал себя словом, обещав ему полную неприкосновенность. Ну, а теперь…

Он пожал плечами и стремительно вышел из барака вместе с молодой матерью. Бразо Ларго, задумчивый и хмурый, поспешил за ними.

У выхода из форта капитан Блад столкнулся с Волверстоном, возвращавшимся из города вместе с двумя десятками своих молодцов. Блад, приказав всем следовать за ним, сообщил, что индейцы хотят прикончить испанского капитана.

– Туда ему и дорога! – проворчал Волверстон, который был уже изрядно под хмельком.

Тем не менее и он и его солдаты последовали за капитаном, так как, в сущности, речи их были всегда кровожаднее, чем их дела.

Возле пролома в частоколе толпа индейцев, человек сорок – пятьдесят, раскладывала костёр. На земле лежал дон Доминго – беспомощный, связанный по рукам и ногам.

Женщина бросилась к нему, нежно лопоча какие-то ласковые испанские слова. Улыбка осветила его бледное лицо, ещё не совсем утратившее своё презрительное высокомерие. Капитан Блад подошёл следом за ней и без дальних слов разрезал ножом сыромятные ремни, которыми был связан пленник.

Индейцы злобно зашумели, но Бразо Ларго мгновенно их успокоил. Он быстро произнёс несколько слов, и они с разочарованным видом примолкли. Солдаты Волверстона стояли наготове, с мушкетами в руках, дуя на запальные фитили.

Под их охраной дон Доминго был доставлен обратно в форт. Его юная жена шагала рядом с ним и на ходу давала капитану Бладу разъяснения по поводу немало удивившей его готовности, с какой индейцы повиновались её отцу.

– Он сказал, что ты дал Доминго слово сохранить ему жизнь и должен своё слово сдержать. Но ты скоро уйдёшь отсюда. Тогда они вернутся и разделаются с Доминго и с остальными испанцами.

– Ну, мы им этого не позволим, – заверил её капитан Блад.

Когда они возвратились в форт, испанский командир выразил желание поговорить с капитаном Бладом.

– Дон Педро, – сказал он, – вы спасли мне жизнь. Мне трудно выразить свою благодарность в словах.

– Прошу вас, не утруждайте себя, – сказал капитан Блад. – Я сделал это не ради вас, а потому, что не люблю нарушать слово. Ну, и ваша малютка жена тоже сыграла в этом не последнюю роль.

Испанец задумчиво улыбнулся, скользнув по индианке

взглядом, и она подняла на него глаза, в которых светились любовь и обожание.

– Я был неучтив с вами сегодня утром, дон Педро. Приношу вам свои извинения.

– Я более чем удовлетворён.

– Вы очень великодушны, – с достоинством сказал испанец. – Могу ли я поинтересоваться, сеньор, каковы ваши намерения по отношению к нам?

– Как я уже сказал, мы не посягаем на вашу свободу. Когда мои люди возвратятся, мы уйдём отсюда и освободим вас.

Испанец вздохнул:

– Именно этого я и опасался. Ряды наши поредели, оборонительные заграждения разрушены, и когда вы уйдёте, мы окажемся во власти Бразо Ларго и его индейцев, которые тотчас всех нас прирежут. Будьте уверены, они не покинут Санта-Марии, пока не разделаются с нами.

Капитан Блад нахмурился.

– Вы, несомненно, вызвали на себя гнев Бразо Ларго, соблазнив его дочь, и он будет мстить вам беспощадно. Но что могу сделать я?

– Дайте нам возможность отплыть в Панаму тотчас же, немедля, пока вы ещё здесь и ваши союзники-индейцы не посмеют на нас напасть.

У капитана Блада вырвался нетерпеливый жест.

– Послушайте, дон Педро! – сказал испанец. – Я бы не обратился к вам с этой просьбой, если бы ваши поступки не убедили меня в том, что вы, хотя и пират, человек широкой души и рыцарь. Кроме того, поскольку вы, по вашим словам, не покушаетесь на нашу свободу и не наме-

рены держать нас в плену, то я, в сущности, ничего сверх этого у вас и не прошу.

Высказанные испанцем соображения были справедливы, и, поразмыслив над его словами, капитан Блад решил, что и ему станет легче без этих испанцев, которых приходилось одновременно и стеречь и защищать. Словом, прикинув так и эдак, Блад дал согласие. Волверстон, однако, колебался. Но на вопрос Блада, чего они могут достигнуть, задерживая испанцев в Санта-Марии, Волверстон вынужден был признаться, что он и сам не знает. Единственное его возражение сводилось к тому, что не верит он ни единому испанцу на земле, но этот довод нельзя было счесть достаточно веским.

Словом, капитан Блад отправился искать Бразо Ларго и нашёл его на дощатой пристани неподалёку от форта; он сидел там в угрюмой задумчивости совсем один.

При его приближении индеец встал. Лицо его выражало подчёркнутое безразличие.

– Бразо Ларго, – сказал капитан Блад, – твои индейцы посмеялись над моим честным словом и едва не нанесли непоправимый ущерб моей чести.

– Я не понимать, – сказал индеец. – Ты стал другом испанский веры?

– Почему другом? Нет. Но когда они сдавались в плен, я пообещал им полную неприкосновенность. Это было условием сдачи. А ты и твои люди нарушили это условие.

Индеец поглядел на него с презрением:

– Ты мой не друг. Я привёл тебя здесь к испанский золото, а ты пошёл против меня.

– Здесь нет никакого золота, – сказал Блад. – Но я не

хочу ссориться с тобой из-за этого. Ты должен был сказать мне, прежде чем мы пустились в путь, что я нужен тебе, чтобы помочь освободить твою дочь и покарать испанца. Тогда я не давал бы слова дону Доминго. Но ты обманул меня, Бразо Ларго.

– Гуу! Гуу! – произнёс Бразо Ларго. – Я больше не говорить ничего.

– А я ещё не всё сказал. Теперь насчёт твоих индейцев. После того, что случилось, я не могу им доверять. А данное мною слово требует, чтобы испанцы находились в безопасности, пока я здесь.

Индеец склонил голову.

– Так! Пока ты здесь. А потом?

– Если твои индейцы опять что-нибудь затеют, мои ребята могут взяться за оружие, и я не поручусь, что в кого-нибудь из твоих воинов не угодит пуля. Я буду сожалеть об этом больше, чем о потере испанского золота. Этого нельзя допустить, Бразо Ларго. Ты должен собрать своих людей, и я пока что запру их на время в одном из бараков форта – для их же собственной пользы.

Бразо Ларго задумался. Потом кивнул. Этот индеец отличался большим здравым смыслом. Его людей загнали в форт, и Бразо Ларго, терпеливо улыбаясь, как человек, который умеет ждать своего часа, согласился запереть их в один из бараков.

Кое-кто из корсаров ворчал, и Волверстон выразил всеобщее неодобрение.

– Ты что-то больно далеко заходишь, капитан! Ради этих скотов-испанцев готов уже нажить себе врагов среди индейцев.

– О нет, вовсе не ради них. Но я дал испанцу слово. И мне жаль этой маленькой индианочки с грудным младенцем. Испанец был добр к ней, и, кроме того, он человек мужественный.

– Ну, ну, смотри! – сказал Волверстон и отвернулся в негодовании.

Час спустя испанцы уже отчалили от маленькой пристани. С земляных укреплений форта корсары наблюдали за их отплытием; оно было им весьма не по душе. Испанцы погрузили в лодки всего несколько охотничьих ружей – единственное оружие, которое разрешил им взять с собой капитан Блад. Но зато провизией они запаслись вдоволь, и особенную заботу осмотрительный дон Доминго проявил о запасе пресной воды. Он сам проследил за тем, чтобы бочонки с водой были погружены в пироги. После этого он подошёл проститься с капитаном Бладом.

– Дон Педро, – сказал испанец. – У меня нет слов, чтобы достойно отблагодарить вас за ваше великодушие. Я горжусь, что вы оказали мне честь быть моим врагом.

– Скажем лучше, что вам просто повезло.

– И повезло тоже, конечно. Теперь я буду говорить всюду и везде – и пусть меня слышат все испанцы, – что дон Педро Сангре – подлинный рыцарь.

– Я бы на вашем месте не стал этого делать, – сказал капитан Блад. – Ведь никто вам не поверит.

Продолжая бурно протестовать, дон Доминго спустился в пирогу, где уже сидела его индианка-жена со своим младенцем-метисом. Пирогу оттолкнули от берега, и капитан Доминго поплыл в Панаму, снабжённый письмом за личной подписью капитана Блада, содержащим приказ

Ибервилю и Хагторпу беспрепятственно пропустить обладателя этого письма, буде они с ним повстречаются.

Когда свечерело и из леса повеяло прохладой, корсары расположились на площади форта под открытым небом подкрепить силы пищей. В городе им удалось обнаружить изрядные запасы битой птицы и несколько туш диких козлов, а в хижине доминиканских монахов – бурдюки с превосходным вином. Капитан Блад сел ужинать с Волверстоном и Оглом в довольно комфортабельном домике бывшего испанского командира и, поглядывая в окна, с удовлетворением наблюдал, как пируют и веселятся его корсары. Только по-прежнему мрачно настроенный Волверстон не разделял его благодушия.

– Держись-ка ты лучше моря, капитан, вот что я тебе скажу, – проворчал он, набивая себе рот пищей. – Там уж, если ты подошёл на расстояние пушечного выстрела, так золото от тебя не уплывёт в пироге. А что здесь? Отмахали мы десять дней через чащу, а теперь ещё десять дней надо отмахать обратно. И скажи спасибо, если так же благополучно выберемся отсюда, как пришли сюда, и если вообще выберемся, потому как, сдаётся мне, нам ещё не миновать иметь дело с Бразо Ларго. Да, наломал ты тут дров, капитан.

– Эх, если бы твои мозги были под стать твоим мускулам, Нэд!.. – со вздохом сказал капитан Блад. – Никаких я тут дров не наломал. А что касается Бразо Ларго, так это вполне здравомыслящий индеец, да, да, можешь мне поверить, и он будет дружить с нами хотя бы только потому, что ненавидит испанцев.

– Ну, а ты что-то больно их полюбил, – сказал Волвер-

стон. – Стоило поглядеть на твои ужимочки, когда ты расшаркивался перед проклятым испанцем, который выкрал у нас золото, душа с него вон!

– Нет, ты не прав, пусть он испанец, однако очень храбрый малый, – сказал Блад. – А то, что он поспешил сплавить отсюда золото, когда узнал о нашем приближении, так это был его долг. Будь он не столь благороден и отважен, он бы не остался на посту, а удрал бы вместе со своим золотом. На благородные поступки отвечают тем же. Больше мне нечего сказать.

И тут, прежде чем Волверстон успел открыть рот, резкий чистый звук рожка долетел со стороны реки, заглушая шум пиршества корсаров. Капитан Блад вскочил на ноги.

– Хагторп и Ибервиль возвращаются! – воскликнул он.

– Даст бог, с золотом на этот раз! – сказал Волверстон.

Они выскочили из дома и бросились к брустверу, куда устремились уже и остальные корсары. Блад взбежал на бруствер в ту минуту, когда первая из возвратившихся пирог уже пришвартовалась, и Хагторп поднялся на пристань.

– Вы быстро обернулись! – крикнул капитан Блад, спрыгивая с бруствера навстречу Хагторпу. – Ну как? С удачей?

Хагторп, высокий, широкоплечий, с жёлтой повязкой на голове, остановился перед капитаном Бладом в сгущающихся сумерках.

– Если и с удачей, так это не твоя заслуга, капитан, – загадочно произнёс он.

– Вы что, не догнали их?

На пристань поднялся Ибервиль. Он ответил за своего товарища:

– Некого было и догонять-то, капитан. Он одурачил тебя, этот лживый испанец. Он сказал тебе, что отправил золото в Панаму, но это ложь. А ты поверил ему – поверил испанцу!

– Может быть, вы наконец скажете, что произошло? – спросил капитан Блад. – Вы говорите, что он не отправлял отсюда золота? Так что ж, значит, оно всё ещё здесь? Это вы хотите сказать?

– Нет, – отвечал Хагторп. – Мы хотим сказать, что после того, как он одурачил тебя своими баснями, ты, не потрудившись даже произвести обыск, отпустил его на все четыре стороны и дал ему возможность увезти золото с собой.

– Что ты плетёшь! – прикрикнул на него капитан. – И откуда это может быть тебе известно?

– А мы примерно в десятке миль отсюда проплывали мимо индейского посёлка, и – у нас хватило смекалки остановиться и порасспросить насчёт испанских пирог, которые должны были пройти тут раньше нас. Так вот, индейцы сказали нам, что никаких пирог тут не проплывало ни сегодня, ни вчера и вообще ни разу после осенних дождей. Ну, мы, конечно, сразу поняли, что твой благородный испанец соврал, тут же порешили повернуть обратно и на полпути напоролись прямо на дона Доминго. Встреча с нами порядком его ошеломила. Он никак не ожидал, что мы так быстро всё разнюхаем. Он был всё такой же обходительный и держался как ни в чём не бывало, разве что стал ещё любезнее. Сразу же откровенно признался в своём обмане, но сказал, что, после того как мы отплыли, он передал золото тебе в виде выкупа за себя и за тех, кто его

сопровождал, а ты якобы велел ему передать нам приказ немедленно возвращаться. Потом он ещё показал нам свою охранную грамоту, написанную твоей рукой…

Тут вмешался Ибервиль и закончил рассказ:

– Ну, а поскольку у нас, не в пример тебе, нет такого доверия к испанцам, мы решили, что кто раз обманул, тот обманет снова, высадили их всех на берег и обыскали.

– И неужто вы нашли золото? – совершенно потрясённый, спросил капитан Блад.

Ибервиль улыбнулся и ответил не сразу:

– Ты позволил им забрать с собой вдоволь всякого провианта на дорогу. А не заметил ты, из какого источника наполнял дон Доминго водой свои бочонки?

– Бочонки? – переспросил капитан Блад.

– В этих бочонках было золото. Фунтов шестьсот – семьсот, никак не меньше. Мы его привезли с собой.

Когда ликующий рёв, вызванный этим сообщением, мало-помалу стих, капитан Блад уже успел оправиться от нанесённого ему удара. Он рассмеялся.

– Ваша взяла, – сказал он Ибервилю и Хагторпу. – И в наказание за то, что я позволил так бессовестно себя одурачить, мне остаётся только отказаться от причитающейся мне доли добычи. – Помолчав, он спросил уже без улыбки: – А что вы сделали с доном Доминго?

– Я бы пристрелил его на месте за такое вероломство, – свирепо заявил Хагторп, – если бы не Ибервиль… Да, Ибервиль – кто бы это подумал! – Ибервиль распустил сопли и так ко мне пристал, что я велел испанцу убираться на все четыре стороны.

Молодой француз отвернулся, пристыженный, избегая

встречаться взглядом с капитаном, который смотрел на него с вопросительным удивлением.

– Ну, чего вы хотите? – не выдержал наконец Ибервиль и с вызовом поглядел на Блада. – Там же была женщина, в конце-то концов! Там была эта маленькая индианка, его жена!

– Клянусь честью, о ней-то я сейчас и думал, – сказал капитан Блад. – И вот ради неё – да и ради нас самих тоже – нам следует, пожалуй, сказать Бразо Ларго, что дон Доминго и его жена убиты в схватке за золото. Бочонки с золотом отлично подкрепят наши слова. Так будет спокойнее для всех да и для самого старика индейца.

Итак, хотя корсары и вернулись из этого похода с богатой добычей, он был записан ими в счёт личных – весьма редких – неудач капитана Блада. Впрочем, сам он расценивал это несколько иначе.

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ ДЖЕРЕМИ ПИТТА

История любви Джереми Питта, молодого шкипера из Сомерсетшира, судьба которого одной богатой трагическими событиями ночью накрепко сплелась с судьбой Питера Блада, относит нас к тем великим для капитана Блада дням, когда под его командой находилось пять кораблей и свыше тысячи людей различной национальности, добровольно пришедших на службу к этому искусному флотоводцу, зная, что ему всегда сопутствует удача.

И на этот раз он только что вернулся из удачного набега на испанскую флотилию ловцов жемчуга у Рио-дель-Хача. Он возвратился на Тортугу, чтобы произвести необ-

ходимый ремонт судов, и нельзя сказать, чтобы это было сделано преждевременно.

В Кайонской бухте стояло в это время на якоре ещё несколько пиратских кораблей, и маленький городок гудел от их шумного бражничания. Таверны и лавчонки, торговавшие ромом, процветали; кабатчики и женщины всех национальностей, белые и полукровки, представлявшие столь же пёстрое людское сборище, как сами пираты, легко освобождали грабителей от значительной части их добычи, отнятой у испанцев, которые, в свою очередь, нередко мало чем отличались от грабителей.

Это было, как всегда, беспокойное время для господина д'Ожерона – представителя французской Вест-Индской компании и губернатора Тортуги.

Губернатор д'Ожерон, как мы знаем, неплохо вёл свои дела, собирая дань с пиратов путём портовых пошлин, а также различными другими способами. Губернатор имел, как мы тоже, конечно, помним, двух дочерей: стройную жизнерадостную Люсьен и статную пышноволосую брюнетку Мадлен, которая однажды, пав жертвой пиратских чар некоего Левасёра, позволила себя похитить, затем была вырвана из хищных рук этого негодяя капитаном Бладом и доставлена к отцу целой-невредимой и несколько отрезвевшей.

С того времени господин д'Ожерон стал с особой осторожностью и разбором принимать гостей в своём большом белом доме, утопающем в ароматной зелени сада и расположенном на высоком холме в предместье города.

Капитан Блад после столь ценной услуги, оказанной им этому семейству, был принят в нём почти как свой. А

поскольку его офицеров никак нельзя было причислить к разряду обыкновенных пиратов, так как все они были политическими бунтарями и лишь изгнание заставило их примкнуть к «береговому братству», им также оказывался в доме губернатора хороший приём.

Отсюда возникали новые трудности. Если двери дома губернатора были открыты для корсаров, сподвижников Блада, губернатор не мог, не нанеся обиды, закрыть их для других командиров пиратских кораблей, и ему приходилось терпеть посещения некоторых лиц, не пользовавшихся ни доверием его, ни симпатией, – терпеть, невзирая на протесты некоего почётного гостя из Франции – деликатного и утончённого мосье де Меркёра, никак не расположенного встречаться в гостиной с пиратами.

Де Меркёр был сыном одного из директоров французской Вест-Индской компании и по приказу отца путешествовал по принадлежащим ей колониям, знакомясь с положением дел и набираясь ума. Фрегат «Сийнь», доставивший его к берегам Тортуги неделю назад, всё ещё стоял на якоре в Кайонской бухте, ожидая, когда сей юноша почтёт для себя удобным возвратиться на борт. Отсюда легко можно было заключить, что гость – важная птица, и, следовательно, губернатору надлежало со всем возможным усердием идти навстречу его желаниям. Но как пойдёшь им навстречу, когда приходится иметь дело хотя бы с таким чванливым и нахально-грубым парнем, как капитан Тондёр с «Рейн Марго»? Губернатор д'Ожерон не видел никакой возможности закрыть перед этим пиратом двери своего дома, как того желал де Меркёр. Он не мог решиться на это даже после того, как стало совершенно

очевидно, что негодяя Тондёра привлекает сюда общество мадемуазель Люсьен.

Другой жертвой тех же чар пал молодой Джереми Питт. Впрочем, Питт был человеком совсем иного склада, и если знаки внимания, которые он оказывал мадемуазель Люсьен, и вызывали у д'Ожерона некоторое недовольство, то это не шло ни в какое сравнение с той тревогой, которую порождал в нём Тондёр.

А Джереми Питт, казалось, самой природой был создан, чтобы возбуждать к себе любовь. Ясные голубые глаза, прямой, открытый взгляд, нежная кожа, правильные черты лица, золотые кудри и стройная атлетическая фигура в ладно пригнанном, аккуратном костюме – всё это не могло не привлекать к нему сердца. Мужественность и сила сочетались в нём с женственной мягкостью натуры. Трудно было представить себе человека, более не похожего на политического заговорщика, коим он когда-то был, или на пирата, коим он теперь, в сущности, являлся. Приятные манеры и хорошо подвешенный язык, а порой, в минуты вдохновения, уменье изъясняться красноречиво и даже поэтически завершали этот портрет идеального любовника.

Что-то неуловимое, проскальзывавшее в ласковом обращении с ним девушки (а быть может, это просто нашёптывали ему его мечты), заставляло Джереми думать, что он ей не безразличен, и однажды вечером, гуляя с ней под душистыми перечными деревьями в саду её отца, он открылся ей в любви и, прежде чем она успела прийти в себя от этого ошеломляющего признания, обнял её и поцеловал.

– Мосье Джереми… как вы могли?.. Вы не должны были этого делать, вся дрожа, пролепетала Люсьен, получив наконец возможность перевести дух. (Джереми увидел, что в глазах у неё стоят слёзы.) – Если мой отец узнает…

Джереми не дал ей договорить.

– Конечно, он узнает! – с жаром воскликнул юноша. – Я и хочу, чтобы он узнал. Узнал тотчас же.

Вдали показались де Меркёр и Мадлен, и Люсьен направилась к ним, но Джереми, ни секунды не медля, бросился разыскивать губернатора.

Д'Ожерон, изящный, элегантный, принёсший с собой на эти туземные острова Нового Света всю изысканную учтивость Старого Света, не сумел скрыть, что он крайне огорчён. Сколотив немалое состояние за время своего губернаторства, он строил честолюбивые планы для своих рано лишившихся матери дочерей и мечтал в самом недалёком времени отправить их во Францию.

Всё это он и изложил мистеру Питту – не резко и не грубо, но в самой деликатной форме, всячески щадя его чувства, – и в заключение добавил, что Люсьен уже помолвлена.

Джереми был поражён.

– Как так! Почему же она ничего не сказала мне? – воскликнул он, совершенно забывая о том, что сам не дал ей для этого ни малейшей возможности.

– Может быть, она не вполне отдаёт себе в этом отчёт. Вы же знаете, как подобные браки принято заключать во Франции.

Мистер Питт попробовал было горячо выступить в за-

щиту естественного отбора, но Д'Ожерон прервал его красноречивую тираду раньше, чем он успел основательно развить свою мысль.

– Дорогой мой мистер Питт, друг мой, прошу вас, поразмыслите хорошенько, вспомните, какое положение занимаете вы в обществе. Вы – флибустьер, искатель приключений. Я говорю это не в осуждение и не в обиду вам. Я просто хочу указать на то, что ваша жизнь зависит от удачи. Девушке, получившей самое утончённое воспитание, вы должны предложить обеспеченное существование и надёжный кров, а разве вы в состоянии это сделать? Если бы вы сами имели дочь, отдали бы вы её руку человеку, чья судьба была бы подобна вашей?

– Да, если бы она полюбила его, – сказал мистер Питт.

– Ах, что такое любовь, друг мой?

Джереми, считая, что после только что пережитого упоения и внезапного стремительного погружения в бездну горя ему это куда как хорошо известно, не сумел тем не менее облечь приобретённые им познания в слова. Д'Ожерон снисходительно улыбнулся, наблюдая его замешательство.

– Для влюблённого всё исчерпывается любовью, я понимаю вас. Но для отца этого мало – ведь он ответствен за судьбу своего ребёнка. Вы оказали мне большую честь, мосье Питт. Я в отчаянии, что вынужден отклонить ваше предложение. Уважая чувства друг друга, нам не следует, думается мне, касаться в дальнейшем этой темы.

Общеизвестно, однако, что когда какой-либо молодой человек делает открытие, что не может жить без той или иной молодой особы, и если он при этом со свойственным

всем влюблённым эгоизмом верит, что и она не может без него жить, едва ли первое возникшее на пути препятствие заставит его отказаться от своих притязаний.

Впрочем, в настоящую минуту Джереми был лишён возможности стоять на своём, ввиду появления величавой Мадлен в сопровождении де Меркёра. Поискав глазами Люсьен, молодой француз осведомился о ней. У него были красивые глаза и красивый голос, и вообще он был, несомненно, красивый мужчина, безукоризненно одетый и с безукоризненными манерами, довольно рослый, но столь хрупкого, деликатного сложения, что казалось – подуй ветер посильнее, и он поднимет его на воздух словно былинку. Впрочем, держался мосье де Меркёр весьма уверенно, что странно противоречило его почти болезненно-изнеженному виду.

Он, по-видимому, был удивлён, не обнаружив мадемуазель Люсьен в кабинете её отца. Мосье де Меркёр хотел, по его словам, умолять её спеть ему ещё раз те провансальские песенки, которыми она услаждала его слух накануне вечером. И он жестом указал на стоявшие в углу клавикорды. Мадлен отправилась разыскивать сестру. Мистер Питт встал и откланялся. В его теперешнем состоянии духа у него едва ли хватило бы терпения слушать, как мадемуазель Люсьен будет петь провансальские песенки для господина де Меркёра.

И Питт отправился излить душу капитану Бладу, которого он нашёл в его просторной каюте на флагманском корабле «Арабелла».

Питер Блад отложил в сторону порядком потрёпанный томик Горация, дабы выслушать горестную жалобу своего

молодого шкипера и друга. Полулёжа на подушках, брошенных на крышку ларя под кормовым окном, капитан Блад был исполнен сочувствия и безжалостно суров.

– Д'Ожерон, безусловно, прав, – заявил он. – Твой образ жизни, Джереми, не даёт тебе права обзаводиться семьёй. И это ещё не единственная причина, почему ты должен выкинуть такую вздорную идею из головы, – добавил он. – Другая причина в самой Люсьен: это очаровательное, соблазнительное дитя, но слишком легкомысленное и ветреное, чтобы обеспечить душевный покой супругу, который не всегда будет находиться возле неё и, следовательно, не сможет ни оградить её от опасности, ни остеречь. Этот малый, Тондёр, что ни день таскается в дом губернатора. А тебе, Джереми, не приходило в голову поинтересоваться, что его туда влечёт? А этот субтильный хлыщ, этот французик де Меркёр, почему он до сих пор торчит на Тортуге? И, поверь мне, есть ещё и другие, которые, как и ты, получают восхитительную усладу в обществе этой молодой особы, всегда готовой с охотой выслушивать любовные признания.

– Чтоб отсох твой гнусный язык! – загремел влюблённый Питт, весь кипя от праведного гнева. – По какому праву позволяешь ты себе говорить подобные вещи?

– По праву здравого смысла и не затуманенного любовью зрения. Не ты первый поцеловал нежные губки мадемуазель Люсьен и не ты последний будешь их целовать, даже если женишься на ней. Будь благодарен судьбе, что её папаша не на тебе остановил свой выбор. Хорошенькие девчонки, вроде этой Люсьен Д'Ожерон, существуют только для того, чтобы приносить беды и тревоги в мир.

Джереми не пожелал больше слушать подобные богохульства. Он сказал, что только такой человек, как Блад – без веры, без идеалов, – может столь низко думать о самом нежном, самом чистом, самом святом создании на земле. И он выбежал из каюты, оставив капитана Блада в обществе его любимого Горация.

И всё же слова Блада заронили крупицу ядовитого сомнения в сердце влюблённого. Ревность, получившая основательное подтверждение своих подозрений, может убить любовь наповал, но ревность, питаемая одними сомнениями, лишь жарче разжигает пламя любви. И ранним утром мистер Питт, весь горя в любовной лихорадке, презрел полученный от господина д'Ожерона отказ и отправился в белый губернаторский дом на холме. На сей раз он явился туда ранее обычного и нашёл владычицу своего сердца прогуливающейся в саду. Она гуляла в обществе капитана Тондёра – человека, пользующегося весьма дурной славой. Говорили, что он был когда-то первым фехтовальщиком в Париже и, убив кого-то на дуэли, бежал за океан, спасаясь от мести семьи погибшего. Он был невысок ростом, жилист, а его стальная мускулатура производила обманчивое впечатление сухощавости. Одевался он с несколько кричащей элегантностью и двигался удивительно проворно и легко. Внешность его можно было бы назвать банальной, если бы не маленькие, чёрные, круглые, как бусины, глазки, взгляд которых был необычайно пронзителен. В настоящий момент взгляд этот довольно нагло пронзал Джереми Питта, как бы предлагая ему убраться туда, откуда он пришёл. Правая рука капитана обвивала талию мадемуазель Люсьен. При появлении мисте-

ра Питта рука продолжала оставаться в том же положении, пока сама мадемуазель в некотором замешательстве не высвободилась из этих полуобъятий.

– А, это мосье Джереми! – воскликнула она и добавила (ни с того ни с сего, как показалось мистеру Питту): – Я вас не ждала!

Джереми почти машинально поднёс к губам протянутую ему руку, бормоча приветствие на своём плоховатом французском языке. Последовал обмен несколькими банальными фразами, затем наступила неловкая пауза, и Тондёр сказал, насупив брови:

– Если дама говорит мне, что она меня не ждала, я делаю отсюда вывод, что моё появление для неё нежелательно.

– Охотно верю, что вам не раз приходилось делать подобный вывод.

Капитан Тондёр улыбнулся. Завзятые дуэлянты, как известно, отличаются завидным самообладанием.

– Но не выслушивать дерзости. Не всегда благоразумно позволять себе говорить дерзости. Порой за это приходится довольно чувствительно расплачиваться…

Тут вмешалась Люсьен. Взгляд у неё был испуганный, голос дрожал:

– Что это такое? О чём вы говорите? Вы неправы, мосье Тондёр. С чего вы взяли, что появление мосье Джереми для меня нежелательно? Мосье Джереми – мой друг, а появление друга всегда желательно.

– Возможно, для вас, мадемуазель. Но для других ваших друзей оно может быть крайне нежелательным.

– И опять вы неправы. – Теперь она говорила ледяным

тоном. – Я не могу считать своим другом того, кому кажется нежелательным появление моих друзей.

Капитан закусил губу, и это дало маленькое удовлетворение Джереми, которого обдало жаром, когда он увидел руку капитана на талии девушки, чьи губы он целовал ещё вчера. Беспощадные слова капитана Блада невольно всплыли в его памяти в этот миг.

Появление д'Ожерона и де Меркёра положило конец этой маленькой стычке. Оба эти господина слегка запыхались – казалось, они спешили сюда со всех ног, но, увидав, кто находится в саду, облегчённо сбавили шаг. Д'Ожерон, по-видимому, предполагал застать несколько иное общество и был приятно удивлён, словно безопасность Люсьен обеспечивалась главным образом количеством её поклонников. Появление новых лиц разрядило атмосферу, но капитан Тондёр, как видно, не стремился к миролюбивому общению и удалился. Прощаясь с Джереми, он произнёс многозначительно, с недоброй улыбкой:

– Я буду с нетерпением ожидать случая, мосье, возобновить наш с вами занимательный спор.

Вскоре и Джереми хотел откланяться, но Д'Ожерон задержал его:

– Повремените ещё минуту, мосье Питт.

Ласково взяв молодого человека под руку, он увлёк его в сторону от де Меркёра и Люсьен. Они прошли до конца аллеи и углубились под своды апельсиновых деревьев, привезённых сюда из Европы. Здесь было тенисто и прохладно, спелые плоды поблёскивали, словно фонарики, в тёмно-зелёной листве.

– Мне не понравились слова капитана Тондёра, ска-

занные вам на прощанье, мосье Питт, и его улыбка тоже. Это очень опасный человек. Будьте осторожны, берегитесь его.

Джереми Питт вспыхнул:

– Уж не думаете ли вы, что я его боюсь?

– Я думаю, что вы поступили бы благоразумно, стараясь держаться от него подальше. Повторяю, он очень опасный человек. Это негодяй! И он навещает нас слишком часто.

– Зачем же вы ему позволяете, будучи о нём такого мнения?

Д'Ожерон скорчил гримасу.

– Будучи о нём такого мнения, как могу я ему воспрепятствовать?

– Вы боитесь его?

– Признаться, да. Но не за себя я боюсь, мосье Питт. За Люсьен. Он пытается ухаживать за ней.

Голос Джереми задрожал от гнева:

– И вы не можете закрыть для него дверь вашего дома?

– Могу, конечно. – Д'Ожерон криво усмехнулся. – Я проделал нечто подобное однажды с Левасёром. Вам известна эта история?

– Да, но… но… – Джереми запнулся, испытывая некоторое замешательство, однако всё же преодолел его. – Мадемуазель Мадлен была обманута, она позволила Левасёру увлечь себя… Вы же не допускаете, чтобы мадемуазель Люсьен…

– А почему я не могу этого допустить? Известного обаяния он не лишён, этот каналья Тондёр, и у него даже есть некоторые преимущества перед Левасёром. Он вра-

щался в хорошем обществе и умеет себя держать, когда ему это нужно. Наглому, предприимчивому авантюристу ничего не стоит соблазнить такое неопытное дитя, как Люсьен.

У Джереми упало сердце. Он сказал, совершенно расстроенный:

– Но что даёт такая проволочка? Ведь рано или поздно вам всё равно придётся отказать ему. И тогда… что будет тогда?

– Я сам задаю себе этот вопрос, – мрачно сказал Д'Ожерон. – Но всегда лучше отсрочить беду. Глядишь, какой-нибудь случай и помешает ей нагрянуть. – Внезапно он заговорил другим тоном: – Однако я прошу у вас прощения, мой дорогой мосье Питт. Наша беседа слишком отклонилась в сторону. Отцовская тревога! Я просто хотел предостеречь вас и очень надеюсь, что вы прислушаетесь к моим словам.

Мосье Питту всё было ясно. Д'Ожерон, видимо, считал, что Тондёр почувствовал в Джереми своего соперника, а такие люди, как он, не останавливаются ни перед чем, когда им нужно убрать кого-нибудь со своего пути.

– Очень вам признателен, мосье Д'Ожерон. Я могу постоять за себя.

– Надеюсь. От всего сердца надеюсь, что это так.

На том их беседа закончилась, и они расстались.

Джереми вернулся на «Арабеллу» и после обеда, прогуливаясь вместе с капитаном Бладом по палубе, поведал ему о том, что произошло утром в саду губернатора.

Блад выслушал его с задумчивым видом.

– У него было достаточно оснований предостеречь те-

бя. Странно только, почему он дал себе труд этим заниматься. Я повидаюсь с ним, да, да, непременно. Возможно, моя помощь будет ему небесполезна, хотя мне пока ещё не ясно, в чём она может проявиться. А ты, Джереми, будь благоразумен и посиди лучше на корабле. Можешь, чёрт побери, не сомневаться, что Тондёр будет искать встречи с тобой.

– А я, что ж, должен её избегать? – презрительно фыркнул Джереми.

– Да, если ты не дурак.

– Иначе говоря – если я трус.

– А не кажется ли тебе, что живой трус лучше мёртвого дурака, каковым ты неизбежно окажешься, если позволишь Тондёру сводить с тобой счёты? Не забывай, что этот человек – первоклассный фехтовальщик, ну, а ты… – Капитан Блад присвистнул. – Это пахнет самым обыкновенным убийством. А какая доблесть в том, что тебя заколют, как барана?

Питт в глубине души чувствовал, что капитан прав, но признаться в этом было бы слишком унизительно. Поэтому он пренебрёг советом Блада, на другой же день сошёл на берег и отправился вместе с Хагторпом и Волверстоном в таверну «У французского короля», где его и обнаружил Тондёр.

Время приближалось к полудню, и в большом зале таверны было полным-полно пиратов, матросов с французского фрегата, искателей жемчуга, а также всевозможных жуликов и бродяг обоего пола, которые, подобно хищным акулам, всегда вьются вокруг моряков, а пуще всего – вокруг пиратов, зная их привычку сорить деньгами. В плохо

освещённом зале воздух был удушлив от едкого табачного дыма, винного перегара, испарений человеческих тел.

Тондёр вошёл небрежной, ленивой походкой; левая рука его покоилась на эфесе шпаги. Отвечая на поклоны, он протискался сквозь толпу и остановился перед сидевшим за столиком Джереми.

– Вы позволите? – спросил он и, не дожидаясь ответа, пододвинул себе табурет и сел. – Какая удача, что мы можем так скоро возобновить наш маленький спор, который был вчера, к сожалению, прерван.

Джереми сразу понял, куда он клонит, и поглядел на него в некотором замешательстве. Его товарищи, не знавшие, о чём идёт речь, тоже уставились на француза.

– Мы, мне помнится, обсуждали вопрос о том, что появление некоторых лиц порой бывает нежелательным и что у вас не хватает сообразительности понять, в какой мере это относится к вам.

Джереми наклонился вперёд.

– Не важно, что мы обсуждали. Вы пришли сюда, как я понимаю, чтобы затеять со мной ссору?

– Я? – Капитан Тондёр поднял брови, потом нахмурился. – С чего вы это взяли? Вы мне не мешаете. Вы просто не в состоянии ничем мне помешать. Если б вы оказались на моём пути, я бы раздавил вас, как блоху. – И он презрительно и нагло рассмеялся прямо в лицо Джереми, чем сразу и достиг своей цели – этот смех задел Джереми за живое.

– Смотрите не ошибитесь, принимая меня за блоху.

– Ах, вот как? – Тондёр встал. – В таком случае поостерегитесь докучать мне снова или, предупреждаю, я раз-

давлю вас одним щелчком! – Он говорил намеренно громко, чтобы все могли его слышать. Его резкий голос привлёк к себе внимание, и шум в зале затих.

Тондёр презрительно повернулся к Джереми спиной, но застыл на месте, услыхав:

– Нет, постой, грязный пёс!

Капитан Тондёр обернулся. Его брови поползли вверх. Злобный оскал приподнял кончики тоненьких усиков. А дородный силач Волверстон, всё ещё не понимая, что происходит, инстинктивно старался удержать Джереми, который тоже вскочил с табурета.

– Пёс? Так, так! – с расстановкой проговорил Тондёр. – Пёс, сказали вы? Вполне уместное сочетание – пёс и блоха. Но тем не менее пёс – это мне не нравится. Не будете ли вы столь любезны взять пса обратно? И притом немедленно! Я не отличаюсь терпеливостью, мосье Питт.

– Разумеется, я возьму его обратно, – сказал Джереми. – Зачем обижать животное.

– Под животным вы подразумеваете меня?

– Я подразумеваю пса. Надо было бы сказать не пёс, а…

– Крыса, – резко произнёс чей-то голос за спиной Тондёра, заставив его обернуться.

На пороге, небрежно опираясь на свою чёрную трость, высокий, элегантный, в чёрном, расшитом серебром костюме стоял капитан Блад. Его горбоносое, обожжённое солнцем и ветром лицо было обращено к капитану Тондёру, холодные синие глаза смотрели на него в упор. Он неторопливо направился к французу.

– Крыса, на мой взгляд, как-то лучше определяет вашу

сущность, капитан Тондёр, – непринуждённо и бесстрастно проговорил он и остановился, ожидая, что скажет тот.

Раздался дружный взрыв хохота. Когда он смолк, прозвучал ответ Тондёра:

– Понимаю, понимаю. Крошка шкипер находится под надёжной защитой. Папаша Блад встревает не в своё дело, дабы спасти этого трусишку.

– Само собой разумеется, я должен взять его под защиту. Разве я могу допустить, чтобы какой-то наглец бретёр заколол моего шкипера? Конечно, я должен вмешаться. И вы могли это предвидеть, капитан Тондёр. Вы не только презренный негодяй, но и жалкий трус – вот почему я сравнил вас с крысой. Вы рассчитываете на своё уменье владеть шпагой, но решаетесь пускать её в ход только против тех, кого считаете не слишком искушёнными в этом ремесле. Так поступают лишь трусы. Ну, и, разумеется, убийцы. Ведь, насколько мне известно, убийцей заклеймили вас во Франции.

– Это ложь! – сказал Тондёр, побелев как полотно.

Капитан Блад, обернувший оружие Тондёра против него самого, намеренно стараясь разжечь его ярость, невозмутимо возразил:

– А вы попробуйте доказать мне это на деле, и я возьму свои слова обратно, прежде чем проколю вас шпагой… или после того. По крайней мере вы получите возможность закончить с честью бесчестно прожитую жизнь. Здесь есть ещё одна комната, довольно просторная и пустая, мы можем…

Но Тондёр, злобно усмехнувшись, перебил его:

– Ну нет, со мной эти штучки не пройдут. У меня разговор не с вами, а с мистером Питтом.

– Это подождёт. Сначала решим наш спор.

Тондёр взял себя в руки. Он побледнел ещё сильнее и тяжело дышал.

– Послушайте, капитан Блад. Ваш шкипер нанёс мне оскорбление: он назвал меня грязным псом в присутствии всех этих людей. Вы намеренно стараетесь ввязаться в ссору, которая не имеет никакого отношения к вам. Так не по правилам, и я призываю всех в свидетели.

Это был ловкий ход, и он оправдал себя. Присутствующие оказались на стороне Тондёра. Матросы из команды капитана Блада угрюмо молчали, а остальные закричали, что француз прав. Даже Хагторп и Волверстон и те могли только молча пожать плечами, а Джереми сам окончательно погубил дело, поддержав своего противника:

– Капитан Тондёр прав, Питер. Наши с ним дела тебя не касаются.

– Вы слышите? – закричал Тондёр.

– Нет, касаются. Мало ли что он говорит. Вы замыслили убийство, негодяй, и я этого не допущу. – Капитан Блад, отбросив свою трость, положил руку на эфес шпаги.

Но дюжина крепких рук тотчас схватила его, со всех сторон раздались гневные крики протеста, и, лишённый поддержки своих товарищей, он вынужден был уступить. Ведь даже верный Волверстон, неизменный его сторонник, шептал ему в ухо:

– Остановись, Питер! Во имя бога! Ты же всех взбунтуешь против нас из-за такой безделицы. Ты опоздал. Парень сам виноват – зачем лез на рожон?

– А вы что здесь делали? Почему вы его не удержали? Ну вот, глядите! Он пошёл драться, идиот безмозглый!

Джереми уже направлялся в соседнюю комнату: он был похож на ягнёнка, покорно шагающего на бойню и даже ведущего за собой своего мясника. Хагторп шёл рядом с ним, Тондёр – сзади, остальные замыкали шествие.

Капитан Блад, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься на Тондёра, присоединился вместе с Волверстоном к толпе зевак.

В просторной полупустой комнате столы и табуреты быстро сдвинули к стене. Помещение это представляло собой, в сущности, пристройку – нечто среднее между навесом и сараем, с земляным полом и длинным отверстием в одной из стен, которая не доходила до потолка фута на три. В эту щель лились жаркие лучи послеполуденного солнца.

Противники, обнажённые по пояс, со шпагой в руке, стали друг против друга: Джереми – высокий, статный, мускулистый, Тондёр – худощавый, жилистый, проворный и гибкий, как кошка. Хозяин таверны и все его помощники присоединились к толпе зрителей, расположившихся вдоль стен.

Несколько молоденьких девчонок, самых отчаянных, тоже пришли поглядеть на поединок, но большинство женщин остались в общем зале.

Капитан Блад и Волверстон остановились в глубине комнаты возле стола, на который были свалены различные предметы с других столов: кружки, кувшины, бурдюк с вином и пара медных подсвечников с круглыми, похожими на блюдца подставками. Пока дуэлянты готовились к схватке, Питер Блад, побледневший, несмотря на свой загар, рассеянно перебирал в руках валявшиеся на столе

предметы, и в глазах его вспыхивал зловещий огонёк, словно ему хотелось запустить одним из этих предметов кому-то в голову.

Секундантом Джереми вызвался быть Хагторп. Секундантом Тондёра оказался Вентадур, лейтенант с «Рейн Марго». Противников поставили в противоположных концах комнаты, боком к солнцу, и Джереми, занимая позицию, поймал взгляд Блада. Он улыбнулся своему капитану, а Блад, лицо которого было сосредоточенно и хмуро, сделал ему знак глазами. На секунду во взгляде Джереми отразилось недоумение, затем блеснула догадка.

Вентадур скомандовал:

– Начинайте, господа!

Со звоном скрестились шпаги, и почти в то же мгновение, повинуясь полученному от своего капитана сигналу, Джереми прыгнул в сторону и атаковал Тондёра с левого бока. Это заставило Тондёра повернуться лицом к нему и к солнцу и дало Джереми некоторое преимущество перед противником, а именно этого и добивался Блад. Джереми изо всех сил старался удержать Тондёра в этой позиции, но тот был слишком искусным для него противником. Опытный фехтовальщик, он умело отражал все удары, а затем, сделав ответный выпад, воспользовался моментом, чтобы, в свою очередь, отскочить в сторону и вынудить противника поменяться с ним местами. Теперь каждый из них занимал ту позицию, в которой находился его противник в начале схватки.

Блад скрипнул зубами, увидав, что Джереми потерял своё единственное преимущество перед этим бретёром, твёрдо намеренным его убить. Однако, против ожидания,

поединок затягивался. Потому ли, что на стороне Джереми была сила, молодость, высокий рост? Или рука опытного дуэлянта стала менее искусной, так как давно не держала шпаги? Но ни то, ни другое не давало достаточного объяснения происходящему. Тондёр атаковал, его шпага описывала сверкающие круги перед самой грудью противника, мгновенно нащупывая слабые стороны в его неуклюжей защите: он давно уже мог прикончить Джереми… и не делал этого. Забавлялся ли он, играя с ним, как кошка с мышью, или, быть может, побаиваясь капитана Блада и возможных последствий столь откровенного убийства его шкипера у всех на глазах, намеревался не убивать, а лишь искалечить его?

Зрители, наблюдавшие поединок, недоумевали. Их недоумение усилилось, когда Тондёр, ещё раз отскочив в сторону, оказался спиной к солнцу и вынудил своего беспомощного противника занять то невыгодное положение, в котором сам Тондёр находился в начале поединка. Такой приём со стороны Тондёра производил впечатление утончённой жестокости.

Капитан Блад, к которому Тондёр повернулся теперь лицом, взял со стола один из медных подсвечников. Никто не смотрел на Блада; все глаза были прикованы к дуэлянтам. Блад же, казалось, утратил всякий интерес к поединку. Его внимание было целиком поглощено подсвечником. Он поднял его и, разглядывая углубление для свечи, привёл блюдцеобразное основание подсвечника в вертикальное положение. И в ту же секунду рука Тондёра внезапно дрогнула, и шпага его, промедлив какой-то миг, не сумела отразить неловкий выпад Джереми, продолжавшего меха-

нически обороняться. Не встретив сопротивления, шпага Джереми вонзилась в грудь Тондёра.

Поражённые зрители ещё не успели прийти в себя от столь неожиданного завершения поединка, а капитан Блад уже опустился на одно колено возле распростёртого на земляном полу тела. Теперь он был хирург, всё остальное отступило на задний план. Он велел принести воды и чистых полотняных тряпок. Джереми, поражённый больше всех, стоял возле и отупело глядел на сражённого противника.

Когда Блад начал обследовать рану, Тондёр, на мгновение лишившийся сознания, пришёл в себя. Глаза его открылись, и взгляд остановился на склонённом над ним лице капитана Блада.

– Убийца! – пробормотал он сквозь стиснутые зубы, и голова его бессильно свесилась на грудь.

– Совсем напротив, – сказал капитан Блад и с помощью Вентадура, поддерживавшего безжизненное тело, принялся ловко бинтовать рану. – Я ваш спаситель. Он не умрёт, – добавил он, обращаясь к окружающим, – хоть его и проткнули насквозь. Через месяц он будет хорохориться и бесчинствовать снова. Но дня два-три ему следует полежать, и за ним нужно поухаживать.

Поднявшись на борт «Арабеллы», Джереми был как в тумане. Всё происшедшее стояло перед его глазами, словно видения какого-то странного сна. Ведь он уже смотрел в лицо смерти, и всё же он жив. Вечером за ужином в капитанской каюте Джереми позволил себе пофилософствовать на эту тему.

– Вот доказательство того, – сказал он, – что никогда

не надо падать духом и признавать себя побеждённым в схватке. Меня сегодня совершенно запросто могли бы отправить на тот свет. А почему? Исключительно потому, что я был не уверен в себе – заранее решил, что Тондёр лучше меня владеет шпагой.

– Быть может, это всё же так, – проронил капитан Блад.

– Почему же тогда мне запросто удалось продырявить его?

– В самом деле, Питер, как могло такое случиться? – Этот вопрос, волновавший всех присутствовавших, задал Волверстон.

Ответил Хагторп:

– А просто дело в том, что этот мерзавец бахвалился всюду и везде, что он, дескать, непобедим. Вот все ему и поверили. Так частенько создаётся вокруг человека пустая слава.

На том обсуждение поединка и закончилось.

Наутро капитан Блад заметил, что не мешало бы нанести визит д'Ожерону и сообщить о происшедшем. Его, как губернатора Тортуги, следует поставить в известность о поединке: по закону дуэлянты должны дать ему свои объяснения, хотя, по существу, этого, может быть, и не требуется, так как он лично знаком с обоими. Джереми же всегда, под любым предлогом стремившийся в дом губернатора, в это утро стремился туда особенно сильно, чувствуя, что победа на поединке придаёт ему в какой-то мере ореол героя.

Когда они в шлюпке приближались к берегу, капитан Блад отметил, что французский фрегат «Сийнь» уже не

стоит у причала, а Джереми рассеянно отвечал, что, верно, Меркёр покинул наконец Тортугу.

Губернатор встретил их чрезвычайно сердечно. Он уже слышал, что произошло в таверне «У французского короля». Они могут не затруднять себя объяснениями. Никакого официального расследования предпринято не будет. Ему прекрасно известны мотивы этой дуэли.

– Если бы исход поединка был иным, – откровенно признался губернатор, – я бы, конечно, действовал иначе. Прекрасно зная, кто зачинщик ссоры, не я ли предостерегал вас, мосье Питт? – я вынужден был бы принять меры против Тондёра и, быть может, просить вашего содействия, капитан Блад. В колонии тоже должен поддерживаться какой-то порядок. Но всё произошло как нельзя более удачно. Я счастлив и бесконечно благодарен вам, мосье Питт.

Такие речи показались Питту хорошим предзнаменованием, и он попросил разрешения засвидетельствовать своё почтение мадемуазель Люсьен.

Д'Ожерон поглядел на него в крайнем изумлении.

– Люсьен? Но Люсьен здесь уже нет. Сегодня утром она отплыла на французском фрегате во Францию вместе со своим супругом.

– Отплыла… с супругом?.. – как эхо, повторил Джереми, чувствуя, что у него закружилась голова и засосало под ложечкой.

– Да, с мосье де Меркёром. Разве я не говорил вам, что она помолвлена? Отец Бенуа обвенчал их сегодня на заре. Вот почему я так счастлив и так благодарен вам, мосье Питт. Пока капитан Тондёр преследовал её как тень, я не

решался дать согласие на брак. Памятуя о том, что проделал однажды Левасёр, я боялся отпустить от себя Люсьен. Тондёр, без сомнения, последовал бы за ней, как когда-то Левасёр, и в открытом море мог бы отважиться на то, чего он не решался позволить себе здесь, на Тортуге.

– И поэтому, – сказал капитан Блад ледяным тоном, – вы стравили этих двух, чтобы, пока они тут дрались, третий мог улизнуть с добычей. Это, мосье д'Ожерон, ловкий, но не слишком дружественный поступок.

– Вы разгневались на меня, капитан! – Д'Ожерон был искренне расстроен. – Но я ведь должен был в первую очередь позаботиться о своей дочери! И притом я же ни секунды не сомневался в исходе поединка. Наш дорогой мосье Питт не мог не победить этого негодяя Тондёра.

– Наш дорогой мосье Питт, – сухо сказал Блад, – руководимый любовью к вашей дочери, очень легко мог лишиться жизни, убирая с пути препятствия, мешающие осуществлению желательного для вас союза. Ты видишь, Джереми, – продолжал он, беря под руку своего молодого шкипера, который стоял, повесив голову, бледный как мел, – какие западни уготованы тому, кто любит безрассудно и теряет голову. Пойдём, дружок. Разрешите нам откланяться, мосье д'Ожерон.

Он чуть ли не силой увлёк молодого человека за собой. Однако капитан Блад был зол, очень зол и, остановившись в дверях, повернулся к губернатору с улыбкой, не предвещавшей добра.

– А вы не подумали о том, что я ради мосье Питта могу проделать как раз то самое, что мог бы проделать Тондёр и чего вы так боитесь? Вы не подумали о том, что я могу

погнаться за фрегатом и похитить вашу дочь для моего шкипера?

– Великий боже! – воскликнул д'Ожерон, мгновенно приходя в ужас при одной мысли о возможности такого возмездия. – Нет, вы никогда этого не сделаете!

– Вы правы, не сделаю. Но известно ли вам, почему?

– Потому, что я доверился вам. И потому, что вы – человек чести.

– Человек чести! – Капитан Блад присвистнул. – Я – пират. Нет, не поэтому, а только потому, что ваша дочь недостойна быть женой мистера Питта, о чём я ему всё время толковал и что он теперь сам, я надеюсь, понимает.

Это была единственная месть, которую позволил себе Питер Блад.

Рассчитавшись таким образом с губернатором д'Ожероном за его коварный поступок, он покинул его дом, уведя с собой убитого горем Джереми.

Они уже приближались к молу, когда немое отчаяние юноши внезапно уступило место бешеному гневу. Его одурачили, обвели вокруг пальца и даже жизнь его поставили на карту ради своих подлых целей! Ну, он им ещё покажет!

– Попадись он мне только, этот де Меркёр! – бушевал Джереми.

– Да, воображаю, каких ты тогда натворишь дел! – насмешливо произнёс капитан Блад.

– Я его проучу, как проучил этого пса Тондёра.

Тут капитан Блад остановился и дал себе посмеяться вволю:

– Да ты сразу стал записным дуэлянтом, Джереми!

Прямо грозой всех шёлковых камзолов! Ах, пожалуй, мне пора отрезвить тебя, мой дорогой Тибальд[93], пока ты со своим бахвальством не влип снова в какую-нибудь скверную историю.

Хмурая морщина прорезала высокий чистый лоб юноши.

– Что это значит – отрезвить меня? – сурово опросил он. – Уложил я вчера этого француза или не уложил?

– Нет, не уложил! – снова от души расхохотавшись, отвечал Блад.

– Как так? Я его не уложил? – Джереми подбоченился. – Кто же его тогда уложил, хотелось бы мне знать? Кто? Может быть, ты скажешь мне?

– Скажу. Я его уложил, – сказал капитан Блад я снова стал серьёзен. – Я его уложил медным подсвечником. Я ослепил его, пустив ему солнце в глаза, пока ты там ковырялся со своей шпагой… – И, заметив, как побледнел Джереми, он поспешил напомнить: – Иначе он убил бы тебя. – Кривая усмешка пробежала по его гордым губам, в светлых глазах блеснуло что-то неуловимое, и с горькой иронией он произнёс: – Я же капитан Блад.

ИСКУПЛЕНИЕ МАДАМ ДЕ КУЛЕВЭН

Граф дон Жуан де ля Фуэнте из Медины, полулёжа на кушетке возле открытых кормовых окон в своей роскошной каюте на корабле «Эстремадура», лениво перебирал струны украшенной лентами гитары и томным баритоном

[93] Персонаж из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

напевал весьма популярную в те дни в Малаге игривую песенку.

Дон Жуан де ля Фуэнте был сравнительно молод – не старше тридцати лет; у него были тёмные, бархатистые глаза, грациозные движения, полные яркие губы, крошечные усики и чёрная эспаньолка; изысканные манеры его дополнял элегантный костюм. Лицо, осанка, даже платье – всё выдавало в нём сластолюбца, и обстановка этой роскошной каюты на большом, сорокапушечном галионе, которым он командовал, вполне соответствовала его изнеженным вкусам. Оливково-зелёные переборки украшала позолоченная резьба, изображавшая купидонов и дельфинов, цветы и плоды, а все пиллерсы имели форму хвостатых, как русалки, кариатид. У передней переборки великолепный буфет ломился от золотой и серебряной утвари. Между дверями кают левого борта висел холст с запечатлённой на нём Афродитой. Пол был устлан дорогим восточным ковром, восточная скатерть покрывала квадратный стол, над которым свисала с потолка массивная люстра чеканного серебра. В сетке на стене лежали книги – «Искусство любви» Овидия[94], «Сатирикон»[95], сочинения Боккаччо[96] и Поджо[97], свидетельствуя о пристрастии их владельца к классической литературе. Стулья, так же как и кушетка, на которой возлежал дон Жуан, были обиты цветной кордовской кожей с тиснёным золотом узором, и хотя в открытые кормовые окна задувал тёплый ветерок,

---

[94] Публий Овидий Назон – римский поэт, живший на рубеже новой эры.
[95] «Сатирикон» – произведение римского писателя Петрония (I в. н. э.).
[96] Боккаччо – итальянский писатель XIV века, автор «Декамерона».
[97] Поджо Браччолини – итальянский писатель (XIV–XV вв.).

неспешно гнавший галион вперёд, воздух каюты был удушлив от крепкого запаха амбры и других благовоний.

Песенка дона Жуана восхваляла плотские утехи и сокрушалась о тяжёлой участи его святейшества папы римского, обречённого среди окружающего его изобилия на безбрачие.

Дон Жуан исполнял эту песенку для капитана Блада; тот сидел возле стола, опершись о него локтем, положив ноги на стоявший рядом стул. Улыбка, словно маска, под которой он прятал отвращение и скуку, застыла на его смуглом горбоносом лице. На нём был серый камлотовый, отделанный серебряным кружевом костюм, извлечённый из гардероба самого дона Жуана (оба они были примерно одного роста и возраста и одинакового телосложения), и чёрный парик, добытый из того же источника.

Целая цепь непредвиденных событий привела к возникновению этой совершенно невероятной ситуации: заклятый враг Испании оказался почётным гостем на борту испанского галиона, неспешно режущего носом воды Карибского моря, держа курс на север, с Наветренными островами милях в двадцати на траверсе. Оговоримся сразу: томный дон Жуан, услаждавший слух капитана Блада своим пением, ни в малейшей мере не догадывался о том, кого именно он развлекает.

Историю о том, как Питер Блад попал на этот галион, пространно и добросовестно, с утомительными подробностями изложенную старательным Джереми в судовом журнале, мы постараемся описать здесь вкратце, ибо – позволим себе ещё раз напомнить читателю – в этой хронике мы предлагаем его вниманию лишь отдельные эпизоды

или звенья бесконечной цепи приключений, пережитых капитаном Бладом во время его совместного плавания с бессменным шкипером и верным другом Джереми Питтом.

Неделю назад на острове Маргарита, в одной из уединённых бухт которого производилось кренгование флагманского корабля «Арабелла», с целью очистки его киля от наросшей на нём дряни, кто-то из дружественных капитану Бладу карибских индейцев принёс ему весть, что в бухту Кариако пришли испанцы – ловцы жемчуга – и собрали там довольно богатый улов.

Противостоять такому соблазну было слишком трудно. В левом ухе капитана Блада поблёскивала крупная грушевидная жемчужина, стоившая баснословных денег и представлявшая собой лишь незначительную часть фантастической добычи, захваченной его корсарами в подобного же рода набеге на Рио-дель-Хача. И вот, снарядив три пироги и тщательно отобрав сорок наиболее подходящих для этой операции людей, капитан Блад однажды ночью неслышно миновал пролив между островом Маргариты и Мэйном и простоял на якоре под прикрытием высокого берега почти весь день, а когда свечерело, неслышно двинулся к бухте Кариако. И тут их заметила испанская береговая охрана, о присутствии которой в этих водах они и не подозревали.

Пироги повернули и помчались что есть духу в открытое море. Но сторожевое судно в ещё не сгустившихся сумерках устремилось за ними в погоню, открыло огонь и разбило в щепы утлые челны. Все, кто не был убит и не утонул, попали в плен. Блад всю ночь продержался на во-

де, уцепившись за большой обломок. Свежий южный бриз, подувший на закате, гнал его вперёд всю ночь, а на заре его подхватило приливом и, вконец измученного, окоченевшего и хорошо просоленного после столь долгого пребывания в морской воде, как в рассоле, выбросило на берег небольшого островка.

Островок этот, имевший не более полутора миль в длину и меньше мили в ширину, был, в сущности, необитаем. На нём росло несколько кокосовых пальм и кустов алоэ, а населяли его лишь морские птицы да черепахи. Однако судьбе было угодно забросить Питера Блада на этот остров именно в то время, когда там нашли себе пристанище ещё двое людей – двое потерпевших кораблекрушение испанцев, бежавших на парусной пинассе из английской тюрьмы в Сент-Винсенте. Не обладая никакими познаниями по мореходству, эти горемыки доверились морской стихии, и месяц назад их случайно прибило к берегу в тот момент, когда, истощив все свои запасы провизии и пресной воды, они уже видели себя на краю гибели. После этого они не отваживались больше пускаться в море и кое-как влачили свои дни на острове, питаясь кокосовыми орехами, ягодами и диким бататом, вперемежку с мидиями, крабами и креветками, которых ловили на берегу между скал.

Капитан Блад, не будучи уверен в том, что испанцы, даже находящиеся в столь бедственном положении, не перережут ему глотку, узнав, кто он такой, назвался голландцем с потерпевшего кораблекрушение брига, шедшего с Кюрасао, и, помимо отца-голландца, присвоил себе ещё и мать-испанку, дабы сделать правдоподобным не

только имя Питера Вандермира, но и своё почти безупречное кастильское произношение.

Пинасса казалась в хорошем состоянии, и, загрузив в неё изрядный запас батата и черепашьего мяса, собственноручно прокопчённого им на костре, и наполнив имевшиеся на ней бочонки пресной водой, капитан Блад вышел в море вместе с обоими испанцами. По солнцу и по звёздам он держал курс на восток к Тобаго, рассчитывая найти пристанище у тамошних голландских поселенцев, не отличавшихся враждебностью. Впрочем, осторожности ради он сказал своим доверчивым спутникам, что они держат путь на Тринидад.

Но ни Тринидада, ни Тобаго им не суждено было увидеть. На третий день, к великой радости испанцев и некоторой досаде капитана Блада, их подобрал испанский галион «Эстремадура». Делать было нечего, оставалось только положиться на судьбу и на то, что плачевное состояние одежды сделает его неузнаваемым. На галионе он повторил ту же вымышленную историю кораблекрушения, снова назвался голландцем, снова добавил себе испанской крови и, решив, что если уж нырять, так поглубже, до самого дна, и раз он выбрал себе в матери испанку, то почему бы не выбрать её из самых именитых, заявив, что её девичья фамилия Трасмиера и она состоит в родстве с герцогом Аркосским.

Смуглая кожа, тёмные волосы, надменное, спокойное выражение тонкого горбоносого лица, властная манера держаться, невзирая на свисавшие с плеч лохмотья, а превыше всего – довольно беглая и утончённая кастильская речь заставили поверить его словам. А так как единствен-

ное желание этого испанского гранда сводилось к тому, чтобы его высадили на берег в одной из голландских или французских гаваней, откуда он мог бы возобновить своё путешествие в Кюрасао, не было никаких оснований подозревать его в чрезмерном бахвальстве.

На командира корабля «Эстремадура» – дона Жуана де ля Фуэнте, с сибаритскими наклонностями которого мы уже успели познакомиться, рассказы этого потерпевшего кораблекрушение испанского гранда о его могущественных связях произвели сильное впечатление; он оказал ему радушный приём, предоставил в его распоряжение свой богатый гардероб и каюту рядом со своей и держался с ним на равной ноге, как с человеком, занимающим столь же высокое положение, как он сам. Этому способствовало ещё и то обстоятельство, что Питер Вандермир явно пришёлся по сердцу дону Жуану. Испанец заявил, что будет называть Питера – дон Педро, как бы желая подчеркнуть этим его испанское происхождение, и клялся, что кровь Трасмиеров, без сомнения, должна была полностью подавить кровь каких-то Вандермиров. На эту тему он позволил себе несколько вольных шуток. Шутки такого сорта вообще обильно сыпались у него с языка, а четверо молодых офицеров знатных испанских фамилий, обедавшие за одним столом с капитаном, охотно их подхватывали.

Питер Блад снисходительно прощал распущенность языка ещё не оперившимся юнцам, считая, что, поумнев с возрастом, они и сами остепенятся, но в человеке, уже перешагнувшем рубеж третьего десятка, она показалась ему отталкивающей. За элегантной внешностью и изысканными манерами испанца угадывался повеса и распутник. Од-

нако Питер Блад должен был затаить эти чувства в своей груди. Безопасности ради ему нельзя было испортить хорошее впечатление, произведённое им на капитана, и, приноравливаясь к нему и к его офицерам, он держался столь же развязного тона.

И всё это привело к тому, что пока испанский галион, почти заштилевший у тропиков, еле-еле полз к северу, поставив всю громаду парусов, часто совсем безжизненно свисавших с рей, между доном Жуаном и доном Педро завязалось нечто вроде дружбы. Многое восхищало дона Жуана в его новом приятеле: сразу бросавшаяся в глаза сила мышц и крепость духа дона Педро; его глубокое знание света и людей; его остроумие и находчивость; его чуточку циничная философия. Долгие часы вынужденного досуга они ежедневно коротали вместе, и их дружба крепла и росла со сказочной быстротой, подобно буйной флоре тропиков.

Вот как случилось, что Питер Блад уже шестой день путешествовал на положении почётного гостя на испанском корабле, который должен был бы везти его закованным в кандалы, догадайся кто-нибудь о том, кто он такой. И пока командир корабля, стараясь его развлечь, докучал ему своими игривыми песенками, Питер Блад забавлялся в душе, рассматривая с юмористической стороны немыслимую эту ситуацию и мечтая вместе с тем при первой же возможности положить ей конец.

Когда пение оборвалось и дон Жуан, взяв из стоявшей рядом серебряной шкатулки перувианскую конфету, отправил её в рот и принялся жевать, капитан Блад заговорил о том, что занимало его мысли. Пинассу, на которой

он спасался вместе с беглыми испанцами, галион тащил за собой на буксире, и Питер Блад подумал, что настало время снова ею воспользоваться.

– У нас сейчас на траверсе Мартиника, – заметил он. – Мы находимся в шести-семи лигах от берега, никак не больше.

– Да, и всё из-за этого проклятого штиля. Я бы сам мог надуть паруса крепче, чем этот бриз.

– Я понимаю, конечно, что вы не можете ради меня заходить в порт, – сказал Блад. Франция и Испания находились в состоянии войны, и Блад догадывался, что это было одной из причин, почему дон Жуан оказался в этих морях. – Но при таком спокойном море я легко могу добраться до берега в той же пинассе. Что вы скажете, дон Жуан, если я распрощаюсь с вами сегодня вечером?

Дон Жуан был явно огорчён.

– Почему вдруг такая спешка? Разве мы не договорились, что я доставлю вас на Сен-Мартен?

– Да, конечно. Но, подумав хорошенько, я вспомнил, что корабли редко заходят в эту гавань, и когда-то ещё мне удастся найти там судно, которое идёт в Кюрасао, в то время как на Мартинике…

– Нет, нет, – капризным тоном прервал его хозяин. – Вы прекрасно можете сойти на берег и на Мари-Галанте, куда я должен зайти по делам, или, если хотите, на Гваделупе, что, мне кажется, даже лучше. Но, клянусь, раньше этого я вас не отпущу никуда.

Капитан Блад перестал набивать трубку душистым табаком из стоявшего на столе сосуда.

– У вас есть дела на Мари-Галанте? – Он был так

удивлён, что на секунду отвлёкся от основной темы разговора. – Что может связывать вас с французами в такое время, как сейчас?

Дон Жуан загадочно улыбнулся.

– Дела военные, друг мой. Я же командир военного корабля.

– Так вы собираетесь напасть на Мари-Галанте?

Испанец ответил не сразу. Пальцы его мягко перебирали струны гитары. Полные яркие губы всё ещё улыбались, но в этой улыбке промелькнуло что-то зловещее, а тёмные глаза блеснули.

– Гарнизоном Бассетерре командует некая скотина, по фамилии Кулевэн. У меня с ним свои счёты. Вот уже год, как я собираюсь разделаться с этим господином, и теперь день расплаты близок. Война открыла передо мной эту возможность. Одним ударом я устрою свои дела и сослужу службу Испании.

Питер Блад молча раскурил трубку. Использовать большой военный корабль, для того чтобы напасть на такое незначительное поселение, как Мари-Галанте, с его точки зрения, это была совсем плохая услуга Испании. Но он не выдал своих мыслей и не стал настаивать, чтобы его высадили на Мартинике.

– Я ещё никогда не был на борту судна во время военных действий – это расширит мой кругозор. Думаю, что запомню это надолго… Если, конечно, пушки Бассетерре не пустят нас ко дну.

Дон Жуан рассмеялся. При всей своей распущенности он вместе с тем, по-видимому, не был трусом, и предстоящее сражение его не пугало. Мысль о нём скорее даже

вдохновляла испанца. Он пришёл в отличнейшее расположение духа, когда к заходу солнца ветер наконец посвежел и корабль прибавил ходу. В этот вечер в капитанской каюте «Эстремадуры» царило шумное веселье, то и дело раздавались взрывы хохота, и было выпито немало хмельного испанского вина.

Капитан Блад пришёл к заключению, что велика должна быть задолженность французского управителя Мари-Галанте дону Жуану, если предстоящее сведение счетов вызывает такое бурное ликование испанца. Личные же симпатии Блада оставались на стороне французских поселенцев – ведь им уготовано было одно из тех чудовищных нападений, коими так прославились испанцы, возбудив к себе заслуженную ненависть в Новом Свете. Но он был бессилен пальцем пошевельнуть в их защиту, бессилен даже поднять голос; он вынужден был принимать участие в этом дикарском веселье по поводу предстоящей резни, вынужден был поднимать тост за то, чтобы все французы вообще и полковник де Кулевэн в частности провалились в тартарары.

Утром, выйдя на палубу, капитан Блад увидел милях в десяти – двенадцати по левому борту длинную береговую линию острова Доминика, а впереди на горизонте неясно выступали из туманной дымки очертания серого массива, и он догадался, что это гора, возвышающаяся в центре круглого острова Мари-Галанте. Значит, ночью, миновав Доминику, они вышли из Карибского моря в Атлантический океан.

Дон Жуан в отличном настроении – ночное бражничание, по-видимому, нисколько его не утомило – присоеди-

нился к Бладу на корме и сообщил ему всё то, что Блад уже знал сам, хотя, разумеется, и не подавал виду.

Часа два они продолжали держаться прежнего курса, идя прямо по ветру с укороченными парусами. Милях в десяти от острова, который теперь уже зелёной стеной вырастал из бирюзового моря, отрывистые слова команды и пронзительные свистки боцмана привели в действие матросов. Над палубами «Эстремадуры» натянули сети для падающих во время сражения обломков рангоута, с пушек сняли чехлы, подтащили к ним ящики с ядрами и вёдра с водой.

Прислонясь к резным поручням на корме, капитан Блад с интересом наблюдал, как мушкетёры в кирасах и шлемах выстраиваются на шкафуте, а стоявший рядом с ним дон Жуан тем временем всё продолжал разъяснять ему значение происходящего, не подозревая, что оно понятно его собеседнику лучше, чем кому-либо другому.

Когда пробило восемь склянок, они спустились в каюту обедать. Дон Жуан теперь, перед приближающимся сражением, был уже не столь шумен. Лицо его слегка побледнело, движения тонких, изящных рук стали беспокойны, в бархатистых глазах появился лихорадочный блеск. Он ел мало и торопливо, много и жадно пил и ещё сидел за столом, когда нёсший вахту офицер, плотный коренастый юноша по фамилии Верагуас, появился в каюте и сообщил, что капитану пора принимать команду.

Дон Жуан встал. Негр Абсолом помог ему надеть кирасу и шлем, и он поднялся на палубу. Капитан Блад последовал за ним, не обращая внимания на предостережение испанца, советовавшего ему не выходить на палубу без доспехов.

Галион находился уже в трёх милях от порта Бассетерре. Корабль не выкинул флага, не желая по вполне понятным причинам лишний раз оповещать о своей национальности, которую, впрочем, и без того нетрудно было установить по линиям его корпуса и оснастке. На расстоянии мили дон Жуан уже мог обозреть в подзорную трубу всю гавань и заявил, что не обнаружил там ни единого военного корабля. Значит, в предстоящем поединке им придётся иметь дело с одним только фортом.

Ядро, ударившее точно в нос «Эстремадуры», показало, что комендант форта как-никак знает свои обязанности. Невзирая на это ясно выраженное требование лечь в дрейф, галион продолжал идти вперёд и был встречен залпом двенадцати пушек. Не получив особых повреждений, корабль не уклонился от курса и не открыл огня, и дон Жуан заслужил в эту минуту молчаливое одобрение капитана Блада. Продолжая двигаться навстречу второму залпу, корабль выдержал его и открыл огонь лишь после того, как приблизился на расстояние, с которого он мог бить прямой наводкой. Тогда он дал бортовой залп, искусно сделал поворот оверштаг, дал второй бортовой залп и, держась круто к ветру, отошёл, чтобы перезарядить пушки, стоя к французским канонирам кормой и тем уменьшив возможность попадания.

Когда он развернулся, чтобы атаковать снова, за его кормой, кроме пинассы, сослужившей службу капитану Бладу, покачивались ещё три шлюпки, спущенные на воду с утлегаря.

На этот раз во время атаки на «Эстремадуре» была повреждена бизань-рея и красивые резные украшения полу-

бака разбиты в щепы. Но это нимало не расстроило капитана, и он, продолжая весьма искусно управлять кораблём и вести бой, обрушил на форт два мощных бортовых залпа, из двадцати пушек каждый, и притом с таким точным прицелом, что заставил форт на какое-то время умолкнуть.

Затем галион снова отошёл на безопасное расстояние, а когда вернулся, в лодках, которые он тянул на буксире, уже находились мушкетёры. Корабль остановился в сотне ярдов от высокого утёса, закрывающего от форта часть бухты, и, став под таким углом, чтобы пушкам было несподручно по нему бить, остался там, прикрывая высадку мушкетёров на берег. Отряд французов, устремившийся из полуразбитой крепости к берегу, чтобы помешать высадке, был скошен, как косой, картечью с корабля. Через несколько минут испанцы были уже на берегу и взбирались по отлогому склону с целью напасть на форт с суши, а шлюпки повернули назад к кораблю за новым подкреплением.

Галион тем временем снова продвинулся вперёд и дал ещё один бортовой залп по форту, чтобы отвлечь внимание от нападающих с суши и увеличить панику. Ему ответил огонь четырёх-пяти пушек, и двадцатифунтовое ядро расщепило фальшборт. Но галион тут же отошёл снова, не получив больше никаких повреждений, и двинулся на сближение со своими лодками. Лодки ещё не были полностью загружены, когда мушкетная перестрелка на берегу прекратилась. Затем над морем разнеслись ликующие крики испанцев, и почти вслед за этим резкие удары молотов по металлу возвестили, что пушки беззащитного порта выведены из строя.

До этой минуты капитан Блад был лишь бесстрастным наблюдателем событий, о которых он мог судить с большим знанием дела. Но теперь мысли его невольно обратились к тому, что должно было последовать за победой, и этот бесстрашный, закалённый в боях корсар содрогнулся, зная, как ведёт себя испанская солдатня при подобных набегах и что за человек её командир. Война была профессией капитана Блада, и в жестоком бою с беспощадным противником он сам мог быть беспощаден. Но когда поселения мирных колонистов предавались безжалостному разграблению грубой, разъярённой солдатнёй, возмущение и гнев сжигали его душу.

Однако было совершенно очевидно, что изнеженный испанский гранд дон Жуан де ля Фуэнте ни в какой мере не разделяет щепетильности капитана Блада. Дон Жуан с загоревшимся взором сошёл на берег вместе со своим новым пополнением, чтобы самолично руководить нападением на город. Он со смехом предложил своему гостю принять участие в столь редком и увлекательном развлечении, утверждая, что это чрезвычайно обогатит его жизненный опыт. Самообладание не изменило капитану Бладу, он остался внешне совершенно спокоен.

– Моя национальность делает это для меня невозможным, дон Жуан. Голландия не воюет с Францией.

– Да кому будет известно, что вы голландец? Станьте на минуту настоящим испанцем, дон Педро, и повеселитесь вместе с нами вволю. Кто будет об этом знать?

– Я сам, – ответил Блад. – Это вопрос чести.

Дон Жуан посмотрел на него, как на смешного чудака.

– Что ж, придётся вам пасть жертвой вашей чрезмер-

ной щепетильности, – сказал он и, продолжая смеяться, спустился по забортному трапу в ожидавшую его шлюпку.

Капитан Блад остался на юте, откуда ему был хорошо виден весь городок, раскинувшийся на берегу всего в какой-нибудь миле от корабля, уже бросившего якорь на рейде. Из офицеров на борту остался один только Верагуас и с ним человек пятнадцать матросов. Но порядок соблюдался, матросы несли вахту, и один из них, опытный канонир, в случае чего готов был открыть огонь.

Дон Себастьян Верагуас, оставленный на корабле, проклинал свою несчастную судьбу и со смаком расписывал развлечения, которых он лишился. Это был невысокий, крепко сбитый мужчина лет двадцати пяти, с мощным, мясистым носом и не менее мощным подбородком. Он молол языком не умолкая, с чрезвычайно самонадеянным видом, а капитан Блад не сводил глаз с небольшого поселения на берегу. Даже на таком расстоянии до корабля долетали крики и шум – в городе уже бесчинствовали ворвавшиеся в него испанцы, и многие дома стояли объятые пламенем. Капитану Бладу было слишком хорошо известно, что творят там руководимые испанским грандом солдаты, и он дорого бы дал, чтобы иметь сейчас под рукой сотню своих корсаров, с которыми он мог бы в два счёта смести с лица земли всю эту испанскую нечисть. Он смотрел на город, и лицо его было мрачно и хмуро. Как-то раз он уже был свидетелем такого набега и поклялся тогда, что ни один испанец не будет знать у него пощады. Он нарушил эту клятву, но теперь давал себе слово, что отныне всегда будет ей верен.

А тем временем стоявший рядом с ним молодой испа-

нец, которому он с радостью свернул бы шею, клял на чём свет стоит всех богов и всё небесное воинство за то, что они лишили его возможности повеселиться там, на берегу, в этом аду.

Грабители вернулись под вечер той же дорогой, какой ушли – мимо умолкнувшего порта, – и лодки доставили их по изумрудно-зелёной воде к стоявшему на якоре кораблю. Они возвращались шумно, с песнями, с ликующими возгласами, разгорячённые вином и ромом; некоторые щеголяли окровавленными повязками, и все, как один, были нагружены трофеями. Они отпускали мерзкие шутки, рассказывая о произведённом ими опустошении, и похвалялись своими омерзительными подвигами.

Никакие пираты на свете, думал капитан Блад, не смогли бы состязаться с ними в грубости и жестокости. Набег их увенчался полным успехом; потеряли они не больше пяти-шести человек и беспощадно отомстили за их смерть.

Наконец в последней лодке возвратился на корабль дон Жуан. Впереди него по трапу поднялись двое матросов; они несли на плечах какой-то узел. Когда они спрыгнули на палубу, капитан Блад увидел, что они несут женщину, закутанную с головой в плащ. Из-под тёмных складок плаща выглядывал край шёлковых нижних юбок и брыкающиеся ноги в шёлковых чулках и изящных туфельках на высоком каблуке. С возрастающим изумлением капитан Блад убедился, что похищенная женщина, по-видимому, дама из высшего общества.

Следом за матросами по трапу поднялся дон Жуан. Потное лицо его и руки были черны от пороха. Стоя на верхней ступеньке трапа, он скомандовал:

– Ко мне в каюту!

Блад видел, как женщину пронесли по палубе мимо скаливших зубы, отпускавших шутки матросов, и она скрылась на плече одного из своих похитителей на продольном мостике, ведущем к внутреннему трапу.

По отношению к женщинам капитан Блад был всегда истинным рыцарем без страха и упрёка. Отчасти, быть может, во имя некой прелестной дамы с Барбадоса, для которой он, по его мнению, был ничем, но память о которой вдохновляла его на самые благородные поступки, никак, казалось бы, не совместимые с его пиратской деятельностью. Этот рыцарский дух заговорил в нём сейчас с новой силой. Ослеплённый гневом, он готов был броситься на дона Жуана, но обуздал свой порыв, понимая, что этим сразу лишит себя возможности прийти на помощь несчастной пленнице. Её присутствие на корабле не осталось тайной ни для кого. Она была личным трофеем испанского повесы, командира корабля, и при одной мысли об этом капитан Блад похолодел.

Тем не менее, когда он, спустившись с юта, шагал по палубе к продольному мостику, лицо его было спокойно, на губах играла улыбка. В этом узком проходе он столкнулся со старшими офицерами, из которых трое сопровождали дона Жуана в его экспедиции на берег; четвёртый был Верагуас. Все они громко смеялись и перебрасывались шутками по адресу своего распутного капитана.

Они с шумом ввалились в капитанскую каюту. Блад вошёл последним. Негр-слуга накрыл к ужину стол, поставив, как всегда, шесть приборов, и зажёг большую серебряную люстру, ибо солнце уже село и быстро сгущались сумерки.

Дон Жуан появился на пороге одной из кают левого борта. Затворив за собой дверь, он несколько мгновений продолжал стоять, прислонившись к ней спиной, взглядом, исполненным подозрительности и недоверия, окидывая пожаловавших к нему в каюту офицеров. Их присутствие, по-видимому, побудило его запереть дверь боковой каюты и положить ключ в карман. Из каюты, где, как нетрудно было догадаться, находилась похищенная дама, не доносилось ни звука.

– Она утихомирилась наконец, благодарение богу, – со смехом произнёс один из офицеров.

– Должно быть, устала визжать, – сказал другой. – Боже милостивый! Это же какая-то дикая кошка! Как она сопротивлялась! Бешеный характер, судя по всему. Настоящий маленький бесёнок, которого стоит приручить. Я завидую тебе, Жуан.

Верагуас заявил, что столь блестящий флотоводец, как дон Жуан, достоин высокой награды, и среди терпких шуток и поддразниваний командир корабля с довольно угрюмой миной предложил всем сесть за стол.

– Мы поужинаем сегодня на скорую руку, если вы ничего не имеете против, – сказал он, снимая свои доспехи, чем вызвал новую бурю веселья по поводу его торопливости и новый град шуток по адресу несчастной жертвы, которую он держит под замком.

Когда все уселись за стол, капитан Блад позволил себе обратиться к дону Жуану с вопросом:

– Ну, а как ваши дела с полковником де Кулевэном?

Красивое лицо капитана омрачилось.

– А, будь он проклят! Его не было в Бассетерре – он организует оборону в Ле Карм.

Капитан Блад, подняв брови, сказал тоном лёгкого соболезнования:

– Значит, вам так и не удалось свести с ним счёты, несмотря на всю вашу решимость и отвагу?

– Не вполне, не вполне.

– Клянусь небом, ты неправ! – крикнул кто-то со смехом. – Мадам де Кулевэн воздаст тебе за всё сторицею.

– Мадам де Кулевэн? – переспросил капитан Блад без особой нужды, ибо взгляды, устремлённые на запертую дверь маленькой каюты, делали подобный вопрос праздным. Блад рассмеялся. – Вот оно что… Не знаю, какое вам было нанесено оскорбление, дон Жуан, но отомстили вы весьма тонко и умело. – И, посылая его в душе в преисподнюю, он негромко рассмеялся с деланным одобрением.

Дон Жуан пожал плечами и вздохнул:

– Тем не менее я жалею, что не поймал его и не заставил заплатить мне за всё сполна.

Капитан Блад продолжал развивать эту тему:

– Если ваша ненависть к нему столь велика, подумайте, на какую муку вы его обрекли, предполагая, разумеется, что он любит свою жену! Могильный покой – ничто по сравнению с этими терзаниями.

– Может быть, может быть. – Дон Жуан был сегодня несловоохотлив. То ли его сжигало нетерпение, то ли он был не в духе из-за своей частичной неудачи. – Налей мне вина, Абсолом. Боже праведный, какая жажда!

Негр налил всем вина. Дон Жуан одним глотком осушил свой бокал. Блад последовал его примеру, и бокалы были наполнены снова.

Блад произнёс цветистый тост в честь командира ко-

рабля. Не будучи большим знатоком морских сражений, сказал Блад, он всё же после того, что ему пришлось наблюдать сегодня, позволяет себе думать, что ни один флотоводец на свете не мог бы более искусно провести бой, чем сделал это дон Жуан.

Командир корабля улыбкой выразил свою признательность. Тост был встречен шумным одобрением, и бокалы снова наполнились вином. Все болтали, смеялись, а капитан Блад задумался.

Вот сейчас, размышлял он, как только ужин закончится, дон Жуан разгонит их всех по своим каютам. Капитану Бладу была отведена каюта по правому борту, смежная с каютой капитана. Но допустит ли сейчас капитан, чтобы гость находился там, в столь непосредственной близости от него? Если ему дадут возможность остаться в своей каюте, думал Блад, он ещё может вызволить эту несчастную женщину из беды. У него даже созрел уже план, как это сделать. Но что, если его переместят в другую каюту на эту ночь?

Он заставил себя встряхнуться и пустился в оживлённый разговор; потом шумно потребовал ещё вина, а когда оно было выпито, повторил своё требование, в чём его охотно поддерживали все, изнывая от жажды после жаркой схватки. Затем он снова принялся превозносить до небес искусство и отвагу дона Жуана, причём было замечено, что язык у него слегка заплетается, речь стала не совсем внятной; раза два он икнул и, глупо ухмыляясь, несколько раз повторил одно и то же.

Это вызвало насмешки окружающих, что чрезвычайно раздосадовало Блада, и, обратясь к дону Жуану, он попро-

сил его объяснить этим захмелевшим и не в меру развеселившимся господам, что он-то, сам по крайней мере, вполне трезв. Эти свои протесты он излагал всё более и более косноязычно.

Когда Верагуас заметил капитану Бладу, что он пьян, Блад пришёл в ярость и напомнил всем присутствующим, что он как-никак ирландец, а следовательно, принадлежит к нации великих выпивох. Он берётся перепить любого моряка на всём пространстве Карибского моря, заявил Блад. Продолжая куражиться, он потребовал, чтобы подали ещё вина, дабы он мог доказать им это на деле, выпил бокал и внезапно замолчал. Отяжелевшие веки его опустились, тело обмякло, и, к шумному удовольствию всех бражников, этот бахвал свалился со стула и остался лежать на полу, не делая ни малейших попыток подняться.

Верагуас презрительно и грубо пихнул его ногой. Капитан Блад не подавал признаков жизни. Он лежал неподвижный, как бревно, и вскоре раздался оглушительный храп.

Дон Жуан порывисто поднялся из-за стола.

– Отнесите этого болвана в постель. И вы все убирайтесь тоже. Все пошли вон.

Бесчувственного дона Педро со смехом и не слишком деликатно оттащили в его каюту. Развязав его шейный платок, чтобы он не задохнулся, офицеры ушли и притворили за собой дверь, после чего, подчиняясь снова повторённому приказу командира убираться ко всем чертям, с грохотом полезли вверх по трапу, и дон Жуан запер за ними дверь своей каюты.

Оставшись один, он медленно подошёл к столу и по-

стоял с минуту, прислушиваясь к оживлённым голосам и нетвёрдым шагам офицеров. Потом взял свой до половины наполненный бокал и выпил. Поставив бокал на место, он не спеша вытащил из кармана ключ от каюты, в которой была заперта пленница. Он направился к двери, вставил ключ в замочную скважину и повернул его. Но прежде чем он успел отворить дверь, какой-то шорох за спиной заставил его оглянуться.

Пьяный гость стоял в дверях своей каюты, прислонившись к переборке. Одежда его была в беспорядке, глаза смотрели тупо, он едва держался на ногах, и казалось, при малейшем крене судна того и гляди рухнет на пол. Он сделал гримасу, словно его тошнило, и прищёлкнул языком.

– К… который час? – задал он идиотский вопрос.

Напряжённо-сердитый взгляд дона Жуана смягчился. Он даже улыбнулся, хотя и чуточку нетерпеливо.

Пьяный гость продолжал лепетать:

– Я… я… я что-то не помню… – Он умолк. Потом качнулся вперёд. – Тысяча чертей! Я… я хочу пить!

– Ступайте в постель! В постель! – крикнул дон Жуан.

– В постель? Да, да… разумеется, в постель. Куда же ещё… Верно? Но сначала… стакан вина.

Он двинулся к столу, покачнулся, увлечённый вперёд собственной тяжестью, и, чтобы не упасть, упёрся руками в стол как раз напротив испанца, который смотрел на него злобно и презрительно. Капитан Блад взял бокал и тяжёлый серебряный, инкрустированный эмалью кувшин с длинным горлышком и двумя ручками, напоминавший по форме амфору, налил себе вина и выпил. Ставя бокал на

стол, он опять покачнулся, и правая его рука, ища опоры, опустилась на горлышко серебряного кувшина.

Быть может, дон Жуан, нетерпеливо и высокомерно наблюдавший за ним, успел в какую-то долю секунды уловить холодный, жёсткий блеск светло-синих глаз под тёмными бровями, только что глядевших бессмысленно и тупо. Но в следующее мгновение, прежде чем сознание успело осмыслить то, что запечатлел взгляд, серебряный кувшин со страшной силой обрушился на голову капитана «Эстремадуры».

Капитан Блад, всё опьянение которого как рукой сняло, быстро обошёл вокруг стола и опустился на одно колено возле поверженного им человека. Дон Жуан лежал недвижим на пёстром восточном ковре; его красивое лицо помертвело, из раны на лбу сочилась струйка крови. Капитан Блад созерцал дело своих рук, не испытывая ни сожаления, ни раскаяния. Ведь не за себя страшился он, нанося испанцу внезапный удар, которого тот не ждал, – он поступил так из страха за беспомощную женщину. Из-за неё он не мог рисковать, не мог позволить дону Жуану поднять тревогу, что тот наверняка сделал бы, предложи ему Блад встретиться в честном поединке. Нет, этот жестокий, распутный повеса не заслуживал лучшей участи.

Капитан Блад наклонился над безжизненным телом испанца, просунул руки ему под мышки и подтащил к открытому кормовому окну, за которым плыла тёплая, бархатистая тропическая ночь. Подняв дона Жуана на руки, словно ребёнка, он встал вместе со своей ношей на крышку ларя и, наклонившись, резким рывком бросил тело за борт. Ухватившись за пиллерс, он далеко перегнулся вперёд и проследил глазами падение тела.

Негромкий всплеск заглушило журчание волн в кильватере корабля. Когда тело коснулось фосфоресцирующей поверхности моря, его силуэт на какой-то миг резко очерченным тёмным пятном лёг на сверкающую воду. Затем пенистые кильватерные струи сомкнулись, фосфоресцирующие пузыри поднялись на поверхность и лопнули, и море за кормой приняло прежний вид.

Капитан Блад всё ещё стоял, наклонившись вперёд и глядя на воду, словно стремясь проникнуть взглядом в глубину, когда позади него раздался голос, заставивший его вздрогнуть. Он выпрямился и насторожился, но не обернулся. Вернее, он уже хотел обернуться, но замер, держась левой рукой за пиллерс, по-прежнему стоя спиной к каюте.

Он услышал голос женщины, и голос этот звучал нежно, мягко, призывно:

– Жуан, Жуан! Где же ты? Что ты там делаешь? Я жду тебя, Жуан! – Слова эти были произнесены по-французски.

Изумление капитана Блада сменилось раздумьем. Он стоял не двигаясь, выжидая, стараясь понять, что произошло. Женщина заговорила снова, более настойчиво на этот раз:

– Жуан! Ты слышишь меня, Жуан?

Капитан Блад обернулся и увидел, что она стоит на пороге своей каюты: высокая, очень красивая женщина лет двадцати пяти; распущенные золотистые волосы пышным плащом окутывали её полуобнажённые плечи. Воображению капитана Блада эта женщина рисовалась объятой ужасом, беспомощно скорчившейся на полу в углу каюты,

быть может, связанной по рукам и ногам. Его рыцарственная натура не вынесла этой душераздирающей картины, и он совершил то, чему мы были свидетелями. А теперь несчастная пленница появилась перед ним, свободно, по собственной воле перешагнув порог каюты, и призывала к себе дона Жуана так, как призывают только возлюбленного.

Капитан Блад оцепенел от ужаса. От ужаса при мысли о том, что́ он содеял, какую чудовищную ошибку совершил, поспешив в своём донкихотском угаре сыграть роль провидения и убив человека.

А затем мысли капитана Блада обратились к женщине, чья душа неожиданно раскрылась перед ним, и ужас, ещё более глубокий, заглушил все остальные чувства. Этот страшный набег на Бассетерре был организован только для того, чтобы под его прикрытием совершилось похищение этой женщины, и, быть может, она даже была всему зачинщицей. Да и самое это насильственное похищение было лишь отвратительной комедией, которую она разыграла – разыграла на фоне пожаров, убийств и насилий, оставаясь при этом столь бездушно жестокой, что спокойно могла теперь ворковать подобно голубке, нежно призывающей к себе голубка!

И ради этой фурии, равнодушно шагающей к своей цели по крови и трупам сотен людей, он обагрил кровью руки! Рыцарский его поступок превращался в низкое, подлое деяние.

Дрожь пробежала по его телу. А женщина, внезапно увидев перед собой это суровое горбоносое лицо и светлые, холодные, как сталь, глаза, ахнула и, отпрянув в

смущенье, порывисто запахнула на груди тонкое шёлковое одеяние.

– Кто вы такой? – изумлённо спросила она. – Где дон Жуан де ля Фуэнте?

Капитан Блад спрыгнул на пол. Женщина всматривалась в его хмурое лицо, и в душу её заползал безотчётный страх: изумление сменялось тревогой.

– Вы мадам де Кулевэн? – спросил капитан Блад по-французски. На этот раз не должно было быть осечки.

Женщина кивнула.

– Да, конечно. – Она говорила нетерпеливо, но в глазах её стоял страх. – Кто вы такой? Почему вы допрашиваете меня? – Она топнула ногой. – Где дон Жуан?

Капитан Блад знал, что путь истины – кратчайший путь, и он избрал его. Жестом показав на открытое окно, он сказал:

– Минуту назад я бросил его за борт.

Онемев, она глядела в это красивое, холодное лицо, отчётливо читая в нём приговор столь грозный, столь беспощадный, что у неё не зародилось сомнения в правдивости его слов.

Крик отчаяния вырвался из её груди. Но он не смутил капитана Блада, не тронул его. Он заговорил снова, и, подчиняясь нестерпимо пронзительному взгляду этих холодных глаз, она слушала его, притихнув.

– Вы, по-видимому, принимаете меня за одного из соратников дона Жуана. Возможно, даже думаете, что я убил его, позавидовав захваченной им ценной добыче, чтобы самому завладеть ею. Это очень далеко от истины. Обманутый, как и все остальные, разыгранной вами коме-

дией, поверив, что вы доставлены на борт этого корабля силой, и считая вас несчастной жертвой распутника и сластолюбца, я проникся глубоким сочувствием к вам и убил его, чтобы спасти вас от уготованной вам страшной участи. А теперь, – добавил он с горькой усмешкой, – я вижу, что вас вовсе не следовало спасать, что я покарал вас не меньше, чем его. Вот что происходит, когда человек присваивает себе роль провидения.

– Вы убили его! – воскликнула женщина. Она пошатнулась, побелев как полотно; казалось, она вот-вот лишится чувств. – Вы убили его! О боже! Вы убили моего Жуана! – Она тупо повторяла это снова и снова, словно стараясь уяснить себе то, что не укладывалось в сознании. Потом внезапно ею овладела ярость. – Убийца! Грубое животное! – взвизгнула она. – Вы ответите за это! Я подниму тревогу на корабле! Видит бог, вы поплатитесь за это…

Метнувшись к двери капитанской каюты, она принялась колотить в неё кулаками. Рука её уже поворачивала ключ в замке, но капитан Блад опередил её. Она сопротивлялась, как дикая кошка, стараясь вырваться из его крепких рук, и громко взывала о помощи. Он оттащил её от двери и отшвырнул от себя. Затем отобрал у неё ключ и положил его в карман.

Она лежала на полу возле стола, куда он её отбросил, и издавала отчаянные вопли, надеясь поднять тревогу на корабле. Капитан Блад холодно наблюдал за ней.

– Ну что ж, поупражняйте свои лёгкие, моя прелесть, – насмешливо сказал он. – Вам это пойдёт на пользу, а мне не причинит вреда.

Он сел на стул, ожидая, когда её силы иссякнут и она

утихнет. Но его слова уже отрезвили её. Она подняла на него расширенные от ужаса глаза. Он криво усмехнулся, отвечая на её немой вопрос.

– Ни один человек на корабле пальцем не пошевельнёт, чтобы помочь вам, даже не обратит внимания на ваши крики – разве что они кого-нибудь позабавят. Уж таких людей подобрал в свою команду дон Жуан де ля Фуэнте.

Отчаяние, отразившееся в её глазах, подтвердило капитану Бладу, что женщина поверила его словам. Он кивнул головой, и губы его снова скривила горькая ироническая усмешка, от которой у женщины захолонуло сердце.

– Да, да, мадам. Вот как обстоит дело. Советую вам трезво обдумать ваше положение.

Она поднялась с пола и стояла, прислонившись к столу. Её глаза, устремлённые на него, горели жгучей ненавистью.

– Если они не придут ко мне на помощь сегодня ночью, то придут завтра. Рано или поздно они должны прийти. Я не знаю, кто вы такой, но знаю, что, когда они придут, вам несдобровать.

– Вероятно, так же, как и вам, – спокойно произнёс капитан Блад.

– Почему мне? Я никого не убивала.

– Вас и не будут в этом обвинять. Но в лице дона Жуана вы утратили единственного защитника на этом корабле. Вам должно быть понятно, какая участь ожидает вас, когда вы, одинокая, беззащитная женщина, окажетесь во власти этих весёлых испанских молодчиков? Ведь вы для них – военный трофей, добыча, захваченная в жестоком набеге.

– Боже милостивый! – Женщина в ужасе прижала руки к груди.

– Успокойтесь, – презрительно сказал капитан Блад. – Я не затем спасал вас от одного хищника, чтобы бросить на растерзание целой стае. Ничего с вами не случится, если, конечно, вы сами не предпочтёте такую участь возвращению к вашему супругу.

– К моему супругу?! – вне себя вскричала женщина. – О нет, нет! Никогда! Никогда!..

– Ну что ж, либо ваш супруг, либо… – Он кивнул на дверь. – Либо эта шайка. Я не вижу для вас другого выбора.

– Кто вы такой? – спросила женщина. – Вы сатана! Почему вы погубили мою жизнь да ещё продолжаете мучить меня?

– Я не губил вас: наоборот, я вас спас. Ваш супруг будет считать так же как считают все остальные, – что вы были похищены против вашей воли. Это, между прочим, необходимо и для его душевного покоя. Он нежно примет страдалицу-супругу в свои объятия, радуясь, что кончились его терзания, и постарается вознаградить вас за все муки, которые вы, как будет думать этот бедняга, претерпели.

Женщина истерически расхохоталась.

– Нежные объятия моего супруга? О боже! Если бы он хоть сколько-нибудь был нежен ко мне, я бы не очутилась на этом корабле! – Внезапно, к удивлению капитана Блада, ей захотелось что-то объяснить ему, как-то оправдать себя: – Человек, за которого меня выдали замуж, – тупое, грубое, бездушное животное. Вот что такое мосье де Ку-

левэн. Это тупица, который, промотав всё своё состояние, вынужден был принять пост здесь, в этой дикой глуши, куда он притащил с собой и меня. Вы, конечно, думаете обо мне очень худо. Вы считаете меня легкомысленной женщиной, утратившей добродетель. Но я хочу, чтобы вы знали правду.

Через несколько месяцев после свадьбы, когда я была уже в полном отчаянии, в нашем доме в По, в Гасконии, на родине моего мужа, появился дон Жуан де ля Фуэнте, который в то время путешествовал по Франции. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Дон Жуан понял, как я несчастна, ибо это было ясно каждому. Он молил меня бежать с ним в Испанию, и, видит бог, как сожалею я сейчас, что не уступила тогда его мольбам, – ведь это положило бы конец моим страданиям. К несчастью, я осталась непреклонной. Чувство долга не позволило мне изменить данному мной обету. Я рассталась с доном Жуаном. С тех пор чаша моих страданий и позора переполнилась, и когда уже здесь, в Бассетерре, накануне войны с Испанией, я получила от дона Жуана письмо я узнала, что его благородное, преданное сердце по-прежнему мне принадлежит, что он любит меня и верен мне, я ответила ему и в своём отчаянии попросила его приехать как можно скорее и увезти меня…

Она умолкла. Слёзы струились по её щекам, полный муки взгляд был прикован к лицу капитана Блада.

– Теперь вы знаете, что вы натворили: вы погубили меня, разбили мою жизнь.

Взгляд капитана Блада смягчился, и голос его, когда он заговорил, звучал уже менее сурово:

– Ваша жизнь не погублена, мадам, вам это только кажется. Вы мечтали из ада попасть в рай, в действительности же вы только сменили бы один ад на другой, ещё более страшный. Вы не знаете этого человека, не знаете «благородного, преданного сердца» дона Жуана де ля Фуэнте. Его показной блеск ослепил вас, и за этим блеском вы не разглядели гнили. А душа этого человека прогнила насквозь, и, доверив ему свою судьбу, вы обрекли бы себя на позор и бесчестье.

– Чью совесть хотите вы убаюкать – мою или вашу, клевеща на человека, которого убили?

– Я не клевещу на него, мадам, о нет! Всё, что я говорю, не требует доказательств. Разве вы не видели, что творилось в Бассетерре сегодня? Вы же не могли не заметить, что кровь лилась там ручьями, что там убивали беззащитных людей, издевались над женщинами…

Она перебила его неуверенно:

– Но это же… Война есть война…

Капитан Блад вскипел:

– При чём тут война! Не обманывайте себя. Взгляните правде в глаза, даже если вы прочтёте там приговор вам обоим. Для чего нужен Испании Мари-Галанте? И ведь, напав на город, испанцы даже не подумали удержать его в своих руках. Это нападение было нужно только вашему возлюбленному, и только как предлог. Он бросил свою оголтелую матросню на этот почти беззащитный остров, лишь потому, что получил от вас письмо и шёл навстречу вашим желаниям. Все эти мужчины, которые были убиты сегодня, все женщины, подвергшиеся надругательствам, спокойно спали бы сейчас в своих постелях, если бы не вы и не ваш жестокий возлюбленный. Только ради вас…

Женщина не дала ему договорить. Она слушала его, закрыв лицо руками, и тихонько стонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Внезапно она вскочила и поглядела на него с яростью.

– Замолчите! – закричала она исступлённо. – Я не желаю вас слушать! Всё это ложь! Вы выворачиваете всё наизнанку, чтобы оправдать свой мерзкий поступок!

Блад пристально смотрел на неё; лицо его было сумрачно и сурово.

– Люди такого сорта, как вы, – с расстановкой произнёс он, – всегда верят только тому, что для них выгодно. Мне кажется, что я не должен сочувствовать вам. Я знаю, что не причинил вам никакого зла, и вполне удовлетворён тем, что вам предстоит теперь искупить свои заблуждения. Вы сами изберёте себе форму этого искупления. Хотите вы, чтобы я вас оставил здесь, в обществе этих молодцов, или предпочтёте отправиться вместе со мной к вашему супругу?

Она растерянно глядела на него; грудь её бурно вздымалась. Она начала бессвязно молить его о чём-то, но он её прервал:

– Не мне решать вашу судьбу. Вы уготовили её себе сами. Я лишь указываю вам два пути, а вы свободны сделать свой выбор.

– Но как… каким образом можете вы доставить меня в Бассетерре? – спросила она вдруг.

Это он тут же объяснил ей и, не спрашивая более её согласия, зная теперь, что оно последует, быстро принялся за дело. Собрав остатки еды в салфетку, он взял небольшой бочонок пресной воды и бурдюк с вином, связал их

вместе верёвкой, которую разыскал у себя в каюте, и спустил на верёвке в пинассу, подтянув её за буксирный канат к кормовому свесу судна.

Укоротив буксирный канат и захлестнув его за один из пиллерсов, он предложил мадам де Кулевэн спуститься с его помощью по канату в пинассу.

Мадам де Кулевэн пришла в ужас. Но он всё же заставил её побороть страх и стать на край окна. Затем, соскользнув вниз, он повис, держась за канат, она, повинуясь его приказу, вся трепеща, тоже уцепилась руками за канат и стала ему на плечи, а потом, не отпуская каната, скользнула ниже, и он, цепко обхватив её одной рукой, стал осторожно спускаться в пинассу.

С палуб доносились крики, шум и пение матросов, распевавших хором какую-то разудалую испанскую песню.

Наконец нога капитана Блада нащупала планшир пинассы. Он подтолкнул пинассу ногой ближе к корпусу корабля и спрыгнул на форлюк. Его спутница висела, уцепившись за канат. Подтянув пинассу ещё ближе к кормовому свесу, Блад осторожно помог мадам де Кулевэн спуститься в лодку. После этого он одним ударом перерубил ножом буксирный канат, и корабль, шедший под свежим ветром в крутой бейдевинд, начал быстро удаляться, сияя во мраке ярко освещённым кормовым окном и тремя большими трюмовыми фонарями и оставив пинассу тихонько покачиваться на его кильватерной волне.

Капитан Блад, немного отдышавшись, усадил мадам де Кулевэн на кормовой люк, поднял парус, обрасопил его по ветру и, бросив взгляд на ярко сверкавшие в тёмном тро-

пическом небе звёзды, взял курс на Бассетерре, куда при попутном ветре он рассчитывал попасть до восхода солнца.

Женщина, сидевшая на корме, тихонько всхлипывала. Час искупления для неё уже настал.

БЛАГОДАРНОСТЬ МОСЬЕ ДЕ КУЛЕВЭНА

Тёплой тропической ночью пинасса, гонимая лёгким южным бризом, стойко бороздила морскую гладь. Потом взошла луна, и море заискрилось расплавленным серебром.

Капитан Блад сидел у румпеля. Рядом с ним на крышке люка скорчилась женщина; она временами бормотала что-то бессвязное – то жалобно, то гневно, – потом умолкала. О благодарности, которую капитан Блад, как ему казалось, заслужил, не было и речи. Но, будучи человеком отзывчивым и снисходительным, он не чувствовал себя уязвлённым. Положение мадам де Кулевэн, что ни говори, было не из лёгких, и у неё, в конце концов, не было особенных оснований испытывать благодарность к людям или к судьбе.

Её сумбурные, противоречивые чувства не удивляли капитана Блада. Он понимал источник этой ненависти, которая звенела в её голосе, когда из мрака до него доносились её упрёки, – ненависти, которой пылало её бледное лицо в свете занимавшейся зари.

Теперь до острова оставалось не более двух миль. Уже появилась на горизонте тёмная полоска леса, увенчанная единственной горной вершиной. Слева от пинассы бороз-

дил волны высокий корабль, держа путь к открывавшейся впереди бухте, – английский корабль, как определил капитан Блад по его оснастке и линиям корпуса. Заметив свёрнутый марсель, Блад решил, что капитан корабля, по-видимому, новичок в здешних водах и потому осторожно нащупывает свой путь. Это предположение укрепилось при виде матроса, который стоял у фока-вант-путенсов правого борта и, перегнувшись через поручни, измерял глубину лотом. Над золотящейся в утренних лучах водной гладью далеко разносились его монотонно-певучие выкрики.

Мадам де Кулевэн, задремавшая, скорчившись на корме, проснулась и с испугом поглядела на фрегат, на его пламенеющие в лучах зари паруса.

– Не бойтесь, мадам. Это не испанский корабль.

Она подняла на Блада ещё затуманенные дремотой, распухшие от слёз глаза. Полные губы скривила горькая усмешка.

– Чего мне теперь бояться? Что может быть страшнее той участи, которую вы мне уготовили?

– Я, мадам? Не мной решалась ваша участь. Её решили ваши собственные поступки.

– Какие мои поступки? – резко возразила она. – Разве этого я добивалась? Чтобы вернуться назад к мужу?

Капитан Блад устало вздохнул:

– Неужели мы должны начинать всё сначала? Неужели я должен напоминать вам, что вы сами отвергли предложенную вам возможность – сдаться на милость храбрых испанских матросов – и вместо этого возвращаетесь к вашему супругу, пребывающему в приятном заблуждении, что вы были похищены насильно.

– Но ведь вы, убийца, вынудили меня к этому…

– Если бы не я, ваша участь, мадам, была бы ещё плачевней. Много плачевней того, что вы мне описали.

– Плачевней ничего не может быть! Ничего! Ведь этот низкий человек, который завёз меня сюда, в эти варварские места, завёз потому, что бежал от долгов, от позора, потому, что ему уже не было места на родине, этот… Ах, зачем я вам всё это говорю! Вы же не хотите ничего понимать из упрямства, вам бы только осуждать!

– Мадам, я не хочу осуждать вас. Я хочу, чтобы вы осудили себя сами за те бедствия, которые навлекли на Бассетерре. И если вы примете то, что вас ждёт, как искупление за содеянное, это поможет вам обрести душевный покой.

– Душевный покой! О чём вы говорите! – вырвалось у неё со стоном.

Капитан Блад произнёс нравоучительно:

– Искупление очищает совесть. И тогда покой нисходит на душу.

– Я не желаю слушать ваши проповеди! Кто вы такой? Флибустьер, морской разбойник! Как смеете вы проповедовать то, о чём не имеете ни малейшего понятия! Мне нечего искупать. Я никому не причинила зла. Я была доведена до отчаяния жестоким, подлым деспотом, пьяницей, бесчестным игроком, шулером! Да, да, бесчестным! У меня не было другой возможности спастись. Могла ли я знать, что дон Жуан такой человек, каким вы его изображаете? Известно ли мне это даже теперь?

– Вот как? – произнёс Блад. – Разве вы не видели разграбленных домов и пепелищ Бассетерре? Не видели всех

этих ужасов, всех страшных бесчинств, творимых там матросами по его повелению? И вы всё ещё сомневаетесь в том, что это за человек? Взирая на весь этот ужас, содеянный ради того, чтобы вы могли упасть в объятия своего возлюбленного, вы ещё осмеливаетесь говорить, что не причинили никому зла? Вот, мадам, что требует искупления! А всё то, что было между вами и вашим мужем или доном Жуаном, ничтожно по сравнению с этим.

Но её ум не мог этого вместить; она отказывалась верить и продолжала негодовать. Капитан Блад перестал её слушать. Он занялся парусом, обрасопил его бейдевинд, дав пинассе резкий крен, и повёл её прямо к гавани.

Часом позже они бросили якорь у мола. Там уже причалил баркас, и английские матросы с фрегата, стоявшего на рейде, сходили на берег.

Мужчины и женщины, чёрные и белые, толпившиеся на пристани, перепуганные, ещё не оправившиеся от страшных потрясений вчерашнего дня, не веря своим глазам, смотрели на мадам де Кулевэн, которую на руках вынес из лодки на берег статный мужчина с суровым лицом, в мятом сером камлотовом костюме, шитом серебром, и чёрном парике, заметно нуждавшемся в завивке.

Кучка людей в изумлении двинулась им навстречу – медленно сначала, затем всё быстрее и быстрее. И вот они уже окружили тайную виновницу всех их бед, приветствуя её, радуясь чудесному её избавлению.

Капитан Блад, молчаливый и угрюмый, стоя в стороне, окинул взглядом разбросанные на большом пространстве дома посёлка, ещё не залечившего свои раны – разбитые окна, двери, висящие на одной петле, тлеющие головни

пепелищ на месте, где ещё вчера стояли дома, предметы домашнего обихода, валяющиеся под открытым небом… С невысокой, обсаженной акациями колокольни на площади долетел заунывный похоронный звон. Внутри церковной ограды царило зловещее оживление: негры-могильщики деятельно трудились там, действуя мотыгами и лопатами.

Холодные синие глаза капитана Блада быстро охватили взглядом и это, и многое другое. Затем он довольно решительно вывел свою спутницу из толпы сочувствующих, засыпавших её удивлёнными вопросами и никак не подозревавших, в какой мере она является виновницей их бедствий. Они поднялись по отлогому склону – мадам де Кулевэн указывала Бладу путь. Им повстречалась кучка английских матросов, наполнявших бочонки пресной водой у запруды на ручье. Они прошли мимо церкви и кладбища, где кипела работа, мимо отряда городской милиции, занятого тренировкой; на солдатах были синие мундиры с красным кантом. Полковник де Кулевэн привёз это пополнение из Ле Карм, когда Бассетерре был уже разграблен.

По пути им не раз приходилось останавливаться, так как прохожие снова и снова бросались с удивлёнными восклицаниями к мадам де Кулевэн, вдруг неизвестно откуда появившейся на улице в сопровождении высокого сурового незнакомца. Но вот наконец по широкой пальмовой аллее они прошли через пышно цветущий сад и приблизились к длинному приземистому бревенчатому зданию на каменном фундаменте.

Здесь не было заметно ни малейших повреждений. Ис-

панцы, ворвавшиеся вчера в этот дом (если только они действительно в него врывались), оставили здесь всё в полной сохранности, ограничившись похищением жены губернатора.

Дверь отворил старый негр. При виде своей хозяйки в измятом шёлковом платье, с растрёпанными волосами он завопил истошным голосом. Он и смеялся, и плакал. Он возносил мольбы к господу богу. Он прыгал вокруг неё, точно преданный пёс, и схватив её руку, покрыл её поцелуями.

– Вас здесь, по-видимому, любят, мадам… – сказал капитан Блад, когда они наконец остались вдвоём в столовой.

– А вас это, конечно, удивляет, – промолвила она, и уже знакомая ему язвительная усмешка скривила её полные губы.

Дверь резко распахнулась, и высокий грузный мужчина с крупными, резкими чертами болезненно-жёлтого лица, испещрённого глубокими морщинами, застыл в изумлении на пороге. Его синий с красными выпушками военный мундир топорщился от золотых галунов. Тёмные, налитые кровью глаза удивлённо расширились при виде жены. Смуглое от загара лицо его побледнело.

– Антуанетта! – запинаясь, промолвил он. Нетвёрдой походкой он приблизился к жене и взял её за плечи. – Это и в самом деле ты… Мне, мне сообщили… Да где же ты была целые сутки?

– Тебе же, вероятно, сообщили где. – Голос её звучал устало, безжизненно. – На счастье или на беду, этот господин спас меня и доставил сюда целую и невредимую.

– На счастье или на беду? – повторил её супруг и нахмурился. Губы его скривились. Неприязнь к жене отчётливо читалась в его взгляде. Сняв руки с её плеч, он обернулся к капитану Бладу. – Этот господин? – Глаза его сузились. – Испанец?

Капитан Блад с улыбкой посмотрел на его хмурое лицо.

– Голландец, сэр, – солгал он. Впрочем, дальнейшее его повествование не отклонялось от истины. – По счастливому стечению обстоятельств, я оказался на борту испанского судна «Эстремадура». Меня подобрали в открытом море после кораблекрушения. Получив доступ в капитанскую каюту, где командир корабля держал взаперти вашу супругу, я положил конец его любовным притязаниям. Короче говоря, я убил его. – За этим последовал сжатый рассказ о том, как им удалось бежать с испанского судна.

Полковник де Кулевэн выразил своё удивление божбой и проклятьями. Потом задумался, стараясь получше уяснить себе всё, что ему пришлось услышать, и снова разразился проклятьями. Капитан Блад приходил к заключению, что полковник де Кулевэн – грубая, тупая скотина, и женщина, которая его покидает, достойна снисхождения. Если полковник де Кулевэн испытывал какие-либо нежные чувства к жене или благодарность к тому, кто спас её от позорной участи, он эти чувства держал при себе. Впрочем, он довольно бурно сокрушался по поводу бедствий, постигших город, и капитан Блад уже готов был отдать ему в этом смысле должное, но тут выяснилось, что губернатора беспокоят не столько страдания жителей Бас-

сетерре, сколько те последствия, которые может всё случившееся иметь лично для него, когда французское правительство призовёт его к ответу.

Бледная, измученная мадам де Кулевэн, красота которой несколько пострадала от плачевного состояния её причёски и туалета, прервала жалобы супруга, напомнив ему о том, чего требовала от него простая учтивость.

– Вы ещё не поблагодарили этого господина за столь героически оказанную нам услугу.

Капитан Блад уловил иронию этих слов и понял скрытый в них двойной смысл. На мгновение в его сердце закралось сострадание к этой женщине: он понял, какое отчаяние владело ею, когда она, не задумываясь над судьбой других людей, была готова на всё, лишь бы спастись от этого грубого эгоиста.

Полковник де Кулевэн принёс свои запоздалые извинения, после чего мадам удалилась: она еле держалась на ногах от усталости. Старый негр, стоявший поодаль, бросился к своей госпоже, чтобы предложить ей руку, а появившаяся на пороге встревоженная негритянка поспешила заботливо отвести хозяйку в спальню.

Де Кулевэн проводил жену тяжёлым взглядом. Суховатый голос капитана Блада вывел его из задумчивости:

– Если вы предложите мне завтрак, я буду считать себя полностью вознаграждённым.

– А, будь я проклят! – выбранился губернатор. – Какая рассеянность! Все эти волнения, мосье… Разрушения, произведённые в городе… Похищение моей жены… Это так ужасно! Вы должны меня понять. Всё это выбивает человека из седла. Прошу извинить меня, мосье… К сожалению, я не имею чести знать вашего имени.

– Вандермир. Питер Вандермир к вашим услугам.

– А вы вполне уверены в том, что это ваше имя? – произнёс за его спиной чей-то голос по-французски, но с резким английским акцентом.

Капитан Блад стремительно обернулся. На пороге соседней комнаты, откуда ранее появился полковник де Кулевэн, он увидел не старого ещё человека в красном мундире, шитом серебром. Капитан Блад узнал пухлую румяную физиономию своего старого знакомца капитана Макартни, который командовал гарнизоном на Антигуа, когда несколько месяцев назад Бладу удалось ускользнуть оттуда под самым носом англичан.

Удивление капитана Блада при виде его было мимолётным – он тотчас вспомнил английский фрегат, обогнавший его пинассу, когда они приближались к Бассетерре.

Английский офицер злорадно улыбнулся:

– Доброе утро, капитан Блад. На этот раз у вас нет под рукой ни ваших пиратов, ни кораблей, ни пушек – вам нечем запугать нас.

Столь явная угроза прозвучала в его голосе, столь прозрачен был намёк и столь очевидны намерения, что рука капитана Блада инстинктивно потянулась к левому боку. Англичанин расхохотался.

– У вас нет даже шпаги, капитан Блад.

– По-видимому, её отсутствие и окрылило вас настолько, что ваша наглость одержала победу над вашей трусостью.

Тут вмешался полковник:

– Капитан Блад, говорите вы? Капитан Блад! Но не тот же флибустьер? Не…

– Вот именно: флибустьер, пират, бунтовщик и беглый каторжник, за голову которого английское правительство положило награду в тысячу фунтов стерлингов.

– В тысячу фунтов! – Де Кулевэн с шумом втянул в себя воздух. Взгляд его тёмных, с красноватыми белками глаз вонзился в спасителя его супруги. – Что такое, что такое? Это правда, сэр?

Капитан Блад пожал плечами.

– Разумеется, это правда. Как вы полагаете, разве кто-нибудь другой мог бы проделать то, что, как я вам уже докладывал, было проделано сегодня ночью.

Полковник де Кулевэн продолжал глядеть на него с возрастающим изумлением.

– И вам удалось выдать себя за голландца на этом испанском корабле?

– Да. И этого тоже никто другой, кроме капитана Блада, не сумел бы проделать.

– Боже милостивый! – воскликнул де Кулевэн.

– Надеюсь, вы, невзирая на это, всё же угостите меня завтраком, дорогой полковник?

– На борту «Ройял Дачес», – со зловещей шутливостью произнёс Макартни, – вы получите тот завтрак, какой вам положено.

– Премного обязан. Но я ещё раньше имел удовольствие воспользоваться гостеприимством полковника де Кулевэна, после того как оказал небольшую услугу его супруге.

Майор Макартни – он получил повышение после своей последней встречи с капитаном Бладом – улыбнулся.

– Что ж, я могу и подождать, пока вы разговеетесь.

– А чего именно намерены вы ждать? – спросил полковник де Кулевэн.

– Возможности исполнить свой долг, который повелевает мне арестовать этого проклятого пирата и отправить его на виселицу.

Полковник де Кулевэн, казалось, был поражён.

– Арестовать его? Вы изволите шутить, я полагаю. Вы находитесь здесь на французской земле, сэр. Ваши полномочия не распространяются на французские владения.

– Возможно, что и нет. Однако между Францией и Англией существует соглашение, по которому обе стороны обязуются незамедлительно выдавать любого преступника, бежавшего с каторги. И посему, мосье, вы никак не можете отказаться выдать мне капитана Блада.

– Выдать его вам? Выдать вам моего гостя? Человека, столь благородно оказавшего мне услугу, которая и привела его под мой кров? Нет, сэр, нет… Об этом не может быть и речи! – Так говорил полковник, демонстрируя перед капитаном Бладом некоторые остатки порядочности.

Но Макартни оставался серьёзен и невозмутим.

– Я понимаю вашу щепетильность. И уважаю её. Но долг есть долг.

– А я плевать хотел на ваш долг, сэр.

Майор заговорил более сухо:

– Полковник де Кулевэн, разрешите напомнить вам, что я располагаю кое-какими средствами, чтобы подкрепить моё требование, и мой долг заставит меня прибегнуть к ним.

– Что такое? – Полковник де Кулевэн был ошеломлён. – Вы угрожаете мне применением оружия здесь, на французской территории?

– Если вы будете упорствовать в вашем неуместном донкихотстве, у меня не останется другого выбора, как высадить здесь своих солдат.

– Позвольте… Гром и молния! Это же равносильно открытию военных действий! Это может привести к войне между нашими державами!

Но Макартни отрицательно покачал своей круглой головой.

– Это, несомненно, приведёт только к тому, что полковник де Кулевэн будет отозван со своего поста, ибо на него падёт ответственность за этот вынужденный акт. Мне кажется, – добавил майор с язвительной улыбкой, – что после вчерашних событий ваше положение и без того стало довольно шатким, мой дорогой полковник.

Де Кулевэн был уже весь в поту. Он тяжело опустился на стул, вытащил носовой платок и утёр лоб. В полном расстройстве он обратился к капитану Бладу:

– Будь я проклят! Что же мне делать?

– Боюсь, – сказал капитан Блад, – что доводы майора безупречны. – Он откровенно подавил зевок. – Прошу прощения. Мне не пришлось поспать сегодня ночью, я ведь провёл её в открытом море. – С этими словами он тоже уселся на стул. – Не расстраивайтесь, мой дорогой полковник. Судьба частенько наказывает тех, кто пытается взять на себя роль провидения.

– Но что же мне делать, сэр, что же мне делать?

У капитана Блада был очень сонный вид, казалось, он вот-вот задремлет, но мозг его работал с лихорадочной быстротой. Он уже давно убедился в том, что почти все офицеры колониальной службы делятся на две категории:

одни, подобно де Кулевэну, попали сюда, промотав на родине всё своё состояние, другие, будучи младшими сыновьями в майоратствах, вовсе этого состояния не имели. И капитан Блад решил, как он объяснял это впоследствии, забросить лот, дабы промерить глубину незаинтересованности Макартни и бескорыстность его намерений.

– Вам, разумеется, придётся выдать меня ему, мой дорогой полковник. В награду вы получите от английского правительства тысячу фунтов стерлингов – сорок тысяч реалов.

Оба офицера привскочили от неожиданности, и у обоих почти одновременно вырвалось недоуменное восклицание.

Капитан Блад пояснил:

– Так оно получается по условиям соглашения, на соблюдении которого настаивает майор Макартни. Награда за поимку любого беглого преступника вручается тому, кто передаёт этого преступника в руки властей. Здесь, на французской территории, таким лицом являетесь вы, мой дорогой полковник. Майор же Макартни в этом случае всего лишь представитель власти, сиречь английского правительства, которому вы меня передадите.

Лицо англичанина вытянулось, оно даже слегка побледнело; рот у него приоткрылся, дыхание участилось. Капитан Блад не напрасно закинул свой лот. Это дало ему возможность прощупать душу Макартни до самого дна, и тот стоял теперь перед ним онемевший, обескураженный: тысяча фунтов стерлингов, которую он уже считал своей, внезапно уплыла у него из рук, но приличие не позволяло ему протестовать.

Однако разъяснение, данное капитаном Бладом, имело и другие последствия. Полковник де Кулевэн тоже был сильно поражён. Перспектива получить столь круглую сумму странным образом повлияла на него, почти так же, как на майора Макартни – её воображаемая утрата. И это создавало совершенно непредвиденные осложнения для наблюдавшего за ними капитана Блада. Впрочем, он тут же вспомнил слова мадам де Кулевэн, утверждавшей, что её муж – азартный игрок, преследуемый кредиторами. Теперь в нём пробудился интерес; он старался представить себе, что должно будет произойти, когда придут в столкновение эти развязанные им злые силы, а в душе его уже затеплилась надежда, что именно тут и откроется ему путь к спасению, как уже случилось однажды в сходной ситуации.

– Что же я могу ещё прибавить, мой дорогой полковник? – лениво процедил он сквозь зубы. – Обстоятельства оказались сильнее меня. Я понимаю, что проиграл, а раз так, значит, надо платить. – Он снова зевнул. – А пока что я был бы вам очень признателен, если бы вы дали мне возможность немного поесть и отдохнуть. Может быть, майор Макартни предоставит мне отсрочку до вечера? А тогда пусть приходит со своими солдатами и забирает меня.

Макартни отвернулся и нервно зашагал по комнате, поглядывая в раскрытое окно. Всё его самодовольство и уверенность в себе как рукой сняло. Плечи его поникли, и даже колени согнулись.

– Ладно, – сказал он угрюмо и, оборвав своё бессмысленное топтание, повернулся к двери. – Я вернусь за вами

в шесть часов… – На пороге он приостановился. – Вы не выкинете со мной какой-нибудь подлой штуки, капитан Блад?

– Какую же штуку могу я выкинуть? – Капитан Блад меланхолично улыбнулся. – У меня нет под рукой ни моих пиратов, ни корабля, ни пушек. Нет даже шпаги, как вы изволили заметить, майор. А единственная штука, которую я мог бы ещё выкинуть… – Он умолк, потом внезапно заговорил совсем другим, деловым тоном: – Впрочем, майор Макартни, поскольку вы не можете заработать тысячи фунтов, захватив меня, вы, вероятно, не будете настолько глупы, чтобы отказаться от тысячи фунтов, которую можете получить, отпустив меня? Забыв, что вы вообще меня видели.

Макартни побагровел.

– Что вы имеете в виду, чёрт побери?

– Не лезьте в бутылку, майор. Обдумайте всё хорошенько, у вас есть время до вечера. Тысяча фунтов стерлингов – это куча денег. Вы на своей службе у короля Якова не заработаете такой суммы в один день и даже в один год. И вы уже отлично понимаете теперь, что, схватив меня, вы тоже ничего на этом не заработаете.

Макартни закусил губу и испытующе покосился на полковника де Кулевэна.

– Это… это просто неслыханно! – возопил он. – Вы, что ж, думаете, что меня можно подкупить! Нет, это поистине неслыханно! Если об этом станет известно…

Капитан Блад хмыкнул.

– Вот что вас беспокоит? А откуда же это станет известно? Полковник де Кулевэн обязан мне, по меньшей мере, молчанием.

Это вывело полковника де Кулевэна из задумчивости:

– О, разумеется, по меньшей мере, по меньшей мере, сэр. Можете быть совершенно спокойны на этот счёт.

Макартни переводил взгляд с одного лица на другое. Соблазн был явно слишком велик. Он хрипло выругался.

– Я возвращусь в шесть часов, – резко сказал он.

– Со стражей, майор? Или один? – задал коварный вопрос капитан Блад.

– Это… там видно будет.

Майор вышел, и они услышали за дверью его тяжёлые шаги. Капитан Блад подмигнул полковнику и встал:

– Спорю на тысячу фунтов, что он вернётся без стражи.

– Не могу принять вашего пари, ибо я сам того же мнения.

– Вот это очень прискорбно, потому что мне понадобятся деньги, а я не вижу другой возможности их добыть. Может быть, он согласится взять с меня расписку?

– Пусть этот вопрос вас не беспокоит.

Капитан Блад внимательно вгляделся в грубую, хитрую физиономию полковника. Полковник улыбнулся подчёркнуто сердечно. И всё же эта улыбка не располагала к себе.

А улыбка всё ширилась, она так и сверкала дружелюбием.

– Вы можете поесть и отдохнуть со спокойной душой, сэр. Я улажу это дело с майором Макартни, когда он вернётся.

– Как можете вы его уладить? Вы внесёте за меня эти деньги?

– Я обязан вам значительно большим, мой дорогой капитан.

Капитан Блад окинул полковника быстрым испытующим взглядом, потом поклонился и в самых высокопарных словах выразил свою благодарность. Подобное великодушие было просто невероятным. А в устах проигравшегося в пух и прах, преследуемого кредиторами игрока оно казалось тем более неправдоподобным; если бы кто-нибудь и мог попасться на эту удочку, то уж никак не умудрённый жизненным опытом капитан Блад.

Подкрепив свои силы едой, Блад, несмотря на усталость, долго лежал без сна на мягкой постели под пологом, которую приготовил ему негр Абрахам в просторной светлой комнате на втором этаже. Лежал и перебирал в памяти все события этого дня. Ему припомнилась внезапная, едва уловимая перемена, произошедшая в поведении де Кулевэна при сообщении о том, что ему должна достаться награда; припомнилась и слащавая улыбка, игравшая на его губах, когда он вдруг пообещал уладить дело с майором Макартни. Нет, полковник де Кулевэн отнюдь не из тех, кому можно доверять, или же капитан Блад совсем не знает людей. Блад понимал, что его персона представляет довольно солидную ценность, за которую многие готовы будут драться. Английское правительство высоко оценило его голову. Но было также общеизвестно, что испанцы, не ведавшие от него пощады, заплатят в три и даже в четыре раза больше, лишь бы заполучить его живым, чтобы затем иметь удовольствие зажарить его на костре во славу божию. Быть может, этот низкий человек де Кулевэн внезапно сообразил, что судьба, забросив на этот ост-

ров избавителя его жены, даёт ему тем самым возможность исправить свои пошатнувшиеся дела? Если хотя бы половина тех жалоб, что изливались из груди мадам де Кулевэн во время ночного путешествия в пинассе по морю, соответствовала действительности, не было ни малейшего основания предполагать, что какие-либо соображения щепетильности или чести могут остановить полковника де Кулевэна.

И чем глубже вдумывался капитан Блад в своё положение, тем сильнее росла его тревога. Он чувствовал себя в ловушке. И уже начал даже подумывать, не подняться ли ему сейчас с постели и, невзирая на огромную усталость, не попробовать ли пробраться к пристани, разыскать свою пинассу, уже сослужившую ему однажды хорошую службу, и отдаться на милость океана? Но куда можно доплыть в этой утлой посудине? Только до близлежащих островов, а это всё были либо английские, либо французские владения. На английской земле его ждали арест и виселица, да и французская, видимо, не сулила ему добра, если здесь, на этом острове, правитель которого был столь многим ему обязан, его подстерегала гибель. Единственное, что могло бы его спасти, – это деньги. Тогда, если в открытом море его подберёт какое-либо судно, он, располагая достаточной суммой, может рассчитывать на то, что шкипер, без лишних расспросов, согласится высадить его на Тортуге. Но денег у него не было. И, кроме крупной жемчужины, украшавшей его левое ухо и стоившей примерно четыре тысячи реалов, не было и никаких ценностей.

Он готов был проклинать этот злосчастный поход на пирогах, этот набег на ловцов жемчуга, который, окон-

чившись столь плачевно, разлучил его с кораблём и заставил носиться на каком-то обломке по воле волн. Однако, поскольку проклятия по адресу былых бед, ни в коей мере не помогают предотвратить беды грядущие, капитан Блад решил, что, как говорится, утро вечера мудренее, а посему прежде всего необходимо восстановить свои силы сном.

Он положил себе проснуться в шесть часов, так как к этому времени должен был возвратиться майор Макартни, и благодаря многолетней тренировке, проснулся, как всегда, минута в минуту. Положение солнца на небе с достаточной точностью оповестило его о том, который час. Он соскочил с постели, разыскал свои башмаки, тщательно начищенные Абрахамом, кафтан, также приведённый им в порядок, и, наконец, парик, который этот добрый негр не преминул причесать. И едва успел он облачиться во все вышепоименованные предметы, как в раскрытое окно до него долетел звук голосов. Сперва послышался голос Макартни, а затем – полковника Кулевэна, сердечно приветствовавшего майора:

– Прошу вас, сэр, входите, входите.

«Я проснулся как раз вовремя», – подумал Блад и решил, что это хорошее предзнаменование. Он начал осторожно, крадучись, спускаться вниз. Ни на лестнице, ни в коридоре никого не было. Перед дверью, ведущей в столовую, он остановился и прислушался. Оттуда доносились приглушённые голоса. Но собеседники находились где-то слишком далеко – по-видимому, в следующей комнате. Капитан Блад бесшумно приотворил дверь и шагнул через порог. В столовой, как он и предполагал, тоже никого не было. Дверь в соседнюю комнату была прикрыта неплот-

но, и оттуда доносился смех майора. Затем Блад услышал голос полковника:

– Будьте покойны. Он у меня в руках. Испания, как вы сами сказали, заплатит за него втрое, а может, и вчетверо больше. Значит, он будет рад дать за себя хороший выкуп, ну, скажем… раз в пять больше суммы, назначенной англичанами. – Полковник довольно хмыкнул и прибавил: – У меня есть преимущества перед вами, майор: я могу требовать с него выкуп, а вам, английскому офицеру, это никак невозможно. Так что, если всё это прикинуть и учесть, то вы, поразмыслив хорошенько, должны быть довольны, что и вам перепадёт тысчонка фунтов.

– Силы небесные! – в праведном гневе, порождённом чёрной завистью, возопил Макартни. – Вот как, значит, вы платите долги! Вот как хотите вы отблагодарить человека, который спас жизнь вашей супруге! Ну, чёрт побери, я счастлив, что вы мне ничем не обязаны.

– Может быть, мы не будем отвлекаться от дела? – угрюмо произнёс полковник.

– Охотно, охотно. Платите деньги – и я избавлю вас от своего присутствия.

Послышался звон металла, он повторился дважды, словно кто-то положил на стол один за другим два мешочка с золотом.

– Золото в дублонах, по двадцать двойных луидоров в каждом. Хотите пересчитать?

Последовало довольно продолжительное и невнятное бормотание. Потом снова раздался голос полковника:

– Теперь подпишите эту расписку, и дело с концом.

– Какую расписку?

– Сейчас я вам прочту: «Сим свидетельствую и подписью своей удостоверяю, что мною получена от полковника Жерома де Кулевэна денежная сумма в размере тысячи фунтов в виде компенсации за данное мною согласие воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий по отношению к капитану Бладу как в настоящий момент, так и впредь, до тех пор, пока он остаётся гостем полковника де Кулевэна на острове Мари-Галант или где-либо ещё. Подписано 10 июля 1699 г. собственноручно».

Голос полковника ещё не успел замереть, как Макартни взорвался:

– Сто чертей и ведьм, полковник! Вы что – рехнулись или принимаете меня за сумасшедшего?

– А что вам не нравится? Разве я не вполне точно изложил суть дела?

Макартни в бешенстве ударил по столу кулаком.

– Да вы же надеваете мне петлю на шею!

– Только в том случае, если вы захотите меня надуть. А иначе какая у меня гарантия, что вы, взяв деньги, не пойдёте на попятную.

– Я даю вам слово, – высокомерно заявил вспыльчивый Макартни. – Моего слова должно быть для вас достаточно.

– Ах, вот оно что! Ваше слово! – Француз явно издевался над ним. – Ну нет. Вашего слова никак не достаточно.

– Вы оскорбляете меня!

– Полно! Давайте рассуждать по-деловому, майор. Сами-то вы стали бы заключать на слово сделку с человеком, роль которого в этой сделке бесчестна?

– Что значит бесчестна, мосье? Что, чёрт побери, имеете вы в виду?

– Вы же соглашаетесь нарушить свой долг и берёте за это взятку. Разве это не называется бесчестным поступком?

– Силы небесные! Любопытно услышать это из ваших уст, учитывая ваши собственные намерения!

– Вы сами на это напросились. К тому же я ведь не разыгрывал из себя оскорблённой невинности. Я был даже излишне откровенен с вами, вплоть до того, что мог показаться вам жуликом. Но у меня-то ведь нет нужды нарушать закон, как приходится вам, майор.

За этими словами, сказанными примирительным тоном, последовало молчание.

Затем Макартни произнёс:

– Тем не менее я эту бумагу не подпишу.

– Вы её подпишете и приложите к ней печать или я не выплачу вам денег. Чего вы опасаетесь, майор? Даю вам слово…

– Вы даёте мне слово! Чума и мор! Чем ваше слово надёжнее моего?

– Обстоятельства делают его надёжнее. У меня не может возникнуть искушения его нарушить, как у вас. Я на этом ровно ничего не выгадаю.

Капитану Бладу было уже совершенно ясно, что раз майор Макартни до сих пор не влепил французу пощёчины за все полученные от него оскорбления, значит, он кончит тем, что подпишет бумагу. Только совершенно отчаянная нужда в деньгах могла довести англичанина до столь унизительного положения. Поэтому Блад ничуть не был удивлён, услыхав ворчливый ответ Макартни:

– Давайте сюда перо. Покончим с этим.

Снова на некоторое время наступила тишина. Потом раздался голос полковника:

– Теперь приложите печать. Вашего перстня будет достаточно.

Капитан Блад не стал ожидать, как развернутся дальше события. Высокие узкие окна, выходившие в сад, были распахнуты. За окнами быстро надвигались сумерки. Капитан Блад бесшумно перешагнул через подоконник и исчез среди пышно разросшихся кустов. Гибкие лианы, словно змеи, обвивали стволы деревьев. Капитан Блад вынул нож и срезал одну тонкую плеть у самого корня.

Но вот на тенистой пальмовой аллее, где уже совсем сгустился мрак, появился капитан Макартни с увесистыми кожаными мешочками в каждой руке; тихонько напевая что-то себе под нос, он сделал несколько шагов, споткнулся на какую-то, как показалось ему, верёвку, протянутую поперёк аллеи, и, громко выругавшись, растянулся на земле плашмя.

Оглушённый падением, он ещё не успел прийти в себя, как на спину ему навалилась какая-то тяжесть, и чей-то приятный, мягкий голос прошептал у него над ухом по-английски, но с заметным ирландским акцентом:

– У меня нет здесь моих пиратов, майор, нет корабля, нет пушек и, как вы изволили заметить, нет даже шпаги. Но руки у меня есть и голова тоже, и этого вполне достаточно, чтобы справиться с таким презренным негодяем, как вы.

– Вас вздёрнут за это на виселицу, капитан Блад, богом клянусь! – прорычал полузадушенный Макартни.

Он яростно извивался, пытаясь вырваться из сжимавших его тисков. В этом положении шпага не могла сослужить ему службы, и он старался добраться до кармана, где лежал пистолет, но тем самым только выдал свои намерения капитану Бладу, который тотчас и завладел его пистолетом.

– Лежите тихо, – сказал капитан Блад, – или я продырявлю вам череп.

– Подлый Иуда! Вор! Пират! Так-то ты держишь своё слово?

– Я тебе не давал никакого слова, грязный мошенник. Ты заключил сделку с этим французом, а не со мной. Он подкупил тебя, чтобы ты изменил своему долгу. Я в этой сделке не участвовал.

– Ты лжёшь, пёс! Вы оба отпетые негодяи, клянусь преисподней, и работаете на пару.

– Вот это уже незаслуженное оскорбление, и крайне нелепое притом, – сказал капитан Блад.

Макартни снова разразился бранью.

– Вы слишком много говорите, – сказал капитан Блад и с большим знанием дела легонько стукнул его два раза рукояткой пистолета по голове.

Майор обмяк, голова его свесилась набок; казалось, он внезапно задремал.

Капитан Блад поднялся на ноги и вгляделся в окружающий его мрак. Вокруг всё было тихо. Он нагнулся, подобрал кожаные мешочки, обронённые Макартни во время падения, связал их вместе своим шарфом и повесил себе на шею. Затем приподнял бесчувственного майора, взвалил его на спину и, слегка пошатываясь под этой двойной ношей, зашагал по аллее и вышел за ворота.

Ночь была тёплая, душная. Макартни весил немало. Капитан Блад изрядно вспотел. Но он продолжал упорно шагать вперёд и поравнялся с кладбищенской оградой как раз в ту минуту, когда начала всходить луна. Взгромоздив свою ношу на стену, он перебросил её за ограду, а потом перелез сам. Под прикрытием ограды он при свете луны проворно связал майору руки и ноги его собственным кушаком. Вместо кляпа он использовал несколько локонов его же парика и закрепил этот неаппетитный кляп шарфом майора, позаботившись оставить свободными ноздри.

Он уже заканчивал эту операцию, когда Макартни открыл глаза и свирепо уставился на него.

– Да, да, это я – ваш старый друг, капитан Блад. Я стараюсь устроить вас поудобнее на ночь. Утром, когда вас здесь обнаружат, вы будете иметь возможность преподнести вашим освободителям любую ложь, которая спасёт вас от необходимости объяснить то, что ничем объяснить невозможно. Доброй ночи и приятных сновидений, дорогой майор.

Он перепрыгнул через ограду и быстро зашагал по дороге к морю.

На пристани бездельничали английские моряки с «Ройял Дачес», доставившие майора в шлюпке на берег и дожидавшиеся теперь его возвращения. Несколько местных жителей помогали разгружать рыбачий баркас, вернувшийся с уловом. Никто не обратил ни малейшего внимания на капитана Блада, который направился к концу мола, где он утром пришвартовал свою пинассу. В ларе, куда он опустил мешочки с золотом, ещё оставалось немного пищи, захваченной им прошлой ночью с «Эстрема-

дуры». Пополнять этот запас он не рискнул. Только наполнил два небольших бочонка водой из колодца.

Затем он прыгнул в пинассу, отшвартовался и сел на вёсла. Ему предстояло провести ещё одну ночь в открытом море. Впрочем, как и в прошлую ночь, на море был штиль, а налетавший порой лёгкий бриз благоприятствовал его пути на Гваделупу, которую он избрал своей целью.

Выйдя из бухты, он поставил парус и взял курс на север вдоль берега, где невысокие утёсы отбрасывали иссиня-чёрные тени на серебрившуюся под луной морскую зыбь. Пинасса мягко рассекала это жидкое мерцающее серебро, и вскоре остров остался позади. Впереди было открытое море и десятимильный переход.

Неподалёку от Гранд-Терр, самого восточного из двух главных островов Гваделупы, капитан Блад решил переждать до рассвета. Когда занялась заря и ветер посвежел, он миновал Сент-Энн, где не встретил ни одного судна, обогнул остров, поплыл на северо-восток и часа через два приблизился к Порт дю Меуль.

В гавани стояло с полдюжины кораблей, и капитан Блад долго и внимательно к ним приглядывался, пока его внимание не привлекла к себе чёрная бригантина, пузатая, как фламандский олдермен, что наглядно выдавало её национальность. Капитан Блад подогнал пинассу к борту бригантины и уверенно поднялся на палубу.

– Мне нужно как можно быстрее добраться до Северного побережья Французской Эспаньолы, – обратился он к суровому шкиперу. – Я хорошо заплачу вам, если вы доставите меня туда.

Голландец окинул его не слишком приветливым взглядом.

– Если вы так спешите, поищите себе другой корабль. Я иду в Кюрасао.

– Я ведь сказал, что хорошо вам заплачу. Сорок тысяч реалов должны компенсировать вам эту задержку.

– Сорок тысяч? – Голландец поглядел на него с удивлением. Эта сумма превышала всё, что он надеялся заработать за целый рейс. – Кто вы такой, сэр?

– Какое это имеет значение? Я тот, кто готов заплатить сорок тысяч.

Шкипер бригантины покосился на него, прищурив свои маленькие голубые глазки.

– Платить будете вперёд?

– Половину вперёд. Остальное я должен получить там, куда направляюсь. Но вы можете задержать меня на борту до тех пор, пока я не выплачу вам всех денег.

Боясь, как бы голландец его не надул, Блад решил не говорить ему, что у него все деньги при себе.

– Ну что ж, сегодня ночью можно и отвалить, – с расстановкой произнёс шкипер.

Блад тотчас вручил ему один из своих мешочков. Второй он спрятал на дне бочки с водой в ларе пинассы, и там он и пролежал до тех пор, пока четырьмя днями позже бригантина не вошла в пролив между Эспаньолой и Тортугой.

Тут капитан Блад заявил, что теперь он намерен сойти на берег, уплатил шкиперу бригантины остальные деньги и спустился в свою пинассу. Когда шкипер увидел, что пинасса взяла курс не на Эспаньолу, а на север, в сторону

Тортуги, этого оплота пиратства, подозрения, шевельнувшиеся в его душе, полностью подтвердились. Впрочем, с виду он остался всё так же невозмутим. Он был единственным, кто, кроме самого Блада, оказался не внакладе в результате сделки, заключённой на острове Мари-Галант.

Так капитан Блад возвратился наконец на Тортугу, к своему пиратскому воинству, которое уже оплакивало его гибель.

А месяцем позже вместе со всей флотилией, состоявшей из пяти больших кораблей, он снова направился в Бассетерре, чтобы повидаться с полковником де Кулевэном, с которым, как он полагал, у него были кое-какие счёты.

Его появление в гавани во главе такой мощной флотилии взволновало не только население, но и гарнизон. Однако он явился слишком поздно. Полковника де Кулевэна его визит уже не мог взволновать, ибо полковник был посажен под арест и отправлен во Францию.

Эти сведения капитан Блад получил от нового военного коменданта острова Мари-Галант, полковника Сансэра, который принял капитана Блада со всеми почестями, подобающими флибустьеру, поставившему на рейде пять хорошо вооружённых кораблей.

Капитан Блад разочарованно вздохнул, услыхав эту новость.

– Как жаль! А мне надо было сказать ему несколько слов. Уплатить небольшой должок.

– Небольшой должок в сорок тысяч реалов, как я догадываюсь, – сказал француз.

– О, вы неплохо осведомлены, чёрт побери!

– Когда главнокомандующий французскими вооружёнными силами в Америке прибыл сюда, чтобы выяснить обстоятельства нападения испанцев на Мари-Галант, он обнаружил, что полковник де Кулевэн ограбил французскую колониальную казну на эту сумму. Доказательством послужила расписка, найденная в делах мосье де Кулевэна.

– Так вот где он взял эти деньги!

– Да, как видите. – Лицо коменданта было серьёзно. – Грабёж – тяжкое преступление и позорное деяние, капитан Блад.

– Мне это известно. Я немало занимался этим и сам.

– И, конечно, нет никакого сомнения, что его вздёрнут на виселицу, этого беднягу мосье де Кулевэна.

Капитан Блад кивнул.

– Ни малейшего сомнения, разумеется. Но мы побережём наши слёзы, дорогой полковник, чтобы пролить их над чьим-либо более достойным прахом.

РИФ ГАЛЛОУЭЯ

Теперь уже не представляется возможным установить, получил ли Риф Галлоуэя своё наименование после тех событий, о которых я сейчас поведу своё повествование, или оно бытовало и раньше среди мореплавателей. Джереми Питт в своём судовом журнале не обмолвился об этом ни словом, и местонахождение столь миниатюрного островка трудно теперь определить с абсолютной точностью. Однако нам достоверно известно – сведения эти мы почерпнули всё из того же судового журнала, который

Питт вёл на борту «Арабеллы», – что остров этот принадлежит к архипелагу Альбукерке и расположен между двенадцатью градусами северной широты и восьмьюдесятью пятью западной долготы, примерно в шестидесяти милях к северо-востоку от Порто-Белло.

Это всего-навсего скалистый риф, посещаемый только морскими птицами да черепахами, которые откладывают свои яйца в золотистом песке окаймлённой скалами лагуны на восточной стороне островка. Песчаный берег здесь, круто обрываясь, уходит под воду на глубину шестидесяти сажен, и проникнуть в лагуну, окружённую амфитеатром отвесных скал, можно лишь через узкий, похожий на ущелье пролив шириной не более двадцати ярдов.

В эту безлюдную, уединённую гавань и зашёл капитан Истерлинг одним апрельским днём в году 1688 на своём тридцатипушечном фрегате «Авенджер» в сопровождении ещё двух кораблей, составлявших его флотилию: двадцатишестипушечного фрегата «Гермес» под командованием Роджера Галлоуэя и двадцатипушечной бригантины «Велиэнт» под командованием Кросби Пайка, плававшего прежде под началом капитана Блада и начинавшего уже понимать, какую он совершил ошибку, уйдя от него к другому капитану.

Читатель, разумеется, не забыл мошенника Истерлинга, который пытался однажды померяться силами с Питером Бладом, когда тот ещё не вступил на путь пиратства, не забыл и то, к каким плачевным для мистера Истерлинга последствиям это привело: корабль его был пущен ко дну, а сам он высажен на берег.

Однако с терпением и упорством, столь же присущим

дурным людям, сколь и порядочным, Истерлинг мало-помалу завоевал себе прежнее положение и снова появился на просторах Карибского моря, и даже во главе более мощной, чем прежде, флотилии.

По словам Питера Блада, это был обыкновенный морской разбойник, кровожадный и беспощадный, лишённый даже той крупицы элементарной честности, какой не обделены и воры. Его приспешники-матросы являли собой разнузданную толпу головорезов различных национальностей, не признающих никакой дисциплины и никаких законов, кроме одного-единственного – закона справедливого дележа добычи. Грабили они без разбора всех. Они нападали на английские и голландские торговые суда совершенно так же, как на испанские галионы, действуя во всех случаях с одинаковой жестокостью.

И всё же, несмотря на дурную славу, которой он пользовался даже среди пиратов, Истерлингу как-то удалось залучить к себе одного из капитанов Питера Блада – отважного и решительного Кросби Пайка с его двадцатипушечной бригантиной и отлично вымуштрованной командой в сто тридцать матросов. Приманкой послужила всё та же старая легенда о сокровище Моргана, которую Истерлинг пустил уже однажды в ход, безуспешно пытаясь заманить в ловушку капитана Блада.

И вот он снова повторил свой обветшалый рассказ о сокровище Моргана, зарытом где-то на Панамском перешейке, на берегу реки Чагрес, в местечке, известным только одному ему, Истерлингу, да ещё покойному Моргану.

В своё время Питер Блад отнёсся к этой истории с ироническим презрением, однако Пайк всё же попался на

удочку, несмотря на то что Питер Блад откровенно выражал сомнение в существовании этого клада и предостерегал Пайка от содружества с таким отчаянным негодяем, как Истерлинг.

Питер Блад искренне жалел доверчивого Пайка и не затаил на него злобы; скорее он даже сокрушался о своём бывшем товарище, боясь, что тому придётся испытать тяжёлые последствия своего отступничества.

Сам Питер Блад в это время обдумывал поход на Дарьен, но решил благоразумия ради отложить его на некоторое время, так как появление Истерлинга на перешейке могло насторожить испанцев, и потому пять больших кораблей Блада пока что бороздили море без определённой цели. Так обстояло дело в начале апреля 1688 года, когда было наконец принято решение своей флотилии собраться к концу мая у островов Москито, чтобы заново обсудить поход на Дарьен.

«Арабелла», идя к югу через Наветренный пролив, свернула затем к востоку вдоль южного побережья Эспаньолы и примерно в двадцати милях от мыса Тибурон наткнулась на потерпевшее кораблекрушение английское торговое судно. Море было спокойно, и благодаря этому команде, перетащившей все пушки и прочие тяжести на левый борт, чтобы волны не могли захлестнуть зияющие пробоины в правом борту, ещё удавалось кое-как держать судно на плаву. Расщеплённая грот-мачта и поломанные, снесённые реи достаточно красноречиво говорили о том, какого рода бедствие здесь произошло, и Блад решил, что это работа испанцев. Однако, поспешив на помощь тонущему судну, он узнал, что оно накануне подверглось на-

падению капитана Истерлинга, который, ограбив судно, перерезал больше половины команды и жестоко расправился с капитаном за то, что тот не сдался ему по первому требованию.

«Арабелла» взяла судно на буксир и дотянула его до Порт-Рояла, где и оставила милях в десяти от берега, не решаясь подойти ближе, дабы не привлечь к себе внимания ямайской эскадры. Отсюда пострадавшее судно уже могло собственными силами дотянуть до гавани.

После этого, однако, «Арабелла» не повернула снова к востоку, а продолжала идти на юг, к Мэйну. Вот что сказал Питер Блад своему шкиперу Джереми Питту о причинах, побудивших его изменить курс:

– Надо поглядеть, чем там занимается этот негодяй Истерлинг. Да, Джерри, да… А может, и не только поглядеть.

И они поплыли на юг, ибо в этом направлении скрылся Истерлинг. Его россказням о сокровище Моргана Блад, как мы знаем, не придавал веры. Он считал, что всё это басни с целью одурачить таких доверчивых малых, как Пайк, и заманить их в свою шайку. На сей раз, однако, он ошибся, как это вскоре и выяснилось.

Пройдя вдоль островов Москито, Блад нашёл уютную и спокойную стоянку для своего корабля в маленькой бухточке одного из бесчисленных островков в лагуне Чирикуи. В этой бухточке, хорошо укрытой от глаз, он и решил бросить на некоторое время якорь и с помощью дружественных индейцев с Москито, служивших ему разведчиками, понаблюдать за действиями Истерлинга, расположившегося отсюда милях в двадцати. Индейцы сообщили ему,

что Истерлинг стал на якорь к западу от устья реки Чагрес, высадил на берег триста пятьдесят своих матросов и направился с ними в глубь перешейка. Зная примерно численность всех команд Истерлинга, Блад прикинул, что для охраны кораблей оставлено не больше сотни матросов.

Тем временем капитан Блад решил немного отдохнуть. Растянувшись на камышовой кушетке, поставленной на корме под сооружённым на скорую руку балдахином (ибо зной становился нестерпим), он погружался в чтение стихов Горация или прозы Светония[98], находя в них достаточно увлекательную пищу для своей фантазии. Когда же у него возникало желание поупражнять помимо мозга ещё и мышцы, он плавал в прозрачной, изумрудно-зелёной воде лагуны или, выбравшись на окаймлённый пальмами песчаный берег этого необитаемого островка, помогал своим матросам ловить черепах и валить деревья для костров, на которых они жарили сочное черепашье мясо.

Порой от его индейских лазутчиков к нему поступали новые вести: у Истерлинга произошла схватка с отрядом испанцев, до которых, по-видимому, дошли слухи о высадке пиратов. Затем Бладу сообщили, что Истерлинг повернул и возвращается обратно на берег. Дня через два поступило известие о новой стычке между Истерлингом и испанцами, во время которой пираты понесли большой урон, хотя им и удалось отбить нападение. Наконец пришла весть о третьем сражении; на этот раз – от одного из непосредственных участников его, и притом с некоторы-

---

[98] Светоний – римский историк I века н. э.

ми, очень ценными для капитана Блада подробностями.

Это известие принёс матрос из команды Пайка – старый морской волк, по имени Кэнли, бывший лесоруб, ещё в молодости бросивший своё ремесло и ушедший в море. Во время сражения пуля раздробила ему бедро, и Истерлинг, отходя к берегу, оставил его, раненого, на верную смерть. Испанцы его не заметили, и ему удалось уползти в кусты, где его и подобрали наблюдавшие за исходом схватки индейцы. Они оказали раненому помощь и очень заботливо ухаживали за ним, стараясь сохранить ему жизнь, чтобы он мог рассказать всё, что ему известно, капитану Бладу. На своём ломаном испанском языке они убеждали его, что ему не следует ничего бояться, так как они доставят его к Дону Педро Сангре.

Индейцы осторожно подняли раненого на борт «Арабеллы», где Питер Блад применил всё своё искусство хирурга, чтобы обработать страшную гноящуюся рану. После этого в офицерской каюте, превращённой на время в лазарет, Кэнли с горечью поведал Бладу о своих злоключениях.

Сокровище Моргана существовало на самом деле. И ценность его даже превзошла все россказни Истерлинга. А сейчас пираты тащили этот клад к берегу, где их ждали корабли. Но добыт он был дорогой ценой, и особенно дорого пришлось заплатить за него людям капитана Пайка – вот почему Кэнли рассказывал об этом с такой горечью. На пути туда и обратно им приходилось неоднократно выдерживать стычки с испанцами, а один раз на них напали ещё и индейцы. Число их редело от лихорадки и других болезней во время этого ужасного похода через тропики,

где москиты прямо-таки съедали их живьём. По подсчётам Кэнли выходило, что после последней стычки, в которой он был ранен, из трёхсот пятидесяти человек, высадившихся на берег, в живых осталось не больше двухсот. И, что самое обидное, из команды капитана Пайка выжило всего двадцать человек. А ведь Пайк по приказу Истерлинга высадил на берег сто тридцать человек – много больше, чем каждый из капитанов двух других кораблей, – и оставил на борту «Велиэнта» каких-нибудь два десятка матросов, в то время как с других кораблей сошло на берег лишь по пятьдесят человек команды.

Истерлинг на протяжении всего пути заставлял Пайка с его людьми идти в авангарде, поэтому при каждом нападении им приходилось принимать на себя главный удар. Ясно, что Пайк возмущался и протестовал. И чем дальше заходило дело, тем решительнее он возмущался и протестовал, но Истерлинг при поддержке своего сподвижника Роджера Галлоуэя, командира «Гермеса», так прижал Пайка, что заставил его в конце концов подчиниться. И люди Пайка тоже не могли ничего поделать, так как их было мало и становилось всё меньше, и остальные, подавляя их численным превосходством, диктовали им свою волю. Если даже все, кто ещё остался в живых, благополучно доберутся до берега, в команде Пайка будет теперь не больше сорока матросов, а на тех двух кораблях вместе – человек около трёхсот.

– Вот, капитан, видали, как обошёлся с нами этот Истерлинг? – угрюмо заключил свой рассказ Кэнли. – Обвёл нас вокруг пальца. А нынче он с этим Галлоуэем – оба мерзавцы, каких свет не видывал, – такую забрали силу,

что Кросби Пайк и пикнуть против них не смеет. Видать, в чёрный день поднял наш «Велиэнт» якорь, чтобы уйти от вас, капитан, к этому подонку Истерлингу, чтоб ему пропасть со своим сокровищем!

– Да, – задумчиво промолвил капитан Блад. – Боюсь, что для капитана Пайка это сокровище действительно пропало.

Он упруго поднялся со стула, стоявшего возле койки раненого, – высокий, стройный, полный сил и грации, в коротких чёрных штанах до колен, туго обтягивающих бёдра, в шитом серебром камзоле с пышными белыми рукавами из льняного батиста. Свой чёрный с серебром кафтан он скинул, прежде чем приступить к обязанностям хирурга. Жестом отослав негра в белом халате, державшего чашку с водой, корпию и пинцет, и оставшись наедине с Кэнли, он принялся расхаживать по каюте из угла в угол. Тонкие пальцы его задумчиво перебирали чёрные локоны парика, в светло-синих глазах появился холодный отблеск стали.

– Думается мне, что Истерлинг проглотит Пайка, как мелкую рыбёшку, и не подавится.

– В самую точку, капитан. Этого сокровища, чума на него, не видать нам как своих ушей – ни мне, ни другим ребятам с «Велиэнта», ни самому капитану Пайку. Хорошо ещё, если они выберутся из этой передряги живыми. Вот я как считаю, капитан.

– И я того же мнения, клянусь честью! – сказал капитан Блад. Но упрямая складка залегла в углах его сурово сжатого рта.

– А не можете вы подсобить в этом деле, капитан, что-

бы всё было по чести, по справедливости, как положено по закону нашего «берегового братства»?

– Вот об этом-то я и думаю сейчас. Будь у меня здесь мои корабли, я отправился бы туда немедля и не дал бы ему бесчинствовать. Но с одним кораблём… – Блад пожал плечами. – У Истерлинга слишком большой перевес. Однако я погляжу, что можно предпринять.

Не один только Кэнли считал, что «Велиэнт» присоединился к шайке Истерлинга в чёрный день. Это мнение разделял теперь каждый из оставшихся в живых членов команды, и в том числе и сам капитан Пайк. Он уже был исполнен самых мрачных предчувствий, и они полностью оправдались в то утро, когда, покинув устье реки Чагрес, их корабли бросили якорь в лагуне у Рифа Галлоуэя, о котором было уже упомянуто выше.

«Авенджер» Истерлинга первым вошёл в эту миниатюрную полукруглую бухту и встал на якорь у берега. Вторым за ним шёл «Гермес». «Велиэнт», замыкавший теперь тыл, вынужден был за недостатком места бросить якорь в узком проливе. Таким образом, в случае нападения команда Пайка снова оказывалась в наиболее опасном положении: его корабль должен был, словно щитом, прикрывать собою остальные корабли.

Помощник Пайка – Тренем, молодой упрямый корнуэлец, с самого начала протестовавший против решения Пайка присоединиться к Истерлингу, понимал, к чему может привести такое расположение кораблей, и не нашёл для себя зазорным предложить Пайку, воспользовавшись темнотой, поднять ночью якорь и, пока с ними не стряслось беды похуже, бросить Истерлинга вместе с его со-

кровищами. Но Пайк был столь же несговорчив, сколь храбр, и отверг этот трусливый совет.

– Чёрт побери, да Истерлингу только того и надо! – воскликнул он. – Нет, мы заработали свою долю добычи и никуда без неё не уйдём.

Благоразумный Тренем покачал белокурой головой.

– Ну, это как Истерлинг рассудит. Он сейчас достаточно силён, чтобы навязать нам свою волю, а уж злой воли у него и подавно хватит, чтобы выкинуть любую подлость, или я полный дурак и ничего не смыслю.

Но Пайк поклялся, что он не побоится и двадцати таких, как Истерлинг, и Тренем замолчал.

На следующее утро, получив сигнал с флагманского корабля, Пайк всё с таким же решительным видом поднялся на борт «Авенджера».

В капитанской каюте, кроме Истерлинга, разряженного в пух и прах, Пайка ждал ещё и Галлоуэй, одетый в широкие кожаные штаны и простую рубашку – повседневный костюм пирата. Истерлинг, огромный, грузный, загорелый, казался ещё сравнительно молодым; у него были красивые глаза, пышная чёрная борода и белые зубы, ослепительно сверкавшие при каждом взрыве хохота. Галлоуэй же, коренастый, приземистый, был до крайности похож на обезьяну: непомерно длинные руки, короткие мускулистые ноги и морщинистое лицо с маленькими злыми блестящими глазками под низким, изборождённым складками лбом – совсем как обезьянья мордочка.

Оба капитана приняли Пайка с подчёркнутым дружелюбием, усадили за свой неопрятный стол, налили ему рома и выпили за его здоровье, после чего капитан Истерлинг перешёл к делу.

– Мы послали за тобой, капитан Пайк, потому как у нас теперь один, как говорится, общий интерес – вот эти ценности. – Он указал на ящики, в которых хранился клад. – Их надо поделить поскорее, без лишней проволочки, и тогда каждый из нас может отправляться, куда кому надобно.

При столь многообещающем начале у Пайка отлегло от сердца.

– Вы что ж, думаете, значит, распустить флот? – равнодушным тоном спросил он.

– На что он мне теперь, когда дело сделано? Мы с Роджером решили покончить с пиратством. Думаем податься с этими денежками домой. Я не прочь обзавестись фермой где-нибудь в Девоне. – Истерлинг удовлетворённо ухмыльнулся.

Пайк усмехнулся тоже, но ничего не сказал. Он был вообще небольшой охотник переливать из пустого в порожнее, о чём выразительно свидетельствовало его худое суровое обветренное лицо.

Истерлинг откашлялся и заговорил снова:

– Так вот, мы с Роджером порешили, что, по справедливости, следует внести кое-какие изменения в наш договор. У нас ведь было положено, что я беру себе одну пятую, а потом всё остальное делится поровну на три части между тремя командами наших кораблей.

– Да, так было положено, и, по мне, это правильно и справедливо, – сказал Пайк.

– А вот мы, Роджер и я, хорошенько обдумали всё и теперь другого мнения.

Пайк открыл было рот, чтобы возразить, но Истерлинг его перебил:

– Мы с Роджером никак не согласны, что ты получишь одну треть на своих тридцать ребят, а мы тоже получим по одной трети, когда у каждого из нас по сто пятьдесят человек команды.

Капитан Пайк вскипел:

– Так вот, значит, зачем ты всё старался подставлять головы моих ребят под испанские пули! Тебе надо было, чтобы их всех поубивали! А теперь, ясное дело, у нас осталось меньше четверти всей команды!

Чёрные брови Истерлинга сошлись на переносице, глаза злобно сверкнули.

– Что такое ты тут мелешь, капитан Пайк? Какого дьявола, будь любезен объясниться.

– Это клевета, – холодно произнёс Галлоуэй. – Грязная клевета.

– Никакая не клевета, а чистая правда, – сказал Пайк.

– Чистая правда, вот оно что?

Истерлинг улыбался, и тощий, жилистый решительный Пайк почуял недоброе. Блестящие обезьяньи глазки Галлоуэя приглядывались к нему с какой-то странной усмешкой. Казалось, в самом воздухе этой душной, неопрятной каюты нависла угроза. Перед мысленным взором Пайка промелькнули картины жестокости и зверств – бессмысленной жестокости и зверств, свидетелем которых он был не раз за время своего плавания с Истерлингом. Ему припомнились слова капитана Блада, предостерегавшего его от содружества с этим низким, коварным человеком. Если прежде у него ещё не было полной уверенности в том, что Истерлинг сознательно подставлял под удары его матросов, то теперь он уже больше в этом не сомневался.

Пайк чувствовал себя как лунатик, который, внезапно пробудясь, видит, что только один шаг отделяет его от пропасти. Чувство самосохранения заставило его сбавить тон – ведь иначе пуля может уложить его на месте, он это понимал. Откинув с покрывшегося испариной лба взмокшие волосы, он заставил себя ответить спокойно:

– Я хочу сказать одно: если мы потеряли много людей, то для общего же дела. Оставшиеся в живых скажут, что будет не по чести менять теперь условия дележа…

Пайк привёл и другие доводы. Он напомнил Истерлингу существующий в «береговом братстве» обычай, согласно которому каждые двое его членов по обоюдному согласию являются как бы компаньонами и наследниками друг друга. Уже по одному этому многие из его команды, потерявшие своих компаньонов, будут считать себя обманутыми, если изменятся условия дележа и они лишатся причитающейся им доли наследства.

Истерлинг слушал его, погано осклабившись, потом нахмурился.

– А что мне за дело до твоей паршивой команды? Я – ваш адмирал, и моё слово – закон.

– Вот это верно, – сказал Пайк. – И словом твоим скреплён договор, который мы с тобой подписали.

– К дьяволу договор! – зарычал капитан Истерлинг.

Он вскочил – огромный, как башня, почти касаясь головой потолка каюты, угрожающе шагнул к Пайку и произнёс с расстановкой:

– Я уже сказал: после того как мы подписали этот договор, обстоятельства изменились. Моё решение поважней всяких договоров, а я говорю: «Велиэнт» может получить

десятую долю добычи, и всё. И советую тебе соглашаться, пока не поздно, а то знаешь, как говорится: никогда не зарься на то, что тебе не по зубам.

Пайк смотрел на него, тяжело дыша. Он побледнел от бешенства, но благоразумие всё же взяло верх.

– Побойся бога, Истерлинг… – Пайк умолк, не договорив.

Истерлинг поглядел на него исподлобья.

– Ну что ж, продолжай! – рявкнул он. – Говори, что ты хотел сказать.

Пайк уныло пожал плечами.

– Ты же знаешь, что я не могу согласиться на такой делёж. Мои ребята голову мне оторвут, сам понимаешь, если я соглашусь, не посоветовавшись с ними.

– Тогда бегом ступай советуйся, пока я для наглядности не разукрасил синяками твою прыщавую физиономию в поучение тем, кто думает, что с капитаном Истерлингом можно шутки шутить. И передай твоим подонкам, что, если у них хватит нахальства не принять моё предложение, они могут не трудиться присылать тебя сюда. Пусть подымают якорь и убираются к чёрту на рога. Напомни им, что я сказал: «Никогда не зарься на то, что тебе не по зубам». Ступай, капитан Пайк, доложи им это.

Лишь на борту своего судна дал Пайк волю бушевавшей в нём ярости. Не меньшую ярость вызвало его сообщение и у матросов, когда остатки команды собрались на шкафуте. А Тренем ещё подлил масла в огонь:

– Если эта скотина решил изменить своему слову, вы думаете, он остановится на полпути? Как только мы согласимся на одну десятую, так, будьте спокойны, он тут

же найдёт предлог, чтобы вовсе ничего нам не дать. Капитан Блад был прав. Мы не должны были связываться с этим негодяем и доверять ему.

Настроение команды выразил один из матросов:

– Но раз уж мы ему поверили, надо заставить его сдержать слово.

Пайк был всецело согласен с Тренемом и считал, что дело это безнадёжное, он подождал, пока возгласы одобрения утихнут.

– Может, вы скажете мне, как это сделать? Нас сорок человек, а их три сотни. У нас двадцатипушечная бригантина, а у них два фрегата и больше пятидесяти пушек, потяжелее наших.

Это заставило их задуматься. Потом выступил вперёд ещё один смельчак:

– Он говорит: одна десятая или ничего. А мы ему отвечаем: одна треть, и никаких. Есть закон – закон «берегового братства», и мы требуем, чтобы этот грязный вор сдержал слово, чтобы он произвёл делёжку на тех условиях, которые сам подписал, когда вербовал нас.

Вся команда, как один, поддержала его.

– Ступай обратно и скажи наш ответ капитану.

– А если он не согласится?

Ответ неожиданно дал Тренем:

– Есть способы его заставить. Скажи ему, что мы поднимем против него всё «береговое братство». Капитан Блад заставит его поступить по справедливости. Капитан Блад не очень-то его жалует, и ему это хорошо известно. Ты напомни это Истерлингу, капитан. Ступай, скажи ему.

Пайк хорошо понимал, что это действительно крупный

козырь, но пойти с этого козыря ему как-то не улыбалось. А матросы обступили его, осыпали упрёками. Ведь это он уговорил их перейти к Истерлингу. И кто же, как не он, не сумел с самого начала защитить их интересы? Они своё дело сделали. Теперь он должен позаботиться о том, чтобы их не обманули при дележе.

И капитан Пайк спустился в шлюпку со своего «Велиэнта», стоявшего на якоре у самого входа в гавань, и отправился передать капитану Истерлингу ответ его команды и припугнуть его законами «берегового братства» и именем капитана Блада. В груди его теплилась надежда, что это имя поможет и ему уцелеть.

Свидание состоялось на шкафуте «Авенджера» в присутствии всей команды и капитана Галлоуэя, всё ещё находившегося на борту этого корабля. Оно было кратким и бурным.

Когда капитан Пайк заявил, что его команда настаивает на выполнении условий договора, Истерлинг рассмеялся, и его матросы рассмеялись вместе с ним. Некоторые из них начали выкрикивать насмешки по адресу Пайка.

– Ну, раз это их последнее слово, приятель, – сказал Истерлинг, – пусть подымают якорь и катятся отсюда ко всем чертям. У меня с ними больше дел нет.

– Если они подымут якорь и уйдут, это может обернуться хуже для тебя, – твёрдо сказал Пайк.

– Да ты, никак, ещё угрожаешь мне, разрази тебя гром! – Тело великана заколыхалось от ярости.

– Я только предупреждаю тебя, капитан.

– Вот оно что! О чём же это ты меня предупреждаешь?

– Предупреждаю, что всё «береговое братство», все пираты поднимутся против тебя за измену слову.

– За измену слову? – В голосе Истерлинга послышались визгливые нотки. – Как ты смеешь, паршивый ублюдок, бросать мне в лицо такие слова! «Измена слову»! – Истерлинг выхватил из-за пояса пистолет. – Вон с моего корабля и скажи своей своре, что, если к полудню твоя паршивая посудина всё ещё будет торчать здесь, я её пущу ко дну. Отправляйся!

Пайк весь дрожал от негодования. Оно придало ему храбрости, и он пошёл со своего главного козыря.

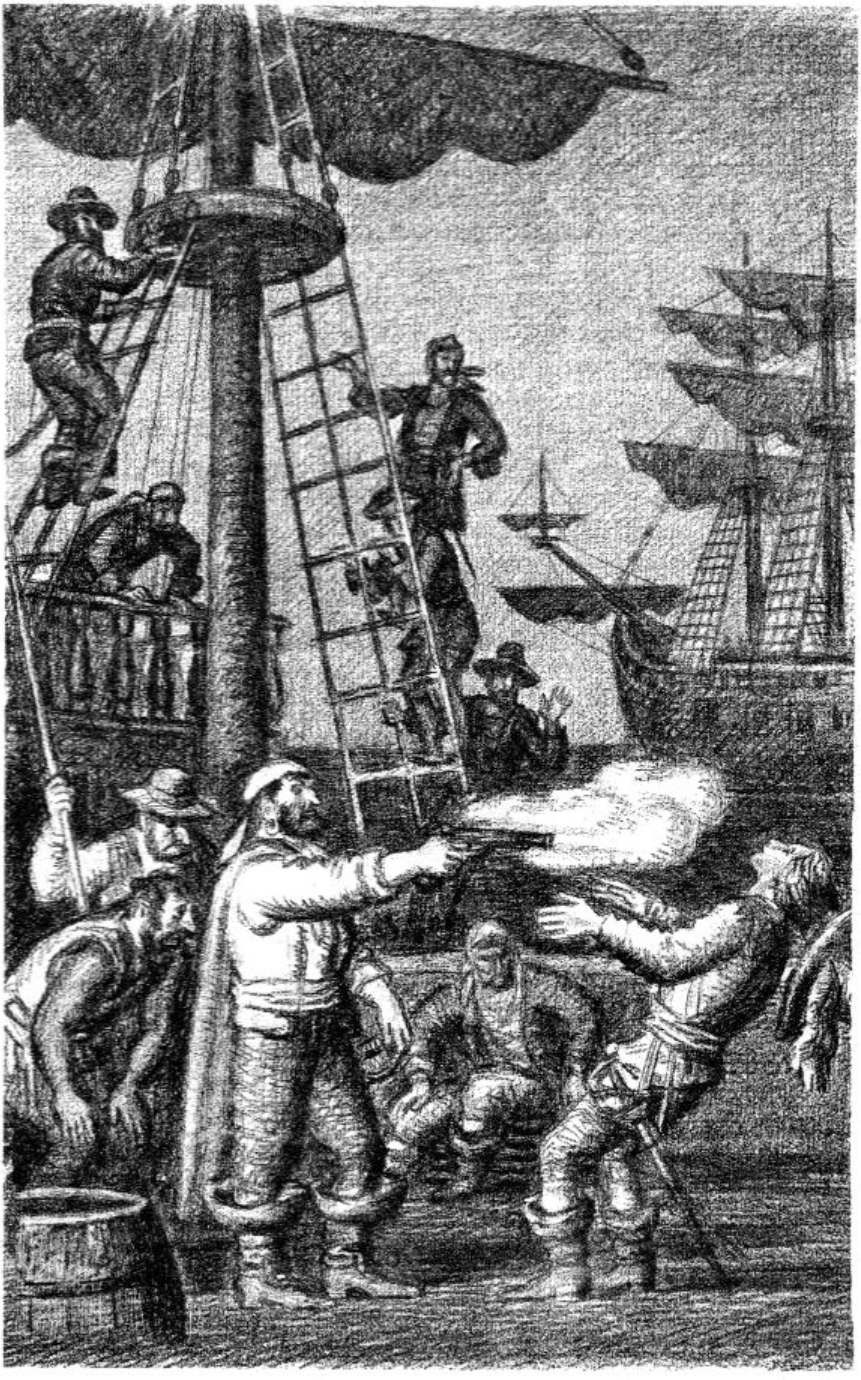
– Что же, прекрасно, – сказал он. – Тогда тебе придётся иметь дело с капитаном Бладом.

Пайк рассчитывал взять капитана Истерлинга на испуг, но никак не ожидал, что этот испуг может принять подобные размеры, и не учёл, на что способен такой человек, как Истерлинг, когда, охваченный паникой, ослеплённый яростью, он очертя голову ищет выхода.

– Капитан Блад? – повторил Истерлинг и скрипнул зубами; лицо его налилось кровью. – Значит, ты побежишь жаловаться капитану Бладу? Так ступай жалуйся сатане в аду! – И он в упор выстрелил капитану Пайку в голову.

Пираты в ужасе отпрянули в сторону, когда тело Пайка рухнуло на решётку люка. Истерлинг хрипло рассмеялся: видали, мол, слюнтяев! Галлоуэй невозмутимо взирал на происходящее, его обезьяньи глазки остро поблёскивали.

– Уберите эту падаль! – Истерлинг дымящимся пистолетом махнул в сторону неподвижного тела. – Вздёрните его на нок-рею. – Пусть эти свиньи там, на «Велиэнте», знают, что ждёт всякого, кто посмеет перечить капитану Истерлингу.



Протяжный крик, полный ужаса, скорби и гнева, разнёсся над палубами бригантины, когда её команда, столпившаяся у левого фальшборта, увидела сквозь сетку снастей «Гермеса» безжизненное тело своего капитана, повисшее на нок-рее «Авенджера». Это зрелище настолько приковало к себе все взоры, что никто не заметил, как к правому борту бригантины неслышно скользнули две индейские пироги, и высокий мужчина, в чёрном, расшитом серебром костюме, поднялся по трапу на палубу. Пираты обнаружили его присутствие, лишь когда у них за спиной прозвучал его ясный, твёрдый голос:

– Я, кажется, немного опоздал.

Все обернулись и увидели, что капитан Блад стоит на крышке люка, положив левую руку на эфес шпаги; увидели его лицо, затенённое широкими полями шляпы с плюмажем, и его глаза, в которых горело холодное, чистое пламя гнева. Поражённые, они смотрели на него, словно на привидение, не веря своим глазам, спрашивая себя, как он очутился здесь.

Наконец Тренем бросился к нему, глаза его возбуждённо сверкали на потемневшем от горя лице.

– Капитан Блад, это в самом деле ты? Откуда же?..

Капитан Блад лёгким взмахом тонкой, гибкой руки, утопавшей в пене кружев, прервал его:

– Я всё время был поблизости от вас, после того как вы высадились на перешейке, и знаю, что с вами произошло. Да ничего другого я и не ждал. Но надеялся всё же, что успею предотвратить беду.

– Но ты покараешь вероломного убийцу?

– Да, и притом немедля, можешь не сомневаться: такое

чудовищное преступление требует мгновенного воздаяния. – Голос капитана Блада звучал мрачно, столь же мрачно было и его чело. – Пошли вниз всех, кто умеет наводить орудия.

Начавшийся прилив повернул бригантину корпусом вдоль пролива; она стояла теперь носом к другим кораблям, и потому открытие бортовых орудийных портов могло пройти незамеченным.

– А на что нам сейчас пушки, капитан? – удивился Тренем. – Мы же не можем вступать в бой. У нас и людей мало и орудий.

– Хватит на то, что от вас потребуется. Такого рода дела решаются не только людьми и пушками. Истерлинг поставил вас в этом проливе, чтобы вы послужили щитом для его кораблей. – Блад коротко, сухо рассмеялся. – Скоро ему придётся уразуметь, насколько это невыгодно для него стратегически. Да, да, придётся. Пошли своих канониров вниз. – И он тут же начал быстро отдавать другие распоряжения: – Восемь человек пусть спустятся в шлюпку. За кормой стоят две пироги, полные людей, – они помогут нам верповать судно для бортового залпа, когда настанет время. Отлив нам поможет. Всех остальных матросов до единого пошли в рангоут, чтобы отдать паруса, как только мы выйдем из пролива. Ну, живее, Тренем, шевелись!

И он спустился вниз на батарейную палубу, где орудийная прислуга уже готовила пушки. Его слова и уверенный вид вдохнули бодрость в людей, и они повиновались ему беспрекословно. Они не понимали, что он затевает, но верили в него, и это укрепляло их дух; они знали, что ка-

питан Блад отомстит Истерлингу за убийство их капитана и за все нанесённые им обиды.

Когда пушки были в боевой готовности и фитили задымились, капитан Блад снова поднялся наверх.

Две пироги с индейцами и большая шлюпка бригантины стояли за её кормовым свесом и не были видны с других кораблей. Буксирные, тросы принайтовили, и в лодках ждали только команды.

По предложению Блада Тренем не стал поднимать якоря, но только выпустил якорную цепь, и все налегли на вёсла. Отлив облегчил верпование судна, и бригантина стала медленно поворачиваться корпусом поперёк пролива. А капитан Блад тем временем уже снова спустился вниз и давал указания канонирам правого борта. Пять пушек навели на румпель «Гермеса», остальные пять должны были смести его ванты.

Когда бригантина начала поворачиваться, и это было замечено на других кораблях, там пришли к заключению, что напуганная участью, постигшей их капитана, команда почла за лучшее убраться восвояси, и с палубы «Гермеса» в адрес уходящего корабля полетели насмешливые напутствия и улюлюканье. Но не успели эти возгласы замереть, не успели их подхватить на «Авенджере», как рёв десяти пушек, стрелявших прямой наводкой, послужил им ответом.

Под этим внезапным мощным бортовым залпом «Гермес» покачнулся, задрожав от носа до кормы, и отчаянные вопли людей потонули в хриплых криках вспугнутых птиц, тревожно закруживших над кораблём.

А Блад уже был на верхней палубе, которая ещё дро-

жала от залпа. Он вгляделся в поднявшееся над кораблём облако дыма и пыли и улыбнулся. Румпель «Гермеса» был разбит в щепы, грот-мачта сломана, и верхушка её повисла на вантах, а в фальшборте бака зияла большая пробоина.

– Ну, а дальше что? – с нескрываемым волнением и тревогой спросил Тренем.

Капитан Блад поглядел по сторонам. Бригантина хотя и медленно, но упорно двигалась вдоль узкого пролива: ещё немного – и она выйдет в открытое море. С севера задувал свежий бриз.

– Поднимай якорь, ставь паруса и веди её по ветру.

– Но они погонятся за нами, – сказал молодой моряк.

– Да, я надеюсь. Но не сразу. Погляди, в какое положение они попали.

Только тут Тренем понял до конца, – что сделал капитан Блад. «Гермес», у которого был разбит руль и сломана грот-мачта, стал неуправляем и забаррикадировал пролив; теперь капитан Истерлинг, сколько бы он ни бесился, был лишён возможности атаковать бригантину.

Да, Тренем понял всё и был восхищён искусством Блада, но тем не менее далёк от того, чтобы праздновать победу.

– Ну что ж, погоню ты, конечно, сумел отсрочить. Однако рано или поздно она начнётся, и рано или поздно нас всех потопят, как крыс. Ведь этот дьявол Истерлинг только об этом и мечтает.

– Да, конечно, надеюсь, что так. Во всяком случае, я сильно распалил это его желание.

Матросов с большой шлюпки подняли на борт, а пироги с индейцами были уже далеко. Они взяли курс прямо на

север, держась вдоль берега. Бригантина шла под ветром, и Риф Галлоуэя, маленький островок за её кормой, становился всё меньше. Вся команда была на палубе. Капитан Блад на полуюте прислонился к поручням рядом с Тренемом. Он сказал, обращаясь к матросу, стоявшему внизу у румпеля:

– Клади руль, мы делаем поворот оверштаг. – Заметив тревогу, отразившуюся на лице Тренема, он улыбнулся. – Не волнуйся. Доверься мне и пошли людей к пушкам левого борта. Они там на своих кораблях ещё не выпутались из этой ловушки, и мы отсалютуем им на прощание. Клянусь честью, ты можешь мне довериться. Это ведь не первый морской бой для меня, а болвана, которого мы должны проучить, я знаю вдоль и поперёк. Ему никогда и в голову не придёт, что у нас может хватить нахальства вернуться. Спорю на всю твою долю моргановского клада, что он даже не открыл ещё свои порты.

Всё произошло так, как предсказал капитан Блад. Когда они, идя в крутой бейдевинд, приблизились к бухте, «Гермес» только ещё кончили верповать, чтобы дать проход «Авенджеру», и тот на вёслах, пользуясь отливом и поставив блинд, медленно продвигался к проливу.

Истерлинг, вероятно, не поверил своим глазам, когда бригантина, которая, по его мнению, должна была на всех парусах спасаться бегством, вновь появилась перед ним. И как же заскрипел он своими ослепительно белыми зубами, когда она, хлопая парусами, замерла на мгновение на месте и дала бортовой залп по его кораблю, прежде чем взять прежний галс на северо-восток. В спешке Истерлинг ответил ей беспорядочной пальбой из своих носовых пушек,

совершенно не достигшей цели, и, на скорую руку убрав обломки и залатав пробоины, пустился, пылая местью, в погоню, с твёрдым решением потопить наглое судно со всей его командой.

Бригантина успела отдалиться примерно на милю к северо-востоку, когда Тренем увидел, что «Авенджер» выбрался наконец из узкого пролива в открытое море и, подняв все паруса на всех реях, взял курс прямо на их корабль. Это выглядело довольно устрашающе. Тренем повернулся к капитану Бладу.

– Ну, а что дальше, капитан? Что мы теперь будем делать?

– Поворот оверштаг, – прозвучал поразивший Тренема ответ. – Вели рулевому держать курс на северную оконечность острова.

– Но мы тогда приблизимся к «Авенджеру» на расстояние выстрела.

– Не важно. Мы проскочим сквозь его огонь. Или скроемся за мыс. Но этого, думаю, не потребуется.

Бригантина сделала поворот оверштаг и снова пошла на сближение с «Авенджером». Капитан Блад в подзорную трубу пристально вглядывался в скалистые очертания островка. Тренем, переминаясь с ноги на ногу от волнения, стоял рядом с капитаном.

– Что ты там высматриваешь, Питер? – спросил он с проблеском надежды в голосе.

– Моих друзей-индейцев. Они развили хорошую скорость и уже скрылись из глаз. Всё будет в порядке.

«Что-то не похоже!» – подумалось Тренему. «Авенджер» повернул на румб к ветру, чтобы быстрее перехва-

тить их судно. Из его носового порта грохнула пушка, и круглое ядро подняло фонтан брызг примерно в кабельтове от кормы «Велиэнта».

– Он берёт прицел, – бесстрастно промолвил капитан Блад.

– Ясное дело, – подтвердил Тренем; в голосе его прозвучала горечь. – Мы беспрекословно повинуемся тебе, капитан, а какой будет конец?

– Конец, сдаётся мне, очень близок – он идёт под всеми парусами, – сказал Блад, указывая куда-то вдаль своей подзорной трубой.

Из-за северной оконечности островка появился большой красный корабль, увенчанный громадой белоснежных парусов. Огибая мыс и поворачивая к югу, он величественно шёл под ветром, залитый ослепительными лучами полуденного солнца. Он был уже на траверсе бригантины – между нею и островом, когда поражённый Тренем обрёл наконец дар речи, а над палубой «Велиэнта» разнеслись ликующие крики матросов.

Бледный от волнения, с горящим взором, Тренем повернулся к капитану Бладу.

– «Арабелла»!

Блад насмешливо улыбнулся.

– А ты, верно, думал, что я добрался сюда просто вплавь или пересёк океан в пироге и моя единственная цель – дать Истерлингу возможность позабавиться, погонявшись за мной немного по морю и утопив меня под конец? А может быть, ты просто не подумал о том, откуда я тут взялся? Ну вот и Истерлинг об этом не подумал. Зато теперь ему придётся подумать. И подумать крепко, клянусь честью! Верно, он и сейчас уже задумался.

Однако капитан Блад ошибался: Истерлинг не задумывался ни над чем, он потерял всякую способность соображать. Обезумев от ужаса при виде этого грозного корабля, который шёл прямо на него, сопутствуемый благоприятным ветром, он в отчаянии сделал попытку укрыться снова в гавани, из которой его так ловко выманили. Если бы ему это удалось, узость пролива и пушки «Гермеса» послужили бы для него надёжной защитой против любого нападения. Однако он должен был бы понимать, что ему не видать этой гавани как своих ушей, что никто не позволит его кораблю скрыться туда. И когда ядро ударило сбоку в нос фрегата, Истерлинг не подчинился этому требованию сдаться, и тотчас бортовой залп двадцати тяжёлых пушек по борту корабля, прямо подставленному под огонь противника, нанёс ему такие повреждения, что он был лишён возможности дать хотя бы ответный залп. «Арабелла» же, которой командовал старина Волверстон, проворно сделала поворот оверштаг и дала второй бортовой залп с ещё более близкого расстояния, чтобы довершить начатое. Получивший огромные пробоины в наиболее уязвимых местах, «Авенджер» начал погружаться носом в воду.

И тут над палубами бригантины разнёсся жалобный, скорбный вопль, похожий на причитания над мертвецом, заставивший вздрогнуть капитана Блада.

– Что такое? Кого они оплакивают? – с недоумением спросил он.

– Они оплакивают клад! – ответил ему Тренем. – Моргановский клад.

Капитан Блад нахмурился.

– Да, Волверстон, как видно, чересчур увлёкся и забыл про него. – Затем чело его прояснилось, он вздохнул и пожал плечами. – Что ж, ничего не поделаешь. Теперь клад уже на дне моря. Значит, туда ему и дорога.

«Арабелла» легла в дрейф и спустила шлюпки, чтобы подобрать барахтавшихся в воде матросов с затонувшего корабля. Истерлинг, у которого не хватило отваги пойти на дно вместе со своим фрегатом, был выловлен наряду с остальными и по приказу капитана Блада доставлен на борт «Велиэнта». Казалось, трудно было бы сильнее уязвить его душу, и всё же он был уязвлён ещё глубже, когда, ступив на палубу бригантины Пайка, увидел перед собой капитана Блада. Так, значит, слова Пайка были не простой угрозой. Истерлинг попятился. Он был испуган – быть может, в первый и последний раз в своей жизни. Тёмные глаза его на побелевшем от ужаса лице вспыхнули бессильной яростью, как у затравленного зверя.

– А, так это был ты! – пробормотал он.

– Если ты имеешь в виду, что это я занял место убитого тобой Пайка, то ты не ошибся. Было бы лучше для тебя, если бы ты честно, без обмана рассчитался с ним. Вероятно, ты мог бы почерпнуть из школьных прописей, что обман никогда не ведёт к добру. Хотя я не уверен, что ты когда-нибудь посещал школу. Но существует ведь ещё одна поговорка, которой я обучил тебя много лет назад и которую, как говорят, ты любил повторять: «Никогда не зарься на то, что тебе не по зубам».

Он ждал ответа, но его не последовало. Истерлинг, ссутулив могучие плечи, понурив голову, мрачно глядел на него исподлобья и молчал.

Капитан Блад вздохнул.

– Мне в общем-то нет до тебя дела. Пусть тобой занимаются эти люди, которых ты обманул, капитана которых ты убил. Они должны судить тебя и решить твою судьбу.

Он направился к забортному трапу, спустился в шлюпку, только что доставившую на борт Истерлинга, и возвратился на свою «Арабеллу». Дело было завершено, и его затянувшийся поединок с Истерлингом пришёл к концу.

Часом позже «Арабелла» и «Велиэнт» бок о бок устремили свой бег на юг. Очертания Рифа Галлоуэя быстро таяли на горизонте за кормой. На борту повреждённого «Гермеса», застрявшего в заливе, как в ловушке, Галлоуэю и его команде оставалось только думать и гадать о том, что произошло в открытом море за скалистыми утёсами острова, и пытаться собственными силами выпутаться из беды.